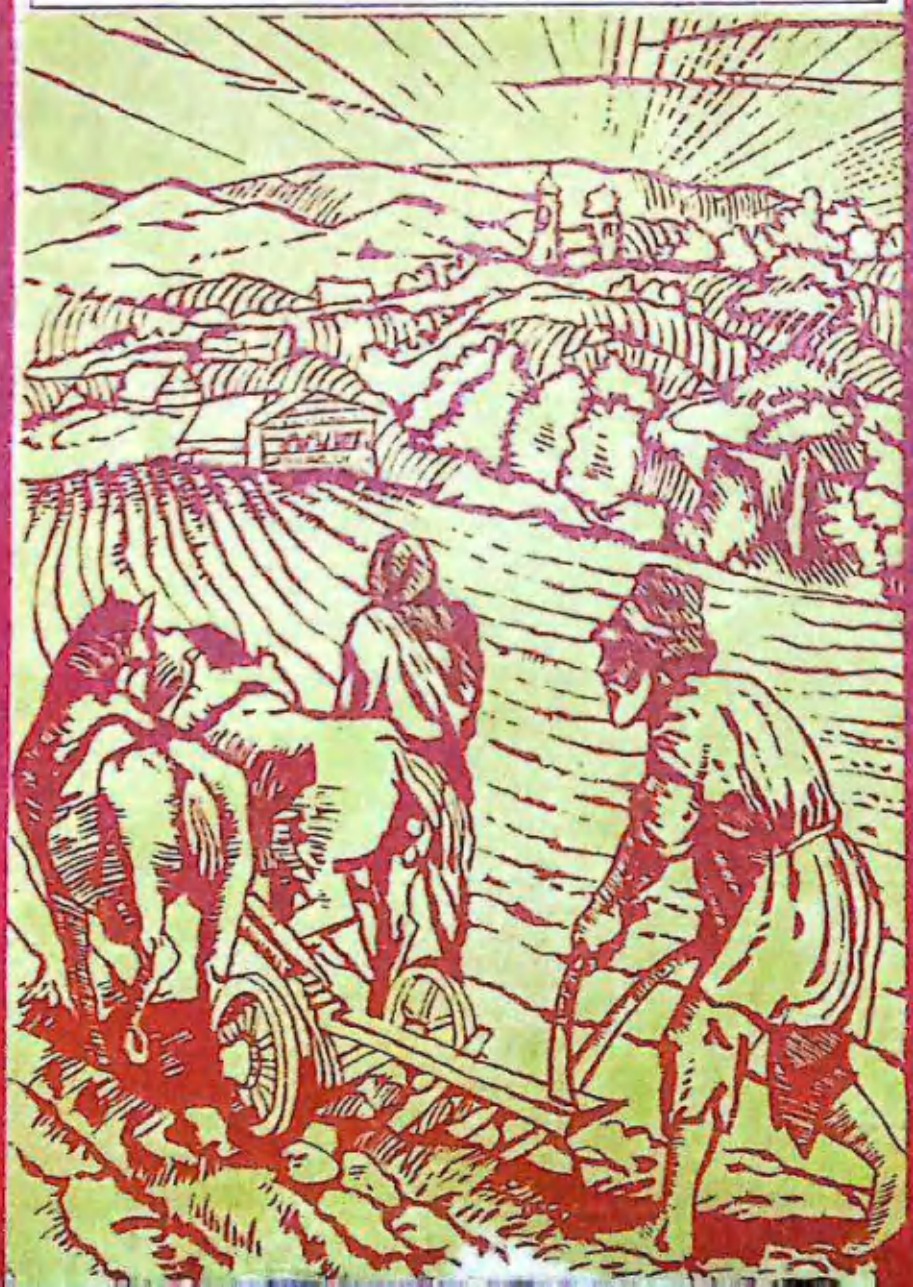
ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РСФСР

период феодализма



ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РСФСР

Период феодализма

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1991

ББК 63.3(2РЗ)4
И-907

Настоящая книга — первый том из намеченной к изданию многотомной «Истории крестьянства Западного региона РСФСР». В ней освещается история крестьян Смоленской, Брянской и Калужской областей в период феодализма, начиная с древнейших времен (становление производящего хозяйства) и кончая кризисом крепостнической системы накануне реформы 1861 г. Большое место отведено истории края в XV, первой половине XVII вв., когда западнорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Издание рассчитано на преподавателей истории высших и средних учебных заведений, студентов, краеведов, специалистов сельского хозяйства и всех интересующихся историческим опытом крестьянства.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. А. А. Кондрашенков (отв. редактор),
д-р ист. наук Е. И. Индова (председатель комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР ИИ СССР АН СССР),
д-р ист. наук, проф. Д. И. Будаев (зам. отв. редактора),
д-р. ист. наук, проф. Г. Т. Рябков

И $\frac{0503020900\text{-}004}{M174(03)\text{-}91}$ 111-91

ISBN 5-7455-0359-9

© Оформление. Издательство Воронежского университета, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

История крестьянства — одно из важнейших направлений в научно-исследовательской деятельности советских историков. Это объясняется той ролью, которую этот класс играет в отечественной истории.

На протяжении многих столетий, в эпоху феодализма, крестьянство составляло не менее 9/10 населения и было основным производителем материальных благ, главной движущей силой социально-экономического прогресса. Крестьяне расчищали леса под пашни, выращивали хлеб и овощи, занимались разведением домашнего скота, совершенствовали сельскохозяйственные орудия и агротехнику, создавали новые породы скота и новые сорта технических культур, зерновых, овощей и фруктов. Их трудом совершенствовалась промышленность: они пряли и ткали, шили одежду и обувь, изготавливали предметы домашней утвари, орудия труда.

Огромный интерес представляет борьба феодально-зависимого крестьянства против социального гнета, за землю и освобождение из-под власти феодалов, а также против иноземных захватчиков. Она оказывала большое влияние на формирование политики господствующего класса и духовную жизнь общества.

В период капитализма, когда на историческую арену вышел рабочий класс, крестьянство России продолжало оставаться самым многочисленным классом (не менее 4/5 населения), который по-прежнему играл важную роль в экономической жизни страны, стал надежным союзником пролетариата в его борьбе против самодержавия, помещичьего землевладения и пережитков крепостничества.

Крестьянство, которому в прошлом принадлежала главная роль в развитии человеческой цивилизации, существует и при социализме. Судьба его, сложившаяся в результате преобразований всего социально-экономического уклада общества, не может не интересовать ученых, закономерно находится в центре их внимания.

Всестороннее изучение истории крестьянства, как и любого другого класса, наряду с фундаментальными иссле-

дованиями проблемы предполагает научную разработку отдельных вопросов в рамках регионов. Региональный масштаб позволяет выяснить, как общие закономерности исторического развития проявлялись в той или иной местности, воссоздать более полную картину этого развития с учетом многообразия его проявления и избежать схематизации, упрощенчества в столь важном деле.

«История крестьянства Западного региона РСФСР» создается коллективом ученых — специалистов Смоленского проблемного объединения по истории сельского хозяйства и крестьянства под общим руководством комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР Института истории СССР АН СССР. Издание будет представлено в четырех томах: первый раскрывает период феодализма, второй — период капитализма (1861—1917 гг.), третий и четвертый посвящаются советскому периоду.

В настоящем издании в Западный регион Российской Федерации включаются современные Брянская, Калужская и Смоленская области. Следует иметь в виду условность выделения данной территории в особый регион и подвижность его исторических границ. Даже Смоленская губерния, всегда являвшаяся центральным ядром западнорусских земель, в статистических изданиях конца XIX — начала XX в. относилась то к белорусским губерниям, то к Центральному промышленному району. К последнему постоянно в названное время причисляли Калужскую губернию. Что касается Брянщины, то она оформилась как самостоятельная административная единица только в XX в. из части уездов Черниговской и Орловской губерний; первая из них относилась к группе малороссийских, вторая — к губерниям Черноземного центра.

Однако единство исторических судеб населения этих территорий позволяет объединить их в один регион. Некоторые общие черты имел процесс заселения их славянскими племенами, затем крестьяне западных и юго-западных уездов пережили длительный период борьбы против нашествия литовских и польских феодалов, подверглись тяжелой эксплуатации со стороны пришлых угнетателей. В советское время территория, называемая в данном издании Западным регионом РСФСР, входила в единый административный район — Западную область с центром в г. Смоленске. Впрочем, границы области не полностью совпадали с границами Западного региона.

Западный регион расположен на стыке Центрально-про-

мышленного района РСФСР, Белоруссии и северных районов Украины. Естественно, пограничное положение накладывает свой отпечаток на историю его социально-экономического развития, на культуру и быт населения, которые формировались и под влиянием внешних факторов.

* *
*

В настоящей книге изложена история западнорусского крестьянства в период феодализма. Она открывается главой о становлении производящего хозяйства, затем освещается история крестьянства региона в пору вхождения его в Древнерусское государство — Киевскую Русь и в период феодальной раздробленности. В то время, когда вокруг Москвы формировалось единое Российское государство, смоленские и другие западнорусские земли были захвачены литовскими феодалами и вошли в состав Великого княжества Литовского (1404—1514 гг.), а в начале XVII в. — Речи Посполитой. Освещению положения населения, попавшего под власть литовских и польских феодалов, в данном издании уделяется большое внимание. Во втором разделе излагается история крестьянства в новый период русской истории — с середины XVII в., когда западнорусские земли вошли в состав России (1654 г.), до середины XIX в.

Круг освещаемых в книге вопросов довольно широк. Раскрывается вклад западнорусского крестьянства в развитие сельскохозяйственного производства, в материальную и духовную культуру. Читатель найдет материал об эволюции орудий труда земледельца, о традиционных и новых культурах, выращиваемых на полях и огородах, о системах земледелия и урожайности, о домашних животных, разводимых крестьянами, о занятиях сельского населения огородничеством, бортничеством, садоводством, о его промысловых занятиях и неземледельческом отходе, податях и повинностях, связях крестьянского хозяйства с рынком. Важное место в книге занимает борьба крестьян против социального и национального гнета.

Изучение истории крестьянства ведется в нашей стране с дореволюционного времени. Исследованием внутренней жизни сельской общины, быта, языка, народного творчества занимались славянофилы. В трудах В. И. Семевского и других историков народнического направления рассмотрены социально-экономическое положение различных категорий

крестьянства, землепользование и повинности крестьян, законодательство по крестьянскому вопросу и т. д.

В советской исторической науке история крестьянства — одно из магистральных направлений исследования прошлого и современности. По всем основным разделам истории крестьянства имеется обширная историография. Изучены происхождение земледелия и животноводства, история феодальных отношений и крестьянства в Киевской Руси, в период феодальной раздробленности и образования единого Российского государства. Особый интерес проявляется к истории крестьянства в «новый период русской истории», к проблемам разложения и кризиса феодально-крепостнических отношений, генезиса и развития капитализма. В трудах советских ученых нашли всестороннее освещение история различных категорий крестьян, их классовая борьба. Большое место история сельского хозяйства и крестьянства феодальной эпохи занимает в «Ежегодниках» Всесоюзного симпозиума по проблемам аграрной истории, в «Материалах по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», издаваемых комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР Института истории СССР АН СССР.

Авторы первого тома «Истории крестьянства Западного региона РСФСР» учитывали в своей работе достижения советской исторической науки в изучении аграрной истории. Особо следует сказать об использовании авторами результатов исследований историков Украины и Белоруссии, прибалтийских республик. Это объясняется общностью судеб, экономическими и культурными связями между западнорусским, белорусским, украинским и литовским населением на протяжении ряда столетий.

Частные вопросы, связанные с возникновением и развитием производящего хозяйства на территории западнорусских земель, освещались в работах П. Н. Третьякова, А. Н. Лявданского, И. И. Артеменко, В. В. Седова, Е. А. Шмидта и других авторов. Отдельные аспекты истории крестьянства до XV столетия нашли отражение в трудах дореволюционного киевского историка П. В. Голубовского (История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895), советских смоленских историков Д. П. Маковского (Смоленское княжество. Смоленск, 1948) и А. А. Кондрашенкова (Смоленский край в IX—XIV вв. Смоленск, 1986). История крестьян Смоленской губернии в период разложения и кризиса феодально-крепостного строя специально исследовалась Г. Т.

Рябковым, история государственных крестьян того же района и в тот же период — Т. Л. Ковалевой. В процессе подготовки настоящего издания совет Смоленского проблемного объединения по истории сельского хозяйства и крестьянства опубликовал несколько монографий, более десяти сборников научных работ, организовал работу над докторскими и кандидатскими диссертациями по ряду аспектов, провел несколько научных конференций по истории крестьянства в период феодализма.

Следует сказать, что монографически история западнорусского крестьянства до сих пор не освещалась. Имеющиеся работы нередко носят фрагментарный или локальный характер. Настоящее издание — первый обобщающий труд по истории крестьянства Западного региона Российской Федерации в период феодализма. Он подводит итог исследованиям, проведенным как в дореволюционное, так и в особенности в советское время. С другой стороны, такое исследование выявило «белые пятна» в изучении феодально-зависимого крестьянства и ставит перед историками задачу дальнейшего изучения указанных проблем.

Источники настоящего труда разнообразны. Для истории становления и развития производящего хозяйства основным источником являются археологические материалы, добытые в результате раскопок, которые ведутся на территории края больше ста лет. Некоторые сведения дают древнерусские и средневековые летописные своды, записки иностранцев, путешествовавших по России, описания хозяйства, быта крестьян и т. д., оставленные современниками. Большую ценность представляют литовские метрики и сохранившиеся кое-где приходно-расходные книги духовных феодалов-монастырей. История крестьянства второй половины XVIII — первой половины XIX столетия неплохо отражена в архивных фондах — в делопроизводственных документах официальных учреждений и карательных органов дореволюционной России. Среди них — массовые и статистические источники (материалы переписей, экономические примечания Генерального межевания), вотчинные архивы. Полезную информацию историки извлекают из различного рода экономических и статистических (например, «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии») описаний, списков населенных мест и др.

В подготовке первого тома «Истории крестьянства Западного региона РСФСР» принимали участие специалисты

вузов Смоленска, Брянска, Калуги, Москвы, Владимира и других научных центров.

Авторский коллектив первого тома: предисловие, заключение — д-ра ист. наук А. А. Кондрашенков, Е. И. Индова, Д. И. Будаев, гл. 1 — д-р ист. наук Е. А. Шмидт и канд. ист. наук Е. А. Шинаков, гл. 2 — А. А. Кондрашенков, Е. А. Шинаков, гл. 3 — А. А. Кондрашенков, гл. 4 — А. А. Кондрашенков, канд. ист. наук С. В. Думин, гл. 5 — А. А. Кондрашенков, канд. ист. наук А. М. Дубровский, гл. 6 — С. В. Думин, гл. 7 — Е. Д. Беспаленок с участием А. М. Дубровского и канд. ист. наук М. В. Брянцева, гл. 8 — д-р ист. наук Г. Т. Рябков, канд. ист. наук Т. Л. Ковалева (государственные крестьяне), канд. ист. наук Л. Р. Горланов (удельные крестьяне) с участием Д. И. Будаева, гл. 9 и 10 — Г. Т. Рябков, гл. 11 — Г. Т. Рябков, д-р филол. наук Я. Р. Кошелев с участием А. М. Дубровского. В подготовке гл. 4 и 6 принимала участие В. В. Элизастеги.

Авторский коллектив работал под руководством комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР Института истории СССР АН СССР (председатель Е. И. Индова), регионального объединения по истории крестьянства Смоленской, Брянской и Калужской областей (председатель А. А. Кондрашенков) и редакционной коллегии четырехтомной «Истории крестьянства Западного региона РСФСР», в состав которой входят: д-р ист. наук, проф. А. А. Кондрашенков (Смоленск) — отв. редактор, д-р ист. наук, проф. Д. И. Будаев — зам. отв. редактора, д-р ист. наук, проф. Г. Т. Рябков (Смоленск), д-р ист. наук А. М. Анфимов (ИИ СССР АН СССР), д-р ист. наук В. П. Данилов (ИИ СССР АН СССР), канд. ист. наук Л. В. Данилова (ИИ СССР АН СССР), канд. экон. наук, доц. В. И. Дерен (Смоленск), д-р ист. наук Е. И. Индова, акад. И. Д. Ковальченко (АН СССР), канд. ист. наук, доц. А. Н. Куксин (Смоленск), д-р ист. наук, проф. А. А. Преображенский (ИИ СССР АН СССР), д-р ист. наук А. Н. Сахаров (ИИ СССР АН СССР), д-р ист. наук, проф. В. Я. Филимонов (Калуга), д-р ист. наук, проф. Е. А. Шмидт (Смоленск).

Главный редактор истории крестьянства регионов РСФСР чл.-кор. АН СССР Ю. А. Поляков.

© Кондрашенков А. А., Будаев Д. И., Рябков Г. Т., Шмидт Е. А., Индова Е. И., Беспаленок Е. Д., Брянцев М. В., Горланов Л. Р., Дубровский А. М., Думин С. В., Ковалева Т. Л., Кошелев Я. Р., Шинаков Е. Л., Элизастеги В. В., 1991.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДО СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

ГЛАВА 1

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ДРЕВНОСТИ. ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА

Территория Западного региона РСФСР находится в лесной зоне Восточной Европы, а точнее — в подзоне смешанных лесов с преимущественно подзолистыми почвами, среди которых есть острова торфяно-болотных почв. Только в южных районах Брянской области, входящих в подзону широколиственных лесов, преобладают серые оподзоленные почвы. Кроме того, в ряде мест региона встречаются так называемые «серые лесные почвы», «черноземовидные», «темно-серые деградированные», более богатые гумусом и более плодородные, чем почвы подзолистые.

Повсеместно в долинах рек, на пойменных лугах есть аллювиально-луговые, сравнительно плодородные почвы, периодически удобряющиеся в результате весенних паводков. Они относительно мягки и не представляют большой трудности для обработки примитивными ручными земледельческими орудиями, поэтому в далеком прошлом такие почвы более всего использовались ранними земледельцами.

Современный климат в пределах региона благоприятствует земледелию, так как отличается сравнительно теплой зимой (температура января около — 10°) и относительно прохладным летом. Осадков выпадает в северо-западной части региона до 650 мм в год, в южной — несколько меньше, но зато лето здесь теплее. Вегетационный период продолжается не менее 180 дней. Таким образом, природные условия, включая и климатические, благоприятны для выращивания зерновых и бобовых культур, льна и овощей. В научной литературе существует мнение, что за последние пять — шесть тысяч лет существенных изменений в природе на рассматриваемой территории не произошло. Это дает основание проецировать современные природные условия на тот период, когда здесь возникало производящее хозяйст-

во. Есть основание считать, что в период возникновени скотоводства и земледелия в пределах региона экологи ческие условия были еще более благоприятными, чем совре менные, так как зона широколиственных лесов с их боле плодородными почвами, видимо, распространялась дальш к северу, чем теперь.

Первобытное население в эпоху неолита. Формы ведения присваивающего хозяйства

В послеледниковую эпоху средней полосе Восточной Европы в том числе и на территории изу чаемого региона, по мере изменени климатических условий и широког распространения лесов и лесно фауны изменяется быт человека. Через пять — шест тысяч лет после таяния ледника возникли поселения на бере гах рек и озер, например, стоянки у озер Большая Карута Куприно, Демьян, Ельша, Ореховое, Орлик, на берега Днепра, Десны, Оки и их притоков у деревень Нижние Не мыкари, Козичино, Хатычка, Мосалово, Неготино, Чередеськ и др. Основной формой человеческого жилья становятс долговременные жилища в виде землянок, полуземлянок ил наземных хижин, а в отдельных местах — долговременны поселения с постройками на деревянных сваях.

Изменилась хозяйственная деятельность: лук и стрел позволили усовершенствовать охоту на лесного зверя, ис пользование лодок-долбленок увеличило эффективность ка охоты на водоплавающую птицу, так и рыбной ловли широким применением снастей из прутьев и сетей. Подтверж дением этому может служить скопление неолитических по селений на р. Катынке (ее протяженность немногим боль трех километров), связывающей о. Купринское с р. Днеп ром. Эта река служила путем для прохода на нерест боль шого количества рыбы и весьма удобным местом для е вылова в весенний и осенний периоды. В эти же сезоны год озеро Купринское было местом остановки больших ста водоплавающей птицы во время перелетов. В общей слож ности на берегах этих водоемов засвидетельствовано 2 неолитических поселений.

Развитию присваивающего хозяйства в VI—III тысяче летиях до н. э. (в эпоху неолита) в значительной степен способствовало усовершенствование способов обработки кам ня и появление новых видов орудий труда. Начинается об работка мелкозернистых и очень твердых пород камня (дио рит, мелкозернистый гранит и др.) путем пиления, полиро

вания, сверления, что позволяло придать орудиям правильную целесообразную для более производительной деятельности форму. Совершенствовались традиционные приемы обработки кремня и других легко раскалывающихся пород камня (отбивка, скалывание, ретуширование). Появились дереворубящие орудия (топор, тесло, долото), что позволило не только срубать деревья и расчищать от леса небольшие участки, но и сооружать из дерева жилища, изготовлять плоты, лодки, корыта и т. д.

Более высокому уровню развития производительных сил соответствовала и сформировавшаяся тогда структура общества — наступил расцвет родового строя, когда первичным хозяйственным коллективом людей был род, сообща владеющий средствами производства и продуктами своего труда. Объединения родов составляли фратрии и племена. Но даже высокоразвитое присваивающее охотничье-рыболовческое хозяйство не могло удовлетворить потребностей все увеличивающегося населения при оседлом образе жизни и ограниченности племенных территорий.

Появление земледелия и скотоводства (III—II тысячелетия до н. э.)

Во второй половине III тысячелетия до н. э. на правобережье Среднего Днепра сформировались на основе ямной культуры племена так называемой среднеднепровской культуры бронзового века. Они являлись частью большой общности европейских племен шнуровой керамики и боевых топоров. На позднем этапе своего развития, в конце III тысячелетия до н. э. (видимо, после 2200-х гг. до н. э.), племена среднеднепровской культуры начали расселяться в Верхнем Поднепровье[1]. Они заняли бассейн р. Десны с притоками (их памятники: Белынец, Речица, Белые Берега, Брасово и др.), по Днепру достигли пределов Смоленщины (Печкуры, Стобники и др.), из Подесенья проникли местами в верхнее течение Оки (Лужки). В это же время в верховья Днепра продвигаются племена культуры шаровидных амфор (место находок у д. Туринщина).

Во II тысячелетии до н. э. (после 1800-х гг. до н. э. северо-восточную окраину региона занимают племена фатьяновской культуры, входившие в одну общность с племенами среднеднепровскими. К середине II тысячелетия до н. э. на северо-западе, в бассейне р. Западной Двины, на основе племен неолитических культур при участии племен шнуровой керамики сформировалась группа племен северобелорусской

культуры. Эти племена, расселяясь в лесных районах, в пер
вую очередь использовали поймы рек и надпойменные бо
ровые террасы, которые в то время, вероятно, не были по
крыты лесной растительностью [2]. Свободные от лесной расти
тельности участки поймы крупных рек были особенно бла
гоприятны как для разведения скота, так и для заняти
земледелием. Наличие земледелия у среднеднепровских пле
мен устанавливается по находкам таких орудий труда, ка
топоры со сверлиной, топоры-клинья, мотыги, серпы, зерно
терки, и по отпечаткам зерен на глиняной посуде. Этот набо
орудий труда и характер природных условий дают основа
ние считать, что у среднеднепровских племен существовал
пойменная и подсечно-огневая системы земледелия.

Вырубка значительных участков леса каменными топо
рами при подсечном земледелии требовала огромных затра
труда. Вырубленные участки на песчаных и супесчаных по
вах обеспечивали хорошие урожаи только один — два года
поэтому приходилось вырубать леса ежегодно на все новы
участках. Выжигание срубленного леса вызывало лесны
пожары, приводившие к увеличению открытых пространст
(гарей), что засвидетельствовано данными спорово-пыльц
вых анализов. Производящее хозяйство, в основе которо
было подсечно-огневое земледелие, в значительной степен
меняло природный ландшафт того времени.

Пока еще не определен полностью набор злаков, выр
щиваемых населением среднеднепровской культуры, н
твердо установлено, что среди них была пшеница, отпеча
ки выгоревших зерен которой обнаружены на стенках глин
ных сосудов [3]. В пограничных районах, на территории совр
менной Белоруссии, засвидетельствовано выращивание ячм
ня, пшеницы, проса, а также льна [4].

Скорее всего, одновременно с земледелием распростр
няется и скотоводство. Так, о наличии скотоводства в бассе
не Днепра, занятом племенами среднеевропейской культ
ры бронзового века в первой половине II тысячелетия
н. э., свидетельствуют находки костей домашних животны
крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней
Достаточно свидетельств наличия скотоводства во II тыс
челетии до н. э. на северо-западе рассматриваемого реги
на в бассейне р. Западной Двины. К примеру, на поселени
конца III тысячелетия до н. э. обнаружены единичные кос
свиньи и коровы, тогда как в начале II тысячелетия до н.
количество костей домашних животных составляет уже 14

от всего собранного материала [6]. Тот же процесс шел на северо-востоке региона, в бассейне Волги и ее притоков, в области распространения фатьяновской культуры бронзового века [7]. Другими словами, во II тысячелетии до н. э. домашние животные играли важную роль в мясном рационе населения региона.

Основными угодьями для выпаса были пойменные луга, заброшенные участки, использованные ранее при подсечном земледелии, а также гари и другие открытые пространства. Частично использовались леса, куда выгоняли коз, свиней, а иногда и крупный рогатый скот. Основной формой животноводческого хозяйства было так называемое оседлое скотоводство, известное в литературе как пастушеское. Угодья для пастьбы отстояли на небольшом расстоянии от поселений: скот, как правило, ежедневно пригоняли к поселениям на ночевку. Помимо регулярной пастьбы скота под присмотром пастуха, практиковался вольный выпас, когда животные свободно бродят в поисках корма по лугам и полям [8].

Круглогодичное содержание домашних животных на подножном корму было невозможно в условиях зимних холодов и высокого снежного покрова. Совершенно необходимо было стойловое содержание скота, что требовало заготовки соответствующего количества кормов. В качестве корма использовались: яровая солома, получаемая при подсечном земледелии, специально заготавливаемые сено, листья деревьев, ветви деревьев и кустарников, кора, дубовые желуди, мох [9].

Население занималось также охотой, рыбной ловлей и собирательством. Это подтверждается находками соответствующих орудий труда, костей диких животных (лось, косуля, кабан, медведь, бобр, барсук и др.), рыб и другими материалами из культурного слоя поселений бронзового века. Как уже было показано на примере северо-западной части региона, в течение II тысячелетия до н. э. роль охоты, а возможно, и других видов присваивающего хозяйства, постепенно понижалась.

Развитие производящего хозяйства привело к накоплению у племен бронзового века некоторого количества излишков продуктов, вместе с чем создались предпосылки для обмена с другими племенами. Необходимость обмена диктовалась потребностями в металлах (медь, олово, свинец, бронза), месторождений которых в пределах региона не было. Путем обмена приобретался металл как сырье и различ-

ные готовые металлические предметы: украшения (подвес
ки, браслеты, височные кольца и пр.), орудия труда и ору
жие (шилья, ножи, плоские клинья, наконечники копий
проушные топоры) [10]. В конце II — начале I тысячелетия д
н. э. появляются бронзовые топоры-кольты [11]. Путем обмен
приобретались также изделия из кости и украшения из янта
ря. Развитию связей способствовало географическое поло
жение региона в бассейнах верхних течений Днепра, Запад
ной Двины и Волги. Были связи с Северным Кавказом, При
балтикой, Волынью и Западной Подолией [12], с Уралом.

Производящее хозяйство с использованием бронзовы
орудий труда способствовало ускорению развития произво
дительных сил, а прежние родовые общественные отноше
ния их уже сдерживали, поэтому начался период медленно
ломки первобытнообщинных отношений. Экономика древ
них племен теперь остановилась на скотоводстве, подсеч
ном земледелии и охоте, где главным был труд мужчины
Орудия труда, скот и получаемые продукты постепенн
становятся собственностью мужчины, он выдвигается н
первое место в обществе. Если в период расцвета родового
строя, при использовании только каменных орудий «дикий»
воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом пос
ле женщины», то с появлением металла (меди и бронзы)
развитием производящего хозяйства «более кроткий» пастух
кичась своим богатством, выдвинулся на первое место,
женщину оттеснил на второе» [13]. При более современны
орудиях труда сравнительно небольшому коллективу стал
возможно вести хозяйство самостоятельно. Таким коллек
тивом явилась большая патриархальная семья, или отцов
ская родовая община. Создавались предпосылки для возник
новения неравенства между патриархальными семьями.

Основание металлургии железа и ее роль в развитии производящего хозяйства. Подсечное земледелие. Состав стада

Начиная с VIII в. до н. э.
пределах нынешнего Западного
региона РСФСР распространяется
железо. Местные племена осваива
ют сложный металлургический про
цесс получения кричного железа из
болотных руд. Для производства
железа требовалось: сооружение специальных печей-домниц
предварительная обработка болотной руды и ее обогаще
ние; большое количество древесного угля. Железо обраба
тывалось кузнецами, и из него изготовлялись орудия труда,
оружие и другие предметы. Использование камня, а затем

и цветных металлов в целях изготовления основных орудий труда почти полностью прекращается. О значении появления и использования железных орудий и железа вообще Ф. Энгельс писал: «Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов» [14]. Все имеющиеся к настоящему времени археологические материалы подтверждают правильность общетеоретических выводов Ф. Энгельса. В начале железного века в пределах региона формируется несколько групп земледельческо-скотоводческих племен. В верхних течениях Днепра и Западной Двины складывается группа племен, получившая название днепро-двинских. В бассейне Десны образуются племена, называемые юхновскими, а калужское течение Оки занимают племена верхнеокские; на самой северо-восточной окраине региона, в бассейне правых притоков Волги, известны поселения дьяковских племен. Хотя каждая из указанных групп племен имела свои особенности, в целом они стояли на одном уровне развития и основой их производящего хозяйства было подсечное земледелие и скотоводство.

В первых веках н. э. в южной части региона под влиянием зарубинецких племен Верхнего Поднепровья, но на местной основе юхновских племен образуется так называемая почепская группа племен, занимавшая в III в. значительные пространства по рекам Судости, Десне, вплоть до границ современной Смоленской области, и по р. Навле (до орловского течения Оки). По уровню развития эта группировка несколько опережала своих северных соседей.

Анализ вещественных источников, полученных в результате археологических исследований городищ раннего железного века, существовавших до рубежа н. э., позволяет сделать вывод, что население вело комплексное хозяйство. Ведущими отраслями были земледелие и скотоводство, в то время как охота, рыболовство и собирательство постепенно все более отходили на второй план. Однако имеющиеся материалы пока не дают оснований для окончательного решения вопроса, какая отрасль производящего хозяйства играла большую роль — земледелие или скотоводство.

Производящее хозяйство периода раннего железного века в пределах региона лучше изучено на материалах

днепро-двинских племен [15]. Все обнаруженные здесь посел
ния с самого начала несут следы земледельческой культур
В нижних слоях городищ Холмец [16], Демидовка, Близнак
Новые Батеки [17] и др. найдены орудия труда, связанные
земледелием. Они довольно разнообразны. Чаще все
встречаются каменные зернотерки, использовавшиеся дл
размола зерна. Изготавливались они из расколотых валун
(песчаниковых, гранитных, гнейсовых) и состояли из дву
камней: нижние камни достигали размеров до 27×50 с
верхние (растиральники) имели меньшие размеры и бы
тоже выпукло-плоскими.

Важным орудием при подсечном земледелии являет
железный топор. Массивные проушные топоры найдены
городищах: Новые Батеки, Холм, Холмец, Демидовка, Ак
тово. Весьма совершенными были железные серпы, предста
ленные тремя основными типами: а) серповидные нож
б) серпы с простым черенком; в) серпы с крючком на чере
ке. Последние являются самыми совершенными орудиям
уборки зерновых эпохи раннего железного века. Они имек
большую длину при значительной кривизне, а их лезви
снабжены зубчатой нарезкой. Крючок на черенке позволя
прочно прикрепить рукоять к серпу. Этот тип серпов, скоре
всего, не возник самостоятельно в местной среде, а прони
после рубежа н. э. с юга от племен, обитавших в лесосте
и на южной окраине лесной зоны.

Широкое использование развитых форм серпов предп
лагает значительное увеличение объема работ на убор
урожая, т. е. расширение посевных площадей, а возможно,
увеличение урожайности.

Землеобрабатывающих металлических орудий пока
обнаружено, но в нижних слоях городищ Демидовка и Хо
мец найдены костяные мотыги, представлявшие собой кл
новидные орудия для рыхления почвы. Не исключено, чт
они использовались для обработки мягких аллювиальны
пойменных почв под посевы.

Подтверждением существования с самого начала во
никновения укрепленных поселений (городищ) раннег
железного века земледелия вообще и возделывания отдель
ных культур в частности служат также данные спорово
пыльцевых анализов культурного слоя [18]. Образцы грунт
для анализов брались из разных горизонтов культурног
слоя и с поверхности древней почвы, погребенной при на
сыпании земляных валов при первоначальном укреплени

поселков, на городищах: Мокрядинском, Акатовском, Жарынском, Новобатекском. Из возделываемых культур засвидетельствованы: пшеница, пыльца которой обнаружена на Жарынском и Новобатекском городищах; лен, пыльца которого найдена на Акатовском и Демидовском городищах.

Из данных спорово-пыльцевых анализов можно сделать вывод и о характере земледелия того времени. Эти данные говорят о наличии больших вырубок лесов и гарей в непосредственной близости от таких, например, древних городищ, как Мокрядинское, Жарынское, Новобатекское, где в самых древних слоях обнаружена пыльца кипрея (иван-чая) и других спутников подсечного земледелия. Наличие значительных открытых окультуренных пространств вокруг этих городищ подтверждается распространением полыни, подорожника и других растений.

Приведенные данные позволяют предполагать, что в Поднепровье с самого начала эпохи днепро-двинских городищ земледелие было одной из главных отраслей хозяйства и велось всем коллективом родового поселка с участием как мужчин, так и женщин. В условиях лесной полосы оно было подсечно-огневым, скорее всего, с яровыми посевами и ручной обработкой земли. Не исключается также использование пойменных аллювиальных почв. Это подтверждается не только приведенными выше данными об орудиях труда и сведениями о спорах и пыльце, но и топографией размещения самих укрепленных поселений того времени — в местностях, разрезанных оврагами и долинами рек и речек, т. е. поблизости от участков земли, наиболее благоприятных для подсечного земледелия.

Для решения вопроса о характере скотоводства и его роли в хозяйстве племен раннего железного века рассматриваемого региона есть более многочисленные источники, чем о земледелии. Основной материал дают костные остатки домашних животных в виде кухонных отбросов, находимые непосредственно на древних поселениях при раскопках культурного слоя. Они-то и позволяют составить представление о скотоводстве как отрасли хозяйства.

Общепринятым является мнение, что в средней полосе европейской части СССР разведение домашних животных имело большее значение, чем охота [19]. Но на отдельных поселениях — в зависимости, скорее всего, от природных условий — наоборот, преобладают кости диких животных. Так, на городище в д. Федотково в нижних слоях, датируемых

по сумме археологических находок второй половиной I тыся-челетия до н. э., количество костей диких животных составило 55,1% от всех найденных, а минимальное количество особей диких животных, определенное по костям, было еще выше — 61,3%. С другой стороны, есть поселения этого же времени, например городище у д. Новые Батеки, где количество костей диких животных составило всего 6,3%, а количество особей — 19,2%. В среднем для днепро-двинских поселений раннего железного века число костей особей домашних животных составило соответственно 76,8 и 60% [20]. Примерно такая же роль скотоводства в хозяйстве наблюдается и у верхнеокских, и у юхновских племен Подесенья [21] (на верхней Оке эти показатели соответственно 70,2 и 58,4%, в Подесенье — 82,2 и 72%). У более южных племен в Поднепровье, уже за пределами региона (милоградская археологическая культура), эти показатели значительно выше — 94,9 и 86,3%.

Необходимо отметить, что на днепро-двинских поселениях в раннем железном веке роль скотоводства заметно увеличилась от более древнего времени к более позднему, например, на поселениях у д. Федотково названные показатели увеличились на 11,5%. Это же отмечено и для других мест [22].

Во второй половине I тысячелетия до н. э. в пределах региона разводились все главнейшие сельскохозяйственные животные: крупный и мелкий (овцы и козы) рогатый скот, лошади, свиньи; использовались в хозяйстве и собаки. По количеству костей, найденных на днепро-двинских поселениях, на первом месте стоит крупный рогатый скот (37%), далее идут свиньи (31,2%), мелкий рогатый скот (16%), лошади (14,4%). По количеству особей в костных остатках крупный рогатый скот занимает 25,2%, свиньи — 39, мелкий рогатый скот — 17,1, лошади — 13,3, собаки — 5,4%. Следовательно, в мясном рационе населения больше всего использовались крупный рогатый скот и свиньи в меньшей степени — овцы, козы и лошади.

Эти данные, в какой-то степени, характеризуют и состав стада. Очевидно, что основу животноводства составляли крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, разведение лошадей не получило широкого развития.

Племена, жившие на изучаемой территории, находились на стадии развитого патриархата. Основной хозяйственной единицей были большие патриархальные общины, которые

входили в состав фратрий и племен. Подсечно-огневая система земледелия требовала коллективных усилий большого количества людей. Охрана стад скота, пастбищ и других угодий была также делом всего коллектива. Все это не давало возможности отдельным патриархальным семьям самостоятельно вести свое хозяйство. Производящее хозяйство этого времени в условиях лесной зоны было еще неразделенным и велось членами всего коллектива.

Все увеличивающаяся роль подсечного земледелия и животноводства, сравнительно развитое домашнее ремесло в комплексном хозяйстве привели к производству и накоплению материальных ценностей (зерна, скота, шкур, предметов домашнего ремесла и т. п.). Накопление вело к неравенству между отдельными родами и племенами, к обострению противоречий между ними и в конце концов к военным столкновениям. Война ради грабежа и военная опасность стали постоянными факторами. Они заставляли население производить поистине грандиозные для того времени фортификационные работы, чтобы укрепить и защитить поселения (городища). Укрепления городищ включают в себя земляные валы различной величины, рвы, специальную обработку естественных склонов в целях увеличения их крутизны и деревянные оборонительные сооружения на валах и склонах. Система укреплений с наименее естественно защищенной стороны включала от двух до пяти параллельных валов и рвов перед ними. Во многих случаях на городищах площадка, занятая под жилые и хозяйственные постройки, значительно меньше, чем площадь, отведенная под земляные укрепления, окружавшие эту площадку. Исследования днепровских, верхнеокских и деснинских городищ показывают, что военная опасность в течение I тысячелетия до н. э., видимо, все время возрастала, что заставляло родовые коллективы постоянно модернизировать и перестраивать укрепления, затрачивать периодически на эти цели огромное количество труда.

Военной добычей победителей были не только накопленные богатства, но, вероятно, и люди, которых превращали в рабов. Несомненно, рабство в тот период было весьма ограниченным и носило домашний характер. В качестве подтверждения существования патриархального рабства можно рассматривать присутствие на днепровских городищах небольшого количества керамики, характерной для соседних племен, обитавших севернее и западнее. Такая керамика, види-

мо, изготовлялась рабынями некоторое время по своим обычаям, пока они не осваивали новой для их технологии и приемов, распространенных в смоленском Поднепровье.

Материалы, характеризующие верования племен, населявших территорию региона в I тысячелетии до н. э., весьма ограничены. Широко было распространено обожествление сил природы. Так, о культе солнца говорят солярные знаки на глиняных грузиках и других вещах. Получают распространение земледельческо-скотоводческие культы.

Это подтверждается находками бронзовых фигурок коня на городищах Холмец и Новые Батеки [23]. Изображения коня связаны также и с культом солнца. Существовали культы и других домашних животных, в том числе крупного рогатого скота, о чем говорят находки изображений, сделанные из кости, и символические изображения на грузиках. По-прежнему сохранились культы или почитания диких животных. На поселениях в Поднепровье обнаружены глиняные очаги-жертвенники, устроенные в специальных наземных четырехугольных постройках и относящиеся к I тысячелетию до н. э. [24] После рубежа н. э. возникают особые сооружения, связанные с древними культами. Они представляли собой горизонтальную площадку правильной круглой формы, диаметром до 6 м, на краю которой была канавка. В этой канавке устанавливались столбики, как бы огораживающие площадку, а в ее центре стоял деревянный идол [25]. На городище «Городок» на центральном столбе помещалась голова медведя [26].

В южной части региона, в бассейнах рек Десны и Судости, в первых веках н. э. в результате передвижения с юга зарубинецких племен складывается новая группировка населения — так называемая почепская археологическая культура. Поселения располагались на краях низких приречных террас, были неукрепленными и занимали иногда площадь до 2 га. Значительная величина поселения, видимо, объясняется необходимостью жить большими компактными группами на вновь осваиваемой территории, а также определенными хозяйственными и специальными причинами. Переселившись в более лесистые районы, зарубинецкое население должно было сочетать перелог с подсекой, а к концу существования почепской культуры и полностью перейти к подсечно-огневой системе. Интересные данные получены в результате спорово-пыльцевых анализов культурного слоя Арельского поселения под Трубчевском. Выявлено наличие на по-

селении и прилегающих участках поймы, где, вероятно, располагались поля, пыльцы хлебных знаков, в том числе ржи, а также растений, обычно сопутствующих поселениям человека и земледелию — подорожника, щавеля, полыни, лебеды [27].

Жители Почепского селища, как и других поселений этой культуры, занимались также разведением скота. На этом поселении отмечено наличие костей лошади, коровы, свиньи и мелкого рогатого скота [28].

Хозяйство племен IV—VIII вв. н. э. Земледелие в условиях подсеки и перелога

В середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. складывается несколько племенных объединений, имеющих значительные отличия в материальной культуре: на Верхней Десне, Днепре и Западной Двине — группа племен так называемой культуры Тушемля — Колочина — Акатова, образовавшейся на основе местных балтских племен предшествующего периода; на Оке — племена мощинской культуры; а на самом юге региона — племена постзарубинецкой культуры. В этот период в пределах региона полностью господствуют подсечно-огневая и переложная системы земледелия, о чем косвенно свидетельствует существование небольших поселков, так как «подсечное хозяйство всегда вело к непрочной оседлости» [29]. Поселки землевладельцев неукрепленные, за исключением поселений мощинской культуры на Оке, размеры их в верхнем Подесенье 0,4—0,5 га; в Поднепровье и Подвинье они достигают несколько больших размеров, и, кроме того, на этих территориях возводились укрепленные убежища, где население укрывалось на время опасности. Открытые поселения (селища) располагались на низких пойменных террасах, на дюнах в пойме, на краю самой поймы или на пологих берегах водоемов. Судя по топографии поселений, население занималось не только земледелием, но и скотоводством, так как этому благоприятствовали широкие луговые угодья поймы рек. Поймы рек использовались не только для выпаса скота, но и для земледелия. Обследование брянского и орловского течения р. Навли, соседних районов по верховьям Оки и ее притокам показало, что это было, скорее, не исключением, а правилом в середине I тысячелетия н. э. при полном господстве подсечно-огневого земледелия.

Примерно между Брянской и Орловской областями проходит граница Брянско-Жиздринского и Деснинского полесья

со Среднерусской возвышенностью. На западном краю этой возвышенности сформировались оподзоленные черноземы и темно-серые лесные почвы, благоприятные для пашенного земледелия, и до 85% этого ландшафта ныне распахано. Однако поселения середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. концентрируются не здесь, а в речных долинах, распаханных ныне не более чем на 35%. Объясняется это тем, что земледельцы того времени «предпочитали песчаные ландшафты полеского типа», которые складывались в долинах рек, и в этой связи особенно важно, что обработка огнем полесского ландшафта оказывалась более эффективной, чем черноземного [30]. Да и урожай на черноземных и темно-серых почвах при подсечном земледелии был ниже, чем на подзолистых почвах.

Никаких пахотных или других землеобрабатывающих орудий этого периода в пределах региона не найдено. Примитивные формы подсечного земледелия не требуют применения специальных земледельческих орудий, но уже при вторичном использовании площади подсеки под посев рыхление почвы становится обязательным.

Орудия уборки урожая обнаружены во многих местах региона: в Подесенье на поселениях Кветунь (железные серпы), Хохлов Вир (коса-горбуша) [31], одновременно они могли использоваться и для заготовки кормов для скота на зимний период [32]. Серпы и косы-горбуши найдены и на поселениях в Поднепровье [33] и в Подвинье [34]. Большие размеры и развитые формы серпов в какой-то мере могут свидетельствовать о значительных площадях посевов злаковых культур. В Поднепровье и Подвинье обнаружены и орудия, связанные с размолом зерна в виде зернотерок и жерновов [35].

О результатах деятельности землевладельцев той эпохи свидетельствуют большие сосуды для хранения зерна, которые иногда ставились в специальные зерновые ямы. На стенках сосудов, обнаруженных, например, на поселении у с. Посудичи на р. Судости, сохранились отпечатки зерен пшеницы и проса [36]. Обгорелые зерна злаков встречены в Подесенье на поселении в Кватуни.

В Поднепровье на городищах-убежищах, в которых население вместе с имуществом и запасами продуктов укрывалось во время опасности (большинство этих убежищ погибло во время пожаров), найдено много обуглившихся зерен. На городище-убежище у д. Демидовки найдено свыше тысячи зерен; особенно много зерен ячменя двух видов (двухрядный

и многорядный), а также мягкой пшеницы, ржи и овса. Есть среди находок конские бобы и обуглившиеся скопления проса [37]. На другом городище-убежище у д. Близнаки в слое пожарища обнаружено большое количество зерна в виде обгоревших и спекшихся комков, при этом часть комков состояла из целых зерен проса или ячменя, а часть — из дробленого зерна. Видимо, это были запасы, хранившиеся в какой-то деревянной таре (кадушки, корзины и т. д.). Кроме того, на земляном полу в раскопанных помещениях убежища из культурного слоя извлечено 6800 зерен, среди которых были: 2736 зерен мягкой пшеницы, 2436 зерен ячменя, 1627 экземпляров кормовых бобов, не считая отдельных зерен проса [38]. Эти материалы дают некоторое основание считать, что в третьей четверти I тысячелетия н. э. племена, оставившие поселения и города-убежища типа Тушемля-Акатово, при господстве подсечно-огневого земледелия сеяли преимущественно яровые культуры (просо, ячмень, пшеницу и кормовые бобы), а выращивание ржи и овса не получило еще широкого распространения.

Однако есть достаточно веские основания утверждать, что, кроме подсечно-огневой системы земледелия, в это время получает распространение и переложная система. В пользу этого свидетельствует длительное существование отдельных поселений на одном и том же месте и их значительная величина. Таковы селища у деревень Куприно и Яново в Смоленском Поднепровье и у деревень Заозерье, Шугайлово в Подвинье. На каждом из них жило не менее сотни человек. Учитывая годичное потребление зерна в натуральном земледельческом хозяйстве, необходимое для пропитания одного человека в течение года (примерно 20 пудов), можно подсчитать, что в целом такое поселение должно было иметь около 2000 пудов. Считается, что средняя урожайность в то время составляла около 50 пудов с гектара. Таким образом, только для прокормления жителей поселения нужно было обработать не менее 40 гектаров земли. Но пригодных для подсечного земледелия участков в ближайшей округе было не так уж много. Поэтому население, оставаясь длительное время на одном и том же месте, вынуждено было использовать ранее выжженные и затем заброшенные участки по системе перелога. При перелоге земли используются до тех пор, пока они приносят достаточный урожай, а затем их оставляют под залежь на срок 8—10 лет, за который почва должна была восстановить почти целиком свое плодородие [39]. Такая систе-

ма по сравнению с подсечно-огневой в несколько раз увеличивала возможность использования одних и тех же участков земли, пригодных для земледелия и расположенных поблизости от поселения.

Переложная система требовала землеобрабатывающих рыхлящих орудия труда, каковыми могли быть рала, изготовленные целиком из дерева и поэтому не сохранившиеся до наших дней. Использование рала несомненно, поскольку оно засвидетельствовано в предшествующий период у д. Сергеевск Стародубского района, в торфянике в Суземском районе Брянской области и на соседних территориях лесной зоны у этнически родственных племен [40]. Рало как пахотное орудие требовало тягловой силы домашних животных (волов, лошадей).

В середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. у племен рассматриваемого региона, наряду с земледелием, важную роль играло и разведение крупного рогатого скота, лошадей, свиней, а также овец, коз. При исследовании костных остатков из культурного слоя поселений Поднепровья установлено, что количество особей крупного рогатого скота в стаде равнялось 43,6%, тогда как в конце I тысячелетия до н. э. этот показатель составлял всего 29,4%. Количество свиней в стаде осталось примерно таким же (32,7%), как и в предшествующее время, то же самое относится и к лошади. Значительно уменьшилось поголовье мелкого рогатого скота [41]. Подобная тенденция отмечена и для Брянского Подесенья.

Другие отрасли хозяйства (охота, рыбная ловля, собирательство) играют все меньшую роль в жизни населения, хотя археологически они и засвидетельствованы.

Материалы с раскопанных поселений и городищ дают достаточно сведений и о домашних ремеслах: железодобывающем, кузнечном, ювелирном, керамическом, косторезном, ткачестве, обработке дерева и т. п.

Социальный статус земледельческого населения середины и третьей четверти I тысячелетия н. э., их общественное устройство можно проследить только по косвенным признакам. Таковыми служат размеры и устройство жилищ, величина и планировка поселений, взаиморасположение жилых и хозяйственных построек на поселениях, а также последних относительно друг друга. В начале рассматриваемого периода в северной части региона еще сохраняются длинные дома, как, например, в Брянском Подесенье и в устье р. Гасомы [42],

где раскопано жилище длиной 15 м и шириной 5 м, разделенное каркасными перегородками на три части, что, возможно, является свидетельством начала обособления малых семей. На р. Сож у д. Устье Смоленской области исследовано жилище длиною более 10 м при ширине около 3 м, не разделенное на отдельные помещения [43]. Однако после середины I тысячелетия н. э. на территории нынешних Смоленской, Калужской и Брянской областей уже полностью господствуют небольшие жилища, принадлежащие отдельным малым семьям (на юге — полуземлянки, на севере — наземные столбовые постройки).

Судя по материалам Брянского Подесенья, к концу периода на большинстве поселений располагалось одновременно шесть — восемь полуземлянок. Они группировались вместе, а хозяйственные сооружения сосредоточивались в других частях поселения. Такой поселок, по мнению П. Н. Третьякова, представлял собой «единый хозяйственный комплекс — единый хозяйственный двор», принадлежавший «патриархальной общине, ведущей в той или иной мере еще неразделенное хозяйство». Поселения группировались в «гнезда», состоявшие из 6—8, а в районе Трубчевска — из 15 поселений, расстояние между которыми внутри «гнезда» равнялось 0,5—1,5 км. Данная группа поселений в литературе получила условное название «села», принадлежавшего складывающейся территориальной общине. Однако такое положение «гнезд» связано с непрочной оседлостью, обусловленной экстенсивным ведением хозяйства, и прежде всего широким применением подсечного земледелия.

Таким образом, в середине I тысячелетия н. э. основной ячейкой сельского общества была патриархальная семья, а не сельская община. Только в более южных районах к концу третьей четверти I тысячелетия н. э. намечается переход к сельской территориальной общине, которая явственно прослеживается в последующем у племен роменской культуры.

Постепенное вытеснение подсечного земледелия пашенным было той основой, на которой осуществлялся переход от родовой (патриархальной) общины к соседской, т. е. в конечном итоге начался процесс формирования крестьянства. Перемены эти окончательно произошли в рамках славянской культуры в последней четверти I тысячелетия н. э.

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО КЛАССА

Формирование крестьянства как общественного класс происходит в VIII—XII вв. В этот период продолжается пр цесс разложения родового строя. В ходе хозяйственного ра вития зарождается имущественное и классовое неравенств формируются межплеменные союзы, возникают дружины г главе со своими князьями.

Значительными по охвату территории Западнорусско региона были союзы кривичей, вятичей и радимичей.

Разложение родового строя затянулось на несколь столетий. Постепенно оно охватило и северную лесную зон где уже в IX в. появились крупные села с большими пл щадями пахотной земли и укреплениями. «На севере вплот до XII в. сохраняются родовые кладбища членов един кровной «верви». Таковы новгородские «сопки», «длинн курганы» смоленских кривичей и засыпанные землей «сто пы» вятичей»[1]. Переход от родовых усыпальниц к сооруж нию индивидуальных или парных курганов (мужа и жен явился свидетельством разложения родового коллектива перехода к хозяйству отдельных семей — «дымов».

Уничтожение принудительного родового равенства и з мена родовой собственности семейной вели к неравномерн му накоплению прибавочного продукта в разных семьях, росту имущественного неравенства. Возникает соседская о щина, происходит переход от родового строя к классово феодальному обществу. Проблема перехода от первобытн общинного строя к классовому, феодальному обществу вы вала в исторической науке дискуссию, в которой приня участие ведущие ученые страны. И до сих пор исследовани на эту тему не бывают излишними. Ученых объединяет мар систская методология, благодаря которой каждый раз ст вятся новые задачи и новые данные обогащают выводы том, что «генезис феодализма не одноактное действие, а дл тельный процесс, сложный и многообразный. Здесь нет ме та статике, все в динамике, все в развитии. Здесь на обло ках старого возникает новое, опутанное нитями старого, о живающего, цепкими еще, но обреченными»[2].

Сельские поселения

Трудно переоценить, сколько свед ний о далекой старине дают иссл дования сельских поселений. Дл

моленской земли такую работу проделал известный археог В. В. Седов. В его труде показано, как производящее хояйство связывает человека с землей. Дано описание сельких поселений центральных районов смоленской земли, относящихся к 50-м гг. XI в.[3] Смоленская земля изобилует аболоченными местами, малопригодными для развития земледелия. В северной части преобладали суглинистые, в центральной — подзолистые почвы, которые перемежались с суглинистыми и супесчаными. Такое же положение было в южной части.

Излюбленными местами поселений смоленских крестьян были районы, где в более или менее крупные реки впадают мелкие реки и ручьи. В целях защиты от наводнений и на случай нападения неприятеля поселения строились на возвышенных местах.

Крестьянские поселения Верхнего Подесенья концентрируются на серых почвах ополий среди тогда еще значительных лесных массивов. Ополий насчитывалось восемь, в том числе три по Десне, два — по левым ее притокам (Снежати и Севу), два — по правому притоку Судости и одно — по притоку Судости Вабле. На самом севере это Дубровско-Рогнединское, где находился г. Заруб (вероятно, городище Осовик), к югу от него по Десне — Брянско-Вщижское, далее через разрыв в несколько десятков километров — Трубчевское. Вплотную примыкая к Брянско-Вщижскому, но, находясь уже в бассейне Судости, тянется на юг Почепское ополье, где находился волостной центр Воробийна; за устьем Вабли — Погарское ополье, а по самой Вабле от ее устья до Снови — Стародубское. На Снежети находилось Караичевское, на Севе — Севское ополье.

Селища XI—XII вв. в Брянском Подесенье, по неполным данным (территория его исследована неравномерно), в основном к приречному типу (40 из 66). Очень немного сохранилось от предыдущего времени поселений пойменного и останцовского типов. Основным типом застройки приречных селищ была прибрежно-рядовая, пойменных (на дюнах) и останцовых — кучевая.

Характеризуя смоленские селища Центрального района, автор подразделил их на три хронологические группы: 1) с лепной и раннегончарной керамикой (IX—X вв.); 2) с гончарной керамикой, характерной для древнерусских курганов с ингумацией (XI—XIII вв.); 3) с керамикой, не встречающейся в смоленских курганах (XIV—XV вв.). Исследователь

отмечает значительный рост числа деревень в VI—XIII
что объясняется окончательным распадом родовых общин
отпочкованием от них соседских общин.

Письменные источники знают три основных терми
обозначающих сельские поселения центральной и запад
русской территории Руси: «погост», «село» и «деревня».
госты существовали еще в родовом обществе. С развит
феодальных отношений они были «использованы как цен
обложения прилежащей к ним округи»[4]. Девять погос
«Вержавлян Великих», как видно из Уставной грамоты р
тислава 1136 г., самостоятельно платили дань Смолен
Погосты были в других местах. Погостом было Белору
ское селище на р. Лосне, занимавшее площадь 3 га. Раз
вался этот погост на общинной основе. Березинское сел
(район р. Березинки) было погостом, используемым княж
кой властью для сбора дани с соседских общин[5].

Переходной ступенью от родового строя в классов
обществу, к политической его организации была общи
вервь, организованная не по признаку родства, а по тер
ториальному признаку. Я. Н. Щапов доказал, что в Смол
ской, Брянской, Калужской землях в IX—XIII вв. сельс
поселения, состоящие из больших и малых семей, объеди
лись в соседские коллективы-верви[6]. Соседские общины с
единялись вокруг погостов, которые в некоторых случ
объединялись в коллективы погостов-волостей[7]. По архео
гическим критериям В. В. Седов из 146 нанесенных на к
ту поселений восточной части Смоленского Верхнего Под
провья определяет как погосты 6.

Аналогичные поселения имеются в Брянском Подесен
Среди них выделяется Случевск и Рябцево, которые на
дились на магистральных путях, существовавших еще с X
Вокруг них располагались более мелкие сельские посе
ния.

О количестве погостов можно судить по тому, что
только «в одних Вержавлянах Великих» было 9, а собира
они дани 1000 гривен. По-видимому, плотность погостов
северной половине русских земель была значительной,
общее количество в Псковской, Новгородской, Владими
Суздальской, Рязанской, Мурманской землях «можно ори
тировочно (исходя из Вержавлян) определить в 500—2000

Для наименования сельских поселений применялся т
мин «село». Им обозначались владельческие поселения ф
далов. Грамота Ростислава называет села его домена

Ясенское и Дросенское, может быть, Моншино и Погонови-ии, которые были нереданы епископу вместе «со изгои» и другими зависимыми от князя людьми. Княжеские села концентрировались в основном вблизи столицы княжества, к западу или к юго-западу от нее.

Термин «село» впервые появляется в письменных источниках в X в., обозначает он загородное княжеское имение с двором и челядью. В XI—XIII вв. «селами называли поселения, жители которых находились в различной степени феодальной зависимости» [9]. Б. А. Рыбаков считает, что села — местопребывания смердов, «рядовой массы княжеского войска», посаженных на землю, чтобы кормить самих себя и нести конно-воинскую службу князю, в виде исключения — и изгоев [10].

Термин «деревня», по всей вероятности, более позднего происхождения. Он применялся для обозначения мелких поселений общинников в два-три дома. Так уже сама форма поселений свидетельствовала о социальных процессах, происходивших в обществе.

Феодальные владения

В смоленской, брянской и калужской землях кроме вервей с их погостами и селищами возникали усадьбы феодалов, часть из которых имела укрепленные замки. Г. Ловмяньский справедливо указывал на то, что «села племенной знати, по всей вероятности, гораздо древнее, чем села князей» [11]. П. Н. Третьяков, произведший раскопки укрепленных замков — вотчин феодалов, обнаружил их в Краснинском уезде по левым притокам Днепра — Мереи, Луппы, Свиная и Лосвина [12]. Раскопаны девять городищ, которые оказались ранними замчищами вотчинников.

Много вотчин бояр создавалось на более плодородных землях, расположенных на запад и юго-запад от Смоленска, и на территории радимичей, живших по рекам Ипути и Беседи. Крупный феодальный замок возник на Ковшаровском городище правого берега р. Сож. Владелец его захватил и подчинил 19 деревень. В бассейне р. Наготи возникла феодальная усадьба Воищина. Как показали раскопки, Воищина была окружена земляным валом и деревянными стенами, на усадьбе находилось девять деревянных построек, одна из них имела деревянные полы. Вощина вывозила в Смоленск меха и продукты сельского хозяйства из подвластных восьми деревень [12].

На городище Бородинском, в отличие от Воищины, было

развито изготовление сельскохозяйственных орудий (серп кос, жерновов), необходимых для нужд феодального зяйства.

Значительное распространение замки-усадьбы получи на Верхней Оке (от истоков до устья Угры, включая и б сейн последней). Две усадьбы-замка археологами обна жены в бассейне Верхней Десны. В Новгород-Северск части Верхнего Подесенья, недалеко от южных границ Бр ской области, находилось и знаменитое Игорево сельцо княжеская усадьба. В промежутке между этими крайни северными и южными пунктами села, как, впрочем, и дру сельские населенные пункты, не упоминаются.

Самым крупным земельным собственником был кня имевший свой домен. «Под княжеским доменом мы пон маем личные владения князя, которые остаются за ним в зависимости от занимаемого им княжеского стола и явл ются, следовательно, наследственной собственностью» [13]. Смоленской земле княжеский домен появился не позд IX в. Вокруг Смоленска земли были захвачены родовой зн тью и «старейшинами» [14], и поэтому князю приходило вклинивать свои владения между ними. Но такие чер полосные участки не могли удовлетворить князя, ему ну ны были новые, компактные владения, хотя бы и наход щиеся в отдалении от столицы. И он их получил после пр соединения к Смоленску северных радимичей. Кроме то по мнению В. В. Седова, район междуречья Двины — Дне ра — Ловати — Волги был освоен смоленскими кривича в IX—X вв. «Все эти наиболее платежеспособные волос расположены в той части, где известны длинные курга и где, следовательно, славянизация края началась еще середине I тысячелетия н. э.». Этот район привлекал кня еще и потому, что находился на волоках большого водно пути [15]. Домен Смоленского князя рос и за счет земель рекам Вязьме и Угре.

Таким образом, домен смоленского и других князей с стоял из земель, приобретенных при создании княжества, также захваченных у своих соседей и «окняжениях» свобо ных общинников. Этот процесс отмечен К. Марксом и Ф. Эн гельсом. «Если для античности, — писали они, — исходны пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для сред невековья исходным пунктом служила *деревня*» [16].

Княжеский домен состоял из «княж двора», где жи князь или его управитель — «огнищанин», домов для челя

ди и хозяйственных построек. У смоленского князя был свой двор в Смоленске и двор за Днепром у церкви Петра и Павла. Эти дворы обслуживала челядь, количество которой все время возрастало. В княжеский двор поступали «все дани смоленские» в «истых кунах», «продажи», «виры», «полюдье» и все натуральные доходы: рыба, измерявшаяся саньми, воск, хранящийся в «головках» [17].

Княжеский домен усиленно проводил «окняжение» свободных общинников, которые вели индивидуальные хозяйства.

С ростом частной собственности в соседской общине происходил процесс имущественной дифференциации, выделения зажиточной верхушки и полуразорившихся общинников, которые попадали в зависимость от феодалов.

Картина складывания феодального землевладения будет неполной, если не рассмотреть вопрос о монастырском и церковном землевладении. Первый монастырь в Смоленской земле появился, видимо, в XII в. Он основан на богородицком селище, где был центр местной сельской общины IX—X вв. Богородицкий монастырь был первым феодалом, владевшим судебно-административными функциями и собиравшим дань с общинников [18]. Развитие церковного землевладения на Смоленщине относится ко времени создания епархии и тех пожалований, которые дал церкви князь Ростислав.

Устав Ростислава содержит подробный перечень княжеских даней, выделяет десятую часть натуральных доходов кафедре, сообщает о выделении епископии двух княжеских сел, охотничьих угодий, сенокосов и др., рассматривает вопрос о компетенции епископского суда, предписывает органам феодального государства не вмешиваться в церковный суд. Смоленская епископия получила от князя значительные земельные владения с сидевшими на них смердами, изгоями, прощенниками и другими категориями зависимых людей.

На Брянщине появился Свенский монастырь, он пользовался теми же правами, что и Богородицкий монастырь.

После принятия христианства церковь существовала на средства, выделенные ей государством в виде десятины от даней, судебных и торговых пошлин [19]. С ростом церковного землевладения значение десятины падает. Источником этого роста являются княжеские пожалования. Начало пожалований, как свидетельствуют письменные источники, относится к XI в.

Церковь владела не только населенными селами и с
бодами, которые жаловали ей князья из своего домена и
государственного фонда, но и городами.

Из сказанного видно, что в Западнорусском регионе с
жились крупные феодальные владения бояр, князей, цер
и монастырей. Эти феодальные хозяйства обслуживал
трудом зависимых людей.

Формирование крестьянства. Формы феодальной зависимости крестьян

Свободное население Древней р
именовалось термином «люд
«Люди» — это свободные общ
ники, обязанные платить дань к
зю, служить во вспомогатель
войске, выполнять дорожную и извозную повинность. Да
нейшее развитие феодальных отношений приводит к появ
нию лично зависимых «людей» от князя, боярина или ц
ковных феодалов. И термин «люди» постепенно вытес
ется термином «смерды», который появляется в памятни
письменности в XI в. «Смерд», «смерды» равнозначны по
нейшим «черный человек», «черные люди» (как называл
в XIV—XV вв. крестьяне, «сидевшие» на государствен
земле и «тянувшие данью», «проторами» и «потугами», «
выполнявшие ряд повинностей в пользу государства, согл
но раскладке, производившейся внутри крестьянских
щин») [20].

Смерды были разнородны по своему составу. Часть
них попала в личную зависимость от князя, выполняла
феодальные повинности и находилась в непосредствен
подсудности князю. Эти смерды переходили из числа см
дов-данников в состав домениальных княжеских кресть
Впоследствии из них образовалась категория дворцов
крестьян. Зависимые от князя смерды приравнивались
холопам. За убийство их, как и за убийство холопов, п
тили штраф 5 гривен.

В числе зависимых от князя смердов были «заклад
ки», которые «в силу экономических условий или в резу
тате внеэкономического принуждения переходили под па
ронат князя» [21]. Они жили в своих селах, имели землю
хозяйство, но лично зависели от князя. Если смерды жи
при княжеском или боярском дворе, то они нередко вх
дили в состав челяди. Зависимые смерды были не только
князей, но и у светских и духовных феодалов.

Основную массу смердов составляли свободные чле
общин, платившие дань князю, как представителю госуда

ственной власти. Еще Константин Багрянородный в X в. отмечал, что киевская дань собиралась с кривичей, древлян, дреговичей и северян. Смоленск был превращен в складочный пункт сбора дани, которая весной отправлялась в Киев.

Смерды-данники были самой значительной частью населения Киевской Руси. Об этом весьма красноречиво говорит и топонимика. Ни одно социальное обозначение не дало столь богатых и столь разнообразных по форме производных отношений в топонимике, как слово «смерд». Этот термин получил широкое распространение. Он охватил территорию новгородско-псковской земли, северо-восточную часть Двинской области и северо-западную часть бывшей Вятской губернии, значительную часть белорусских и литовских земель [22], всю территорию Смоленщины и Брянщины. В украинско-русских землях, относящихся к Литве и Польше (куда входили и земли Брянщины, Смоленщины), «этот термин живет и в XV в., встречается и в XVI в.» [23].

Сказанное еще раз подтверждает, что на территории Западнорусского региона основную массу сельского населения составляли смерды. О смердах создано историками большое количество работ. Но и до сих пор продолжаются исследования по истории этой категории сельских жителей.

В феодальных вотчинах работали рядовичи, закупы, изгои, челядь, куда входили холопы и прощенники. Все эти категории зависимого населения были в вотчинах смоленской феодальной знати.

Разберемся в первую очередь, кто такие «изгои». Вполне возможно, что термин «изгой» возник в период разложения родового строя, распада родовых союзов и возникновения феодальных отношений. «Изгой, по-видимому, и упомянут в «Русской правде» в качестве одного из осколков родового строя» [24]. Изгоя обычно толкуют как человека, вышедшего из общины, выбитого из обычной колеи в связи с неурожаем, голодом, пожаром и другими стихийными бедствиями, чрезмерными поборами со стороны дружинников. Изгой — это крестьянин, лишенный земли и средств производства и вынужденный идти в феодальную зависимость [25]. Смоленский князь Ростислав Мстиславич передал епископской кафедре два села «со изгои и с землею». Это были с. Дросенское и Ясенское, «и с бортником и с землею и с изгои» [26].

Уставная грамота Ростислава обращает внимание лишь на одну категорию населения — «изгоев», хотя в княжеских

селах были и другие зависимые люди, но о них в грам
нет необходимых данных, за исключением прощенник
пущенников, задушных людей и истужников. Произошло э
по всей вероятности, потому, что изгои были в крепостн
зависимости, в то время как закупы, рядовичи не потеря
полностью юридических прав и потому не были указаны
княжеской грамоте. Отмеченный в грамоте Ростислава «бо
ник» тоже был, по всей вероятности, выходцем из изгоев

И. И. Смирнов, говоря об изгоях Смоленской зем
пытался доказать, что села, переданные князем епископск
кафедре, не входили в княжеский домен, а являлись «
щинной земельной собственностью» [27]. С этим мнением сог
ситься нельзя, ибо те, кто пользовались общинными зем
ми, не были изгоями. Изгоями становились и выкупившие
на свободу челядины-холопы, переходившие в дальнейшем
вотчинные крестьяне [28]. Категория изгоев особенно замет
выделялась в монастырских вотчинах.

В числе зависимых крестьян Уставная грамота Рост
лава называет «истужников», которые населяли погосты
деревни, они проживали в девяти погостах Вержавлян Ве
ких.

В других источниках «истужники» не встречают
поэтому трудно определить происхождение этого назван
По мнению А. А. Зимина, «истужники» это, «быть мож
лица, не участвовавшие в общинной раскладке податей»,
такое объяснение едва ли правдоподобно. Т. А. Сумник
не объяснила этого слова, определив его лишь как суще
вительное [29].

По нашему мнению, «истужники» занимались рыбн
промыслом; несмотря на неблагоприятные условия (стуж
особенно в зимнее время, доставляли продукты своего п
мысла на рынок и в качестве дани своим господам.
местных говорах Смоленской земли есть слова, близкие
слову «истужники» («истужиться», «стуга», что зна
напрячь силы для достижения определенной цели). В тол
вом словаре В. И. Даля слову «истужить» дается следу
щее пояснение: «перетужить», «изнуриться печалью»
«вытяни снасть истуга». Это последнее («вытяни сна
истуга») явно говорит о характере той работы, котор
выполняли «истужники». Даль приводит слова, близкие
значению к слову «истужники»: «истуга» — небольшое о
ро, «иструждать» — обременять трудом, беспокоить, утру
дать, «иструждение» — трудновато, трудненько. Все

дает известное основание отнести истужников к сельским жителям, зависимым от феодалов и занимающихся рыбным промыслом.

В Уставе Ростислава названы еще три категории населения — «прощенники», «пущенники» и «задушные люди», которых князь передает Смоленской епископской кафедре. «А се даю святей Богородици и епископу прощенники с медом, и с кунами и с вирою и с продажами, и ни надобе их судити никакому же человеку» [30]. Как видно, прощенники принадлежали епископской кафедре и были обязаны платить феодальную ренту (мед, куны), судиться у него по уголовным («виры») и всем другим («продажи») делам. Прощенники были не только в церковных, но и в княжеских и боярских вотчинах.

Л. В. Черепнин считал, что некоторые категории закупов (пущенники, прощенники) находились в наследственной зависимости от феодалов. По мнению Б. Д. Грекова, прощенники — это люди, очень близкие к изгоям, феодально-зависимые крестьяне. Прощенники были выходцами большей частью из холопов, получивших «свободу» и превращенных в крепостных крестьян. Эту же точку зрения высказывал и С. В. Юшков, по мнению которого, прощенники «были превращены в холопов за долги, но впоследствии получили прощение, свободу» [31].

По своему составу близки к прощенникам пущенники. Это холопы, отпущенные на «свободу» и ставшие крепостными. «Задушные люди» — холопы, изгои, отпущенные на «свободу» по духовному завещанию.

Таким образом, на территории изучаемого региона сформировались все основные категории сельского крестьянского населения, известные на Руси. Особенностью Западнорусского региона было более широкое использование труда «прощенников», «пущенников» и «задушных людей», выполнявших оброчные и отчасти барщинные повинности.

На менее удобных землях окраин Смоленской и Брянской земель, прежде всего северных и восточных, проживала значительная масса свободных общинников, плативших земельную ренту в виде дани в силу верховной собственности государства на землю. Аналогичная картина наблюдалась и в более южных районах.

Системы земледелия

В дореволюционной историографии было широко распространено мнение о низком уровне народного

хозяйства Древней Руси, об отсталости и примитивност сельскохозяйственной техники, о господстве подсечного зем леделия в лесной полосе в Северо-Восточной и Северо Западной Руси. В «Истории России с древнейших времен С. М. Соловьев пишет о политической и экономической о сталости Руси. Земледелие в Новгородской и смежных ней землях (Смоленской и др.), считает он, было лишь по сечным вплоть до конца XV в. Подсечная система требова постоянной перемены обрабатываемого крестьянином уч стка земли, поэтому-де русские крестьяне не сидели одном месте, они привыкли к бродяжничеству. Влияни «теории бродяжничества» сказалось и на трудах специали тов по сельскому хозяйству и агрономии [32].

Советские историки убедительно доказали, что уже X—XI вв. почти везде в лесной полосе жители перешли подсеки к пашне [33]. Развитие пашенного земледелия (он как уже сказано в первой главе, зародилось в Восточн Европе еще в пору бронзы и получило в дальнейшем ра витие во второй половине первого тысячелетия н. э.), пр вело к складыванию паровой системы земледелия. Подсе еще оставалась кое-где в глухих местах вплоть до нача XIX в., но не она являлась определяющей. Подсека испо зовалась для пополнения фонда пахотных земель, о ч говорят находки топоров, в том числе и специального ле рубного узколезвийного с обушком на тыльной части. Сох нила свое значение, вероятно, и ручная обработка почв Хотя железных наконечников мотыг найдено немного и трудно отличить от тесел, для вскапывания почвы мо использоваться деревянные лопаты или лопатовидные о дия. Ручные формы обработки земли были вытеснены появлением сохи.

Сельскохозяйственная техника и сельскохозяйственные культуры

Земледельческое производство с собствовало непрерывному раз тию сельскохозяйственной техни Древнейшим пахотным орудь было полозное рало. Оно было п способлено к разрыванию дернины и рыхлению почвы. Ра употреблялось на территории южной Руси. «Разница меж ралом, плугом и сохой заключается в том, что рало и со только раздирают землю, бороздят и рыхлят ее, плуг срезает пласт горизонтально, отваливая и переворачив его» [34]. В лесной полосе полозные рала оказались ма пригодными и они эволюционизировали в бесполозные,

затем были вытеснены сохой. Крупный специалист агроном-этнограф Д. К. Зеленин считал, что сначала использовалась однозубая соха, или рало, а затем перешли к двузубой рассохе с двумя железными сошниками-наральниками. Слово «рало» вытеснилось, но сохранилось старое название «наральник» — железный наконечник сохи [35]. По мнению же П. Н. Третьякова, соха произошла не от рала, а от многозубой сохи, которая «в свою очередь произошла от деревянной бороны-суковатки, восходящей к еще более примитивному орудию подсечного земледелия» [36]. Представляется, что эта точка зрения наиболее правдиво отражает эволюцию орудий обработки земли.

Орудием уборки урожая были серпы, которые найдены на Смоленщине в Тушемле и на городище Новые Батеки (см. первую главу настоящей книги). Массовое появление серпов, близких к современным их формам, относится к последней четверти первого тысячелетия н. э. ко времени употребления пахотных орудий с железными наконечниками. Применялись также коса и мотыга.

Зерно мололи зернотерками и ручными жерновами. Из сельскохозяйственных культур на первом месте стояло просо, о чем свидетельствует арабский автор Ибн-Русте [37]. Рожь получает распространение в Смоленском крае в XI—XII вв. На Брянщине найдены относящиеся к VIII—X вв. остатки зерен не только проса, но и мягкой и твердой пшеницы, ячменя, озимой ржи. Наличие этих культур говорит о развитии севооборота. Действительно, к рубежу второго тысячелетия н. э. у восточных славян появляется двух- и даже трехполье, хотя как системы они находятся в зачаточном состоянии.

Широкое распространение ячменя объясняется его скороспелостью и относительно высокой урожайностью. Рожь и овес неприхотливы к почве и поэтому вызревают вплоть до Полярного круга [38]. В первом и начале второго тысячелетия были широко распространены бобовые культуры (горох, чечевица и вика), которые шли в пищу.

Скотоводство

Важную роль в сельском хозяйстве играло скотоводство. Его виды в Древней Руси не претерпели больших изменений. Из составленной В. П. Левашовой таблицы по материалам археологических раскопок видно, что на рубеже первого и второго тысячелетий разводили лошадей, коров, овец, коз и свиней, из домашней птицы — кур, уток

и гусей. В Гнездовских курганах (под Смоленском) обна
ружены кости лошадей и овец, в Ковшарском городищ
кроме костей лошадей — кости коров, овец, свиней [39]. В рус
ских летописях часто упоминаются домашние животные
особенно лошади, которые были необходимы для военного
дела и как основная тягловая сила. По «Русской правде»
дороже любого другого скота ценилась лошадь.

В зимних условиях скот держали в закрытых помеще
ниях. («Русская правда» дает представление о стойловом
содержании скота.) По всему региону найдено значитель
ное количество кос-горбуш, используемых в основном дл
заготовки сена. Косы — даже на самом южном пункте (сели
ще Лебедка) — северного типа, с удлиненным лезвием и вы
тянутым черенком-пяткой. Раскопки в Старой Ладоге
ряде других мест подтверждают существование скотны
дворов.

Получает развитие и птицеводство. В «Русской правде
имеются прямые указания на то, что наши предки разводи
ли кур, гусей, уток, голубей [40]. Куры были самой распростра
ненной домашней птицей.

Скотоводство развивалось в непосредственной связи
земледелием, пашенным паровым земледельческим хозяй
ством. Немаловажное значение имело огородничество и садо
водство. Из огородных культур важную роль играли капус
та, лук, огурец, чеснок и мак. В хозяйствах феодалов огоро
ды и сады обслуживали специалисты из числа феодально
зависимых крестьян.

Охота и рыболовство

Среди домашних промыслов на пер
вом месте стояла охота. В леса
тогда было много лисиц, кунич
бобров, лосей, диких кабанов и медведей. Из Уставной гра
моты Ростислава Мстиславича 1136 г. известно, что в числ
собираемой дани с 25 городов, 30 сел и множества деревен
были шкурки лисиц и черных куниц [41]. Пушнина шла н
продажу на внешний рынок: в Византию, на запад чере
Новгород и на восток через Булгар и Итиль.

Население дорожило хорошими охотничьими угодьями
В договорах с князьями оговаривался район княжеско
охоты. Охотники добывали не только пушнину, но и мясо
диких животных и птиц, которое шло в пищу.

Рыболовство было распространено как в сельских, так
и в городских поселениях. Лов рыбы производился круглы
год. Расширялся ассортимент орудий рыболовства — из

железа изготавливались гарпуны, остроги, большие крючки, блесны для подледного лова, из обожженной глины — грузила для рыболовных сетей, которые по размерам были несколько меньше грузил предыдущего периода.

Наиболее распространенным районом лова рыбы были озера Новгородской, Смоленской, Брянской земель, а также долины рек Волхова, Ловати, Волги, Днепра, Западной Двины, Десны и др. В Уставной грамоте Ростислава говорится о поставке рыбы (осетров) в качестве дани с городов Лучина, Торопца, Жижца и других мест. Развито было рыболовство и в погостах Вержавлян Великих (ныне Демидовский район Смоленской области), где местные рыболовы («истужники») занимались этим промыслом круглый год. Десятую часть полученной в качестве дани рыбы князь отдавал епископу. В этой же грамоте в числе натуральных повинностей крестьян упоминается изготовление неводов и бредней, участие в рыбной ловле на рыболовных угодьях феодалов, предоставление постоя и корма для княжеских рыболовов. Рыбу заготовляли впрок в соленом, сушеном, вяленом и замороженном видах. Она являлась важным продуктом питания.

Бортничество

Бортничество — одно из древнейших занятий жителей изучаемого края. Борть — дерево с дуплом, заселенным пчелами. Бортью называлась иногда и часть леса, где имелись бортные деревья.

В письменных источниках как русских, так и иноземных, начиная с X в., постоянно указывается, что бортничество является важным занятием населения. Основная масса бортных угодий была захвачена землевладельцами, которые экспортировали за границу мед и воск.

О широком распространении бортничества свидетельствует Уставная грамота князя Ростислава. В ней упоминаются села Бортницы и Женння Великая. Топоним «Бортницы» связан с проживанием в селе специалистов по бортному делу. Название же с. Женння Великая происходит, как полагает В. Даль, от «жень» («жень» — снасть бортника, добыча меда)[42]. На Смоленщине и в более позднее время встречался топоним «Добрые пчелы», что указывает на развитие бортного промысла в прошлом.

«Русская правда» охраняла права собственности на бортные угодья и отдельные деревья. Если человек, нашедший бортное дерево, поставит на нем свой знак, то оно явля-

ется его собственностью: «Аще кто борть разнаменает, то гривна продажи» [43]. «Русская правда» упоминает и бор смерда, которая также ставится под защиту закона: «А княжи борти 3 гривны, либо пожгут, либо издерут, а в сие ди две гривны» [44].

Огромные запасы меда сосредоточивались в руках кн зей, бояр и монастырей, получаемые ими в качестве дани крестьян. Так, по грамоте Ростислава, только с Торопца вз мался один берковец меда, что равнялось 10 пудам. Н Брянщине при раскопках пока не найдено орудий бортн чества, однако мусульманские авторы IX—X вв. настоль часто упоминают о большом количестве и важном значени меда и напитков из него, что сомневаться в наличии это промысла не приходится.

Дальнейшее развитие пчеловодства приводит к пер ходу от бортей к ульям, к созданию небольших собственны пасек.

Домашняя промышленность. Крестьянские промыслы

В условиях натурального хозяйст крестьяне вынуждены были зан маться домашними промыслами, и готовлять одежду, обувь, строи жилища, готовить конскую упряжь, делать лодки для со ственного употребления и для продажи.

Лодки, утлые челны, выдолбленные из одного дерев были важным средством передвижения по рекам и озера Такие лодки (их греки называли «моноксилами» — однодре ками) вмещали двух-трех человек. Строились и суда (ладьи поднимавшие по 20—40 человек. В течение всей зим крестьяне и ремесленники занимались изготовлением суд и лодок, а весной везли их в Киев и там продавали купца направляющимся в Византию. Часть своих изделий кресть не и ремесленники-корабелы отдавали князьям и боярам качестве дани.

В Киеве ладьи оснащались необходимым оборудование ставились уключины, мачты и паруса. Только на изготовл ние парусов требовалось не менее двух тысяч ткацких ста ков, которые обслуживались трудом крестьянок. Ткацки промысел имел важное значение не только для изготовле ния парусины («толстины») но и для производства холста идущего для пошива одежды. Лен и конопля были основ ным сырьем для ткацкого производства. Шерсть овец шл на изготовление валенок, шерстяных чулок, шарфов и дру гих домашний вещей.

Сооружение судов и лодок вызывали к жизни и такой крестьянский промысел, как смолокурение. Он был особенно развит у кривичей. В Гнездове, расположенном в 12 км от Смоленска, обычно останавливались торговые караваны, происходил осмотр судов, проводился их ремонт, в котором принимали участие гнездовские ремесленники и крестьяне, занятые на работах при переправе судов на волоках. Они строили деревянные настилы, катки, по которым передвигали суда из одной речки в другую. Труд этот был тяжелым, изнурительным и требовал усилий большого коллектива людей. На волоках работали крестьяне-данники и вольнонаемные люди, выходцы из разорившихся крестьян. Они обеспечивали продвижение грузов не только по Великому днепровскому пути, но и по Западной Двине, Оке, Десне, Вязьме и Угре. По этим же водным путям князья и бояре переправляли свои товары для продажи в Киеве и Византии.

На Великом днепровском пути Смоленск играл важную роль, ему принадлежала ведущая роль в сборе полюдья в обширной земле кривичей. «Полюдье, — считает Б. А. Рыбаков, — первая, наиболее обнаженная форма господства и подчинения, осуществления права на землю, установления понятия подданства». В земле Западнорусского региона сбор полюдья осуществляли киевские, смоленские, брянские и стародубские князья, имевшие в своем распоряжении значительные дружины. Он продолжался примерно полгода, с ноября по апрель. По данным Константина Багрянородного, когда «наступает ноябрь месяц, князья тотчас выходят из Киева и отправляются в полюдье, т. е. круговой объезд». Их путь шел вверх по Днепру до Смоленска, а затем — вниз по Десне до Ольгинского города Вышгорода, стоящего у устья Десны [45]. Обратный путь шел от Смоленска к Киеву вдоль Десны на Ельню, Вщиж, Судость, Стародуб и Сновск. Смоленск был серединой пути кругового княжеского объезда и главным центром хранения дани. В XII в. полюдье уже трансформировалось из дани-объезда в род феодальных платежей.

В Смоленске в IX—XI вв. сложилась сильная феодальная знать, которая была связана со своими периферийными центрами. Главными из них были: Гнездово, Вержавск, Торопец, Копысь, Мстиславль, Ростиславль (Рославль), Дорогобуж, Кричев, Ржев, Вязьма и др. (В документах упоминаются 12 смоленских городов, связанных со своей сельской округой.)

Смоленск и другие города региона были втянуты в тор
говые операции с Византией, Прибалтикой и народами Вос
тока. Эти торговые связи уходят в глубокую древность, о
чем говорят находки греческих, римских, арабских, визан
тийских и западноевропейских монет.

Таким образом, в Древнерусском государстве, в том
числе и на территории европейского региона, развитие про
изводительных сил привело к дальнейшему освоению сель
скохозяйственных угодий, развитию городов, ремесла и
торговли, отделению ремесла от земледелия, к зарождению
зависимого крестьянского населения. «Подавляющая масса
прибавочного продукта производилась в феодальной Руси
сельским хозяйством и изымалась оттуда в первую очередь
на нужды господствующего класса» [46]. Принятие христианст
ва содействовало консолидации этого класса, усилению фео
дальной эксплуатации крестьян, которые начинали оказы
вать сопротивление своим князьям и «нарочитой чади».

Верховным собственником земли становилось государст
во, и это являлось основой установления раннефеодальной
эксплуатации крестьян через систему податей и частично
отработки. Установление верховной собственности государ
ства на землю — основное средство производства и всеоб
щий предмет человеческого труда — «имело решающее зна
чение в процессе классообразования в Древней Руси. Он
(верховная собственность государства на землю. — *Ред.*)
определила социально-экономическое положение крестьянст
ва (в широком смысле) как совокупность мелких произво
дителей в сельском хозяйстве, как единого класса обществ
вне зависимости от различия хозяйственных систем» [47].

Рост производительных сил в отдельных землях приво
дил к обособлению их от Киева, к созданию самостоятель
ных княжеств (Смоленского, Брянского и др.), к феодаль
ной раздробленности. Развитие крупного землевладения
княжеского и боярского, сопровождалось усилением эксплуа
тации крестьян и обострением классовой борьбы.

ГЛАВА 3

ЗАПАДНОРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII—XIV века)

Период феодальной раздробленности длился на Руси с XII до конца XV в. Это был этап в развитии феодального производства. Он характеризовался завершением генезиса феодальных отношений и вступлением феодализма в свою зрелую стадию. На этом этапе складываются и развиваются основные социально-политические институты, элементы феодального государственного аппарата, феодального землевладения, зависимости крестьян, феодальных иммунитетов и феодально-сословной иерархии.

Феодальная раздробленность была новой формой государственно-политической организации. Она сменила раннефеодальную Киевскую монархию развитым феодальным обществом, которое базировалось на натуральнохозяйственной основе небольших феодальных объединений, что обусловливало их хозяйственную самостоятельность, рост феодальной земельной собственности, «окняжение» и «обоярирование» общинных земель, вовлечение крестьян в систему феодальной зависимости и подавление их сопротивления усиливавшемуся феодальному гнету. Феодалы в пределах своих небольших княжеств могли лучше защищать собственные интересы, мало считались с Киевом, который рассматривал подчиненных как объект для сбора дани и назначения многочисленных потомков рода Владимира на княжения, столы-кормления в то или иное княжество. Бояре стремились превратить столы-кормления из временных в постоянные, наследственные, закрепляя князей за своими княжествами, создавая местные княжеские династии.

Древнерусское государство распалось на полтора десятка суверенных государств. Процесс феодального раздробления продолжался и дальше, князья разделяли княжества между сыновьями, в результате чего княжества мельчали. Накануне нашествия Батыя их было около 50, а в XIV в. число удельных княжеств достигало примерно 250.

Феодальная раздробленность характеризуется длительными кровопролитными войнами между князьями, что ослабляло обороноспособность Руси в борьбе с половцами, татарами, немцами-крестоносцами и оказывало отрицательное влияние на состояние крестьянского хозяйства.

Летописец с горечью говорит о междуусобных войнах, зывая их «погибелью земли Русской».

История западнорусского крестьянства в период ф дальной раздробленности трудно поддается изучению, объясняется в значительной мере недостатком источни По причине отторжения западнорусских земель то к Ве кому княжеству Литовскому, то к Речи Посполитой (к т же местные летописные документы не сохранились) св ния по истории Смоленского и Брянского княжеств XI фрагментарны, несколько больше их по тому периоду, ко эти княжества находились под властью Литвы. Матери о XV в. и некоторые известия предшествующего времени держатся в московских, новгородских и киевских летопи

Советские историки отказались от понимания феода ной раздробленности как времени упадка и движения вп «Расчленение раннефеодальных грандиозных империй на фактически (а иногда и юридически) суверенных княже королевств было неизбежным этапом в развитии феода ного общества, будь то Киевская Русь в Восточной Евр или империя Каролингов в Центральной Европе, с кото Маркс сопоставлял Киевскую Русь»[1]. По мнению акаде ка Б. А. Рыбакова, введенное в историческую науку поня «феодальная раздробленность» неточно определяет происходивших событий, его следует заменить другим, к рое отражало бы состояние дела: «Киевская Русь была ном, из которого вырос колос, насчитывавший несколь зерен — «княжеств», она была «матерью, вырастившей м гих сыновей, составивших новое поколение»[2].

Такими «зернами» были княжества Смоленское, Бр ское, Чернигово-Северское и др. Обособление Смоленска Киева началось еще в XI в., но окончательно Смолен княжество стало самостоятельным в XII в., во время кня ния Ростислава Мстиславича (1127—1159 гг.). Из запад русских земель кроме Смоленска упоминаются в летопи XII в. Брянск, Карачев, Кромы, Севск, Новосиль, Трубче и другие города, которые играли важную роль в станов нии феодальных отношений в этом крае.

По уровню экономического развития эти земли не ставали от других русских княжеств. Общая картина агр ного развития изучаемого региона во второй половине XII и в XIV в., как и всей Северо-Восточной Руси, указывает стремление к распространению паровой системы земледе

и трехполья. Развитию трехполья был нанесен сильный удар монголо-татарами.

Последствия монголо-татарского нашествия были крайне тяжелыми. Оно сопровождалось страшным разорением городов и сел, массовой гибелью населения. Потребовались «многие десятилетия, чтобы восполнить колоссальный урон, нанесенный завоевателями производственным силам страны». При этом надо иметь в виду, что через 15 лет после «батыева погрома» на Русь обрушилась «Неврюева рать», еще через 20 лет последовала целая полоса вторжений, предпринятых с целью закрепления завоеванных земель. За «каких-нибудь 30 с небольшим лет монголы 14 раз предпринимали походы в Северо-Восточную Русь, подвергая русские земли все новым и новым опустошениям» [3].

Сильно пострадали тогда Черниговское, Новгород-Северское, Козельское княжества и брянские земли, разорены были не только города (Кромы, Севск, Козельск, Дедославль и др.), но и большинство сел и деревень. Население вынуждено было уходить в леса. В 1275 г. монголо-татары, возвращаясь из похода на Литву, подвергли ограблению не только южные земли, но частично белорусские, смоленские и брянские.

Археологическими обследованиями центральной части Смоленской земли зарегистрировано 89 поселений, относящихся к XI—XIII вв. В XIV—XV вв. число поселений сократилось до 52, причем по количеству дворов они были почти вдвое меньше поселений домонгольского времени [4].

Такое положение было и на других территориях, всюду стали преобладать небольшие крестьянские поселения. Многие крестьяне уходили с насиженных мест, с открытых берегов рек в леса, под защиту чащоб и болот [5]. Им приходилось вновь корчевать и вырубать леса, с огромным трудом заводить пашню. Подсека еще сохранялась, но она постепенно уступала место переложной системе и пашенному земледелию.

Для западнорусских земель, как и для всей Восточной Европы, были характерны не только освоение целинной земли, но и повторные распашки старопахотных земель, временно оставленных ее жителями после разорения. Трехпольная система земледелия с большим трудом пробивала себе дорогу и лишь во второй половине XV в. стала играть заметную роль в организации крестьянского и барского хозяйства [6], хотя и сочеталась кое-где с подсекой и пере-

логом. Возникшая в связи с подсечной системой земледели формула «куда топор, коса и соха ходили» отошла на зад ний план. Эта формула была связана не только с неопреде ленностью границ земельных угодий, но и с их подсечны освоением.

Обязательным придатком к пахотной земле и домаш нему хозяйству были лес и река. Лес был не только резер вом для земледелия. Он давал различные плоды, дичь топливо. Дерево служило материалом для строительства изготовления домашней утвари и орудий труда. Из него делались средства транспорта (сани, телеги, лодки) и обувь Мхом утепляли жилище. Молодые побеги, листва, травы желуди были хорошим кормом для скота. Наряду с пред метами повседневной необходимости лес и река давали про дукты повышенной ценности, которые нередко упоминаются в документах, — меха и мед. При описании земельных вла дений в грамотах литовских князей встречаются типичны словесные сращения — «землицы бортными и берега бобро выи», что говорит о сравнительно широком распространении таких угодий в Брянской и Смоленской землях [7].

Преодолевая большие трудности, крестьяне, как сказа но выше, восстанавливали сельское хозяйство, разрабаты вали новые лесные территории под пашню, занимались ого родничеством и садоводством [8]. Они сеяли рожь, озимую яровую (ярицу), овес и в небольшом количестве пшеницу гречиху и горох. Рожь как основной продукт питания, един ственный озимый хлеб, культивировалась не только в Запад норусском регионе, она получила широкое распространени в Псковской, Новгородской землях, в Белозерье, южной Карелии, Подвинье и в бассейне Вычегды [9]. Овес использо вали для изготовления круп и в качестве фуража. В бояр ском хозяйстве овса сеяли даже больше, чем ржи. Объяс няется это тем, что бояре получали с крестьян рожь в виде оброка и тем удовлетворяли свои потребности, а овес в большом количестве шел на фураж скоту. Помол зерна в господском хозяйстве производился на мельницах, а крестья не мололи на жерновах или толкли в ступах. (Мельничное дело в качестве специального занятия в XIII—XIV вв. только зарождалось.)

Важной отраслью сельского хозяйства было льноводство, широко известное на Смоленщине, Псковщине, Новгородчине и Ярославщине. Лен хорошо выращивался на подсеках, не требуя там никакого удобрения. Изделия из

льна не только находили большой спрос в крестьянском хозяйстве, но и шли на удовлетворение потребностей феодалов. Из льняного волокна делали рыболовные снасти, полотно использовали для изготовления одежды. Русская льняная одежда в середине XIV в. была известна в Индии.

По-прежнему большую роль в хозяйстве населения западнорусских земель играло скотоводство. Разводили лошадей, крупный рогатый скот (коров и волов), мелкий скот (овец и коз), свиней и птицу. В XIII—XIV вв. возрастает значение коневодства, больше стали выращивать волов. Лошади и волы были основной тягловой силой. Лошади, кроме того, необходимы были в военном деле. «Конница играла решающую роль в войсках средневековья, в междуусобных княжеских войнах и в отражении нападения внешних врагов. Лучшей демонстрацией боевых сил конницы являются успешные для Руси бои с татарскими войсками в 70-х гг. XIV в. и победа русских войск над полчищами Мамая на Куликовском поле в 1380 г.» [10], в которой, кстати, участвовали брянский и смоленский полки.

Крупный рогатый скот давал различные молочные и мясные продукты. Коровы имели особое значение в обеспечении питанием трудового населения.

Более широкое развитие по сравнению с предыдущим временем получает свиноводство. Одна из причин данного явления в том, что только свиней татары не отбирали у населения и, следовательно, разводить их можно было без опаски.

Важную роль играло овцеводство. Овчины и шерсть шли на изготовление одежды, мясо употреблялось в пищу. Землевладельцы требовали от крестьян уплаты натурального оброка овчинами.

Много труда крестьянин вкладывал в заготовку кормов (сена), строил навесы и сараи для его хранения.

Крестьяне занимались также промыслами, охотой, рыболовством и бортничеством. Эти виды занятий, как видно из предыдущих глав, существовали с давних времен и продолжали развиваться в период феодальной раздробленности. Сельские промыслы были важным подспорьем для крестьянина, составляли одно из направлений его трудовой деятельности. Пушнину, овчину, рыбу, мед и воск крестьяне поставляли светским и духовным феодалам в качестве дани.

Развивается кожевенное и скорняжное производство.

Заметное развитие получает лесное дело, изготовление

лодок, строительных материалов, производство дегтя смолы.

В. И. Ленин писал: «При натуральном хозяйстве обще ство состояло из массы однородных хозяйственных едини (патриархальных крестьянских семей, примитивных сель ских общин, феодальных поместий), и каждая такая еди ница производила все виды хозяйственных работ, начина от добывания разных видов сырья и кончая окончательно подготовкой их к потреблению» [11]. Но и при господстве нат рального хозяйства часть продукции сельских промысло и домашней промышленности частично шла для продаж на рынок, происходило развитие городов, ремесла и торго ли. Жители деревни проявляли спрос на промышленны изделия, изготовленные гончарами, кузнецами, шорниками бондарями и даже ювелирами. Они, таким образом, не мог обойтись без орудий труда и быта, изготовляемых в гор дах. Город, в свою очередь, нуждался в продуктах сельск го хозяйства, товарах и изделиях крестьянских промысло Князья и феодалы покупали оружие, драгоценные камн ювелирные украшения, предметы роскоши, книги в сере ряной, золотой и инкрустированной драгоценными камня оправе. Производством кирпича, главным образом д строительства церквей, было занято большое количест небольших кирпичных заводов. Продолжает совершенств ваться гончарное и косторезное дело.

Отделение ремесла от земледелия приводило к возни новению и развитию городов, как центров ремесла и то говли, к росту числа его жителей.

Расцвет городского ремесла наступает около середи XII в. и продолжается вплоть до татарского нашестви Монголы нанесли особенно чувствительный удар по русск ремесленной промышленности, по наиболее важной и це ной ее части — городскому ремеслу [12]. Они оставляли живых только тех ремесленников, которые были им нужн для изготовления оружия и производства других промы ленных изделий.

Но постепенно Русь залечивала раны монголо-тата ского нашествия. Образование вокруг Москвы собствен русского центра объединения — Великого княжества Мо ковского — представляло собой качественный сдвиг в поли тической системе Восточной Европы. Славянские народы — белорусы, украинцы и великороссы, — подвластные Вели кому княжеству Литовскому, «проникались все больш

тяготением к России, что обнаружилось не раз, особенно в переломные моменты ее истории» [13].

Крестьянство было неоднородным по своему имущественному и социальному положению. Старое название крестьян «смерды» и «люди» постепенно уступает место новому «христиане» — крестьяне, что связано было с возрастанием роли христианской церкви. Правда, старинное наименование «люди» еще отчасти сохраняет свое значение. В источниках отмечаются «люди данные», «люди тяглые», «непохожие», которые отличались от «невольной челяди», закрепощенной феодалами. Крестьяне делились на четыре сословных категории: черносошных, повинности с которых шли в государственную казну; вотчинных, находившихся в личной зависимости от феодалов; дворцовых, принадлежащих князю, обслуживающих его хозяйство и являющихся его челядью; монастырских и церковных, работающих в монастырских и церковных вотчинах. Старые названия монастырских и церковных крестьян — изгои, прощенники и др. также уступают место общему для всех сельских жителей названию — крестьяне.

Многие крестьянские поселения именовались селами. Села, как правило, были заселены близкими родственниками. Наряду со старожилами — «отчиками», давно освоившими данные земли, в них жили и вновь поселившиеся (именуемые «соседями») — во временных жилищах «истобках» или в домах старожильцев.

Для примера возьмем с. Золотовичи Смоленского повета, где было пять изб «отчиков» (старожилов) и пять «истобок». В каждом доме проживало в среднем по 7 человек, а всего в этом селе было около 70 крестьян.

Большая часть сел принадлежала князьям, боярам и дворянам. В этих селениях строились дворцы или дворы феодалов, хозяйственные постройки и дома для сельской администрации. Завершалось строительство села сооружением церкви, обслуживающей сельский приход. К селу приписывались «входящие в состав владения деревни и угодья» [14].

В селах феодалов жили зависимые от них крестьяне, выполнявшие различные феодальные повинности. Были селения более крупные — слободки, жители которых занимались кроме сельского хозяйства ремеслом и торговлей. Деревни состояли из двух-четырех домов. С появлением «сельских поселений нового типа, получивших наименова-

ние деревень, отмечался успех на пути сельского строительства, выражавшийся в переходе подсеки к паровому полевому пашенному земледелию; новые селения — деревни — строились прочно, закреплялись навеки» [15]. Много деревень и починков было построено в XIII, XIV и XV вв. Починок (первоначальное поселение крестьян) предшествовал возникновению деревни, являлся ее зародышем. Он получал право именоваться деревней после освоения представленных ему земельных угодий и создания прочной земледельческой базы. Обязательным признаком деревни было наличие пашни, регулярно обрабатываемой и постоянно используемой для посева зерновых хлебов и других хозяйственных растений.

В источниках отмечено наличие запустевших сел и деревень, прекративших свое существование из-за разорения в годы войны, голода и ухода жителей, говорится и о различиях между крестьянами в размерах пашни и сенокосных угодий и количестве скота. Среди крестьян были безлошадные, бедные, которым даже давалась льгота от тягла.

Все группы крестьян подвергались феодальной эксплуатации, но находились в разной степени зависимости от феодалов.

Наиболее бесправную и угнетенную часть сельского населения составляла невольная челядь. Челядь жила при дворе феодала или за его пределами, получала в пользование небольшие участки. По своему положению челядь приближалась к холопам или закупам: обрабатывала барскую землю, ухаживала за скотом, занималась различными промыслами. По существу, она была лишена юридических прав и ее с полным основанием можно отнести к крепостному населению. В установлении крепостного права К. Маркс, как известно, отдавал предпочтение барщине («обыкновенное крепостное состояние возникало из барщины» [16]).

Возрастала эксплуатация и других категорий крестьян. Для этой цели была использована общинная организация. Деревни, села и слободы объединялись в волости, которые несли ответственность за исполнение повинностей, возложенных на волость. Волость распоряжалась общими землями и угодьями (леса, пастбища, и др.), принадлежавшими общине. В волостных общинах создавалась выборная крестьянская администрация, которая занималась раскладкой повинностей по отдельным хозяйствам и отвечала за сбор недоимок. Волостная администрация «была великокняжес-

кой надстройкой над зданием, сложенным соседскими общинами тяглых людей» [17].

Тем не менее волостная община должна была сплачивать население волости для защиты своих интересов. Серьезную опасность для общины представляла раздача казенных земель и деревень в частные руки. Волостные общины объединяли не только казенных, но и частновладельческих крестьян, за исключением челяди.

Ухудшение экономического положения крестьян и горожан приводило к обострению классовой борьбы, к народным волнениям. Летописец отмечает народные восстания 1310, 1340 и 1356—1357 гг. на Брянской земле. Особенно значительными были выступления «лихих людей» и «смута великая и опустошение города» в 1356—1357 гг. Поводом к выступлению послужило ухудшение жизни горожан и крестьян в связи с военным разорением [18]. Волостные общины оказывали некоторое влияние на ход народных волнений, нередко выступали защитниками интересов крестьян.

Развитию сельского хозяйства в Западном регионе, так же, как и в других землях Руси, мешала феодальная раздробленность с ее междоусобными войнами, большой ущерб крестьянскому хозяйству наносили княжеские и боярские охоты. В летописных сводах встречаются сведения о неурожаях, приводивших к повышению цен на хлеб, а в ряде случаев к голоду. В 1340 г. Смоленский край постиг страшный голод. «Все лето стояла засуха. Ночью на Спасов день весь Смоленск выгорел» [19]. Через 12 лет в Смоленске, Пскове и Новгороде вспыхнула эпидемия «чумной болезни, которая унесла очень много людей». В 1377 г. «в Смоленске вспыхнула эпидемия какой-то болезни и много тысяч людей унесла в могилу» [20].

Несмотря на огромные трудности, голод, эпидемии, пожары, нападения татарских и литовских феодалов, благодаря трудолюбию крестьян и горожан, Смоленск и Брянск с их деревнями и селами продолжали развиваться, нашли в себе силы и возможность принять участие в Куликовской битве на стороне Московского князя Дмитрия Ивановича.

ГЛАВА 4

КРЕСТЬЯНЕ ЗАПАДНОГО КРАЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЛИТОВСКИХ ФЕОДАЛОВ (XV — начало XVI века)

1. Экономическое и правовое положение крестьян

В XIV — начале XV в. западнорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского.

Образование этого государства, включившего в себя большую часть земель Древней Руси, стало возможным в результате соглашения литовских князей с боярством русских земель и княжеств, напуганным завоеваниями Золотой Орды и Немецкого ордена. Присоединение к Великому княжеству Литовскому сопровождалось признанием широких прав за местными феодалами. При этом «не происходило существенного перераспределения и ломки форм собственности, которые характеризуют, например, централизаторскую политику московского правительства»[1]. Ряд земель (Витебская, Полоцкая, Киевская и Смоленская) сохранял автономию, и их политические права были зафиксированы в выданных великими князьями и неоднократно подтвержденных областных привилеях (уставных земских грамотах), гарантировавших привилегии тамошнего боярства и отчасти горожан, неприкосновенность ряда местных законов, обычаев, традиционных форм управления, восходящих к древнерусским временам.

Присоединение к Великому княжеству Литовскому не влекло за собой изменений в общественном строе русских земель. Главной особенностью феодальных отношений в этом государстве в тот период был «синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель»[2]. Более развитые восточнославянские земли во многом сохраняли древнерусские культурные традиции. Это накладывало отпечаток на весь строй Великого княжества Литовского: язык его восточнославянского населения стал языком литовских летописей, юридических памятников, делопроизводства и великокняжеской, и местных канцелярий (на протяжении нескольких веков применявших преимущественно кириллическую письменность). Сохранила свои позиции и православная церковь, чей авторитет умело использовался литовскими князьями

для утверждения их власти. Хотя в Великом княжестве Литовском православному духовенству не удалось так существенно увеличить свои владения, как в Северо-Восточной Руси, его землевладение также было оставлено в неприкосновенности. После крещения языческой Литвы по католическому обряду в 1387 г. привилегии, предоставленные католической церкви, первоначально почти не угрожали позициям православного духовенства на землях Восточной Белоруссии и тем более — на Смоленщине и Брянщине. Великий князь Казимир, закрепляя прежние привилегии Смоленской земли (около 1442 г.), обещал «хрестьянства греческого закону не рушити», что подтвердили и его преемники [3]. В этот период на исследуемой территории не возникло ни одного католического прихода и даже существовавшая в XIV в. в Смоленске часовня для иностранных купцов в XV в. была превращена в православную церковь [4]. По словам В. Т. Пашуто, «поделившись рентой с литовским господствующим классом, феодалы древнерусских земель входили в его состав». Их договор — от имени всей земли — с великим князем гарантировал сохранение «старины», «т. е. прежде всего привилегий правящего феодального сословия, однако при известных ограничениях его финансовых, военных, внешнеторговых и внешнеполитических функций в пользу нового литовского верховного сюзерена» [5].

Таким образом, феодалы восточнославянских земель и княжеств, присоединенных к Великому княжеству Литовскому, в основном сохранили свои привилегии и могли опираться на власть литовского «господаря» для усиления своей власти над крестьянами. Во многих верховских и северских княжествах до XVI в. сохранялись князья из местных династий (черниговские и смоленские Рюриковичи) или из дома Гедиминовичей (обычно — уже принявшие православие). Великокняжеские наместники управляли только самим Смоленском и рядом «тянувших» к нему волостей» (составлявших Смоленский повет) и Брянском с округой. Продолжали существовать Бельское, Вяземское, Дорогобужское княжества (в конце XV в. перешедшие под власть России) [6].

Разумеется, в составе местных землевладельцев произошли некоторые изменения. Лишалась владений часть ближайших родственников смоленского княжеского дома. В ходе борьбы за Смоленск погибли многие местные бояре (и сторонники, и противники литовской власти). В результате великокняжеских пожалований земли на этой территории

получили выходцы из Великого княжества Литовского. Хотя среди них, по-видимому, могли быть и отдельные литовцы-католики, а также служилые татары, подавляющее большинство здешних феодалов происходило из восточнославянских (или славянизированных, как, например, князья Глинские) родов и исповедовало православие[7]. В этих условиях не могло быть и речи о каком-то национальном и религиозном гнете.

Изменения в составе местных землевладельцев не внесли сколько-нибудь существенных коррективов во взаимоотношения крестьянина и феодала. Конфликт между ними на исследуемой территории в этот период носил ярко выраженный классовый характер и не сопровождался национальными и тем более — религиозными противоречиями.

Однако, поскольку защитником привилегий местного боярства выступало в этот период литовское правительство, недовольство крестьянства, направленное против существующей власти, могло сопровождаться надеждой на улучшение своей участи в случае возвращения этих земель в состав России.

Экономическое положение западнорусских земель

Захват западнорусских земель Великим княжеством Литовским, их последующее возвращение России осуществлялись в ходе ожесточенной борьбы. Упорно боролось за свою самостоятельность Смоленское княжество. Известно смоленское восстание 1440 г., поднятое «черными людьми» не только против власти литовских наместников, но и против местных феодалов — сторонников Литвы (о нем будет сказано ниже).

Бурные политические события оказали влияние и на экономическое развитие западнорусских земель. Войны разоряли край, разрушали производительные силы. Так, в 1395 г. Витовт, придя под Смоленск «посад пожже и люди многи поплени, с собою поведе». В 1404 г. литовцы «около Смоленска пусты сотвори», в 1445 г. «пришед москвичи с татары, извоеваше Вяземьскую землю всю». При подавлении восстания 1440 г. литовские войска «посады и церкви и монастыри пожьгоша, а люди много множество посекоша, а живых в полон поведоша, многа зла сотворися»[8]. Нередко и в мирное время в пограничных районах случались столкновения, набеги, в результате которых страдало сельское население. Так, в 1487—1488 гг. можайский князь Андрей

Васильевич и управлявший Тверью князь Иван Иванович Молодой систематически совершали нападения на Вяземское княжество. Весной 1489 г. Иван III послал своих воевод на Воротынск, откуда в полон было уведено 7 тыс. человек; в 1492 г. «люди», перешедшие на русскую службу князя Дмитрия Воротынского, а с ними «колужане» и «перемышляне», «пустошили» земли в окрестностях Брянска [9].

Несмотря на это, все же XV в. был в целом временем сравнительно мирного развития хозяйства края. Фактически лишь первое и последнее десятилетия XV в. были отмечены военными действиями, так или иначе затронувшими всю эту территорию.

В конце XV — начале XVI в. борьба за западные русские земли обострилась, и даже после возвращения Смоленска России в 1514 г. они знали мало мирных лет. (Борьба за Смоленск продолжалась до 1527 г.)

Разрушительное действие на сельское хозяйство оказывали стихийные бедствия. Неурожаи вели к катастрофическому голоду. Летописи сохранили сведения о голоде 1436—1438 гг., когда три года подряд в результате неурожаев «бысть глад велик во Смоленску». Цена четверти ржи подскочила до огромной по тем временам суммы — 120 грошей (по другим сведениям — даже 180 грошей), а в великий пост (что считалось большим грехом, и потому отмечено летописцем), не имея хлеба, люди ели мясо. В 1443 г. «Бысть зима люта и метелица бесьпрестани с морозом, и мьроша люди многи по лесам и по дорогам с великой студени. А снег был велик велми, за многа лета не запомнять. Тои же весны поводь была велика во Смоленску, весь посад повела, мало не дошла вода до Покровская горы» [10]. Летопись не сообщает о последствиях морозной зимы для сельского хозяйства, но можно предположить, что погибла часть крестьянского скота, на следующий год урожай озимых был плох, и крестьянство опять голодало.

Войны, стихийные бедствия уменьшали численность сельского населения, приводили к запустению деревень, уходу крестьян с насиженных мест.

Наряду с переходом крестьян пограничных уездов из Великого княжества Литовского в Россию источники сообщают о притоке на западнорусские земли новых поселенцев. Так, подтверждая Елфиму Бокееву владение с. Черпетовом в Брянском уезде (полученным еще в 30-е гг. XV в.), литовское правительство разрешило ему «звати люди, а кого

призоветь и осадить, тым воли на три годы» [11]. Аналогичное разрешение получил в 1497 г. от великого князя Александра смоленский епископ — «звати людей с зарубежья и садити их по его землям звечным церковным» [12] и т. д. Переселялись не только «москвичи и тверичи», упоминаемые в этом документе, но и выходцы с земель Великого княжества Литовского. Переселенцы восстанавливали хозяйства в запустевших селеннях, вместе с местными жителями обжнвали новые земли.

Как и раньше, в сельском поселении основной единицей был двор. На крестьянском дворе проживала одна или несколько семей кровных родственников. Иногда к ним присоединялись и «соседи», «суседцы», новые поселенцы обзаводились собственным жильем, нередко подселялись и в чужие дома [13]. Крестьянское поселение называлось селом, сельцом и деревней, господское — дворцом, двором.

Отдельные сельские поселения быстро росли путем разделения больших семей на малые, строившие собственные избы, а также за счет появления в селе пришлых. Расширение площади пахотных земель за счет лесных ресурсов [14] создавало возможности для роста сельскохозяйственного производства по мере увеличения численности сельского населения, способствовало экстенсивному развитию сельского хозяйства, появлению новых сельских поселений.

Осиовной формой земледелия было, видимо, двухполье. Сведениями о распространении в этот период трехполья мы не располагаем. Подсека и перелог [15] играли, очевидно, вспомогательную роль.

Название одного из основных налогов — «посощина» косвенно свидетельствует о роли сохи в крестьянском хозяйстве. Однако в этот период более характерен плуг, распространенный на территории западнорусского края. Сохранились в хозяйстве и косы, топоры (секиры), хорошо известные в период феодальной раздробленности.

Некоторое представление об основных сельскохозяйственных культурах, бытовавших в то время в этом регионе, можно составить на основе описания шести господарских дворов Смоленского повета, находившихся в держании смоленского наместника Юрия Глебовича. В них около 1499 г. было посеяно 250 мер ржи, 166 мер овса, 44,75 меры ярицы (яровой ржи), 32 меры пшеницы, 19 мер гречихи, 11 мер ячменя и 0,5 меры гороха [16]. Эти данные не могут быть распространены целиком на сельское хозяйство западнорусско-

го края, но все же они позволяют судить о структуре посевов, о соотношении озимых и яровых культур. Ржи озимой и яровой высевалось почти 295 мер, а всех остальных культур — 228 мер. Рожь, как и прежде, преобладала в крестьянском и барском хозяйстве. Из яровых культур на первом месте шел овес, который употреблялся в пищу и на корм скоту. Конопля и особенно лен — культуры, традиционные для региона, активно выращивались во многих хозяйствах и обеспечивали сырьем домашнее ремесло. Выращивался крестьянами и хмель, применявшийся в пивоварении.

Садоводство и огородничество слабо отражены в источниках. Эти занятия для большинства крестьян являлись вспомогательными. Но последнее, видимо, имело большое значение для той части невольной челяди, которая, живя при господарском дворе, кроме содержания получала небольшие участки земли. Огородничество, несомненно, было, оно распространялось даже среди той части горожан, которая не имела (как некоторые мещане) пахотных земель в окрестностях города.

В приведенном выше описании господарских дворов упоминаются волы и лошади (составлявшие основную тягловую силу), быки, коровы, телята, овцы, свиньи, поросята, гуси, утки, куры. Развитие в регионе животноводства и птицеводства подтверждают и другие документы. О степени развития животноводства позволяет отчасти судить один из «листов» короля Казимира смоленскому наместнику, по просьбе мещан регулирующий некоторые вопросы господской жизни. Этот документ, датируемый второй половиной XV в., упоминает, что в Смоленск «купцы з Вязмы, и з Дорогобужа, и зо Мстиславля, и з сел привозят к городу мясо продавати целыми стяги»[17]. В этом документе речь идет о купцах, скупавших скот у крестьян и феодалов. Но сельское население могло самостоятельно привозить в города мясо на продажу. Во всяком случае, животноводство являлось для крестьянства важным занятием, а его продукция в значительной степени могла предназначаться на рынок, что свидетельствовало об определенном уровне развития в деревне товарно-денежных отношений.

Из промыслов, распространенных в регионе, назовем бортничество, охоту, рыболовство. О развитии бортничества свидетельствуют многочисленные упоминания источников о медовой дани, взимавшейся с населения Смоленского повета

и Вяземины. В начале XVI в. годовой смоленский экспорт воска достигал 8000 кусков [18].

Заметную роль в хозяйстве крестьян играла и охота, особенно на пушного зверя (шкуры сдавались феодалам в виде дани). Лишь охота на кабанов, лося считалась привилегией феодалов, так же, как охота на бобров. В последней с разрешения феодала, владельца реки, принимали участие и крестьяне при условии сдачи владельцу значительной части бобровых шкур [19]. Крестьяне-слуги, так называемые «осочники», несли «ловецкую службу господаря», вероятно, она существовала и в имениях крупных феодалов. Существенную роль в хозяйстве крестьян, живших на берегах рек и озер, играло рыболовство.

Многочисленные источники свидетельствуют о распространении среди сельского населения Западного края ремесел. В деревне были кузнецы, колесники, мастера, изготовлявшие ушаты и ведра, различные специалисты по обработке дерева и др. Несомненно наличие в деревне мельников и гончаров. В качестве домашнего промысла была распространена обработка льна и ткачество, занималось сельское население и железоделательным производством.

Некоторые сельские ремесленники явно предназначали свою продукцию для широкого круга потребителей. Так мастера-колесники, жившие в Болванищкой волости и вносившие в качестве оброка на господский двор лишь четыре колеса в год, разумеется, не ограничивались этим, а производили колеса на продажу, обеспечивая ими жителей соседних селений [20].

Таким образом, крестьянин сочетал занятие земледелием, скотоводством, птицеводством, огородничеством, домашним ремеслом, лесными промыслами, иногда охотой, рыболовством. Его хозяйство состояло из пашенных земель, сенокосов. Крестьяне пользовались правом «вступа» в леса, принадлежавшие великому князю или другим феодалам, ловли рыбы в озерах и реках, иногда им принадлежали и «звериные ловы, бобровые гоны». И все эти земли и угодья входили в состав одной хозяйственной единицы (специализация крестьянских хозяйств была еще не высока, хотя и существовала).

Юридическое положение крестьян

В составе крестьянства существовали группы, различавшиеся по положению, повинностям, занятиям. Название «крестьяне», «христиане» утвердилось в запад-

норусских княжествах так же, как и в других русских землях, в XIII—XIV вв. Наряду с ним продолжал существовать ведущий свое начало с древнего периода термин «люди» (он дольше всего сохранился именно в Великом княжестве Литовском). Западнорусские феодалы пользовались этим термином для обозначения различных групп крестьян. В источниках крестьяне именовались «людьми данными», «людьми тяглыми» и «непохожими». Крестьяне, исполнявшие военную и другие службы, чаще всего именовались «слугами». Иногда термин «люди» применялся к князьям, панам и боярам. Они именовались «королевскими людьми» и «людьми господарскими». Но это наименование имело уже другой социальный смысл.

В состав крестьян не зачислялись невольники, они именовались «невольной челядью» и по своему положению приближались к холопам «Русской правды». По отношению к волостному населению употреблялось еще одно название — «мужи». Этот термин встречается в господарских грамотах; видимо, «мужи» являлись представителями общины, наиболее авторитетными лицами в волости [21].

Упоминаются в источниках «мужики и жонки», так именуются и господарские невольники, но трудно сказать, обозначалось ли так только сельское население или все мужчины и женщины непривилегированных сословий.

Сельское поселение состояло из деревни и принадлежащих ей земель и угодий. Волость представляла собой комплекс сельских населенных пунктов, подчиненных судебно-административной власти великокняжеского наместника или другого органа местного управления. Границы волостей определились в предшествующий период в связи с созданием местной княжеской администрации, ответственной за сбор дани и исполнение других повинностей. С установлением власти Великого княжества Литовского границы волостей в основном сохранились, хотя часть волостей, именовавшихся «путями» (что было связано со специфическими повинностями жителей), видимо, была образована (возможно, на месте ранее существовавших) при Витовте и его приемниках не ранее XV в. Иногда центрами волостей являлись или становились создаваемые там господарские дворы [22].

Крестьян объединяла общая ответственность за исполнение повинностей, возложенных на волость в целом. Волости принадлежали общие замки и угодья. В Белоруссии известна обязанность волостного населения вносить платежи

за несостоятельных членов волости, видимо, это правило действовало и в западнорусских землях. В великокняжеских волостях кроме господарских наместников, которые собирали налоги и передавали их смоленскому наместнику, действовала выборная крестьянская администрация. Ее должностные лица именовались старцами (это название бытовало и на Смоленщине, хотя для нее характернее другое название — приказники), в волостях, именовавшихся «путями», — путниками, на Брянщине — сотниками.

Разные названия должности отражали специфику местной волостной организации. Они (видимо, вместе с «мужами») сами раскладывали повинности по крестьянским хозяйствам, отвечали за сбор недоимок.

Местная крестьянская администрация выступала в качестве посредника между крестьянином и господарским наместником. Самоуправление помогало властям распределять повинности, получать доходы. Крестьяне пытались использовать самоуправление и для защиты своих интересов. Выборная власть сплачивала население волости. Угрозой для волостной организации крестьян являлась раздача земель и деревень феодалам, поскольку частновладельческие крестьяне были свободны от ряда повинностей, возложенных на крестьян, живших на землях великого князя. Иногда при пожаловании имений феодалам литовский «господарь» оговаривал обязанность исполнения части прежних повинностей [23].

Таким образом, крестьянская община продолжала существовать как бы на двух уровнях. Типичной была соседская община, нередко объединявшая села и деревни, население которых состояло в основном из родственников. В некоторых случаях родственники (например, братья) вели хозяйство совместно, сохраняя семейную общину. Семейная община в результате выделения самостоятельных хозяйств, сохранявших лишь некоторые коллективные функции, перерастала в соседскую общину [24].

Организаций крестьянства, выходивших за рамки волости, источники не знают. Это обстоятельство позволяет понять истоки политической слабости крестьянства: феодальному государству противостояли сельские и волостные общины, порознь защищающие свои права. Лишь в отдельных случаях, в моменты острого обострения классовой борьбы, каким была, например, «Великая замятня» в Смо-

ленске, крестьяне (особенно близлежащих волостей) принимали в ней участие.

Наиболее угнетенную группу сельского населения составляла невольная челядь, аналогичная русским холопам. Челядь исполняла работы по дворцовому хозяйству и прежде всего обрабатывала барскую землю. Кроме того, челядники и челядницы ходили за скотом, пряли лен, ткали полотно и т. п. Источники рабства в Великом княжестве Литовском были те же, что и по «Русской правде». Но по сравнению с нормами «Русской правды» здесь был сделан существенный шаг вперед: было запрещено обращение в рабство за долги, не было известно и существовавшее в Древней Руси рабство «по ключу», т. е. по должности в администрации имения [25]. Впрочем, сохранялось закупничество — фактически долговое рабство, временно (до выплаты или отработки долга) дававшее кредитору право на личность должника. Еще по привилею Смоленской земле Казимира, подтвержденному в 1505 г. его сыном королем Александром, было установлено: «хто коли человека держит в пенязех, тые бы сами тых людей своих судили и рядили» [26]. Однако по литовским законам закуп не мог быть превращен в невольника. Челядь жила или на дворе феодала, или за его пределами, на выделенных ей в пользование небольших земельных участках — «приробках». Челядь имела и движимое имущество — «бонды». В других литовских владениях они зафиксированы в господарском «Уставе» 1529 г., но, видимо, имели место и в исследуемый период, в то время в Литве челядь, имевшая «бонды» и державшая «приробки», получала месячину деньгами в размере полутора копеек (90 грошей) ежегодно; те же, «которые обыходу и домов своих не имають», жили на полном содержании двора и получали месячину четыре раза в год по бочке жита.

Юридическое положение челяди в Великом княжестве Литовском оставалось бесправным. Беглого челядина разыскивали на тех же основаниях, что и пропавшую вещь. За убийство невольного человека штраф («головщину») получал его господин. Невольник не мог выступать в судебных делах: со времени «Русской правды» сохранилось и было зафиксировано в законодательных документах правило «А хозяину и робе веры не няти» [27]. Невольник юридически не имел возможности вернуть утраченную свободу. Исключением было временное рабство за долги, сводившееся к обязанности должника отработать на чужом дворе срок,

впоследствии четко определенный законодательно. Кроме того, Литовский статут 1529 г. закрепил право, согласно которому человек, продавший себя и детей в голодный год в рабство, мог, отработав взятую сумму, возвратить свободу. Таким образом, в принципе возможность выкупиться на свободу у невольника существовала, но кроме двух названных случаев это целиком зависело от воли феодала (который был заинтересован в сохранении челяди, осуществлявшей в то время основные работы в господском хозяйстве). Зависимость челяди от феодала была абсолютной, юридически она рассматривалась как имущество, неотъемлемая принадлежность имения.

На практике положение некоторых категорий челяди могло быть благоприятнее, а появление у невольников в Великом княжестве Литовском земельных участков, движимого имущества свидетельствует о вновь начавшемся фактическом (но еще не юридическом) сближении их с основной массой крестьянства.

В исследуемый период постепенно усиливалась зависимость от феодала и других категорий крестьянства. На западнорусских землях, как и на остальной территории Великого княжества Литовского, уже развивалось крепостное право, и крестьяне делились на «похожих» и «непохожих». Люди «похожие», «вольные», все еще очень многочисленные, сохраняли личную свободу и право ухода из деревни. Люди «непохожие» таким правом не пользовались, находились в крепостной зависимости от феодала, носившей наследственный характер.

Вопрос о происхождении на землях Великого княжества Литовского крепостного права и о путях закрепощения тамошнего крестьянства неоднократно дискутировался в литературе. Сложность его решения состоит в том, что литовское законодательство исследуемого периода не содержит никаких актов, запрещавших переходы крестьянства из имения в имение или просто регламентировавших (как «Судебник» Ивана III 1497 г. в России) порядок таких переходов. Впрочем, в привилее боярству 2 мая 1447 г. великий князь Казимир обещал, что он и его наместники не будут принимать в имения господаря людей, зависимых от бояр («данных, извечных, селенитых, невольных»), потребовав одновременно, чтобы и бояре не принимали таких его людей. Как справедливо показал В. И. Пичета, данный привилей не запретил выхода вольных людей: он только закрепил за

феодалами право на личность уже закрепощенных крестьян, тех, которые к моменту издания привилея уже считались «извечными», «отчизными», «непохожими», т. е. закрепощение началось до издания этого документа [28].

Основной причиной закрепощения крестьян являлась заинтересованность феодала в стабильном поступлении платежей, даней, регулярном исполнении других повинностей. Важным экономическим стимулом для этого могло являться и развитие господской запашки, барщины. Однако в исследуемом регионе связь барщины с закрепощением проследить трудно.

На ранних этапах развития феодального имения его потребность в рабочей силе удовлетворялась преимущественно за счет рабского труда (само появление невольной челяди было результатом потребности землевладельцев в рабочих руках и невозможности широко использовать с этой целью труд еще свободных крестьян-общинников; исчезновение невольников в конце XVI в. хронологически совпадает с окончательным закрепощением крестьянства. Видимо, прав В. И. Пичета, подчеркивая, что феодал был заинтересован в сохранении не только тяглых крестьян, обязанных выполнять работы в господском хозяйстве, но и остальных обитателей имения [29], так как уход каждого из них уменьшал его доходы. Заинтересованность феодала в крестьянском труде, в продуктах этого труда, т. е. в различных видах ренты, неизбежно вела к попыткам установления власти над личностью крестьянина, превращения его экономической зависимости в личную.

По-видимому, закрепощение крестьянства, активно осуществлявшееся феодалами Великого княжества Литовского (в том числе и западнорусскими землевладельцами) уже в первой половине XV в., явилось результатом взаимодействия целого ряда экономических и политических факторов. Одной из предпосылок этого явления было усиление позиций феодалов в жизни страны, дальнейшее развитие (в результате все новых и новых пожалований великого князя) боярского землевладения, расширение политических, судебных, экономических привилегий боярства, закрепленное целым рядом грамот литовского господаря. Феодалы Великого княжества располагали достаточной силой для того, чтобы приступить к закрепощению, и не нуждались для этого даже в специальных законодательных актах, которые освятили бы этот процесс авторитетом государственной власти (хотя привилей

1447 и последующее законодательство закрепляли успехи феодалов в наступлении на права крестьян).

Владельцы имений удерживали крестьян всеми способами. При этом использовалась и крестьянская задолженность. Но гораздо более важную роль играл издавна сложившийся в Великом княжестве Литовском принцип «земской давности», согласно которому крестьянин, прожив у феодала определенный срок, терял право на выход, если не оговорил его при поселении в имении (при наличии такого соглашения даже дети и внуки крестьянина теоретически могли восстановить свою свободу, хотя на практике это сделать было, видимо, нелегко). По мнению ряда исследователей, десятилетний срок «земской давности», после которого крестьянин, живший в имении, согласно статуту 1588 г. терял свободу, действовал задолго до его закрепления в этом памятнике. На это указывает то обстоятельство, что уже в статуте 1529 г. (где отсутствуют указания на возможности закрепощения крестьян-старожилов) отмечено, что «отчинные» люди, бежавшие от своего господина к другому феодалу, подлежали возврату лишь в том случае, если прожили на новом месте менее десяти лет [30]. По-видимому, такая давность распространялась и на вольных людей, селившихся на земле феодала и не оговоривших своего права на сохранение свободы. Этот срок давности сложился в ходе повседневной практики отношений между крестьянами и феодалами, хотя в исследуемый период еще не был зафиксирован в законодательных памятниках.

Таким образом, закрепощение крестьян осуществлялось явочным порядком с помощью норм обычного права (земской давности) и экономических связей, возникавших между крестьянином и феодалом в силу сохранения последним права собственности на крестьянскую землю, а крестьянином — наследственного пользования ею. Как это ни парадоксально, видимо, зависимость крестьянина — свободного поселенца — от феодала укреплялась по мере укрепления за этим крестьянином владельческих прав на землю. Став старожилом в своей деревне, унаследовав участок от отца, прожив на земле феодала сколько-нибудь длительный срок, крестьянин все чаще терял личную свободу и превращался в «непохожего», «отчинного» человека.

Расширению сферы действия крепостного права способствовали и великокняжеские пожалования, в результате которых государственные крестьяне попадали под власть фео-

далов. Впрочем, нет оснований утверждать, что пожалование господарем крестьянских земель во владение местных бояр автоматически ликвидировало возможность крестьян уйти из имения. Напротив, ряд привилеев подчеркивает право жителей деревень, пожалованных боярам, по своему усмотрению служить новым владельцам или покинуть их. При этом феодалы нередко препятствовали уходу, поскольку он нарушал их интересы, уменьшал доходы. Так, брянский боярин Богдан Григорьевич, державший в залоге с. Брасовское, не пожелал отпустить живших там слуг Тяновичей, забрал у них «статьки их и жито», т. е. имущество и зерно. После жалобы Тяновичей великому князю Александру, последний в «листе» брянскому наместнику признал уход этих слуг законным и приказал наместнику принять меры для возвращения боярином захваченного у них имущества [31].

По уже упоминавшемуся привилею 2 мая 1447 г. великий князь обязался «не вступаться» во владения бояр, предоставив им право вотчинного суда над всем населением имения. Как видно на примере слуг Тяновичей, это право первоначально отнюдь не являлось абсолютным, и в случае конфликтов с феодалом, получившим землю от великого князя, местные крестьяне могли жаловаться самому господарю, когда пытались оспорить пожалования.

Но наличие у феодала права собственности на землю в сочетании с правом сеньориального суда и сложившимся в течение десятилетий принципом «земской давности» создавало реальную возможность установления сначала фактической, а затем и юридической зависимости прежде свободного крестьянина. Кроме того, крестьянину было трудно расставаться с обжитым местом, ликвидировать хозяйство, бросить землю и идти искать счастья в имениях других бояр, где его могла ожидать еще худшая участь. Первоначально новый владелец избегал резких изменений в структуре повинностей крестьян (часто зафиксированных в великокняжеском привилее). Когда же впоследствии феодал возлагал на него более новые обременительные повинности, крестьянин уже не имел право на переход по земской давности.

В ряде случаев великий князь жаловал феодалам и «людей непохожих», крестьян, утративших право перехода в его владениях. Основанием для такого вывода могут служить записи Литовской метрики времен правления великого князя Казимира (1440—1492), упоминающие не только

о пожаловании боярам «земель пустых», но и о переданных феодалам «людях», названных поименно. «Непохожие» крестьяне нередко упоминаются также в более поздних при-вилеях [32]. В этих случаях право феодала не только на дани и службы, но и на личность крестьянина, было несомненно. В других случаях нередко оно приобреталось фактически явочным порядком. «Непохожие» люди являлись неотъем-лемой принадлежностью имения, и в случае его продажи также переходили под власть нового владельца. Впрочем, в исследуемый период закрепощение «непохожих» людей не являлось еще полным и окончательным. Даже позже, в XVI в., крестьянин мог с разрешения владельца имения покинуть свой надел, найдя себе заместителя (что нередко оформлялось в виде земельной сделки). Довольно легко расставались феодалы в то время с разорившимися крестья-нами, не имевшими возможности исполнять прежние повин-ности. Они, как правило (чтобы избежать дробления хозяйств), еще не препятствовали уходу из деревни млад-ших сыновей и братьев крестьян (если не могли устроить их на месте и обеспечить землей, скотом, инвентарем). Т. е. есть и «непохожие люди» еще сохраняли некоторую мобиль-ность, возможность легально покинуть имение. Но по мере развития в деревне барщинных отношений и расширения господской запашки феодалы все чаще, не желая терять рабочих рук, запрещали уход из имений и этих крестьян.

Источники позволяют утверждать, что процесс закреп-щения западнорусского крестьянства продолжался на про-тяжении всего исследуемого периода, но протекал сравни-тельно медленно и ускорился, как и на остальных землях Великого княжества Литовского, с началом XVI в., т. е. незадолго до присоединения земель региона к Российскому государству. Мы не располагаем данными, чтобы судить, насколько далеко зашел этот процесс к концу исследуемого периода. Можно лишь с уверенностью констатировать сохра-нение в регионе значительного числа крестьян, еще не потерявших личной свободы (военнослужилые крестьяне, жи-тели великокняжеских волостей, данники, некоторая часть населения частновладельческих и церковных имений, еще не отсидевшая «земской давности» или оговорившая свое пра-во на уход при поселении в имении), т. е. незавершенность процесса закрепощения. Окончательно потерять свободу западнорусскому крестьянству предстояло почти столетие спустя, и не исключено, что распространение на эту терри-

рию после 1514 г. иорм «Судебника» Ивана III могло способствовать восстановлению права на выход по крайней мере части сельского населения, ранее уже попавшего в зависимость от феодалов. Характеризуя правовое положение крестьянства, следует упомянуть также о защите законом личности крестьянина от уголовных преступлений.

В Великом княжестве Литовском, в том числе и на землях региона, действовали многие нормы «Русской правды». В 1529 г. во многом на их основе был составлен первый Литовский статут. В частности, штрафы за убийство и ранение («головщина» и «навязка») взимались, как и во времена «Русской правды», частично в пользу пострадавшего или членов его семьи, частично в пользу государства. Статут Великого княжества Литовского при установлении размеров головщины и навязки продемонстрировал не только сословное неравенство крестьян и феодалов. Навязка — штраф за ранение или оскорбление шляхтича равнялся штрафу за убийство военнослужилого (путного слуги) — был вдвое выше головщины тяглого человека и вчетверо выше головщины невольника [33]. Статут явно отразил тенденцию, действовавшую и раньше: фактическое различие в социально-экономическом положении крестьян вело их к неодинаковому юридическому положению.

Кроме копного суда, решавшего в Великом княжестве Литовском текущие дела сельских жителей [34], крестьяне подлежали суду феодала или наместника (с 1447 г. действовал принцип подсудности по подданству). Крестьяне могли обращаться к великокняжескому суду, жаловаться на наместников, а в некоторых случаях — и на владельцев имений, где они проживали. Прибегавшие к услугам государственного суда крестьяне и другие категории населения платили судебные сборы и пошлины в пользу наместника или великого князя — вины, т. е. штрафы, пересуды, плату за разбирательство дела. По «листу» великого князя Казимира, изданному во второй половине XV в. и подтвержденному Александром в 1505 г. в связи с жалобами на злоупотребления смоленских наместников, был восстановлен размер пересуда «от рубля по четыре гроша, а от полтины по два гроша». Особо оплачивалось «децкование» — поездки слуг наместника и владыки (епископа) и смоленских окольничьих по судебным делам: «на милю децкования по грошу; а коли на справу пошлются, ино по два гроши на милю на них бирано», т. е. плата ставилась в зависимость от рас-

стояния, а некоторые поездки для расследования оплачива-
лись в двойном размере [35].

В отличие от невольной челяди, крестьяне могли высту-
пать свидетелями в суде по различным делам, в том числе
и земельным. Показания крестьян-старожилов и волостных
приказчиков признавались достаточными для определения
социального статуса крестьян, оспариваемого феодалами.
Свидетельство «старых старцев и путников старых» учиты-
валось великим князем Казимиром при установлении тради-
ционных норм одного из налогов со всей Смоленской земли [36].

Как и в России, в Великом княжестве Литовском земля,
находившаяся в пользовании крестьянина, юридически счи-
талась собственностью феодального государства или фео-
далов, хотя крестьяне, издавна жившие на этой земле, счи-
тали себя ее «отчичами». Но поскольку для функциониро-
вания феодального поместья, как отметил В. И. Ленин, «не-
обходимо, чтобы непосредственный производитель был на-
делен средствами производства вообще и землею в части-
ности» [37], то земельный надел крестьянина передавался по
наследству и права пользования не нарушались (хотя юри-
дических гарантий прав крестьянина на землю не существо-
вало). В условиях слабого развития собственного хозяйства
феодала последний редко вмешивался в вопросы распреде-
ления земель внутри общины, еще не был заинтересован
в захвате крестьянских наделов и присоединении их
домену, поэтому крестьянское землепользование в это
период было довольно стабильным. В некоторых случаях
крестьяне могли распоряжаться своими наделами. Отчужде-
ние оформлялось в виде земельной сделки (подобные при-
меры известны на Смоленщине), оно было возможно лишь
с согласия феодала, которому было не столь уж важно, кто
исполняет повинности, связанные с владением наделом. Ку-
чая, оформленная крестьянином, санкционировала не пере-
дачу права собственности на землю, которым крестьянин
уже не обладал, а лишь уступку права пользования. Пра-
дать свою землю другому феодалу крестьянин, разумеется,
не мог.

Официальная доктрина, выражавшая точку зрения фео-
далов, отражала фактическое положение вещей (феодаль-
ную монополию на землю, лишавшую непосредственных
производителей права собственности на основное для них
средство производства). Однако и западнорусские крестья-
не, по-видимому, не смирились до конца с потерей собстве-

ности на землю и, вынужденно признавая власть феодалов и исполняя в их пользу повинности, считали себя законными владельцами своей земли, ее «отчичами» [38], защищали от посягательств целостность волостных земель. При этом и правительство, и феодалы, юридически не считая крестьян собственниками земли, на практике нередко вынуждены были идти на определенные уступки, фактически принимая к сведению владельческие права крестьян и крестьянской волости.

Крестьяне (даже невольная челядь, ведущая хозяйство) сохраняли право собственности на свое имущество, скот, инвентарь (но крестьянский дом, хозяйственные постройки собственностью крестьянина, видимо, не являлись). По нормам обычного права за держателем надела сохранялся произведенный им продукт за вычетом заранее установленных платежей и сборов в пользу феодала, т. е. у крестьянина был стимул для развития хозяйства.

Доля прибавочного продукта, извлекаемого феодалом, зависела от условий владения землей, характера повинностей, возложенных на держателей различных крестьянских наделов.

Категории крестьян и их повинности

Сельское население региона выполняло множество повинностей в пользу государства, светских и духовных феодалов. По источникам известны такие повинности западнорусского крестьянства, как посошина, дань (прежде всего медовая, а также куничная, бобровая, «грошовая», денежная), дякло, мезлева, подводная и ряд других, в том числе обязанность выполнять барщинные работы. Некоторые повинности исполнялись всеми крестьянами (например, дань — основная повинность крестьян, как и в предшествующий период), другие же возлагались лишь на определенные группы крестьян и определяли специфику их положения (военная служба панцирных слуг, обязанность путных слуг кроме военной службы исполнять поручения наместников, в частности ездить с письмами и т. п.). Как отмечают исследователи, повинности крестьян сложились на славянских землях Великого княжества Литовского еще в последний период существования Древнерусского государства [39].

Присоединяя их к Великому княжеству Литовскому, правящие круги во многом использовали сложившуюся систему эксплуатации крестьянства, постепенно дополняя ее новыми

методами и приемами. Рост привилегий господствующего класса вел к появлению различий в повинностях крестьян, живших в государственных и частных владениях.

Уже в период установления в 1385 г. вассалитета Смоленского княжества по отношению к Великому княжеству Литовскому литовские князья приобрели право на получение от смоленского князя ежегодной дани, «аналогичной «полетнему», выплачиваемому им еще в конце XV в. князьями северских и «верховских» княжеств (например, Новосильского).

М. К. Любавский предполагал, что эта дань (установленная, по его мнению, при князе Юрии Святославиче) тождественна упоминаемой на Смоленщине «посощине», но для такого отождествления вряд ли имеются достаточные основания. Впрочем, косвенным доводом в пользу точки зрения М. К. Любавского может служить то обстоятельство, что сохранившие свои владения князья Вяземские также уплачивали с них в середине XV в. посощину, причем князь Константин Вяземский получил от короля Казимира право «самому посощину на своих людях имати, а давати ему зъ года на год по тридцати рублев к Смоленьску у нашу казну»[40]. Во всяком случае уже при Витовте после захвата Смоленска, когда литовские князья перешли к управлению Смоленской землей через наместников, посаженных и в самом Смоленске, и в отдельных волостях, от посощины были освобождены старые боярские вотчины, исконные владения местных феодалов. Однако пахотные земли, полученные ими от Витовта и его преемников, посощиной облагались. Правда, и здесь были исключения. Так, не платилась посощина с жалованных лесных земель, распаханных их владельцем, где он сажал новых людей, в тех случаях, когда вновь поселенные в имении «слуги» феодала специально освобождались от посощины по «листу» или распоряжению великого князя (что требовалось доказать документами или другими способами)[41]. Таким образом, в отличие от «полетнего», посощина являлась своего рода земельным налогом, взимавшимся с земель и феодалов, и (как свидетельствуют источники) крестьян, живших на землях самого великого князя. Следовательно, мы не можем признать ее специфически крестьянской повинностью, хотя в конечном итоге она, по-видимому, ложилась на плечи прежде всего крестьянства.

Единицей обложения при сборе посощины являлась, очевидно, соха, условная податная единица, широко известная

и в России, измерявшаяся количеством рабочей силы и наличием в хозяйстве рабочего скота, дававшими возможность обработать то или иное количество земли. На Смоленщине учитывалась и категория земли (древние боярские вотчины, жалованные, вновь расчищенные и распаханные и т. п.). О размерах обложения посощиной судить довольно трудно, по-видимому, они определялись в индивидуальном порядке с учетом конкретных местных условий. Можно лишь привести в качестве примера доспешных слуг (военнослужилых крестьян) Кленской волости Смоленского повета Щербиновых, которые в конце XV в. платили посощину в размере 16 грошей. Пример позволяет провести грань между посощиной и грошовой данью; последняя являлась денежной повинностью Щербиновых, они («даивали в казну полтину грошей»), тогда как посощина играла для казны скорее вспомогательную роль [42].

Посощина отчасти напоминает серебщину, военный налог, известный на территории Великого княжества Литовского в XV— XVI вв. Серебщина также взималась с сохи — воловьей или конской, считавшейся единицей запашки. На Смоленщине серебщина взималась по общему для всего княжества постановлению сейма 1507 г. Ее размер обычно составлял с воловьей сохи — 15 грошей, с конской — 7,5 гроша. В источниках эти сборы упоминаются отдельно (например, в 1502 г. король Александр пожаловал князьям И. Ф. и Т. Ф. Крошинским крестьян «из даньми грошовыми, и медовыми, и куничными, и бобровыми, и посощинами, с серебщинами и всякими иными поплатами и податьми») [43]. Серебщина, в отличие от посощины, с 1447 г. взималась с земель феодалов только по сеймовому постановлению, тогда как посощина, судя по более позднему привилею Казимира Ягайловича о порядке ее сбора на Смоленщине, подтверждавшему нормы, по словам «старых старцев и путников старых», действовавшие еще при Витовте, поступала со всех земель региона. Видимо, посощина являлась одним из местных налогов, установленных для Смоленщины во время ее присоединения к Великому княжеству Литовскому.

Источники содержат сведения о сборе «серебра» с западнорусских земель. Так, во второй половине XV в. Казимир жаловал отдельным смоленским боярам право собирать в пользу казны «врочное серебро в Буйгородку и Ветличох», «врочное серебро на Катане» (Катыни) [44] и т. п. В соглашении смоленских бояр Плюсковых, получивших

при Казимире в держание Щучью волость, была отмечена обязанность «смотрети... своее половины серебреное дани» [45]. В обоих случаях речь идет, очевидно, об одном и том же сборе, но мы не можем с точностью утверждать, что это именно серебщина, а не посощина. По-видимому, хотя эти сборы и различались, при определении общего ежегодного денежного дохода с волости два платежа суммировались и получали общее название «серебряной дани», «врочного серебра». Сюда же могли входить и другие денежные платежи крестьян, но плата наместнику и его представителям за исполнение судебных функций и прочие «волостельские доходы» учитывались отдельно.

Деньгами взимался характерный для Великого княжества Литовского свадебный сбор в пользу великого князя — «куницы выводные», «свадебные».

Еще в начале XV в. великие князья требовали от феодалов уплаты с их крестьян «дякла» — оброка, взимаемого зерном. В мае 1434 г. великий князь Сигизмунд Кейстутович снял с частновладельческих крестьян обязанность платить дякло государю. 2 мая 1447 г. Казимир Ягайлович, кроме того, освободил их от барщинных работ в пользу господаря, за исключением постройки и исправления замков и мостов. Но законодательные акты не освобождали крестьян от названных повинностей: просто теперь право на них получали феодалы. Лишь изредка оговаривалось право великого князя на некоторые повинности с пожалованных земель. Так, давая В. С. Сапеге «навечно» Ельнинскую волость, Сигизмунд I подтвердил, что «подвод нам и урядникам нашим тые люди с тое волости не мают готовати и давати», однако, если он сам великий князь прибыл в Смоленск, «тогда они мают нам ... стацию давати по давнему» [46] (в этом случае обязанность волостных людей давать «стацию», продукты для великого князя и его свиты, предусматривалась). Со временем «стации» из экстраординарной повинности стали постоянным сбором с крестьян и получили название «мезлевы», включавшей обычно определенное количество птицы, яиц, которые крестьянин вносил на господарский двор. Обычай взимать мезлеву довольно быстро распространился, по-видимому, и в частновладельческих имениях.

Наряду с денежной и натуральной рентой тяглые крестьяне привлекались к барщинным работам на господском поле. Она состояла из толоки (обязанности исполнять срочные работы в господском хозяйстве, возложенной

не только на тяглых крестьян) и пригона (обязанности тяглых людей работать в господском хозяйстве определенное количество дней в году). Уборка сена для нужд двора проводилась обычно не общиной в целом, а крестьянами-слугами индивидуально [47]. Очень обременительна была обязанность «ходить в подводу» — совершать поездки (по очереди) в поместье или за его пределы, строить мосты и дороги, «сыпать» пруды (строить плотины) для мельниц господаря. Эти обязанности волостного населения, издавна бытовавшие в регионе, были зафиксированы в уже упоминавшейся привилее Казимира Смоленской земле (около 1442 г.). Позже, разбирая жалобы мещан на наместников, Казимир подтвердил, что они не должны давать людей для несения стражи, поскольку издавна смоляне «только даивали по две сторожи до скарбу наместников смоленских в тот час, коли они з городу зъежджали, и то с тяглых людей, которые здавна тую службу служивали». Тогда же была отмечена обязанность тяглых людей «сыпати пруды» [48].

Таким образом, отработочные повинности в пользу великого князя (впоследствии во многом превратившиеся в домениальные и присвоенные феодалами) исполнялись (кроме подвод), видимо, не всеми волостными людьми. Общими повинностями и платежами волостного населения были «волостельские доходы». Если плата наместнику за исполнение им и его слугами судебно-полицейских функций поступала лишь с самих тяжущихся, то многие поборы («поклоны», взимаемые при объездах волости при сборе дани, и т. п.), известные в Великом княжестве Литовском, ложились дополнительным бременем на всю волость [49].

Православная церковь, сохраняя владения и добиваясь от великих князей новых пожалований, эксплуатировала подвластных ей крестьян. Она не пользовалась в Великом княжестве Литовском правом сбора десятины с доходов большинства господарских крестьян и населения частновладельческих имений. Однако известны случаи, когда феодалы добровольно передавали часть доходов с крестьян в пользу храмов и монастырей [50]. Более распространенным видом эксплуатации были многочисленные поборы, взимавшиеся с крестьяи за исполнение церковных обрядов. И здесь церковь пользовалась поддержкой государственной власти. Например, в конце XV в., в связи с судебным делом между смоленским епископом и князьями Горскими, великий князь

обязал «людей» последних под угрозой большого штрафа (200 грошей) исповедоваться в соборной церкви [51].

В этот период феодально-эксплуатируемое сельское население делилось на три основных категории: слуг, тяглых людей и данников. Четвертую группу составляли невольники (свидетельство длительного сохранения элементов рабовладельческого уклада).

На западнорусских землях в то время основной податной единицей являлась служба — крестьянское хозяйство, представлявшее собой комплекс земель, обремененных различными повинностями (как правило, не менявшимися, несмотря на развитие хозяйства, увеличение или уменьшение численности проживающих в службе крестьян, изменения в их обеспеченности и т. п.). Понятие службы зародилось еще в древней Литве и было перенесено на подвластные ей восточнославянские земли. По-видимому, еще при Витовте в изучаемом регионе была проведена определенная перестройка системы феодальной эксплуатации сельского населения наряду с сохранившимся обложением рядом повинностей целых волостей было введено индивидуальное обложение отдельных хозяйств в зависимости от их возможностей и от разнообразных потребностей великого князя. Аналогичная система была принята и отдельными феодалами (чему способствовала и раздача отдельных служб в частное владение). Тем не менее, хотя службы на Смоленщине и Брянщине возникли, очевидно, лишь в «литовский» период, само по себе индивидуальное обложение крестьянских хозяйств деревень вряд ли было здесь новым явлением. Система служб, очевидно, позволила лишь несколько упорядочить крестьянские повинности. Отметим также, что фиксированный абсолютный размер даней и платежей по мере развития крестьянских хозяйств не пересматривался, и поэтому относительная доля крестьянского продукта, присваиваемого феодалом при этой системе, могла проявлять тенденцию к улучшению. Впоследствии, в середине XVI в., этот коренной, с точки зрения феодалов, «недостаток» системы служб послужил причиной аграрной реформы, проведенной в Великом княжестве.

В исследуемый период эта система в определенной степени гарантировала стабильность крестьянских повинностей, создавала условия для развития хозяйства крестьянина.

Источники четко выделяют «служебные», «тяглые» и «данные». Внутри этих категорий, особенно среди земель-

«служебных», существуют градации, уточнявшие обязанности держателей земель, при этом даже «однотипные» земли (служебные, тяглые, данные), несколько различались по размерам и видам повинностей, возложенных на их владельцев.

«Служебные» земли выделялись в великокняжеских и частных имениях для обеспечения ремесленников, конюхов, пахарей, загонщиков и др. Так, в имении Болваничи, пожалованном князю К. Крошинскому, сидело «на вроце» (на оброке) несколько крестьян-ремесленников. Крестьяне-ремесленники жили при дворе феодала или в селах, с которых феодалу поступала ремесленная продукция [52]. Крестьяне-ремесленники, поставляющие феодалу определенную ремесленную продукцию, несли и другие повинности, общие с волостью [53], и по своему положению приближались к данникам. Собственно слуги — это крестьяне, исполняющие в пользу феодала службу, как правило, не связанную с производством. В источниках упоминаются службы: ловецкая, псарецкая (например, с сельца на р. Нагати Смоленского повета, где в 1481 г. жили господарские «псарцы»), встречаются сведения о живущих на земельных наделах господарских конюхах [54].

«Служебные» земли выделялись за несение военной службы, иногда в сочетании с дополнительными повинностями в пользу великого князя или феодала, собственника этой земли.

В списке смоленских служилых людей конца XV в. поименно перечислены наряду с князьями и боярами несколько сот слуг Смоленского повета: Вержавского пути, Радчинского пути, Рославльской волости, Юрьевского пути, Пацынской волости, Святославской волости, Мащинской волости, Молоховского пути, Опецкой волости, Еленской волости, Максимовского пути.

В списке уномінается несколько категорий слуг. Две из них — слуги панцирные и путные — очень хорошо известны и на остальной территории княжества Литовского. В списке значатся слуги доспешные и щитные, а в Молоховском пути — также слуги, «што конь дають на третий год» (очевидно, это известные по другим источникам конные слуги). Повинности щитных и доспешных (возможно, тождественных панцирным?) слуг точно неизвестны, однако они, очевидно, также исполняли военную службу [55].

Военные слуги как самостоятельная категория населе-

ния возникли, по мнению ряда исследователей, при литов-
ском великом князе Витовте (1392—1430), который, осущест-
вляя активную внешнюю политику, перевел на военную
службу крестьян, выполнявших в его пользу другие обязан-
ности. Таким было происхождение многих литовских бояр
да и белорусских, украинских, русских феодалов. С оформле-
нием в конце XIV — начале XV в. класса-сословия феода-
лов, включившего не только знать, но и рядовых бояр, лиц
исполнявших военную службу в пользу великого князя или
других крупных феодалов, отчетливее стала тенденция к
замыканию сословия. Все феодалы Великого княжества Ли-
товского несли военную службу в пользу великого князя
количество выставленных коней было пропорционально чис-
лу крестьянских служб в имениях. Поэтому феодал (круп
ный и даже средний), следуя примеру господаря, предназ
начал часть земли для крестьян, основной обязанностью
которых по отношению к нему была военная служба, и с
ними являлся на войну.

Слуги, привилегированный разряд крестьян, являлис
категорией промежуточной между собственно крестьянство
и военнослужилым населением, вошедшим в состав форми
рующегося сословия феодалов, представители которого в т
время именовались боярами [56]. Нередко великий князь жало
вал земли слуг в частное владение, и они при этом должн
были или покинуть имение, или служить новому владельц
Эта категория сельского населения с самого начала ра
сматривалась как стоящая ниже боярства, не имеющая пр
ва на боярские права. Но, с другой стороны, законодател
ство закрепляло привилегированное положение слуг п
сравнению с остальным крестьянством, что наглядно выр
жалось и в соотношении размеров их головщины и навязк

Военные слуги являлись частью феодального аппара
насилия, составляя сословную группу, еще довольно сла
связанную с остальным крестьянством, хотя по эконом
ческому положению близкую ему. Но несмотря на привил
гии, военные слуги и другие категории слуг относились
эксплуатируемому населению и кроме своих специальны
служб несли дополнительные повинности в пользу феода
ла — собственника земли. Земли слуг, как и все крестья
ские земли волости, облагались государственными нало
гами. Они вместе с волостью ходили на толоку и сено
косы, нередко несли натуральные или денежные повин
ности. Стабильной повинностью военнослужилых крестья

была дань деньгами или натурой, иногда и то и другое вместе. Например, жалуясь в 1508 г. королю Сигизмунду на феодала, путные слуги Смоленского повета Дубровинского пути Митрохановы заявляли, «што ж они николи тяглою службою не служивали, только путною службою служать и дани нашое дать кадь меду пресного до погреба в замок наш Смоленский и две копе грошей» [57].

Очень часто упоминаются в источниках, относящихся к исследуемому региону, «данные службы». Основной обязанностью данников была уплата дани натурой или деньгами. Данники делились на две категории: одна уплачивала дань и была свободна от остальных повинностей (за исключением, видимо, стаций и подвод), другие же — вместе с тяглым населением волости выходили на толоку, косили сено, отправляли другие повинности. На Смоленщине господарские доходы еще не вели собственной значительной запашки, и активного привлечения данников к таким работам не было. По мнению ряда авторов, данники, владевшие угодьями, платили дань натурой, денежная дань свидетельствовала о наличии у них пахотной земли [58]. Размеры дани были различны. Так, в Смоленском повете Давыдко Мисарович «дает дани пять пудов меду и куницу», крестьяне Бедре пуда меду, с Ходка — три пуда меду, с земли бортной там же шла полтина денег, с другой земли — три пуда меду. В одной деревне из двух человек первый давал кладь меда и куницу, второй — только куницу. В Дубровинском пути Бабынька давал кладь меду, а в Еленской волости Евсевкович — кладь меду и куницу, и т. п. [59]

Тяглые службы и тяглые люди в источниках этого периода (что характерно и для Великого княжества Литовского в целом) противопоставляются людям «данным» и «служебным». Одним из наиболее ранних (и для Великого княжества Литовского в целом) является упоминание о тяглых людях в селах, относившихся к Немчиновскому двору в Смоленском повете, в середине XV в. переданному Казимиром князю Ф. Воротынскому. В этом документе четко указаны их повинности: это люди, «што орють да сено косять» [60]. Тяглые люди — это крестьяне, обязанные работать на дворе феодала. Как отмечалось выше, тяглая служба крестьян состояла из «пригона» и «толоки», работы на феодала, первоначально носившей характер массовой помощи в горячую пору сельскохозяйственных работ, или, на-

пример, при ремонте мельничных плотин, мостов. Для тя
лого населения Великого княжества Литовского в цело
обязанность вносить дякло была очень характерна (хот
иногда вносили дякло и другие разряды крестьян, напри
мер, данники). Но в западнорусских землях, судя по име
ющимся источникам (упоминаниям о повинностях крестья
отдельных служб и целых волостей), дякло еще не получил
широкого распространения. Разумеется, можно было бы
предположить, что отсутствие упоминаний о сборе с крестья
зерновой дани свидетельствует об активном привлечени
тяглых крестьян к производству зерна в господском хозяй
стве, т. е. значительном объеме исполняемых ими барщинны
работ. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о ра
мерах их отработанных повинностей, величине исполняемо
ими барщины.

В Великом княжестве Литовском отсутствовали обще
государственные нормы крестьянских повинностей. Иногд
размер барщины определялся великокняжескими приви
леями. Так, великий князь Александр в привилее 1501
шляхте Бельской земли (на Подляшье) вместо действова
шей там со времен Витовта барщины 14 дней в год устан
вил 1 день в неделю [61]. По исследуемой территории подо
ные акты неизвестны; судя по всему, барщинное хозяйст
в тот период еще не получило здесь широкого развити
По подсчетам Г. Бугославского, в господарском Максимо
ском дворе Смоленского повета в 1499 г. было засеяно вс
го около 23 десятин. Лишь в двух из шести описанных дв
ров упомянуты тяглые люди, тогда как многочисленна
невольная челядь имелась всюду. Только в Опецком дво
численность челяди немного уступает тяглым людям. Спр
ведливо мнение Д. Л. Похилевича о том, что крестьянск
хлеб по сравнению с мехами, медом, воском, льном, коно
лей, продукцией животноводства «долгое время был втор
степенным товаром» [62]. Тяглые крестьяне, обычно обесп
ченные рабочим скотом, наряду с невольными привлекали
к различным работам, несли барщину, размеры которо
определялись еще сравнительно скромными нуждами сам
го феодала. Этим (отсутствием у него потребности в бол
ших количествах зерна) можно объяснить и слабое распр
странение дякла. Однако барщина свидетельствовала
потребностях господского хозяйства в даровом труде крест
ян, существующей возможности увеличения в нем собст
венной запашки и, следовательно их отработанных повин

ностей. Тяглые люди после невольников являлись наиболее связанной с хозяйством феодала группой сельского населения. Принадлежность к тяглым людям не обязательно влекла за собой потерю личной свободы, но фактически именно они в первую очередь подвергались закрепощению, были наиболее эксплуатируемой категорией крестьянства.

Юридических гарантий сохранения крестьянином своего положения, его наследственной принадлежности к определенной категории сельского населения в принципе не было. Единственной защитой крестьян была «старина», обычное право, признававшее повинности, издавна исполнявшиеся определенными разрядами населения, нормой и для феодала. Правительство Великого княжества Литовского, во всяком случае на государственных землях, проводило политику сохранения привычной для крестьян «старины» и осуждало наместников, облагавших крестьян дополнительными налогами и повинностями в свою пользу. Источники зафиксировали ряд великокняжеских распоряжений о сохранении за жалобщиками их прежних повинностей [63].

Однако феодал не всегда был заинтересован в сохранении в неизменном виде повинностей крестьян. «Старина» в условиях вотчинной юрисдикции не была препятствием по крайней мере для попыток увеличения или даже коренного изменения повинностей крестьян.

В целом, несмотря на тенденцию к увеличению повинностей крестьян, сближению их юридического положения, между категориями существуют отчетливые различия, переход крестьян из одной категории в другую еще не являлся массовым явлением. Переход великокняжеских и частновладельческих имений на барщинное зерновое хозяйство, характерный для Великого княжества Литовского в XVI в., начался в то время, когда Смоленщина и Брянщина уже вошли в состав Русского государства.

Западнорусская деревня, как и Великое княжество Литовское в целом, знала еще две категории крестьян. Одна из них — крестьяне, жившие на «воле», «жалобе», слободжане, другая — «соседи», «суседцы», «потужники», «товарищи».

Право создавать слободы было неоспоримой привилегией феодалов, и для этого не требовалось специального разрешения господаря. Упоминание в источниках таких разрешений связано, видимо, со стремлением владельцев освободить новых поселенцев от повинностей в пользу госу-

дарства. Так, великий князь Казимир подтверждал Елфи
му Бокееву владение с. Черпотовым в Брянском повете, ра
решил ему «звати люди, а кого призоветь и осадить, ты
коли на три года» [64].

В тех случаях, когда поселение осуществлялось на ос
нове соглашения с феодалами, крестьянин мог надеяться
сохранить личную свободу. В противном случае вольны
человек, по истечении «земской давности», попадал в разря
непохожих, терял право уйти из имения.

Однако и на свободного крестьянина льготы налагал
обязательства по отношению к феодалу. Статут 1529
закрепил право, по которому крестьянин, покидая имени
должен был отслужить столько лет, «сколько на воле сидел
или выплатить феодалу возмещение в размере 6 грошей з
каждую неделю льготы (год льготы компенсировался сум
мой 312 грошей, что, видимо, было годовым эквивалентом
крестьянских повинностей) [65].

«Суседцы», «потужники» хорошо известны и на терри
тории Русского государства, и на белорусских и украинских
землях, вошедших в Великое княжество Литовское. Эт
крестьяне, пришедшие в деревню, селились на земле мест
ных крестьян, не приобретая на нее владельческих прав, н
являлись полноправными членами общины, хотя исполнял
повинности, возложенные на общину в целом. Поселение
деревне без санкции феодала на основе соглашения
крестьянами-старожилами и определяло особое положени
потужников, фактических арендаторов части наделов, нахо
дившихся в держании крестьян. Если крестьянин селился
деревне с санкции феодала, он приобретал и право на зем
лю и другие права члена соседской общины. В числе «потуж
ников» были, в частности, крестьяне, занимавшиеся рыбны
промыслом (см. гл. 2).

В «потужники» шли крестьяне, не способные вести соб
ственное хозяйство, — разорившиеся, обедневшие, вынуж
денные покинуть свою деревню, не имеющие возможности
заниматься освоением пустующих земель. Переход на поло
жение потужника позволял крестьянину избежать зависи
мости от феодала.

«Товарищи» упоминаются в списке смоленских слуг кон
ца XV в. после держателей службы и членов их семей и род
ственников [66]. Очевидно, эти лица «посели» на службы позже
Являясь «товарищами» основных держателей служб, они
помогали им нести повинности. Можно ли считать эту обя-

занность тождественной обязанности потужников по отношению к принявшей их на своей земле крестьянской общине? По-видимому, да; но возникает неизбежный вопрос о наличии или отсутствии у «товарищей» прав на переданную им землю. Для его однозначного решения мы не располагаем достаточными данными.

Потужники несли повинности, зависящие от типа службы, где они поселились. Фактически выполняемые в пользу феодала, для самих потужников они были повинностью в пользу общины.

Таким образом, все разряды крестьянства подвергались феодальной эксплуатации, находились в той или иной форме зависимости от феодалов. Хотя для большинства из них эта зависимость еще не являлась абсолютной, крепостное право еще только начинало утверждаться на исследуемой территории. Положение крестьянства региона проявляло отчетливую тенденцию к ухудшению, что отражало общие изменения, происходившие в положении крестьянства Великого княжества Литовского (явившиеся следствием прежде всего укрепления позиций класса феодалов, усиления их влияния на политическую жизнь страны). Результатом этого процесса стало утверждение на западнорусских землях по общему привилею боярству 1447 г. вотчинной юрисдикции феодалов в их имениях, сыгравшее большую роль в развитии крепостнических отношений.

2. Антифеодальная борьба крестьянства

Крестьянское движение в XIV—XV вв. было направлено против закрепощения сельского населения, увеличения повинностей, передачи государственных крестьян и их земель феодалам. Невольная челядь, люди непохожие, потерявшие свободу, добивались освобождения от личной зависимости.

Источники позволяют более или менее подробно охарактеризовать только легальные формы борьбы крестьян — жалобы на феодалов, ущемлявших права крестьянской общины, челобитные целых волостей и даже поветов на непомерные поборы наместников (до нас дошли не сами жалобы, а «листы», в которых великий князь выносил решения). В 1495 г. такую жалобу направили великому князю рославльские старцы [67], в 1499 г. — брянские сотники [68] и т. п. Подобные жалобы посылали господарю и отдельные крестьяне (преимущественно представители их привилегированного

разряда — военные слуги), жалуясь на попытки застав их нести не свойственную им службу, лишить свободы, от рать имущество.

Признавая «старину» в качестве нормы волостных пов ностей, правительство Великого княжества Литовского редко признавало жалобы справедливыми (что отнюдь давало гарантии прекращения злоупотреблений местных г подарских чиновников). Это, кроме всего прочего, распро раняло среди крестьянства иллюзии на возможность заш ты их интересов со стороны государственной власти. К г подарю обращались и крестьяне, им же пожалованные ф далам. В некоторых случаях и эти жалобы приносили жела мый результат: земли крестьян, выпрошенные феодала обманом, на основе неверных сведений, сохранялись крестьянами, и они служили господарю на прежних осн ваниях.

Нередко, однако, земли оставались за новым владел цем. Примером может служить неудачиая жалоба панци ных слуг с. Золотовичи Дубровинского пути Смоленско повета на пожалование их земель писарю С. Тереховичу Они утверждали, что «писарь Санько выпросил сельцо наш отчинное Золотовичи и нас за мало», скрыв сведения численности населения этого сельца. Однако господарь ост вил пожалование в силе.

По-видимому, крестьяне считали своим основным пр тивником местных феодалов и великокняжеских наместнко наивно надеясь найти на них управу со стороны господар

В подобных случаях крестьяне прибегали и к други формам борьбы. Одной из них был отказ от несения повин ностей (впрочем, отказ мог быть признан легальным, есл доказывалось, что повинности были возложены незакон но; фактически в таком положении находилнсь крестьяне «выпрошенные» боярами у господаря на условиях, отличав шихся от старины).

Распространенной формой антифеодального протеста являлось бегство крестьян и невольной челяди. Существо вавшая у многих крестьян возможность легально покинуть имение позволяет утверждать, что эта форма борьбы еще не приобрела здесь такого значения, как после окончатель ного закрепощения местного крестьянства в конце XVI в. Тем не менее бежали от феодала не только невольники и люди «непохожие», но и представители других групп крестьянства, вступившие в конфликт с феодалом, попавшие

в экономическую зависимость от него (должники, не имеющие возможности расплатиться с ним и др.). Пограничное положение края (вплоть до XVIII в.) облегчало крестьянам бегство: несмотря на действовавшее в Великом княжестве Литовском законодательство, предусматривающее выдачу беглых крестьян-должников и людей непохожих, а тем более невольной челяди, крестьянин мог довольно легко избежать действия этих законов, перейдя границу с Россией. В то же время в литовских владениях укрывались беглые русские крестьяне. Хотя по соглашениям между государствами-соседями полагалось «татя, беглеца, холопа, робу, должника по исправно выдати, а давное, положенное, заемное, поручное отдати», на практике это соблюдалось далеко не всегда. В феврале 1505 г., например, дорогобужский наместник жаловался правительству Великого княжества Литовского на его смоленского наместника, который, несмотря на жалобу русских феодалов, требовавших на основании существующего соглашения выдать им беглых холопов, «тех холопов им не выдали, да тех холопов прочь наших людей с чем те холопы прибегали, себе поимал» [70].

В некоторых случаях недовольство крестьян региона выливалось и в вооруженные выступления против феодалов, против феодального Литовско-Русского государства. К сожалению, источники по этому вопросу крайне скудны и не позволяют составить достаточно четкой картины. Но некоторые данные о классовых конфликтах, сопровождавшихся кровопролитиями, можно обнаружить в белорусско-литовских летописях.

«Великой замятне» — большому народному восстанию в Смоленской земле 1440 г. — предшествовали стихийные бедствия, подорвавшие экономику региона. В начале XV в. в Смоленске произошел большой пожар, в результате которого город почти весь выгорел. Люди остались без крова и средств к существованию. Не успел город вновь отстроиться, как в 1438 г. голод охватил многие районы Руси и Литвы. Особенно свирепствовал он на Смоленщине. При этом, как пишет литовская хроника, «в людях учинилося великое забойство». Ночью и днем голодающие сотнями приходили на дворы богатых «и хлеб брали, и солонину, сыр, масло, пшено и иншое що ести, а болше ничего не брали, ни сукон, ни грошей» [71]. Другие летописи также сообщают, что из-за голода «много лихого того году учинилось по всей земле Литовской и Русской и много крови пролитя стало-

ся». Таким образом, голод 1438 г. ознаменовался острыми социальными конфликтами, которые подготовили случившееся полтора года спустя Смоленское восстание 1440 г.

Буржуазные историки пытались объяснить вспыхнувшее в Смоленске восстание народных масс национальной розни. Неверно освещали события 1440 г. и смоленские историки XIX в. Н. А. Мурзакевич, П. Никитин и С. П. Писарев, утверждавшие, будто они возникали на национально-религиозной почве.

В действительности восстание было вызвано голодом, разорением, военными походами, междоусобицами князей, феодальным гнетом и ростом податей. А непосредственным поводом к выступлению смоленских «черных людей» — преимущественно ремесленников (летописи упоминают кузнецов, кожемяк, перешевников, мясников, котельников) — послужило политическое событие в Литве. В результате убийства заговорщиками в Троках великого князя Сигизмунда Кейстутовича политическая ситуация в Великом княжестве Литовском стала очень напряженной. Преемник убитого князя, польский королевич Казимир еще не сумел утвердить свою власть в борьбе с другими претендентами и купцами-феодалами, пытавшимися (как, например, мстиславский князь Юрий Лигвенович) добиться фактической независимости от Вильно.

Выступление смолян произошло почти сразу (через 10 дней) после убийства Сигизмунда, совершенного 20 апреля 1440 г., после того, как смоленский наместник пан Андрей Сакович заставил горожан присягнуть на верность Казимиру, который еще не был посажен на великое княжение (Казимира провозгласили великим князем 29 июня).

Жители Смоленска вооружались луками и стрелами, косами и топорами и, ударив в колокол, подняли восстание, чтобы изгнать наместника, которого поддержали местные бояре. В первом столкновении с восставшими у церкви Бориса и Глеба властям удалось на время рассеять их: боярская конница, одетая в доспехи и вооруженная копьями, «избиша много черных людей копии до смерти, а иные ранены живы остали, и побегоша черные люди от пана Андрея». Перевес все же в конечном итоге оказался на стороне противников литовской власти. Поняв это, наместник в ту же ночь вместе с женой и смоленскими боярами выехал из города [72]. Восставшие утопили в Днепре смоленского «маршалка» Петрыку (очевидно, он исполнял обязанности наме-

стника в остутствие последнего) и посадили воеводой князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского. Бояр, вернувшихся из Литвы (где они присягнули новому великому князю), смоляне не впустили в город. Феодалы «разъехалися по своим селам. И за тым бысть бран велика межи бояр и черных людей, и боялся бояр черныя люди, призваша к себе оспадарем князя Юрия Лигвеневича. И посла князь Юрьи примати бояр, и поимаша бояр, и поковаша их, имение их подаваше бояремъ своим». Однако осенью приглашенный смолянами быть их «осподарем» мстиславльский князь Юрий, опасаясь Казимира, направлявшегося на Смоленск с сильным войском, «перед приходом их к Смоленску, убоялся их, выехал к Москве», фактически бросив восставших на произвол судьбы. И «на Филиповы запоуски приде воиско литовское ко Смоленску и сътояша полтрети (2,5) недели, посады и церкви и монастыри пожьгоша, а людеи много множество посекоша, а живых в полон поведоша, многа зла сотворися, и поидоша прочь» [73].

Таким образом, восстание было жестоко подавлено (очевидно, при содействии местного боярства), причем жертвами репрессий стали не только горожане, но и крестьяне — паселение окрестных волостей, неминуемо подвергавшееся насилиям и грабежам со стороны войск, осаждавших город.

Летописные свидетельства о восстании позволяют констатировать, что оно было направлено в первую очередь против власти Великого княжества Литовского, на восстановление самостоятельности Смоленской земли, возможно, в союзе с другими славянскими землями (не случайно восставшие обратились за помощью к мстиславскому князю, способному привлечь на свою сторону и население других русских и белорусских земель). В ходе этого выступления местное боярство приняло сторону Великого княжества Литовского, в связи с чем восстание приобрело и отчетливо выраженные антифеодальные черты. Его участники развернули борьбу не только против литовской власти, но и против местных феодалов.

В Смоленском восстании 1440 г. наряду с горожанами принимали участие и крестьяне. Сам термин «черные люди», использованный летописями, довольно многозначен, и может быть отнесен не только к городским низам, но и к крестьянам. Косвенным подтверждением участия крестьян в восстании может служить использование восставшими в каче-

стве оружия не только луков, стрел и топоров, но и кос — типичного сельскохозяйственного орудия. Крестьяне стали естественными союзниками горожан в борьбе, развернувшейся между восставшими и местным боярством, выступавшим за сохранение власти Великого княжества Литовского. Однако говорить о широком участии крестьян в восстании 1440 г. нет оснований. Крестьянское выступление ограничилось ближайшими к Смоленску волостями.

Недовольство сельского населения литовской властью усугублялось в результате репрессий при подавлении выступлений, грабежей и насилий великокняжеских войск. В целом, чувствуя, что правительственная политика отвечает прежде всего интересам класса феодалов, ощущая ухудшение своего правового и экономического положения, когда началась решающая борьба между Великим княжеством Литовским и Русским государством за западнорусские земли, крестьянство стало связывать с возвращением этих земель в состав России надежды на улучшение своего положения.

Сохраняя власть местных феодалов, перешедших на сторону русского правительства, подтверждая их привилегии, полученные от литовских князей, Василий III и его наместники не менее последовательно, чем их предшественники, защищали феодальный строй, привилегии феодалов. В будущем, менее столетия спустя, эта политика правительства, результатом которой станет окончательное закрепощение крестьянства, приведет к мощной крестьянской войне, в ходе которой крестьяне региона выступают рука об руку с крестьянством остальных русских земель.

ГЛАВА 5

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Экономическое и правовое положение крестьян

Возвращение западнорусских земель России

Западнорусские земли имели важное экономическое значение для Российского государства. Здесь было развито сельское хозяйство, получили распространение такие технические культуры, как

лен и конопля, развивалось скотоводство, огородничество и садоводство. Смоленская пенька импортировалась в разные страны.

Через Вязьму, Смоленск, Оршу и Минск торговые пути вели в Польшу. Витебск, Полоцк и Вильно были важными пунктами, связавшими Европу с западнорусскими землями. Вся территория Великого княжества Литовского, в особенности «восточная его часть, т. е. белорусские земли, были изрезаны густой сетью русских торговых дорог» [1].

Вязьма и Смоленск стояли на перекрестке торговых путей с севера на юг и с запада на восток. От Вязьмы «начиналась знаменитая вяземская дорога, которая проходила сначала по притокам Угры, потом по самой Угре, затем некоторое время шла по суше и, наконец, по Сейму до Киева. По вяземской дороге и тверичи, и москвичи могли довольно быстро и легко добраться до Киева, а затем и до Крыма, Константинополя» [2]. По судоходной в то время р. Вязьме шел путь к Смоленску и от него по Днепру к Киеву и в турецкие владения. По Западной Двине и сушей московские и смоленские земли были связаны с Ливонией, Литвой и Польшей.

Но не только интересы внешней торговли заставляли Российское правительство добиваться возвращения русских земель, захваченных литовскими и польскими феодалами. Русские и белорусские горожане и крестьяне видели в лице России, русского народа своих защитников и освободителей. Борьба народных масс западнорусских земель за возвращение в состав России, как уже было сказано, проявлялась в различных формах. Во второй половине XV в. в связи с успехами образования единого Российского государства возросло стремление крестьян и горожан края к объединению под властью Москвы. Московское правительство, учитывая это обстоятельство при осуществлении своих внешнеполитических планов, рассчитывало на поддержку одновременно русского, украинского и белорусского населения.

Историю борьбы Российского государства за возвращение западнорусских земель можно разделить на три этапа. Первый охватывает время со второй половины XV в. и до начала XVI в., когда Россия прочно закрепилась на западных рубежах, возвратила Вязьму в 1495 г., а по договору 1503 г. — ряд волостей, расположенных в непосредственной близости от Смоленска. В состав России вошли

Стародубское и Новгород-Северское княжества, земли князей Мосальских и Трубецких и ряд городов (в их числе и Брянск). Подесенье — Северщина оказалось теперь юго-западной окраиной Российского государства.

Второй этап продолжался недолго, всего три — четыре года (начало правления Василия III). Он характеризуется напряженной борьбой за закрепление присоединенных русских земель, за создание плацдарма для наступления на Смоленск, поддержкой национально-освободительного движения, охватившего значительную территорию западнорусских и белорусских земель. Во главе этого движения стал Михаил Глинский.

Третий этап (1512—1522 гг.) — время активной борьбы за Смоленск, возвращения его России в 1514 г., отражения попыток Великого княжества Литовского вновь захватить Смоленск и западнорусские земли.

Летописец отметил активную роль населения Смоленска в прекращении сопротивления литовского наместника и переходе города на сторону России. Горожане, и прежде всего черный люд, посадские люди, мещане и крестьяне, «начаша из града вопити и плакати, чтобы великий государь пожаловал, мечь свой унял, а бою перестати повелел, а они хотят государю бити челом и град подати».

Смоленский епископ Варсонофий обратился к Василию III с просьбой о прекращении огня. А литовский наместник Юрий Сологуб вместе с князьями и боярами на второй день после начала битвы за Смоленск отказались от продолжения борьбы и начали переговоры. Боярин Михаил Пивов был направлен с челобитной к Василию III вместе с мещанами и черными людьми для переговоров о мире. Пивов «бил челом от владыки Варсонофия, и от князей, и от бояр, а мещане от мещан и от черных людей били челом с великим молением». Следовательно, мещане и черные люди, хотя и были объединены в одно посольство, но действовали самостоятельно, «били челом» государю и просили его, чтобы он пожаловал всех смолян, «гнев свой на них утолил, и вины им отдал», а боярам и князьям, которые «против его, государя, стояли», велел «служате бы себе» [3].

Василий III дал Смоленску жалованную грамоту, которой прежде всего закреплял привилегии землевладельцев и купечества: «...пожаловал окольничьих и князей, и бояр, и всех людей Смоленской земли, которые их вотчины за ними

и что на прежних государях выслужили, нам в те вотчины не вступатися»[4]. Как видно из этого документа, Василий III, определяя привилегии главенствующего класса, закреплял за ними их прежние земельные владения, предоставил им значительную самостоятельность, обещал не вмешиваться в их суверенные права владения вотчинами и зависимыми от них крестьянами. Идя навстречу зажиточной верхушке горожан, прежде всего купечества, разрешал «пошлину» — налог, шедший до этого в литовскую великокняжескую казну, «на себя имати», т. е. расходовать на городские нужды. Не разрешалось принимать в «закладники» мещан и черный люд. С них запрещалось взимать подводы для великокняжеских гонцов, что в условиях Смоленска, расположенного на важном пути следования русских дипломатов и армин, было большой уступкой посадскому люду.

Жалованная грамота Смоленску — документ «крайне ценный для понимания сложной феодально-территориальной структуры России XVI в. Она показывает, как тщательно сохранялись местные особенности суда и управления во многих русских землях в тот период, когда оформлялась территория России»[5].

Предоставляя земледельцам, купцам, мещанам и даже черным людям значительные льготы, Василий III стремился этим привлечь на свою сторону русское и белорусское население западнорусских городов, «панов» и крестьян, вселить в них уверенность в поддержке России.

Возвращение Смоленска и западнорусских земель России имело большое историческое значение. Отныне все русские земли оказались в едином Российском государстве, создавалась благоприятная перспектива для их дальнейшей борьбы за Украину и Белоруссию[6]. В них активизировалась борьба населения, прежде всего крестьянства, за освобождение из-под власти Великого княжества Литовского. Расширялись возможности для развития сельского хозяйства, налаживания нормальных торговых связей не только с Прибалтикой, Украиной, Белоруссией, но и западными странами.

Сельское хозяйство. Положение крестьян

Возвращенные в состав Российского государства западнорусские земли были неоднородны по природным условиям, плотности населения, экономическому положению. На Смоленской, Ярцевско-Батуринской, Вяземской и Ельнинской возвышенностях были плодородные земли, что отмечал, например, Д. Флетчер[7]. Однако много было забо-

лоченных мест (между Москвой и Смоленском насчитыва
лось 533 болота). В неблагоприятные годы посевы страдал
от излишней влаги, ранних зим и весенних заморозков, чт
приводило к неурожаям и голоду. Значительную часть тер
ритории Смоленщины занимали леса и овраги. В Вяземско
уезде только под лесом в конце XVI в. было занято 22%
всей земли.

Аналогичная картина складывалась и в соседних с
Смоленщиной Подесенье и Северских землях. Эта террито
рия, несмотря на благоприятные климатические условия
была слабо заселена, общая численность населения здесь
конце XVI в. составляла всего 18 тыс. человек.

Подесенье и Северщина привлекали к себе разного
рода переселенцев. Их передвижение разделялось на дв
струи: организованную, до известной степени контролируе
мую государством, и стихийную. Во второй половине XVI
для укрепления новых южных границ правительство засел
ло земли вокруг Севска, сюда посылали осужденных холо
пов, служилых людей для несения военной службы и заня
тия сельским хозяйством. Стихийный приток населения
западнорусские земли шел из центра страны и с севера
Обширная Комарицкая волость, где располагался г. Севс
и чьи земли тянулись по бассейну рек Неруссы и Сева, при
тягивала крестьян из соседних уездов — Карачевского, Мо
щевского, Козельского, Брянского, Белевского, Орловского
Курского [8]. В этих землях укрывались беглые крестьяне
холопы, всякого рода обиженный люд, который впоследст
вии вливался в отряд Лжедмитрия I. Через литовский рубеж
на российскую сторону переходили украинцы, бежавшие о
панского гнета. Из Литвы на вечное житье шли многи
«литовские пашенные крестьяне, женатые и холостые», кото
рые «со всеми животы ... садятся в селах и в деревнях и н
пустошах в Брянском уезде за дворяны и детми боярскими
и в монастырских вотчинах...» [9].

В передвижении населения было одно сдерживающе
обстоятельство — военная опасность со стороны татар
поляков. Несмотря на это, к концу XVI в. экономическая
жизнь в этом крае заметно оживилась, увеличилась числен
ность населения, происходило освоение новых земель.

Наиболее густонаселенными были Смоленский, Вязем
ский, Дорогобужский и Торопецкий уезды, где сельское
хозяйство «в конце XVI в. не было в упадке» [10]. Смоленский
уезд в системе единого Российского государства занимал

особое положение. Это был важный форпост, щит России на ее западных рубежах. Вот почему Москва не только заботилась об укреплении обороны города, но и следила за поведением панов-бояр и верхушки купечества. После ликвидации заговора Варсонофия Московское правительство забрало большинство смоленских земель в дворцовое ведомство и одновременно произвело выселение бояр и отчасти дворян в другие уезды.

Великие московские князья за службу «жаловали» смоленские земли, «волости» в вотчинное и поместное владение выходцам большей частью из опричных земель. Дьяки подбирали для Смоленского уезда наиболее достойных и преданных великокняжеской власти представителей господствующего класса, способных отстаивать и защищать присоединенные к России земли.

О том, как происходил этот процесс, мы видим из десятни 1574 г. — наиболее раннего документа, говорящего о земельных владениях смоленских помещиков. Это была «верстальная» или «разборная» десятня, в которой содержится роспись смоленских служилых людей с указанием их места жительства, чинов, земельных и денежных окладов. В десятне записаны по трем служилым книгам (выборные, дворовые и городовые) 519 помещиков, четыре начальника стрелецких приказов, 28 стрелецких сотников и 79 недорослей, помещичьих сынов, достигших 15—16-летнего возраста. Все они составляли военный гарнизон Смоленска, в котором преобладало вооруженное огнестрельным оружием стрелецкое войско. Из 519 служилых людей 309 были переведены из других уездов, 203 завербованы заново из жителей Смоленщины и несколько человек — из соседних государств.

В числе вновь навербованных служилых людей в Смоленской земле были малоземельные помещики, дети боярские и даже холопские, которые после конфискации имущества своих господ получили освобождение, перешли на службу к великому князю. Надежной опорой великого князя стали и переведенные из других уездов служилые люди, происходившие из небогатых помещиков. Они-то и положили начало формированию нового слоя смоленского дворянства, пришедшего на смену панам-боярам, господствовавшим на этой земле в XV — начале XVI вв.

По десятне 1574 г. многие смоленские служилые люди получали высокие земельные и денежные оклады и превра-

щались в крупных землевладельцев. Из их среды впосле
ствии вышли знатные смоленские дворяне: Якушкины, Не
ловы, Языковы, Потемкины, Милославские и др.

В Вяземском уезде, по данным писцовой книги 1594-
1595 гг., был 3701 двор, из них крестьянских — 3346, 2
холопских и 102 помещичьих; на крестьянские дворы пр
ходилось 90,4% их общего числа [11]. Пашни было 29 537
десятины, паханной наездом — 2948,8 десятины, перелога
30 102,6 десятины, сенокоса 2019,9 десятины. Кроме того,
Новодевичьего монастыря в этом уезде имелось 1955,2 дес
тины пашни, 88,5 десятины наезжей пашни, 1702,5 десятин
залежи и 75,5 десятины сенокоса. Уезд входил в соста
опричных владений царя Ивана IV, и это не могло не ск
заться на положении вяземских крестьян.

По словам опричников Таубе и Крузе, многие помещ
ки «стали брать с бедных крестьян, которые им были дан
все, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за од
год столько, сколько он должен был платить в течен
десяти лет» [12]. Бегство крестьян вело к запустению ран
обрабатываемых земель, увеличению земель, поросших лес
и находящихся под перелогом. В 80-х гг. XVI в. в Вязе
ском уезде такие земли составляли 58,6%. Заметно рос сл
обедневших крестьян-бобылей, которые к этому време
составляли 16,1% от общего количества дворов. По подсч
там Д. П. Маковского, богатые крестьяне составляли 3,9%
а «средние» и «молодшие» — 80% крестьянских дворов
Согласно писцовой книге 1594—1595 гг. из 177 вяземски
помещиков, имевших земельные владения в 10 станах, 34
имели зависимых крестьян, 18 имели от 1 до 5 крестьянск
дворов, 34 — от 6 до 10 дворов и только 5 крупных пом
щиков имели свыше 100 крестьянских и бобыльских дворо

В конце XVI в. в связи с постепенным восстановление
хозяйства страны произошли заметные изменения в обе
печении помещиков рабочей силой. Помещики Вяземско
уезда считались наиболее обеспеченными рабочей силой п
сравнению с другими уездами, а это создавало условия дл
более интенсивного развития барщинного хозяйства.

Писцовая книга Вяземского уезда дает возможност
определить размеры крестьянских наделов. Помещиков,
которых не было крестьян, насчитывалось около 19%. И
133 поместий, в которых имелись зависимые крестьяне,
23 надел на крестьянский двор составлял от 1 до 3 чет
в 1 поле, а в 3 полях 3—6 четей (1,5—4,5 десятины), в 2

в 3 полях 12—15 четей (6—7,5 десятины), в 51 18—30 четей (9—15 десятин) и в 33 — свыше 30 четей (15—20 десятин) [14].

Нормальным крестьянским наделом во второй половине XVI в. считалась «выть», размеры которой колебались в зависимости от качества земли от 10 четей (15 десятин) до 16 четей (24 десятины и 30 копен (1—1,5 десятины) сенокоса. Публицист XVI в. Ермолай Еразм в своем «Послании» к Ивану IV подвергает критике существовавшие в России порядки, когда крестьяне «всегда в волнениях скорбных пребывают», и рекомендует дать каждому крестьянину «полный жеребий по 12 четей с осьминою в поле, кроме сена и лесу» [15].

Применяя эту норму к размерам земельных участков крестьян Вяземского уезда, можно утверждать, что первые две группы крестьян имели наделы намного меньше необходимого. Крестьяне еще не восстановили своего хозяйства после перенесенных потрясений, связанных с опричниной, тяжелыми и длительными войнами Ивана IV, ростом налогового гнета.

О численности населения уезда в конце XVI в. можно судить по приправочным книгам, в которых отмечено 1500 селений с 5 тыс. дворов. Если принять «во внимание, что приправочные книги дают неполные сведения и притом без города, мы смело можем считать, что общая цифра дворов в Вяземском уезде достигла до 6—7 тыс.», а вероятно, и еще больше [16].

Одновременно происходило заселение Дорогобужского уезда, где возник в 1529 г. Болдин монастырь, привлекавший на свои земли крестьян и холопов из разных уездов России.

Заметно рос Торопецкий уезд, лежавший на границе России с Великим княжеством Литовским. Торопецкие писцовые книги 1540 г. дают представление об уезде как хорошо заселенном. Так, в Турской волости, где насчитывалось 60 деревень со 160 дворами, в которых жило 300 человек, возникло еще 9 новых деревень и починков.

Все это говорит о том, что после возвращения западнорусских земель в состав Российского государства усиливается процесс их освоения, увеличивается приток населения, возникают новые деревни и села, заметно растут города и торговля.

Западнорусская деревня сохранила в XVI — начале

XVII вв. свой облик предшествовавшего времени. Сельс
поселения состояли из сел, деревень и погостов. Села б
по 10—15 дворов, деревни — по 2—3 двора. В погостах ж
черносошные крестьяне.

Западнорусские земли — это район поместного зем
владения, в котором преобладали в основном мелкие земе
ные собственники. В этом отношении заметно выдели
Рославльский уезд. В «Книге сбора ямских денег г. Росл
ля», относящейся к 1585 г., дан список рославльских зем
владельцев с указанием фактической величины их паш
с которой взимались ямские деньги. В книге перечисле
79 помещиков. Размеры их пашни колебались от 9 четей
владельцев) до 100—300 четей (2 владельца). Основная м
са земельных собственников имела «живущей» пашни
10 до 49 четей, и в общей сложности это составляло 80
Рославльские помещики по количеству земельных владе
значительно отличались от смоленских, вяземских. Зд
только двое из них — Федор Толбузин и Григорий Скри
ров — владели окладом в 100—200 четей.

О количестве крестьянских дворов у отдельных по
щиков дают представление данные 1583 г. Так, в д. Кубы
киной было два двора помещиков, два двора людских и д
двора крестьянских. «Помещику Маслову принадлежа
д. Остапковичи с помещичьим двором, в котором жил чел
век его Пронька, и с двумя дворами крестьян; д. Ермоли
с двором помещика и двумя дворами крестьян» [17]. Это
же помещику царь Иван IV в 1578 г. пожаловал д. Ро
зину. Во «Вводной грамоте» царь предписывал, чтобы в
крестьяне, «которые в поместье живут и вперед учнуть жи
Константина Маслова слушали, пашню на него пахали
доход ему помещиков платили» [18].

Мелкопоместные дворяне стремились получить от сво
крестьян необходимые средства к существованию и обесп
чению себя обмундированием и вооружением. Это приво
дило к усилению феодального гнета и вызывало у крестья
ответные действия. Не случайно рославльские крестьян
поддерживали Лжедмитрия I и приняли участие в перво
крестьянской войне.

Аналогичное явление наблюдалось в Северской земле
где были помещики, которым принадлежали «жеребьи»
Федору Михайловичу Черепову, например, принадлежа
жеребий, в котором состояло три двора крестьян. В жеребье
Гаврилы Атыкова в д. Нижняя Вязень насчитывалось четы

ре крестьянских двора. Значительная часть помещиков происходила из детей боярских. «Каждый населенный пункт имел свой жеребий», который иногда равнялся выти [19].

Крупными землевладельцами в Северской земле были потомки Дмитрия Шемяки и можайских князей, находившихся на службе в Великом княжестве Литовском. Внук Шемяки Василий Иванович «Шемячичь» перешел на сторону Москвы и принял активное участие в борьбе с крымскими татарами. В первой четверти XVI в. в Северской земле были еще районы, где сохранились мелкие удельные князья. Среди них шла ожесточенная борьба, которая закончилась в 1523 г. ликвидацией удельных владений.

В Смоленском, Рославльском и Вяземском уездах в XVI в. господствовало поместное землевладение. Это подтверждается исследованием В. Б. Кобрина [20], назвавшего Вяземский уезд XVI в. краем «чисто поместного землевладения». Поместная система особенно активно развивалась на окраинах, способствуя сплочению под властью Москвы недавно присоединенных территорий. Она облегчила создание довольно многочисленных вооруженных сил, способствовала укреплению центральной власти, самодержавного строя [21]. Большая часть смоленской и вяземской знати была выведена из своих земель и размещена в Подмосковье, а на освободившихся таким путем землях селились «пришлые» феодалы. По подсчетам исследователей, в среде вяземских помещиков выходцы из «пришлых родов» составляли около 72% [22].

В Вяземском уезде в XVI в. не без помощи будущего царя были размещены крупные владения Годуновых. Никите Васильевичу Годунову принадлежало в Красносельском стане 11 деревень с 53 крестьянскими дворами, его брату Петру Васильевичу в другом стане сельцо и 13 деревень с 53 крестьянскими дворами, Степану Васильевичу — 38 деревень с 220 крестьянскими дворами. Среди других крупных помещиков приправочные книги указывают Сабуровых, князей Тростенских, Рожновых [23]. Продолжало развиваться церковное и монастырское землевладение. Основатель Болдина монастыря Герасим создает еще три монастыря: Усекновения Иоанна Предтечи вблизи Вязьмы. Богородицкий Введенский в Брынском лесу на р. Жиздре, Рождественский Богородицкий в Сверковых Луках (в 36 км от Дорогобужа) [24]. В Вяземском уезде имели свои владения Новодевичий и Федоровский монастыри.

В Смоленске после присоединения к России в 1515 г. создается Вознесенский женский монастырь. При смоленских монастырях существовали беломестные слободки. Наиболее крупной была архиепископская слободка, в которой жило 178 человек. Менее значительны были слободки Авраамьева (21 человек), Спасского (18), Архангельского (21), Петровского (37), Духова (10) монастырей. Всего в монастырских слободках жило 288 взрослых мужчин, которые выполняли феодальные повинности и несли сторожевую службу на крепостной стене в период осады Смоленска польскими войсками в начале XVII в.[25] Монастыри имели свои земельные владения, расположенные недалеко от города. На этих землях работали и жители слободок.

В Рославле возникает Спасский монастырь и шесть церквей. По подсчетам Д. П. Маковского, «на Смоленщине в XVI в. было 14 монастырей, которые владели в том или ином количестве земельными угодьями. Сохранились материалы только по Болдину монастырю за 18 лет, охватывающих период с конца XVI — начала XVII веков. Монастырь имел 6 вотчин, к которым «тянул» 51 населенный пункт. Главное «внимание в хозяйстве Болдина монастыря уделялось развитию коневодства и молочного животноводства. Из этих двух отраслей ведущее место принадлежит коневодству, на его развитие приходилось 85% всех затрат на животноводство»[26].

Лошади и волы использовались в качестве тягловой рабочей силы в сельском хозяйстве и для перевозок грузов в Москву, Смоленск, Вязьму, Дорогобуж и другие города. Лошади и крупный рогатый скот шли на продажу и составляли одну из статей монастырских доходов. Кроме того, доходы монастыря росли от продажи льна, конопли, гречневой крупы, ржи, гороха, пшеницы, ремесленных изделий, а также шести мельниц и других видов промыслов. Доходы монастырской казны увеличивали пожертвования. Так, зодчий Федор Конь жертвовал в монастырь дважды (35 и 10 р.), московский дьяк Богдан Сутупов — (100 р.), сделали взносы князья А. Голицын, В. Масальский, Д. Годунов, Г. Пушкин и др.[27]

Основной доход монастырь-вотчинник получал от эксплуатации крестьян, выполнявших смешанные феодальные повинности. Во второй половине XVI в. получает развитие барщина, которая применялась при обработке монастырской пашни, посеве и уборке урожая, при выполнении

извозной повинности, на доставке грузов на 12 рынков, где продавались монастырские товары, при строительстве монастырских зданий, заготовке кирпича, извести, леса в ремонте мостов и дорог, в добыче болотной руды и обработке выделенной крицы, в рыбных промыслах, бортничестве и т. д. К 1599 г. 75% всех сел и деревень, принадлежавших монастырю, были переведены на барщину.

Заметную роль играл и натуральный оброк, который взимался с крестьян «по старине». По данным М. Н. Тихомирова, до конца XVI в. никакой системы в размерах оброков во владениях Волоколамского монастыря не было, и только реформа 1595 г. сбор оброка унифицировала [28]. Такое же положение наблюдалось и в Болдином монастыре. Монастырь получал с крестьян в качестве натурального оброка пеньку, мед, зерновые продукты и изделия домашних промыслов. В конце XVI в. основной оброк и ряд мелких натуральных поступлений были переведены на деньги. Денежный оброк стал преобладать над натуральным, что свидетельствует о развитии товарно-денежных отношений в хозяйстве монастыря-вотчинника. Монастырь собирал с крестьян «подымные деньги», «подъемные деньги», «лошадиные деньги», «санные деньги», «попонные деньги» и др.

Монастырь эксплуатировал крестьян и как ростовщик скупал у них часть сельскохозяйственной и промысловой продукции (полотно, сермяжные сукна, нитки, овчины, кожи) и продавал их на рынке по повышенным ценам. Широко применялось кредитование крестьян, что привязывало их к месту жительства.

Подобно Болдину монастырю превращался в богатого землевладельца Свенский монастырь. Во владениях Свенского монастыря пашня часто обозначалась сводным термином: «пашни паханные монастырские и служни и крестьянские и наездные». Общее обозначение применялось и к сенным покосам. В большинстве районов прочно утвердилось трехполье.

Судя по вкладной книге Свенского монастыря, в XVI в. для Верхнего и Среднего Подесенья был характерен ряд сельскохозяйственных культур. Помещики довольно часто дарили монахам хлеб. В состав вклада помещицы Костеревой входили «220 четей ржи, да 40 четей овса, да 20 четей ячменя, да 100 копен ржи немолоченые, да 60 копен ярицы, да в земле посеено 17 четей ржи, а нажато девяносто копен...» [29]. В 1571—1572 гг. в Свенский монастырь постригся

«крестьянин ис Торлопова Михайла». В качестве вклада он внес «80 четей ржи, да семь четей ячменя, да семь четей овса, да пять четей гречихи, да две чети пшеницы, да четь гороху, да четь проса, да десять четей ржи пушные, да пятнадцать чети суярку пушного, да после того двадцать пять чети ржи чистой и всему хлебу цена шестнадцать рублев»[30]. Соотношение культур во вкладах приблизительно отражает их место в сельском хозяйстве.

В 1654 г. через земли Камарицкой волости проехал антиохийский патриарх Макарий. Сопровождавший его дьякон Павел Алеппский описал состояние сельского хозяйства в этом крае, в частности, перечислил культуры, которые выращивали местные крестьяне. Это пшеница, рожь («хлеб из нее бывает черный и его любят больше белого»), ячмень, овес («он очень изобилен и идет на корм вьючным животным»), «мазари на их языке, похож он на жульбан (род гороха), его варят взамен чечевицы», просо, греча, капуста, репа, конопля, лен, «которого очень много», мак[31]. Свиту патриарха угощали в Севске огурцами и редиской.

Говоря об обработке земли, Павел Алеппский упоминал подсеку: «Нам приходилось видеть в этой стране московитов, что лес рубят, очищают землю и немедленно засевают ее». Распространение подсеки в крае, где были густые и обширные леса, неудивительно. Подсекой пользовались при расширении пашни, ее вызывала к жизни и необходимость повторной обработки земли при запустении пашни. Однако самостоятельного значения она не имела. Павел Алеппский наблюдал работу колесного плуга — характерного орудия крестьянского труда на почвах, насыщенных корневищами срубленных деревьев: «Сошник плуга непременно возится на двух колесах, и у этого сошника имеется заостренный железный резак, который входит в землю и вырезывает до основания корни лесных растений и траву». Путешественник обратил внимание и на крестьянскую борону. По его словам, это «плетеная четырехугольная клетка, на одной стороне которой вставлены длинные деревянные гвозди ... Когда пахарь действует, эта клетка делает землю ровною, как ладонь. Она быстро движется и удивительно легка»[32].

Обилие лугов и густая трава приводили к тому, что крестьяне не сохраняли солому при обмолоте хлеба. Поэтому здесь долго держалась одна из древнейших форм обмолота: крестьяне «ставят посередине (гумна) длинное брев-

но, вокруг которого кладут сжатый хлеб; привязав к нему за повод лошадей, покрикивают на них, и они бегают кругом, сначала в одну сторону, потом в другую, и таким образом обмолачивают весь хлеб на гумне. Они молотят только прежний хлеб, сжатый года за два». Тот хлеб, который только что был собран, обычно складывали в снопы колосьями внутрь в особых сараях и покрывали досками [33].

Некоторые представления об урожайности сельскохозяйственных культур можно составить по материалам центральных уездов Русского государства второй половины XVI — начала XVII вв. Наибольший урожай прослеживается в Козловском уезде, в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря (с. Война); ржи — сам 4—5, овса — сам 3, ячменя — около сам 5, пшеницы — сам 5, гороха, гречихи — сам 4—8. Сравнительно хорошими были урожаи в Ярославском, Владимирском и Юрьевском уездах. Наихудшие урожаи, судя по материалам Иосифо-Волоколамского монастыря, были в ряде центральных уездов (Волоцком, Тверском, Старицком, Рузском, Дмитровском); для ржи от сам 2,98 до сам 1,92, для овса сам 2,14 до сам 1,31, для ячменя от сам 4,84 до сам 2,69. В целом на территории центральных уездов Русского государства максимальные урожаи не превышали обычно для ржи сам 4—5, для овса сам 3. Несколько выше была урожайность ячменя: сам 4—5. Как исключение в отдельные особо плодородные годы урожайность ржи могла достигать сам 10, а овса — сам 5 [34]. Данные об урожайности в центральных уездах Русского государства можно распространить с некоторыми оговорками и на уезды Западного региона.

Земледелие дополнялось различными промыслами, что было характерно для крестьянского хозяйства эпохи феодализма. В XVI в. в таком крупном селе, как Супонево, ньи жители обслуживали Свенский монастырь и при необходимости могли вывезти свои изделия для продажи в Брянск, были непашенные крестьянские дворы. В писцовой книге 1595 г. отмечалось: «во дворе Савка Ефремов кузнец ... во дворе Истомка Титов кузнец, во дворе портной мастер Гришка Мосалитин, во дворе красильник Офонка, во дворе плотник монастырский Якушко Фролов, во дворе плотник Иванко Микифоров, во дворе Тимошка гончар, во дворе Федка сапожник, во дворе каменщик Васка Утка, во дворе повар Сидорка ... во дворе Филка пастух ... во дворе рыболов Иванко Привалов .. [35]. Село Супонево не было

исключением. Подобное положение отмечалось и в други
селениях монастыря.

В крестьянском хозяйстве разводили скот. Павел Але
пский отмечал, что «коровы в этой стране очень малы,
теленка, по причине сильного холода» [36]. В районах, кот
рые часто подвергались нападениям татар, скота было сра
нительно мало. Крестьяне здесь держали свиней, их татар
не трогали из-за религиозного запрета есть свинину [37]. Та
где были значительные по площади пастбища, как в Ком
рицкой волости, крестьяне разводили лошадей. Судя п
вкладной книге Свенского монастыря, коневодство был
широко распространено в Подесенье. Еще в XVI в. в мона
тырь поступили в качестве вкладов «кобылка татарка»
«кобылка русская», иноходец и т. д. Цена лошадей, указа
ная во вкладной книге, колебалась от 3 до 50 р. [38] Разно
образие пород и назначения лошадей говорит о высоко
уровне коневодства. Кроме того, в крестьянских хозяйства
выращивали овец и коз.

Существенную роль, как и прежде, играло рыболовств
Иностранные путешественники отмечали, что их всюду уг
щали свежей и сушеной рыбой. В лесах крестьяне собирал
мед. Д. Флетчер писал, что в Московском государстве «ме
получается в большом количестве из Северской земли» [3
Видимо, медом из Северы широко торговали в центральны
русских городах.

Современникам были известны и куньи меха, которы
крестьяне-севрюки добывали, охотясь в лесах. Из Север
меха привозили в центр России для продажи. Такие же то
вары, доставлявшиеся из Швейцарии и Швеции, были луч
ше по качеству. «Но в первой местности их гораздо боль
ше», — писал С. Герберштейн [40].

По мере восстановления хозяйства после «великог
московского разорения» крестьяне подесенских уездов вти
гивались в торговлю. В среднем течении Десны сложилс
крупный район по производству зерна. Важнейшей базо
для хлебной торговли была Комарицкая волость. Ее жите
ли вместе с крестьянами других уездов вели торговлю
выходцами из Польско-Литовского государства. Севски
воевода П. Безобразов, обеспокоенный развитием беспош
линной торговли, писал в Посольский приказ в 1638 г.
«крестьяне литовским людем хлеб всякий, и мед, и вос
продают беспрестанно, и всякими ... заповедными товары тор
гуют в уезде...». Вступая в контакты с торговцами из-за

рубежа, комаричане покупали необходимые для них вещи: пищали, одежду, обувь [41]. Скупка хлеба литовскими и русскими людьми в пограничных уездах России резко возрастала в неурожайные годы. Выходцы из Литвы приезжали в Брянский уезд и меняли на хлеб горшки, решета, ведра. Закупки хлеба они производили в Трубчевском и Карачевском уездах [42]. Комарицкие крестьяне, которые вели торговлю в крупных масштабах, скупали хлеб «отъезжаючи в Севском и Рыльском уездах» [43]. Путивльские воеводы писали в Москву, что в Путивле, Севске, Рыльске и уездах хлеба купить нельзя, так как «они из тех городов пошел в литовскую сторону». Центральное правительство было вынуждено послать специальные грамоты в Путивль, Рыльск, Севск и Брянск с запретом вывозить хлеб за рубеж [44]. В обычные годы крестьяне юго-западных уездов ездили для торговли «в Стародуб к яромонке в десятой пятнице» и в другие центры ярмарочной торговли [45]. Таким образом, вывоз хлеба на юг, за литовский рубеж, был важнейшим направлением развития торговых связей для населения юго-западной окраины Московского государства. Этому благоприятствовало и наличие удобной торговой дороги — р. Десны.

Остальные пункты, где появлялись со своими товарами крестьяне Подесенья, имели для их торговой деятельности второстепенное значение. Так, комаричане вывозили в Курск мед, воск и хмель. Последний товар был для них ведущим на курском рынке. Судя по таможенным книгам Курска, комаричане больше покупали в этом городе, чем продавали. В 1623 г., например, из 54 явок в 42 случаях ими были явлены деньги на покупку — от 1 до 10 р. [46] Комарицкие крестьяне появлялись со своими товарами и в Белгороде. В остальных южных городах России появление крестьян из юго-западных уездов документами не зафиксировано.

В первой четверти XVII в. в условиях явного подъема крестьянской торговли все еще сохранялись старые меры веса, сложившиеся в период феодальной раздробленности. Вкладная книга Свенского монастыря отмечала вклады ржи «трубчевской меры», «брянской меры», «старой брянской меры», «комарицкой меры» [47]. Это свидетельствовало о том, что торговые операции с хлебом совершались в основном в узких пределах местного рынка. Поездки на дальние ярмарки слабо сказывались на характере крестьянского хозяйства, которое оставалось потребительским. Сама торговля носи-

ла ярмарочный, средневековый характер и свидетельство
вала лишь о начальном этапе формирования всероссийског
рынка.

Из сказанного следует, что хозяйство крестьян Запад
норусского региона России после возвращения его в соста
Российского государства развивалось в сравнительно благо
приятных условиях. Однако в начале XVII в. положение ре
ко изменилось. Усилилось бегство крестьян. В 1616 и 1617 г
от помещика Б. Т. Кареева из Карачевского уезда бежал
20 семей, в 1617 г. из владений Тихоновской пустыни
том же уезде скрывалось 13 семей [48]. Деревни пустели,
обработка земли заметно сокращалась. В с. Супоневе Брян
ского уезда во владениях Свенского монастыря по перепис
1595 г. было 57 дворов, из них 23 крестьянских и 20 бобыль
ских, а в 1626—1629 гг. здесь насчитывалось только
крестьянских, 7 бобыльских дворов, 10 служилых и монастыр
ских, т. е. всего 23 двора [49]. О некоторых населенных пун
тах этого края писцовые книги свидетельствовали: «Пустош
что была деревня... а запустела та деревня с разорени
литовскими людьми» [50].

Набеги польских феодалов и татар в «смутное время
привели к упадку земледелия в Комарицкой волости. Поль
зуясь сокращением количества служилых людей и обезлю
дением отдельных их земель, местные крестьяне захватыва
ли принадлежавшие им пашни. В 1620—1640 гг. крестьянско
хозяйство постепенно восстанавливалось. Процесс этот бы
ускорен притоком населения из центра и из-за литовског
рубежа.

Итак, в начале XVI в. крестьяне Западнорусского регио
на освободились из-под власти Великого княжества Литов
ского, вошли в состав единого Российского государства
воссоединившись со своими единокровными братьями, что
способствовало оживлению экономических и культурных
связей между ними. Однако нельзя не отметить, что возвра
щение западнорусских земель привело к частичной замен
одних землевладельцев другими, раздаче земель новым
владельцам, выходцам из среднего и мелкопоместного дво
рянства, созданию стрелецких полков, стоящих на страже
Русского государства. В период опричнины продолжался
процесс становления земельных собственников в Смоленс
ком, Вяземском, Брянском и Торопецком уездах. Сюда были
переселены дворяне из других уездов.

Судебники 1497 и 1550 гг. входили в жизнь западнорус-

ского населения. В 1578 г. Иван IV подтвердил право рославльских дворян на владение землей и зависимыми от них крестьянами, оно распространилось на все земли региона. Смоленские десятни 1574 и 1606 гг., писцовые Вяземские и Торопецкие книги, Рославльская «книга ямских денег» определенно свидетельствуют о господстве дворянского землевладения.

Писцовые книги Болдина-Дорогобужского и Брянского Свенского монастырей, относящиеся к концу XVI в., дают возможность составить представление о развитии не только монастырского, но и крестьянского хозяйства.

Происходил процесс закрепощения крестьяи, увеличивалась их феодальная эксплуатация в форме натурального, денежного оброков и барщины. Значительную группу составляли еще черносошные и дворцовые крестьяне, которые раздавались дворянам, создававшим свои поместья. В конце XVI в. царское правительство предписывало крестьянам, чтобы они «помещиков слушали, их пашню пахали и оброки платили». С установлением режима заповедных мест и отменой тарханов положение крестьян значительно ухудшилось. Неповиновение крестьян принимало массовый характер и переросло в крестьянскую войну.

2. Классовая борьба

В конце XVI в. Россия находилась накануне серьезных социальных потрясений. Здесь, как и в Германии в начале XVI в., «каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными» [51]. Крестьяне и посадский люд Западнорусского региона, как и других районов страны, испытывали тяжелые бедствия, связанные с неурожаем и голодом. В Смоленске и его уезде «голод и мор свирепствовали с такой силой, что жители не успевали погребать мертвых» [52]. Толпы голодных людей бродили по дорогам в поисках средств к существованию. Появилась большая опасность ухода крестьян за границу, и Борис Годунов приказал укреплять «заставы быша Смоленска по всему Смоленскому рубежу», чтобы «никто из Литвы и в Литву не входил» [53].

Антифеодальные выступления в 1602—1603 гг. приняли массовый характер. Царские войска были направлены в Вязьму, Белую, Можайск, Медынь, Киев [54]. Однако борьба нарастала и к лету 1603 г. охватила все уезды вокруг Моск-

вы. Особенно опасное положение сложилось на дорогах, идущих в Польшу и Прибалтику. Выступление крестьян и холопов в Подмосковье во главе с Хлопком в 1603 г. и в западнорусских землях следует рассматривать как первый этап крестьянской войны.

Восставшие одержали ряд побед, разгромили крупный отряд царского воеводы Ивана Басманова, но в конечном счете сами потерпели поражение. Хлопка, тяжело раненный в бою, был схвачен и казнен. С поражением восставших под Москвой движение не прекратилось. Оно развивалось, охватывая все новые и новые районы. Много беглых холопов и крестьян, в том числе участников сражения под Москвой, скопилось в Северской и Смоленской землях. Продолжалась борьба крестьян и холопов в Вяземском, Смоленском, Дорогобужском, Бельском и других уездах. Осенью 1603 г. участились выступления крестьян Болдина-Дорогобужского монастыря, они захватывали бортные угодья, самовольно рубили леса, отказывались от выполнения феодальных повинностей [55].

Обострение классовой борьбы в 1604—1605 гг. привело к переплетению двух глубоко противоречивых сил: «С одной стороны, восстание крестьян, посадских и мелкого служилого люда — прямое продолжение крестьянской войны... с другой, — реакционная авантюра Лжедмитрия, который использовал крестьянское восстание и одновременно стремился привлечь на свою сторону недовольные Годуновым слои господствующего класса. Гражданская война, шедшая в стране, осложнялась иностранным вмешательством» [56]. Слухи о появлении «царевича» Дмитрия в Польше раньше всего дошли до пограничных городов и вызвали среди крестьян и посадских людей всевозможные толки.

Наивный монархизм крестьян, холопов, посадских людей и социальная демагогия самозванца способствовали поддержанию народных иллюзий о «хорошем царе Дмитрии» и его успеху в борьбе с Годуновым. Народные массы надеялись на то, что Лжедмитрий I уничтожит «государеву десятинную пашню», отменит крепостнические законы о крестьянах и кабальных холопах, защитит посадских людей от насилия и тяжелых феодальных повинностей, предоставит казакам вольности и жалование. Распространился слух, будто Лжедмитрий I стремится «бояр и дворян и приказных людей и гостей всяких лучших людей побити» [57]. Имя Лжедмитрия стало в известной мере знаменем народного дви-

жения, хотя сам он ни в коей мере не являлся крестьянским вождем»[58], боялся крестьянского движения и стремился привлечь на свою сторону бояр, дворян и зажиточную верхушку посада. На сторону Лжедмитрия I добровольно перешли Путивль, Рыльск, Севск, Кромы, Орел и другие укрепленные пункты.

Крестьяне-севрюки шли к «царевичу» с упованием на облегчение мужицкой доли. Бояре и дворяне скоро поняли двойную игру Лжедмитрия I и открыли ему путь к Москве. Приближение Лжедмитрия I к Москве вызвало новый подъем движения крестьян и посадских людей, превративших церемонию присяги самозванцу в поход против бояр[59]. Утверждение Лжедмитрия I на русском престоле не могло привести к улучшению положения народных масс. Самозванец проводил крепостническую политику и не пытался выполнять свои обещания «избавить народ» от «неволи» и «гнета». Правда, он вынужден был сделать некоторые уступки восставшим (на 10 лет освободил Северскую землю «от всех налогов и податей»[60], но восстановил на юге «десятинную пашню», уничтоженную в ходе восстания крестьянами, издал указ от 7 января о кабальных холопах и приговор от 1 февраля 1606 г. о беглых крестьянах), но они «не затрагивали основ крепостнического строя и носили в значительной мере демагогический характер»[61].

Таким образом, народное движение 1604—1605 гг. было продолжением первого этапа крестьянской войны, осложненной интервенцией польских панов и шляхтичей и их ставленника Лжедмитрия I.

С захватом Москвы польские паны и шляхтичи мечтали об укреплении своих позиций в Смоленской и Северской землях, особенно в городах Смоленске и Брянске. Еще 12 июня 1604 г. Лжедмитрий подписал обязательство о передаче пану Ю. Мнишек г. Смоленска и половины Смоленской, а также части Северской земли. Другая часть Северской земли и шесть северских городов должны были стать собственностью польского короля. По этому же обязательству панна Марина Мнишек получила псковские и новгородские земли.

Тайные замыслы самозванца не были известны русскому народу. В период похода Лжедмитрия к Москве он посылал своих представителей в смоленские земли и призывал население перейти на его сторону. Призывы Лжедмитрия так же, как и первые слухи о нем, нашли сочувственный отклик среди крестьян и посадских людей Смоленщины и Северщины.

Смоленские земли находились в стороне от основного района крестьянского восстания 1606—1607 гг., но и здесь развернулось движение крестьян, холопов и посадских людей. Рославль, Дорогобуж (здесь действовали со своими отрядами атаманы Шестаков и Солома) и Вязьма перешли на сторону Болотникова. Участие городов «от Литовской Украины» — Дорогобужа и Вязьмы — в восстании И. Болотникова документально подтверждается «Новым летописцем» [62], а Рославля — грамотой рославльского воеводы князя Д. В. Мосальского [63]. В Вяземском и Можайском уездах активно действовал один из предводителей повстанческого войска Болотникова Федор Берсень [64].

В польских источниках отмечалось: «Северяне собрався и с ними казаки донские ходили войною и взяли было Дорогобуж, и Вязьму, и Можайск, и Борисов город на Баранове, и Вязьму» [65]. В интерпретации польских кругов переход Дорогобужа и других смоленских пригородов на сторону Болотникова рассматривается как завоевание этих городов «северянами» и «казаками». На самом деле почва для взрыва народного недовольства в Смоленском крае была вполне подготовлена. Об этом свидетельствует и бегство дворян и бояр из своих владений под защиту Смоленской крепости, где был объявлен сбор царских войск для похода на Москву.

До нас не дошли документы, характеризующие ход военных действий царских войск с повстанцами в западных уездах России. Но то, что они были, не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствуют послания патриарха Гермогена митрополиту Ростовскому Филарету от 30 ноября 1606 г., Смоленская десятня 1606 г., челобитные служилых людей с просьбой о вознаграждении за участие в подавлении крестьянского восстания. Патриарх Гермоген писал: «Пошли к Москве из Смоленска, и из Вязьмы, и из Дорогобужа, и из Серпейска дворяне, и всякие служилые люди», по пути они «тех богоотступников, воров, и еретиков, и разорителей (так называл патриарх участников восстания), где они были, тех всех побили, а иных поймах живыми, мучению смертному и казни предали» [66].

Путь из Смоленска к Москве шел через Пнево, Дубники, Дорогобуж, Вязьму, Царево-Займище и Можайск. На всем пути восставшие, как видно из приведенного документа, мужественно боролись, но в результате военного превосходства дворяне одержали над ними верх и повстанцев «всех побили и лишь немногих удалось взять в плен и каз-

нить». Дворяне и духовенство Смоленска поддержали В. Шуйского в борьбе с Болотниковым. Они собрались без посадских людей, которым не доверяли, опасаясь их выступления на стороне восставших, составили десятню. Десятня «раскрывает перед нами, с одной стороны, организацию господствующего класса, а с другой, — дает сведения о составе дворянского отряда, направленного под Москву против армии Ивана Болотникова» [67]. Как свидетельствует смоленский дворянин, участник похода против Болотникова, в составе отряда «выбрано было шестьсот сорок человек» [68] крупнопоместных и среднепоместных дворян. Возглавил его Г. М. Полтев, принадлежавший к верхушке смоленского дворянства. «Новый летописец» сообщает, что отряд смоленских дворян по пути к Москве «грады очистиша Дорогобуж и Вязьму», т. е. ему удалось нанести поражение отрядам восставших в двух важнейших очагах народной борьбы.

Поражение восставших усиливало позиции В. Шуйского в западнорусских землях, но не привело к прекращению крестьянской борьбы. Разрозненные отряды восставших продолжали действовать в Вяземском, Дорогобужском и Рославльском уездах. Одновременно усиливалось движение повстанцев «Ржевской Украины» (Ржев, Зубцов, Старица, Погорелое городище), перешедшей на сторону Болотникова [69].

Чтобы подавить крестьянское движение, В. Шуйский послал под Можайск против восставших смолян «князя Данила Ивановича Мезецкого да Ивана Никитина сына Ржевского, а под Волок послал против смолян же другого окольничьего Ивана Федоровича Крюка-Колычева» [70]. Правительственные войска добились некоторых успехов, отстояв Смоленск, Тверь и рассеяв повстанческие отряды по пути из Смоленска к Можайску и из Иверии к Москве. 15 ноября 1606 г. в Можайске произошло соединение дворянских отрядов Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа «со многою ратью» Крюка-Колычева [71], идущего к ним навстречу для подавления крестьянского движения в Можайском и Вяземском уездах.

Подавив движение в Можайском уезде, объединенные силы отрядов в конце ноября прибыли в Москву и приняли участие в битве с Болотниковым. Решающее сражение под Москвой, развернувшееся в период с 26 ноября по 2 декабря 1606 г., окончилось поражением И. Болотникова и отступлением его повстанческой армии к Калуге. В Калужской осаде участвовали смоляне [72], дорогобужане [73] и беляне. Пре-

следуя И. Болотникова, В. Шуйский не упускал из виду западные уезды России, особенно он опасался за Смоленск, который мог стать ареной сражений восставших и в то же время был лакомым куском для польско-литовских феодалов. Со смоленскими землями поддерживал связи путивльский воевода Г. Шаховской и новый предводитель крестьянского движения Илья Горчаков, выдавший себя за царевича Петра Федоровича. Часть повстанческих отрядов после Московского сражения ушла в пределы Смоленского края, что привело к активизации борьбы местных крестьян и холопов. Смоленский уезд наводнен был восставшими крестьянами, холопами и казаками.

Вот почему часть смоленского отряда дворян во главе с Г. Полтевым, отличившаяся в сражении с Болотниковым и заслужившая благодарность царя, была немедленно «повернута» в Смоленск, чтобы не допустить широкого развития крестьянского движения в этом крае и предотвратить опасность на случай появления нового самозванца из-за польского рубежа. По свидетельству Льва Сапеги, итогом Московского сражения было не только преследование сильно потрепанной «государевыми братьями» армии И. Болотникова и осада Калуги, но и осуществление одновременного удара по группе восставших, действующей в Смоленском крае. «А к Дорогобужу де и к Вязьме и к Можайску, — пишет Л. Сапега, — ходили смоляне, и те городы опять к государю отворотили» [74].

Усиление крестьянского движения в Смоленском крае привело к тому, что в конце января — феврале 1607 г. смоленские дворяне начали уезжать из-под Калуги «по своим домам» [75].

Факт массового народного движения в Смоленском крае после поражения И. Болотникова под Москвой подтверждается документально. Мы не располагаем конкретным материалом о ходе движения и его участниках, но одно несомненно, что отряд смоленских дворян вынужден был вновь освобождать от восставших Можайск, Дорогобуж и Вязьму, а В. Шуйский принимал меры к укреплению своих позиций в юго-западных районах страны, посылая туда своих лазутчиков «з грамотами», с призывами к жителям, чтобы «они к государю обратились и вины свои государю принесли» [76].

В. Шуйскому местами удавалось сеять неуверенность в рядах восставших, но в целом его грамоты не достигали

цели. На юго-западе России активизировали свою деятельность Илейка Муромец и «царевич Петр», готовившийся к походу на Калугу на выручку И. Болотникова. Стремясь к объединению сил восставших, «царевич Петр» не предпринял самостоятельного похода на Москву, а «пошел на помочь Ивашке и стал на Туле» [77], в начале 1607 г. присоединился к основной армии повстанцев. «Царевич Петр» был поддержан крестьянами, холопами и посадскими людьми.

Снова оживилось движение в Смоленском крае. На этот раз активную роль играли крестьяне и носадские люди Рославльского уезда, что подтверждается грамотой рославльского воеводы князя Д. В. Мосальского в Мстиславль с призывом оказать поддержку «царю Дмитрию Ивановичу» и «царевичу Петру Федоровичу» [78]. (Д. В. Мосальский был направлен воеводой в Рославль Лжедмитрием. Он принадлежал к той группе представителей господствующего класса, которые примкнули к движению И. Болотникова и стремились использовать его для борьбы с В. Шуйским.) Рославль был в числе «украинских городов», который «осуетишася» [79] перешел на сторону «царевича Петра Федоровича» и «царя Дмитрия». Выступления рославльчан в поддержку И. Болотникова, опасность подхода повстанцев к Смоленску заставила смоленский гарнизон усилить охрану города, находившегося фактически на осадном положении. Опасность для Смоленска особенно возросла в связи с появлением в Стародубе нового самозванца Лжедмитрия II.

Смоленск в результате принятых правительством мер не перешел на сторону И. Болотникова, тем не менее выступление крестьян, холопов и посадских людей этого края имело большое значение. Оно отвлекало часть царских войск от основного театра военных действий против восставших.

Крестьянское восстание под предводительством И. Болотникова было подавлено в октябре 1607 г. Но падение Тулы не означало прекращения крестьянской войны. В это время «Лжедмитрий II полностью еще не разоблачил себя как ставленник польских авантюристов, крестьяне и холопы многих районов поддерживали его в борьбе с помещиками, разоряли дворянские поместья, убивали господ» [80].

Крестьянская борьба последнего этапа отличалась большей раздробленностью, преобладанием мелких повстанческих отрядов, действовавших преимущественно в своей местности, отсутствием связи между отдельными повстанческими районами, изменением форм борьбы. Происходил

процесс постепенного спада крестьянского движения, ут
чивалась вера в Лжедмитрия, который в глазах народ
масс все больше разоблачал себя как авантюрист, гра
тель и ставленник польских интервентов. Начиная с ко
1608 г. в стране все шире стало нарастать народное дви
ние за освобождение страны от иноземных захватчиков.
движение стало общенародным, охватившим не толь
крестьян, но и другие слои населения. Крестьянская вой
шла на спад. На первый план встала задача национальн
го освобождения [81].

На последнем этапе крестьянской войны вновь ожи
лось крестьянское движение на Смоленщине, чем незам
лительно решил воспользоваться Лжедмитрий II. Осен
1607 г. он направил сюда лазутчиков, стремясь склони
на свою сторону население. Смоленск остался верен русск
му правительству. Но Дорогобуж и Вязьма в 1608 г. пере
ли на сторону Лжедмитрия II. Усилилось движение крестья
которые отказывались выполнять феодальные повинност
Смоленская помещица Неелова писала в Москву: «Крестья
меня не слушают, хлеба ко мне в город не везут» [82]. Смоле
ский воевода М. Б. Шеин, опасаясь за судьбу Смоленска,
апреле 1608 г. составил две «наказных памяти», адресова
ные посадским старостам и объездным головам, о мера
усиления обороны города: «По вся дни, поутру и вполдни,
по вечерам и беречи того на крепко, чтоб однолично н
посаде и в слободах воровства, и грабежей и всякого дурна
ни у кого не было» [83].

Создав Тушинский лагерь под Москвой, Лжедмитрий I
стремился привлечь на свою сторону и смолян — посадски
людей, крестьян и холопов, открыть свободный путь поль
ско-литовской шляхте через смоленские земли к Москве.
Почти до октября 1608 г. отдельные группы крестьян, холо
пов и посадских людей Вязьмы и Дорогобужа поддержива
ли Лжедмитрия II, связывая с его именем уничтожение кре
постной неволи и улучшение своего положения. В августе
под Смоленском появился Лев Сапега, хитростью, обманом
и силой он пытался завладеть городом, но получил отпор и
ушел в Тушино. Через три месяца разгорелась упорная
борьба за Дорогобуж, окончившаяся победой Смоленского
войска [84].

С конца 1608 г. в западнорусских землях начинает рас
ти национально-освободительное движение против польско-
литовских феодалов и их ставленника Лжедмитрия II. Пар

тизанская форма борьбы народных масс стала преобладающей. Освободительное движение значительно возросло в связи с начавшейся открытой интервенцией польско-литовских феодалов и героической обороной г. Смоленска 1609—1611 гг. Местами происходили еще крестьянские выступления, но они слились уже с партизанским движением против интервентов.

Таким образом, в смоленских и брянских землях на всем протяжении первой крестьянской войны развертывалось в различных формах движение крестьян, холопов и посадских людей. Восставшие держали в своих руках Дорогобуж, Вязьму и Рославль — важнейшие экономические центры края. В общей борьбе народных масс они сыграли важную роль: отвлекли на себя часть правительственных войск, направленных на подавление главных очагов крестьянского движения, приковали внимание местных дворян, которые после битвы под Москвой в декабре 1606 г. вынуждены были возвратиться в свои уезды и не осмеливались больше уходить из имений на борьбу с повстанцами.

ГЛАВА 6

ЗАПАДНОРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПОД ВЛАСТЬЮ ФЕОДАЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Подписание 1 декабря 1618 г. Деулинского перемирия ознаменовало окончательный крах попытки польско-литовских феодалов добиться подчинения Российского государства. Но по условиям перемирия Речи Посполитой[1] удалось сохранить под своей властью смоленские и северские земли, захваченные в ходе интервенции. Было создано Смоленское воеводство, состоявшее из смоленских и части северских земель.

Смоленское воеводство делилось на два повета — Смоленский и Стародубский. В первый вошли Смоленский, Бельский, Дорогобужский и Рославльский уезды, а также Серпейский, возвращенный России по Поляновскому миру 1634 г., Невельский, Себежский и Красногородский, присоединенные в 1638 г. к Полоцкому воеводству. Стародубский повет включил Стародубский, Почепский, Поповгородский и Трубчевский уезды, но последний в 1645 г. в результате пограничного размежевания был возвращен России.

Переход местного крестьянства под власть польской

или литовско-белорусской шляхты, разумеется, не менял сущ ности феодальной эксплуатации. Но установление иноземной власти, различия в правовом положении крестьян России и в Речи Посполитой, в их повинностях, в системе землепользования при внедрении новыми землевладельцами привычных для них норм неизбежно вели к изменениям условий жизни и хозяйственной деятельности крестьянства Смоленщины и Северщины.

Изменения в численности и национальном составе крестьянства

В начале XVII в. население Западной России сильно пострадало от военных действий, грабежа и насилий интервентов. В ходе войны и после заключения Деулинского перемирия многие жители покинули территорию, захваченную Речью Посполитой, и ушли в Россию. Урон, нанесенный западнорусской деревне, был колоссальным. В королевских привилеях шляхте на земли Смоленского воеводства, внесенных в Литовскую метрику[2] преобладают пустоши. Еще в 1631 г., например, в огромных владениях А. Гонсевского в Бельском уезде имелось только 8 дымов старожилов и 30 дымов недавно поселенных крестьян[3].

Уже в конституции (постановлении) сейма 1611 г. отмечено, что после взятия Смоленска из-за опустошения тамошних земель король Сигизмунд III приказал рассылать универсалы с целью привлечь туда свободных людей из Великого княжества Литовского. Но категорически запрещалось переселение мещан частновладельческих местечек и крепостных крестьян. Беглых владельцы возвращали через суд. Аналогичное положение содержат конституции 1626 и 1635 гг. Конституции 1638 и 1641 гг. обвиняли в приеме беглых крестьян из Великого княжества Литовского смоленского католического епископа.

Миграции были довольно интенсивны и в мирное время, но особенно большие масштабы приобретали во время войны. На численность населения воеводства заметно повлияла Смоленская война 1632—1634 гг. Показательно сравнение сведений о числе служб в королевских имениях Смоленского повета в 1629 и 1636 гг. В Смоленском уезде в 1629 г. королю принадлежало 1058 служб крестьян[4], а в 1636 г. из-за раздачи части имений шляхте и «опустошения войной и гибели подданных» — только 263 службы, в Дорогобужском уезде — соответственно 526,5 и 80, в Бельском уезде — 76 и

7,5 служб[5]. Число служб в среднем уменьшилось в годы войны в пять раз.

Изменения численности сельского населения воеводства по квитанциям об уплате налогов за 1625—1649 гг. могут быть прослежены на примере имений смоленской иезуитской коллегии в Дорогобужском и Смоленском уездах[6]. Единицей обложения (как и в XV — начале XVI в.) являлась служба.

В 1625 и 1626 гг. коллегии принадлежало 93 службы крестьян (из них две службы погорельцев были освобождены от уплаты налога), а также три службы бояр (военнослужилых крестьян), одну из служб держали два человека, на 2,5 службах жили два попа и два дьякона. Всего коллегии принадлежало 98,5 службы. Кроме того, в имениях неиезуитов проживало 42 крестьянина-слободчика, освобожденных на новом месте от налогов и повинностей.

В 1627—1629 гг. истекал трехлетний срок налоговой льготы для слободчиков. Но в эти годы коллегия платила только за 87,5 служб, так как крестьяне были уведены в Россию. В 1630 г. количество служб было то же; еще 8 дымов крестьян по разным причинам освобождены от налогов, не платила коллегия за 50 дымов крестьян, ушедших в Россию, и за хозяйства служителей церкви.

В 1632 г. число крестьянских служб все же увеличивается до 93,5; кроме того, не платят налог за свои 2,5 службы попы и дьяконы.

За 1633—1647 гг. квитанции отсутствуют, а в 1648 и 1649 гг. платили лишь за 90,5 службы крестьян (как и раньше, сохранившиеся 2,5 службы духовенства были от уплаты освобождены). Таким образом, число принадлежащих коллегии крестьянских служб между 1625 и 1632 гг. уменьшилось, несмотря на то, что в 1632 г. и появилась тенденция к росту. Но цифра 1648—1649 гг. меньше цифры 1632 г. Несомненно, здесь все еще сказывались последствия Смоленской войны 1632—1634 гг.

Судя по данным книги подымного сбора в Смоленском повете 1650 г.[7], примерная численность населения Смоленского, Бельского, Дорогобужского и Рославльского уездов составляла в то время от 180 до 194 тыс. человек[8]. Непривилегированное и феодально-зависимое население повета (без шляхты, военнослужилых людей и духовенства) достигало примерно 167—180 тыс. человек, из них в городах проживало от 12 до 13 тыс., в частновладельческих местеч-

ках (населенных пунктах переходного типа) — от 6,8 до 7,3 тыс. человек. Крестьян насчитывалось от 148 до 160 тыс., что составляло более 80% всех жителей повета.

Разорение территории военными действиями повлияло и на концентрацию сельского населения. Большинство деревень региона были невелики. Еще в 1654 г. в Смоленской экономии в имениях, принадлежавших королю (а для него отобраны наиболее населенные земли), имелось 12 пустых деревень, в большинстве населенных пунктов насчитывалось менее 10 хозяйств, много было деревень в 1—2 хозяйства. Лишь как исключение во владениях короля можно упомянуть д. Браклица, где насчитывалось 20 дворов [9]. В 18 деревнях, переданных С. Огинскому в Шуцком стане Смоленского уезда, в 1634 г. находилось всего 45 дымов, и лишь в 2 деревнях было по 6 дымов, в остальных же — от 1 до 4 дымов [10]. Источники подтверждают существование больших семей, неразделенных хозяйств.

Демографические процессы привели к существенным изменениям в составе местного крестьянства. В начале XVII в. Смоленское воеводство было русским по населению, практически единственной религией оставалось православие. Истребление местных жителей в ходе войн и миграции изменило национальный, а отчасти и религиозный состав населения. Его убыль восполнялась преимущественно за счет выходцев из Белоруссии, частично из Прибалтики, а на Стародубщине и из украинских земель. В связи с этим, а также благодаря поддержке королем католической иерархии (получившей обширные пожалования), некоторое распространение в воеводстве получило католичество (но в основном среди шляхты, отчасти — горожан). Местное православное духовенство во главе с архиепископом Сергием в основном признало унию. Впрочем, это обстоятельство, по-видимому, никак не повлияло на религиозное сознание массы крестьян, воспринимавших преимущественно обрядную сторону религии (она не изменилась). Бегство на земли воеводства крестьян из пограничных уездов России способствовало восполнению численности и русского населения. Таким образом, местное крестьянство было многонациональным, но его подавляющее большинство составляли представители восточнославянских народов.

Сельское хозяйство. Системы землепользования

Убыль населения привела к заметному сокращению ареала обрабатываемых земель. Сигизмунд III отмечал в 1626 г. в универсале, что

«земли Смоленского воеводства, обширные и пригодные для использования, из-за отсутствия людей и хозяйств дичают, пустеют и зарастают лесом». В привилеях 1620—1621 гг. на земли в Дмитровском стане Дорогобужского уезда указывалось, что стан этот пустой и деревень там нет [11].

Феодалы привлекали крестьян на опустевшие земли, пытались интенсифицировать земледелие. Для этого они использовали волочную померу земли, начатую в воеводстве в 20-х гг. XVII в.

В ходе померы земля в деревне делилась на три поля по 11 моргов (примерно 7,12 га). Каждый двор получал участок в трех полях. Три участка по 11 моргов составляли волоку (около 21,35 га). Такое деление земель обеспечивало трехпольный севооборот.

С введением волочной померы при пожаловании земель в участок включались деревни, починки, пустоши, целиком или частично, в количестве, необходимом для получения имения установленной площади.

Первый известный нам привилей с указанием площади (шляхтичу Я. Макалинскому на 2 волоки под Смоленском) датирован 9 июля 1620 г., следующий на 1200 волок, — трем хоругвам смоленских казаков в Смоленском уезде — 16 марта 1621 г. [12]

Первый привилей на волоки в Дорогобужском уезде имеет дату 9 февраля 1623 г., весной этого же года они упоминаются в Рославльском, Бельском, Себежском уездах. В 1625 г. помера распространяется на некоторые земли Невельского и Серпейского уездов [13].

В 1625 г. началось измерение в волоках и земель, жалуемых в Стародубском повете. Волочная помера активизировалась в 30-е гг. XVII в. в связи с возобновлением массовых пожалований Владислава IV. В частновладельческих имениях Смоленского повета уже к концу 30-х — началу 40-х гг. помера была в основном завершена. В привилеях и королевских разрешениях на продажу, отдачу в аренду или залог ленных имений, угодья, не измеренные в волоках, упоминаются крайне редко. Однако не ясно, насколько активно протекала помера в собственных королевских и некоторых церковных владениях. Хотя известно, что королевские владения также подвергались волочной помере, а пожалования католической церкви тоже исчислялись в волоках, упоминания о службах в имении смоленских иезуитов, в коро-

левской Смоленской экономии заставляют предполагать, что в некоторых случаях (там, где сохранились крестьянские хозяйства) феодалы могли оставить прежнюю систему исчисления крестьянских повинностей (что не исключало, впрочем, существования и там трехполья) [14]. В меньшей степени затронула помера и Стародубский повет. Измерение земли производилось королевским присяжным землемером в присутствии владельца и шляхтичей-свидетелей, после чего составлялся документ с описанием границ имения. Иногда (по просьбе владельца) он подтверждался королем. Так некоторые описания имений попали в книги Литовской метрики.

Если измерение в волоках заселенных земель вело к перестройке крестьянских хозяйств, перемещению крестьян на новые наделы, а также, видимо, к некоторому изменению их повинностей, то измерение в волоках и разделение на три поля пустошей (а именно они в первую очередь раздавались шляхте) давало возможность феодалу после поселения крестьян организовать хозяйство по образцу имений Великого княжества Литовского.

Преобладание трехполья, особенно заметное в Смоленском повете, не исключало существования подсечно-огневой системы земледелия. Применялись и мелиоративные работы. После расчистки и осушения земля делилась на волоки и включалась в трехпольный севооборот [15].

Источники (упоминания о хлебных запасах в городах, структуре зернового оброка, посевах) дают общее представление о сельскохозяйственных культурах, распространенных в воеводстве. Преобладали рожь и овес. Посевы ячменя уступали посевам этих культур. Еще меньше высевалось пшеницы. Отметим, что рожь была основной зерновой культурой Речи Посполитой, причем ее преобладание было «свойственно районам, активно участвовавшим в хлебном вывозе» [16].

В Дорогобужском и Трубчевском уездах зафиксированы посевы гречихи, в Смоленском, кроме того, — гороха. На Смоленщине были распространены посевы льна. В 1631 г. с крестьян Смоленского, Дорогобужского, Серпейского уездов по приказу воеводы собиралась пенька для вывоза в Ригу [17]. Сигизмунд III по просьбе смоленских мещан запретил купцам из других городов в числе прочей сельскохозяйственной продукции скупать у крестьян Смоленщины и коноплю.

Наряду с пашенным земледелием важным занятием

жителей было огородничество. Им занимались, в частности, крестьяне, не имевшие пахотной земли, — так называемые загородники. Из 659 зарегистрированных в 1650 г. дымов загородников в Смоленском повете около половины находилось в городах и местечках (соответственно 189 и 140) [18]. Для большинства крестьян огородничество являлось вспомогательным занятием.

В городах и сельской местности развивалось садоводство. Записки смоленских иезуитов в 1652 г. отмечают, например, что в имении Болдин «сад засажен новыми деревьями и увеличен», имение Спас «засажено огромным количеством деревьев», а в имении Петрово (Смоленский уезд) положено начало будущему плодовому саду [19].

Не изменилась существенно ситуация и в животноводстве. В имениях Смоленского повета упоминаются лошади, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, домашняя птица [20]. Куры и гуси взимались в составе натурального оброка с большинства хозяйств. Точных сведений об обеспеченности крестьян региона скотом нет. По книге подымного сбора 1650 г. случаи, когда у загородников нет скота, специально оговорены.

В воеводстве развивалось бортничество. Борти упоминаются в хозяйствах феодалов и крестьян.

Одним из традиционных промыслов жителей была рыбная ловля. Этим правом пользовались, например, крестьяне Смоленской экономии, платившие специальный озерный сбор. В источниках упоминаются и озы — загородки, устроенные на реках для задержания рыбы.

Крестьяне платили специальный сбор за право охоты на пушных зверей в королевских лесах. В деревне получили некоторое распространение и ремесленные занятия. Крупные масштабы приобрело производство «лесных товаров» — золы, поташа, смольчуга (низкий сорт поташа), клупки, ванчоса (деревянных окантованных брусьев), предназначенных прежде всего для экспорта в Западную Европу. И если сложный процесс получения поташа осуществлялся ремесленниками-специалистами (так называемыми будниками, фактически сельскими жителями), то лесоповал, доставка древесины для костров возлагались на крестьян.

Большое значение в жизни крестьян имело домашнее ремесло. В имениях упоминаются сапожники и портные, которые обеспечивали преимущественно феодалов. В деревне развивалось ткачество, а в некоторых местах и суконо-

делие. В сельской местности Смоленского повета зарегистрировано 13 водяных мельниц с фолюшами — суконными колесами. Обработка железа осуществлялась ремесленниками-специалистами: кузнецами (в имениях Смоленского повета в 1650 г. отмечено 23 человека), слесарями (зарегистрировано лишь двое).

Выделились в профессиональные ремесла гончарное и бондарное дело, известны в деревне колесники и другие ремесленники [21].

Ремесло в деревне еще не полностью отделилось от земледелия и продолжало оставаться одним из вспомогательных занятий крестьянства.

Правовое положение крестьян

С переходом Смоленщины и Северщины под власть Речи Посполитой на эту территорию распространялось ее законодательство по крестьянскому вопросу. Правовые акты Речи Посполитой, как и соответствующие русские законы, представляли феодалам право на землю, ренту и личность крестьянина. Уже по Литовскому статуту 1529 г. крестьяне, за исключением немногочисленной категории «похожих», были прикреплены к земле. Статут 1566 г. определил 10-летний срок сыска беглых крестьян, а по третьей редакции Литовского статута в 1588 г. он увеличился в ряде случаев до 20 лет [22].

К концу XVI в. завершился процесс слияния «невольной челяди», сходной с русскими холопами, в одно сословие с крестьянством. В отличие от России, где холопство еще продолжало существовать, холопы Смоленщины и Северщины, следовательно, по своему правовому положению сливались с крестьянством.

Сохранились и небольшие группы крестьян, державшие землю, но не прикрепленные к ней окончательно, так называемые «захожие» новоселы. Это были преимущественно беглые. Получив от феодала землю, они обзаводились хозяйством, потом начинали нести повинности. Действуя в интересах феодалов, составители Литовского статута 1588 г. законодательно закрепили для них существовавший и раньше в обычном праве десятилетний срок «земской давности». Хотя статут формально сохранял за вольным человеком право на выкуп и уход, устанавливал для его сыска меньший срок, чем для «отчича», в сущности он создал четкие юридические основания для закрепощения свободных селян.

Беглые крестьяне, поселившись в Смоленском воеводстве «на слободах» с освобождением от повинностей в течение ряда лет, уже десять лет спустя прикреплялись к земле и по закону не могли уйти от новых феодалов. Однако бегство в Россию крестьян, уже проживших на этой территории несколько лет, одновременный приток выходцев из Великого княжества Литовского и России свидетельствуют о том, что число свободных крестьян, не проживающих на новом месте срока «земской давности», было здесь довольно велико, хотя точными статистическими данными о них мы не располагаем [23].

Как и в России, в Великом княжестве Литовском земля, находившаяся в пользовании крестьян, была собственностью феодала. Но как и раньше средства производства, которыми располагал крестьянин и без которых была невозможна его хозяйственная деятельность, в том числе и его земельный надел, передавались по наследству, и права пользования ими, как правило, не нарушались (хотя никаких юридических препятствий для произвола феодала не существовало). Определенная хозяйственная самостоятельность крестьянина проявлялась и в возможности с согласия феодала распоряжаться наделами, арендовать землю.

Деревня как хозяйственная единица выступала по отношению к феодалу в качестве «юридического лица», ответственного за выполнение повинностей, возложенных на нее в целом, независимо от повинностей держателей крестьянских наделов. Сложнее обстоит дело с оценкой права крестьянина на его имущество (скот, инвентарь, зерно, посевы). И в Речи Посполитой крестьяне сохраняли право на продукты своего труда. Однако, как и в России, в Речи Посполитой беглый крестьянин возвращался вместе с имуществом, т. е. феодал имел на него юридическое право.

В Польше уже с начала XVI в. крестьянин был юридически подчинен абсолютной власти господина. Вмешательство государства в отношения между крестьянином и его феодалом исключалось. Королевские суды отказывались принимать жалобы на панов. Крестьянин не мог лично выступать в качестве истца в судах, даже в тяжбах с крестьянами соседнего помещика должен был действовать через феодала, приносившего жалобу от своего имени. На практике, впрочем, дееспособность крестьянина была несколько выше. В книге подымного сбора 1650 г. в Смоленском повете, составленной сборщиками налога на основании све-

дений о числе дымов в имениях, сообщенных под присягой владельцами имений или их представителями, в некоторых случаях присягу от имени феодалов приносят не только войты — старосты имений, но и крестьяне [24]. Однако права судебной инициативы крестьяне не имели. В 1573 г. Варшавская конференция полностью подтвердила за шляхтой право доменциального суда. В его сфере находился и вопрос о крестьянских повинностях.

Не всегда феодал осуществлял судебные функции самостоятельно. Обычно сельский суд заседал под председательством войта; его решения могли быть обжалованы владельцу имения.

В государственных и личных королевских имениях структура судебной власти была сложнее. Комплексами имений управляли королевские наместники — старосты (в чью пользу поступала часть доходов), их действия крестьянин мог обжаловать в референдарском суде.

Злоупотребления сельских старост королевской администрации были явлением обычным. Смоленское воеводство не составляло исключения. В 1623 г., например, при передаче в аренду на три года владения в Смоленском воеводстве И. Цехановичу, король предостерегал арендатора, «чтобы у подданных причина к уходу не возникала, и приходящих не отвращал» от поселения в королевских владениях [25]. Но подобные предостережения не имели особого действия. Стремясь предотвратить разорение королевских имений, референдарский суд в некоторых случаях выступал в защиту крестьян против необоснованных притязаний старост. Но слабость исполнительной власти в Речи Посполитой приводила к тому, что многие судебные решения не проводились в жизнь.

И на территории Смоленского воеводства судебное право феодала в имении было полным и абсолютным. Он мог подвергнуть крепостного любому наказанию вплоть до смертной казни. (Между тем в России «Уложение» 1649 г. все же предусматривало наказание помещиков за умышленные убийства крестьян.)

Юридическое положение крестьянства Смоленщины и Северщины ухудшилось, что выражалось прежде всего в усилении домениальной власти над ними феодалов. Но нестабильная демографическая ситуация в воеводстве, постоянные миграции крестьян помогали бежавшим на эти земли временно сохранять личную свободу. Не исключено, что

процент лично свободного населения несколько увеличился. Это явление было временным и не оказывало существенного влияния на степень эксплуатации крестьян. Однако оно способствовало некоторому ослаблению крестьянской зависимости.

Повинности крестьян

Мы не располагаем точными данными о повинностях крестьян в период интервенции польско-литовских феодалов. Речь может идти лишь о той части сельского населения, которая, несмотря на грабежи и насилия иноземных войск, не покинула родных мест. В имениях, сохранившихся во владении церкви и русских помещиков (служивших королю), крестьяне несли повинности в прежнем объеме. Но значительная часть поместий и вотчин была брошена владельцами, принявшими участие в борьбе с захватчиками. Не исключено, что жителям этих деревень некоторое время удавалось уклоняться от регулярных феодальных повинностей. Крестьянам дворцовых сел это было, видимо, труднее, так как место русских воевод заняли королевские чиновники, зачастую из числа дворян-изменников. Они выколачивали из крестьян платежи и оброки, нередко королевские должностные лица, прежде всего командиры военных отрядов, занимались просто грабежом, не щадя и имений смоленских помещиков, служивших королю.

К учету имений Смоленского и Стародубского поветов правительство приступило после подписания Деулинского перемирия. Первопачально оно было вынуждено предоставить многим крестьянам временные льготы — даже на 10 лет, — так как разоренные войной жители не могли исполнять повинности в прежнем объеме [26], а всякий нажим неизбежно привел бы к их уходу в Россию. Кроме того, это должно было привлечь в воеводство переселенцев. По окончании льготного срока переселенцы и восстановившие хозяйство старожилы начинали нести все повинности. Уже в 1623 г. в королевскнх имениях, находившихся во владении смоленского воеводы, упоминаются и подданные, «которым уже свобода вышла», и те, «которым выходить будет» [27].

Предоставление льгот широко практиковалось в частновладельческих и церковных имениях. К той же мере прибегали и русские феодалы, сохранившие свои владения. Абсолютно неизбежной она являлась для лиц, получивших лишь пустоши, без крестьян не приносившие никакого дохода.

Существовала значительная дифференциация в размерах

повинностей отдельных категорий крестьян разных имений, при этом играли роль природные условия (прежде всего, качество земли), общая ситуация в регионе (недостаток рабочих рук, наличие свободных земель или, наоборот, земельный голод), пограничное положение территории, создавшее реальную возможность ухода крестьян за рубеж. Умерить свои аппетиты вынуждала феодалов антифеодальная борьба крестьян. Косвенное влияние на структуру повинностей оказывал рынок. В частности, наличие спроса и высокие цены на зерно в Западной Европе стимулировали феодалов на интенсификацию зернового производства, развитие господских фольварков и повышение барщины (хотя в некоторых случаях был возможен и другой вариант развития: расширенное зерновое производство в крестьянском хозяйстве, выход крестьянина на рынок и преимущественное развитие денежной ренты).

В Речи Посполитой вопрос о размерах крестьянских повинностей был сферой действия домениального права; но, несмотря на их дифференциацию, различия в их исчислении (со службы, с волоки, с дыма) существовал определенный «набор» обязанностей, лежавших на среднем крестьянском хозяйстве.

Денежная рента поступала феодалу прежде всего в виде чинша, аналогичного прежней «грошевой дани». Натуральные и отработочные повинности могли выкупаться (но лишь с согласия феодала).

Натуральная рента была сложной по составу. Кроме старинной подати — дякла, взимавшегося зерном (которое в отдельных случаях переводилось на деньги), сбора овса и сена, натурой взимался также медовый сбор и так называемая мезлева. У крепостных мастеров в составе натурального оброка могла находиться и их ремесленная продукция.

Сохранялась и уже знакомая нам по XV — началу XVI вв. структура отработочной ренты. Если пригон — обязанность крестьян работать определенное число дней в году в господском хозяйстве — исполняли в принципе только барщинные крестьяне, то толока — обязанность исполнять в имении срочные работы — существовала и для других групп крестьян. Традиционно сохранялись и обязанность убирать сено на господских лугах, чинить мосты и дороги, сторожевая повинность. Сторожа назначались поочередно с каждой волоки, они дежурили возле хозяйствен-

ных и жилых построек, оберегая господское добро от грабителей и поджогов. Стража отбывалась обычно не более недели. Распространенным в имениях Белоруссии и Литвы злоупотреблением администрации было использование сторожей и днем для своих нужд. «Сторожа» нередко заменялась денежным сбором. Так же феодалы поступали и с подводной повинностью (обязанностью крестьян давать подводы для нужд господского хозяйства) [28].

Крестьяне платили и государственные подати. В XVII в. налог взимался с волоки или службы, первоначально только с пахоты, затем и с лугов и пастбищ; его размеры определялись постановлениями сейма. В 1649 г. был установлен сбор с каждого дыма, т. е. дома, хозяйства. Размер подымного сбора колебался в зависимости от величины дыма, был больше в крупных городах, меньше в местечках и имениях, в повышенном размере взимался с домов, где занимались винокурением, с корчем, мельниц и т. п. На Смоленщине «жилые» крестьянские дымы (хозяйства, существующие более 3 лет), платили 2,5 злотых, «слободчики», не прожившие на новом месте 3 лет, — только 15 грошей (0,5 злотого), загородники (огородники) 20 грошей [29]. Налог за крестьян вносили владельцы имений, но феодал собирал всю эту сумму с крестьян, и налог ложился на них дополнительным бременем.

Тяжелой повинностью были стации, из обязанности принимать великого князя превратившиеся в сбор на содержание постоянных войск. В принципе они возлагались на государственные имения. Но спецификой землевладения в Смоленском воеводстве было утверждение здесь ленного права, сохранявшего за королем право верховной собственности. По этой причине в воеводстве стации взимались и с частновладельческих крестьян, а их высокий размер (в Стародубском повете в 1650 г., например, по 11 злотых с дыма) [30] делал этот налог очень обременительным.

Монополия феодалов на мельницы предоставляла им право и еще на один сбор — пожерновой. Крестьяне волей-неволей мололи зерно на господской мельнице, а ее владелец присваивал часть прибавочного продукта в виде сбора за помол.

Озерный сбор в Смоленском воеводстве, как и на остальной территории, взимался за право ловли рыбы в королевских водоемах. Он существовал и в некоторых частновладельческих имениях.

За охоту в королевских (а по всей вероятности, и частновладельческих) лесах брали так называемый куничный сбор. По названию он совпадает с куницами — своеобразным выкупом при выходе замуж крестьянских девушек в другие волости и имения. Куницы символизировали сеньориальное право феодала на личность крестьян.

Важным средством косвенной эксплуатации крестьян в Речи Посполитой было отсутствовавшее у русских помещиков право пропинации — монополия феодалов (и части мещан королевских городов) на производство и продажу алкогольных напитков. Для праздника, свадьбы крестьян принудительно обязывали покупать у своего феодала определенное количество спиртного. Спаивая крестьян, феодалы получали значительную часть прибавочного продукта[31]. С крестьян взимали судебные пошлины и штрафы за осуществление по отношению к ним судебных функций. За неуплату податей крестьян сажали под арест, с них брали поколодное — сбор за выполнение администрацией полицейских функций.

В Великом княжестве Литовском королевские крестьяне не платили десятину ни православному, ни католическому духовенству. На его содержание государством были выделены земли. Такое положение существовало и на исследуемой территории, где католическим приходам и монастырям были пожалованы обширные имения. Частично сохранила прежние владения и православная иерархия, признавшая унию.

В пользу церкви крестьяне вносили различные платежи, связанные с исполнением религиозных обрядов. Кроме того, церковь сама являлась крупным феодалом и в этом качестве эксплуатировала крестьян.

Отчет о доходах королевских имений Смоленского повета в 1629 г. позволяет судить о соотношении натуральной и денежной ренты в этом крупнейшем феодальном владении[32].

С 1058 крестьянских служб, принадлежавших королю, взимался чинш в объеме 15210 злотых (в среднем со службы — около 14 злотых 11 грошей). Деньгами вносились куничный сбор «за ловлю зверя» (362 злотых 3 гроша), озерный за право ловли рыбы в королевских водоемах (352 злотых 2 гроша), частично — медовый сбор (496 злотых 10 грошей). Денежная рента поступала также с королевских местечек (574 злотых 4 гроша), с пустошей, отдаваемых в аренду (396 злотых), и с мельницы (30 злотых). Сумма чин-

ша с королевских владений в уезде составляла 17419 злотых
19 грошей.

С тех же крестьянских служб король получал натуральную ренту в виде зерна и меда. Бочка зерна, принимаемая от крестьян, и бочка зерна при его продаже по объему соотносились как 5:4, что было выгодно феодалу. Установленная королевскими комиссарами ориентировочная цена «расходной» бочки пшеницы и ржи — 4 злотых, ячменя — 2,5 злотого, овса — около 1 злотого 7 грошей.

При переводе в «расходные» бочки это составляет: 557,5 бочек ржи — 2230 злотых, 216,5 бочек пшеницы — 866 злотых, 216,5 бочек ячменя — 541 злотый 7 грошей, 798,75 бочки овса — около 996 злотых. Цена полученного с тех же служб меда — 155 медниц по 7,5 злотого — около 1163 злотых.

В денежном выражении натуральная рента составляет не более 5497 злотых, менее трети объема денежной ренты с тех же владений. Впрочем, кроме этого, в Смоленске — воевода, а в уездных центрах — комендапты крепостей получали с них кур, гусей, яйца (т. е. мезлеву), а также дрова.

Из отработочных повинностей документ называет только обязанность крестьян косить замковые луга и доставлять это сено в крепость. Из других источников известно, что около 1636 г. их привлекали к ремонту стен и валов Смоленска, что в 1639 г. «уездные люди» строили мосты и чинили дорогу из Смоленска в Дорогобуж. Крестьяне должны были также возить бревна, хворост и камни для починки плотин королевских мельниц [33]. Но их обязанность обрабатывать королевские земли не упоминается. Из этого следует, что, видимо, в 20-е гг. XVII в. полевая барщина в этих имениях еще не получила большого развития.

Имеются данные о повинностях крестьян д. Буровичи (слобода Богданова околица), а также живших на посаде Смоленска в пользу воевод. Они относятся к 1654 г. [34]

На посаде и в слободе чинш (соответственно 3 и 10 злотых) взимался с дыма, в Буровичах (20 злотых) — с волоки, в экономии чинш поступал со службы [35], и по сравнению с 1629 г. заметно увеличился (до 25 злотых). Со всех владений поступала натуральная рента; размеры ее различны: на посаде — 2 курицы с дыма, в слободе — 0,5 бочки ржи, 0,5 бочки ячменя, бочка овса, гусь, 2 курицы, 10 возов дров, в Буровичах — четверть ржи, четверть овса, пол-

четверти ячменя, воз сена, 2 курицы, 200 яиц, 100 возов дров. Крестьяне экономии с каждой службы давали четверть ржи и четверть овса, безмен меда, гуся, 2 курицы, 20 яиц и 2 доски для ремонта крепостных стен. Во всех имениях (кроме земель на посаде) присутствует и отработочная рента. Ее размеры очень различны: в слободе — это только обязанность косить сено «уроком», т. е. по необходимости, и давать подводу для поездки в Смоленск, в Буровичах — обязанность весной обработать господские огороды, кроме того, 50 подвод полагалось выставить со всего имения. В инвентаре экономии упоминаются лишь «работы для крепости и фольварка, издавна принятые», и обязанность поочередно нести службу. Но площадь фольварка, указанная в том же инвентаре, всего 80 волок, и размер барщины с отдельных служб поэтому вряд ли мог быть высок.

Источники свидетельствуют о преобладании в крупнейших феодальных владениях Смоленского воеводства денежной ренты, заметной доле натуральной и вспомогательном значении отработочной ренты.

Высокая доля чинша в общем объеме крестьянских повинностей говорит о значительном развитии в западнорусской деревне того времени товарно-денежных отношений, определенной хозяйственной самостоятельности крестьянина и активном участии в торговле [36].

Отсутствие широкого развития барщинно-фольварочной системы в Смоленском воеводстве объясняется пограничным положением этого региона, опасением феодалов, что в случае повышения повинностей и расширения барщины крестьяне уйдут в Россию. Кроме того, недостаток рабочих рук, необходимость восстановления разрушенного войной хозяйства заставляли феодалов не только принимать, но и привлекать в свои владения беглых крестьян, предоставляя им различные льготы. Поэтому волочная помера, проведенная в этом регионе, очевидно, не предусматривала широкого развития барщинного хозяйства. Даже в тех случаях, когда объем повинностей с волоки или службы был определен инвентарем, повинности отдельных хозяйств нередко различались, иногда — довольно существенно. Подобные примеры, в частности, содержит инвентарь Смоленской экономии 1654 г. Так, два крестьянина д. Волково, державшие по 1/3 службы, «никакой повинности исполнять не должны, только чинш платить, как и остальные». В д. Берлезово Ян Шабан «на свободе, только чинш платит, как и

другие» с 1/3 службы. В д. Враклица один из крестьян с 1/3 службы «должен платить 30 зл. а от других повинностей свободен». Были случаи, когда крестьянин держал одну часть службы на обычных условиях, а другую — только на чинше. Например, в д. Боровой в 1654 г. крестьянин П. Баранович платил с 1/2 службы, в д. Моржово В. Семенович платил с 1/3 и служил с 1/4 службы [37]. Очевидно, они приняли дополнительные наделы, пустовавшие и не приносившие феодалу никакого дохода, поэтому и условия их держания были более льготными.

Категории крестьян [38]

Наименование «подданные», бытовавшее для обозначения населения имений, указывало на зависимость крестьянина от феодала. Например, ремесленник, работавший по контракту, подданным не являлся. Но в Речи Посполитой этот термин допускал более широкое толкование: подданными для феодала были не только крестьяне, но и мещане частновладельческих местечек, и население его городских владений, недавние переселенцы, люди, в большинстве лично свободные; подданными короля являлись все жители государства. Тем не менее в документах подданный — это в большинстве случаев именно крестьянин, «холоп».

В основе деления крестьян на категории лежал не имущественный, а повинностный принцип. Отнесение крестьянина к одной из категорий определяло тип его повинностей, хотя внутри каждой группы зачастую наблюдались заметные различия в материальном положении отдельных лиц (проистекавшие из размера надела; разной обеспеченности рабочим скотом и т. п.). При равных условиях одно крестьянское хозяйство было сильнее другого, и повинности, установленные для данной категории сельского населения, были для некоторых крестьян более тягостными, чем для других. При раскладке повинностей феодал мог учитывать число мужчин в крестьянской семье, различия в имущественном положении даже почти однотипных крестьянских хозяйств.

Книга подымного сбора в Смоленском повете (включающем тогда Смоленский, Бельский, Дорогобужский и Рославльский уезды) 1650 г. [39], делит сельские дымы на группы, различавшиеся по размерам налога. Подавляющее большинство хозяйств отнесено к категории «жилых дымов» (81,4% всех зарегистрированных).

Старожилами при уплате налога считались не только крестьяне, издавна проживавшие в имении, но и переселенцы, уже исчерпавшие трехлетний срок освобождения от уплаты подымного сбора. Именно эта основная масса населения несла повинности, зафиксированные в инвентарях. Крестьяне-старожилы платили подымные в одинаковом размере, независимо от различий в величине надела. Дифференциация в имущественном положении крестьян несомненна, но источники не знают для них специальных названий. Для обозначения различий в объеме повинностей достаточно было указать в инвентаре, какую долю волоки держит каждый из них; однако они исполняли в принципе однотипные повинности, принятые в имении [40].

Такие крестьяне даже в рамках одного имения изредка различались и по типу повинностей. Но специальных обозначений для крестьян, исполнявших барщину или сидевших только на оброке, в источниках нам не встречалось. В отличие от существовавших на этой территории еще в начале XVI в. «тяглых», «данных» служб, где повинности их держателей были практически наследственными, крестьянские хозяйства в XVII в. уже не имели даже тех слабых, основанных на авторитете «старины» гарантий сохранения своего положения. Феодал мог в любой момент перевести их с чинша на барщину. Поэтому и прежние названия — «данники», «тяглые», когда-то закреплявшие их положение, — вышли из употребления.

Для западнорусских земель характерно наличие в имениях крестьян-слуг, освобожденных от большинства крестьянских повинностей, но обязанных за предоставленный им надел выполнять в пользу феодала специальные работы. Их высший разряд составляли военные слуги — панцирные и путные бояре.

В пограничном Смоленском воеводстве, где на всех шляхтичей, пожалованных землями, возлагалась обязанность военной службы, некоторые феодалы для ее исполнения создавали в имениях боярские хозяйства. Бояре имелись, например, в имениях смоленских иезуитов [41], упоминаются в числе лиц, выставленных на военную службу шляхтой, оборонявшей Смоленск в 1654 г.

На общем фоне заметно выделяются панцирные бояре, проживавшие в имениях короля и приписанные к Смоленску. Получив привилей, а затем и его подтверждение от нового короля Яна Казимира 9 февраля 1649 г., бояре, приписан-

ные к смоленской крепости, приблизились по своему положению к остальным военнослужилым людям воеводства. Привилей гарантировал всей боярской хоругвии владение пожалованными землями, но не оговорил права передачи отдельных участков по наследству (все остальные военнослужилые люди его формально получили) и формальной возможности отчуждения надела в чью-либо пользу. На практике и наследование, и отчуждение земель, видимо, имели место, что определялось обычаем, но не было закреплено юридически. Это, наряду с уплатой небольшого чинша, отличало боярское землевладение от существовавших в воеводстве казацкого и лушкарского [42].

В сущности, наделы смоленских бояр фактически представляли собой переходную форму от ленного владения к крестьянскому держанию. Однако, находясь на службе знати и феодального государства, являясь одним из элементов аппарата насилия, военнослужащие крестьяне в некоторых случаях могли вступать в конфликт с остальными крестьянами-слугами, напримеp с крепостными сельскими ремесленниками. К той же группе слуг можно отнести и некоторых крестьян-рыболовов (упоминаемых, в частности, в имении А. Гонсевского Пнево в Смоленском уезде (1630 г.), обязанных за предоставленную им землю ловить рыбу для нужд феодала), бортников, стрельцов (слуг двора, отвечавших за охрану лесов и лесных зверей и «ходивших в ловы», т. е. на охоту) [43].

Слободчики, «которые трех лет не прожили», составляли в 1650 г. в Смоленском повете 15,4% всех зарегистрированных сельских дымов. Предоставление льгот населению, пострадавшему от военных действий или стихийных бедствий, на 3,4 и даже 10 лет было обычной практикой. Делалось это чаще всего ввиду явной невозможности крестьянина нести феодальные повинности. В имениях А. Гонсевского в Бельском уезде в 1631 г. упоминаются 30 дымов слободчиков, срок «свободы» которых составлял от 20 до 30 лет [44].

Статус слободчика не гарантировал личной свободы, а лишь освобождал от повинностей на определенный срок. Слободчиком мог стать и лично свободный крестьянин (или, что было неизмеримо чаще, беглый крепостной, объявивший себя свободным), и крепостной крестьянин-старожил. Когда срок «свободы» истекал, слободчик превращался в обычного крестьянина, обязанного исполнять все принятые

в данном имении повинности. Уже в 1623 г. в имениях короля, находившихся во владении смоленского воеводы упоминаются и подданные, «которым уже свобода вышла» и те, «которым выходить будет». Тот факт, что на протяжении четырех десятков лет существования Смоленского воеводства эта категория крестьянства не исчезла, а напротив, осталась довольно многочисленной, объясняется нестабильной ситуацией, постоянными миграциями.

Судьба слобод могла быть двоякой. По истечении срока льготы на жителей возлагались те же повинности, что и на крестьян-старожилов. В других случаях предоставление населенному пункту права свободы являлось ступенью к пожалованию ему феодалом — владельцем статуса местечка даже без санкции короля. Жители местечек, независимо от происхождения и прежнего положения, становились мещанами, т. е. переходили в другую сословную группу населения, хотя и сохраняли зависимость от феодала, а в большинстве — и продолжали заниматься сельским хозяйством [45].

Среди крестьян-старожилов существовали группы, отличавшиеся по положению от остальных крестьян [46]. Это прежде всего загородники, занимавшиеся огородничеством. Как правило, их наделы были очень невелики (по нескольку моргов). Загородники были более характерны для городов и населенных пунктов переходного типа (местечек). Их небольшой надел не обеспечивал сносного существования, поэтому многие загородники нанимались на работу в господские хозяйства [47]. Часть загородников, живших на землях феодалов в пригородах Смоленска (в 1650 г. 125 дымов), в других городах и местечках воеводства, занимались ремеслом, промыслами, торговлей. Повинности загородников, живших на земле воеводы на Смоленском посаде, по данным 1654 г., были невелики (три злотых и две куницы с дома). Но в сельской местности, очевидно, они несли и некоторые повинности, возложенные на деревню в целом (участвовали в сенокосах и т. п.).

Все обедневшие крестьяне в инвентаре 1654 г. именуются «убогими». Во многих случаях «убогие» тождественны халупникам. В Великом княжестве Литовском этот термин, отсутствующий в источниках, относящихся к Смоленскому воеводству, обозначал крестьян, которые владели лишь небольшим домиком, без пахотной земли, а иногда и без огорода. Представление об их положении дает упоминание о восьми дымах «убогих» в имении Я. Быковского в Иванков-

ском стане Смоленского уезда, которые «ниществом живут и никакой повинности не исполняют» [48].

Беднейшие крестьяне, именуемые коморниками, не имели собственного дома, жили при состоятельных людях. Не имея ни земли, ни рабочего скота [49], они искали пропитания, нанимались на работы к феодалу или к богатым крестьянам. В имениях Белоруссии и Литвы коморники платили владельцу имения незначительный чинш (несколько грошей в год) [50]. Практически тождественны коморникам бобыли, «которые пашни и огородов не имеют, только с умолота живут».

Источники не сохранили данных о положении дворовых, имевшихся во многих имениях. В большинстве случаев они проживали в господских домах и, не имея земли, были заняты в личном хозяйстве феодала (за что обеспечивались питанием).

В сельской местности жило и лично свободное население, которое, не ведя собственного хозяйства, добывало средства к жизни путем найма [51].

Антифеодальная борьба крестьян

Крестьяне Смоленщины и Северщины активно боролись против феодального и национального гнета. Наиболее распространенной формой протеста против эксплуатации после жалоб были побеги. Крестьянин приобретал на новом месте хотя бы временные льготы, получал в некоторых случаях личную свободу, перейдя в разряд государственных крестьян или в посадские люди.

Инструкции воеводам пограничных русских крепостей определяли отношение к выходцам. Так, в мае 1645 г. в разрядный приказ явился крестьянин-белорус, выехавший осенью 1644 г. в Вяземский уезд из Дорогобужского, где он семь лет прожил в имении Ф. Салтыкова. В челобитьи указано, что «наперед сего таким выходцам литовским пашенным людям давано за выход по пол-2 рубля и по рублю давана воля». Его также пожаловали волей и полутора рублями денег «за выход» [52]. Когда в очередной раз воевода Брянска донес, что «из Литовские земли» стали «приходить во Брянский уезд многие литовские пашенные крестьяне з женами и з детьми», грамотой от 9 марта 1649 г. им позволялось «жить по их воле за монастырем, и за помещиками, и за вотчинниками, только б не близко рубежа», а тех, кто захочет поселиться в государевых имениях, отпускать «к Москве со всем вцеле» [53].

Зачастую Смоленское воеводство было перевалочным пунктом для бежавших в Россию. В 1627—1629 гг., например, в Россию выехали прожившие несколько лет в Смоленском воеводстве крестьяне, выходцы из Ошмянского и Гродненского поветов, мещанин из частновладельческого г. Копыси [54]. Некоторым бежавшим удалось проникнуть в сословие мещан. Но в Речи Посполитой, как и в России, «воздух города» не делал свободным. Например, грамоты Владислава IV от 13 апреля 1643 г. предписывали магистратам Смоленска, Дорогобужа и Красного возвратить князю А. Радзивиллу его подданных, бежавших из Копысской и Романовской волостей Белоруссии [55]. Существовали и более необычные карьеры. В 1635 г. шляхтич Ян Каменский получил от Владислава IV привилей на имущество трех братьев Кухтенко, его беглых крестьян, которые, выдавая себя за шляхтичей Гомолнцких, получили от короля в Смоленском воеводстве ленные имения [56].

В Смоленском воеводстве некоторые из беглых могли получать небольшие наделы на ленном праве с обязанностью военной службы и, порвав с прежним сословием, существенно улучшить свой социальный статус.

Бегство крестьян, усилившееся после Смоленской войны 1632—1634 гг., вызвало большую озабоченность у феодалов. В распоряжении князя А. Радзивилла управляющему его имениями (в 1634 г.) читаем: «Что касается некоторых своевольных подданных, замышляющих побег в Северщину на слободы, то поступай следующим образом. Объяви и пригрозн везде в селах, чтобы войты, лавники, старцы и десятники надежные и состоятельные, следили и наблюдали за каждым в своем десятке». Одним из признаков намерения бежать названа распродажа крестьянином своего имущества. Заканчивалось послание угрозой повесить каждого, кто осмелится готовить побег [57].

Сеймовые конституции 1636 и 1638 гг. требовали возвращения беглых крестьян со всем имуществом. Но конституция 1641 г. установила, что возврату подлежат лишь крестьяне, поселившиеся в Смоленском воеводстве после 1 января 1635 г. Слабость судебного и исполнительного аппарата Речи Посполитой делала розыск беглых почти невозможным. Большой размах и групповой организованный характер бегство приобрело в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в., что было связано с национально-освободительной и антифеодальной борьбой на Украине и в Белоруссии. В

1649 г., например, из Смоленского и Дорогобужского уездов в Брянский уезд пыталось бежать около 300 крестьян и мещан [58]. Во многих случаях бегство объяснялось боязнью репрессий за участие в выступлениях.

Белорусские, украинские, литовские крестьяне бежали в Россию, а навстречу им в поисках лучшей доли уходили за рубеж их русские собратья. Переход из одного государства в другое помогал укрыться от феодала, разорвать узы крепостной зависимости. О массовости подобных переездов свидетельствуют донесения воевод русских пограничных крепостей. Около 1624 г. из Мещевского уезда за рубеж бежали крестьяне, убившие своего помещика. Через несколько лет они вернулись в Россию. В 1626 г. в Невельский уезд бежали «от холопства» крестьяне псковского помещика, в 1628 г. вернувшиеся в Россию и задержанные в Великих Луках [59]. Как видно, прожив несколько лет за рубежом, некоторые из них возвращались на родину. Иногда они выдавали себя за «литовских выходцев», чтобы воспользоваться льготами, положенными тем. В случае разоблачения им грозила выдача старому помещику и суровое наказание. Впрочем, в политике царского правительства в этом вопросе наблюдались некоторые колебания. В октябре 1647 г. воеводе Торопца была прислана грамота из Посольского приказа, в соответствии с которой выдаче подлежали лишь крестьяне, прожившие за границей менее пяти лет, «а которые крестьяне живут за рубежом больше пяти лет ... тем выходцам велено давать волю». Уже в начале 1648 г. в Торопец выехали из Бельского уезда крестьяне, жившие там кто 14, кто даже 20 лет (т. е. бежавшие еще до Смоленской войны). Все они получили волю и земельные наделы. Указ вызвал понятное раздражение дворян, помещиков, особенно пограничных уездов. Ведь если бы он последовательно проводился в жизнь, то, рассуждая логически, любой крестьянин мог бы выехать за рубеж и пять лет спустя воротиться уже свободным человеком. Но в Русском государстве была практика отдавать таких крестьян «безлетно против прежнего указу по старине, по писцовым книгам, и по крепостям». Комментируя эту практику выдачи крестьян прежним владельцам, А. Н. Мальцев справедливо констатировал, что, поверив царскому указу, «вышедшие из-за рубежа беглые русские крестьяне оказались в ловушке». Не желая мириться с таким положением, многие крестьяне

пограничных русских уездов в 1649 г. и в последующие годы продолжали бежать в Смоленское воеводство [60].

Классовые конфликты обострялись во время военных столкновений между Россией и Речью Посполитой. Участие смоленской и стародубской шляхты, ее уход из имений и крепости, присутствие на этой территории русских или казацких войск, которые рассматривались здешним крестьянством в качестве союзника в борьбе против местных феодалов, — все это вело к активизации антифеодальной борьбы, которая в специфических условиях региона приобретала и национально-освободительную окраску. Важно подчеркнуть, что крестьянское движение на этой территории развивалось отнюдь не изолированно. Его широкий размах в период Смоленской войны 1632—1634 гг. объясняется активной поддержкой и прямым участием в движении крестьянства русскнх (прежде всего пограничных уездов), а выступления, имевшие место начиная с 1648 г., явились прямым откликом на борьбу украинского и белорусского народов.

Яркой страницей в истории крестьянского движения Запада России стало массовое восстание в период Смоленской войны 1632—1634 гг. Одним из поводов к развертыванию восстания послужил приказ царского правительства о вербовке «охочих людей» для участия в войне с Речью Посполитой. Хотя крепостных принимать на службу не разрешалось, в этой ситуации беглые крестьяне и холопы самочинно примкнули к отрядам «вольных казаков» или «шишей» (партизан). Их действия на территории воеводства на первом этапе движения зачастую опережали действия регулярных войск. Уже в октябре 1632 г. феодалы Мещевского уезда доносили, что крестьяне в соседних Серпейском и Рославльском уездах «христиан грабят, лошадей, и животину, и хлеб, и платья емлют и самих жгут и пытают разными пытками из денег, и хоромы развозят» [61].

В ходе Смоленской войны крестьяне активно выступали в поддержку русских войск, осаждавших крепости воеводства. К главнокомандующему армией М. Б. Шеину пришли «Дорогобужского и Смоленского уезду крестьяне, которые радеют государю, Балаш с товарищи, и били челом, чтоб им позволили, собрався с вольными людьми, быть в шишах и языков добывать» [62].

Предводитель движения Иван Балаш был крестьянином Болдина монастыря, имел боевой опыт, так как в 1609—1611 гг. участвовал в обороне Смоленска. Активное участие

в действиях его отряда принимали бежавшие из армии солдаты, казаки. Когда Балаш прибыл под Смоленск, осажденный войсками Шеина, в его отряде было около 400 крестьян, 200 солдат и казаков, а впоследствии число восставших значительно увеличилось за счет «порубежных мужиков». В отличие от казаков и солдат, крестьяне неохотно покидали родные деревни, при переходе в другой уезд часть из них оставалась дома. В отряде Балаша были не только смоляне, дорогобужане, но и выходцы из центральных уездов России, жители Урала и Сибири.

Центром балашовского отряда стал г. Красный, откуда повстанцы совершали рейды в Дорогобужский и Стародубский уезды, ходили под Гомель, Чечерск, Кричев. Вместе с регулярными частями русской армии они осаждали г. Рославль и добились капитуляции королевского гарнизона, затем отряд участвовал в успешной осаде Стародуба [63].

В ноябре 1632 г. крестьяне Комарицкой волости Карачевского уезда осадили Трубчевск, 23 ноября город капитулировал. В январе 1633 г. отряды крестьян, возглавляемые сыном боярским Семеном Веревкиным, соединились с пришедшим в Стародубский уезд отрядом Балаша. В этот период отчетливо проявляется общая антифеодальная направленность движения. Его участники выступают уже не только против иноземных, но и против русских феодалов.

Царские власти пытались вернуть крестьянские отряды под свой контроль. Им обещали полное прощение, но большинство участников движения отвергло это предложение. Балаш выступил за возвращение на Смоленщину. Это объясняется не желанием Балаша примириться с правительством и командованием русской армии, а стремлением вернуться в родные места и продолжить борьбу за их освобождение от иноземцев. Несогласные с Балашом, связав его и захватив с собой, чтобы «сохранить за отрядом широко известный ореол его имени», направились от Стародуба в сторону Путивля. По дороге их задержали войска стародубского воеводы Еропкина. Балаш был отбит, арестован и по приказу воеводы помещен в тюрьму, где, как лаконично сообщает отписка воеводы 11 апреля 1633 г., «за приставом умер» [64].

Раскол отряда и смерть его предводителей не означали прекращения балашовщины. Мелкие отряды, действовавшие изолированно друг от друга, уже летом 1633 г. вновь обрели свой центр — г. Рославль. Рославльский этап дви-

жения характерен преобладанием казачьих элементов. Одновременно заметно стремление расширить движение за счет привлечения холопов и городских низов Москвы, значительная активизация борьбы против феодалов.

Рославльский лагерь возглавляли атаманы Анисим Чистопруд, Федот Лях, Иван Теслев, Тимофей Коробкин. Видным руководителем движения был и Григорий Ростопчин — выходец из солдат, родом казанский сын боярский, сподвижник Балаша, прошедший с ним от Дорогобужа до Стародуба. Продолжая борьбу с польско-литовскими отрядами, повстанцы все чаще переносили свои действия на территорию русских уездов. Дворяне и духовенство, например, жаловались в январе 1634 г., что балашовцы, «из Рославля приходя во Брянский уезд, монастырские и наши вотчины и поместьишки грабят ... и нас ... побивают, и хлеб наш нашими же крестьянами везут к себе в Рославль». В ответ представители рославльского лагеря писали, что «брянчане дворяне и дети боярские нас ... убивают до смерти, и грабят, и в воду сажают» [65]. Накал классовой борьбы был очень велик.

Обстановка еще больше обострилась после того, как предводители движения А. Чистопруд и И. Теслев установили связь с Москвой, официально — для переговоров с правительством и помощи армии, создаваемой для отправки к Смоленску в помощь М. Б. Шеину (рославльский лагерь, действительно, продолжал активные действия против королевских войск). Брожение среди населения напугало правительство (холопы Москвы и Московского уезда стали собираться для похода к Рославлю). Власти выслали из столицы А. Чистопруда, а И. Теслев был брошен в тюрьму. Рославльский воевода стольник И. Наумов был уполномочен для переговоров с рославльским лагерем. Царское правительство попыталось расколоть восставших, вернуть на государеву службу солдат и казаков, удалить из отрядов беглых крестьян.

Балашовское движение, антифеодальное по своей сущности, приобрело и национально-освободительный характер, что отражало подлинное стремление патриотически настроенного русского крестьянства добиться возвращения западнорусских земель в состав России. На территории, захваченной польско-литовскими феодалами, действия балашовцев были направлены против них, с приходом в русские уезды повстанцы направляли оружие против местных феодалов.

На Смоленщине и Северщине был основной очаг движения, здесь до предела обострились все формы антифеодальной борьбы. Крестьяне жгли имения, уводили скот, принадлежавший знати, фактически прекратили исполнение феодальных повинностей. Литовская метрика упоминает, например, об убийстве шляхтича Федора Шейдзы его «подданными» — крестьянами Невельского уезда.

Большинству местных феодалов все же удалось избежать расправы. (С началом военных действий они были обязаны вместе с семьями, по условиям владения ленными имениями, укрыться в крепости, приведя для ее обороны вооруженную челядь, некоторые из них просто бежали из воеводства.)

Часть крепостей воеводства, в частности Рославль и Трубчевск, была взята русскими войсками при активном участии крестьянских отрядов. Но русское командование не допускало расправ над феодалами, захваченными в плен. Например, после взятия Стародуба его защитники были отпущены «в Литву» или приняты на русскую службу [66]. Такое отношение русского правительства к местным феодалам, признавшим власть царя, вызвало раздражение эксплуатируемых слоев населения, что и было одной из причин обострения противоречий между крестьянско-казацким лагерем и царским правительством.

После подписания Поляновского мира с Россией и ухода повстанцев войска Владислава IV сравнительно легко погасили последние искры крестьянского движения. Однако период относительного спокойствия был недолгим. Четырнадцать лет спустя выступление народа Украины под руководством Богдана Хмельницкого нашло быстрый отклик на землях Северщины и Смоленщины. Стародубский подстароста сообщал русскому воеводе в Брянск: «Холопы наши кабальные, уси подданные местностей наших, збунтовавшие против нас, панов своих... немало шкод починили, панов своих позабивали, и вси скарбы и местности немалые позабирали» [67]. Обстановка обострилась со вступлением на Северщину в 1649 г. казацких отрядов, посланных Хмельницким. Один из феодалов городского уезда Попов писал, что к Хмельницкому «присоединились все будники, крестьянство, и, укрепившись людьми, он захватил всю Украину, Киев, Чернигов, Стародуб, Попову Гору вплоть до реки Сож, где и мои все забрал имения, с большим ущербом для моего состояния». А князь А. Радзивилл признавал, что «не только

казаки подняли бунт, но и все наши крепостные на Руси к ним присоединились, и войско казакам увеличили. Охотнее всего присоединяются к ним холопы» [68] (т. е. крестьяне).

Зборовский договор 1649 г. позволил Речи Посполитой подавить основные очаги восстания. Опасаясь репрессий, многие крестьяне и другие жители искали убежища в России. Но стоило Б. Хмельницкому весной 1651 г. возобновить военные действия в западнорусских землях, как поднялась новая волна крестьянского движения, охватившего и Северщину и юг Смоленщины. Активное участие в борьбе за освобождение Смоленщины приняли крестьяне пограничных русских уездов. Так, Дорогобуж был сдан без боя посадским населением после того, как к нему подошли «государевых сел и деревень охочие люди». Успешному ходу военных действий русских войск способствовала борьба крестьянства против национального и феодального гнета.

В Стародубском повете, подчиненном казацкому гетману, была создана казачья организация и, как и на украинских землях, временно ликвидирована крепостная зависимость крестьян.

РАЗДЕЛ II

КРЕСТЬЯНСТВО ЗАПАДНОГО РЕГИОНА В НОВЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ ИСТОРИИ

Вторая половина XVII — первая половина XIX веков

ГЛАВА 7

КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА И ЗАРОЖДЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКОВ

Изучая экономику пореформенной России, В. И. Ленин заметил, что в истории нельзя «с точностью аптекарских весов» определить, «где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм»[1]. Точно так же нельзя строго зафиксировать и начало развития капитализма вообще. Тем более важно заметить появление его элементов, которое В. И. Ленин относит примерно к XVII в.[2], и процесс перехода от простого количественного накопления их к глубоким качественным изменениям в экономике и самом обществе. XVII — первая половина XVIII в. — это особый этап в истории дореволюционной России, когда в еще развивающейся феодальной формации становятся заметными ростки уже нового, более прогрессивного строя с переходом к расширенному воспроизводству. В течение этого более чем столетнего периода в российской экономике идет непрерывное накопление разрозненных капиталистических элементов, что приводит к появлению во второй половине XVIII в. устойчивого и поступательного процесса формирования нового уклада.

Одну из ведущих ролей в этом процессе играло крестьянство, составлявшее главную производительную силу страны. Дальнейшее развитие торговли и промышленности на буржуазной основе было бы невозможно без постепенного перехода деревни от натуральных отношений к товарно-денежным, без активного вовлечения части крестьянства в торговое и промышленное предпринимательство.

Сказанное относится и к крестьянству западных и юго-

западных земель. Однако своеобразие их географическо положения и их военно-политической истории наложил здесь свой отпечаток. В частности этим объясняется и т что данная глава начинается лишь со второй половин XVII в.

1. Территория и население западных и юго-западных уездов

В 1654 г. в результате упорной борьбы русской арми с польскими войсками Смоленск вместе с 30 другими горо дами и их уездами были навсегда возвращены Росси Единство этих земель с русским центром заключалось н только в национальных и культурных корнях, но и в эко номических связях. Сходные исторические судьбы сближал западнорусские земли и с находившимися южнее уездам Черноземья (Брянский, Карачевский, Трубчевский, Севски и др.), сравнительно развитыми в хозяйственном отношени

С возвращением в состав России западнорусских земел ослабла угроза разорения их силами из-за польско-литов ского рубежа. Воссоединение Украины с Россией отодви нуло границы далеко на юг и запад и освободило от воен ной опасности земли по Десне, ставшие внутренними уезда ми государства. Однако еще долго и тяжело сказывалис последствия разрухи, принесенной войнами с Польшей, сле довавшими одна за другой на протяжении всей первой поло вины XVII в.

В 1655, 1666, 1668 гг. в западнорусских землях были проведены частные переписи населения дворцовых и други владений. Наиболее полные результаты дала подворна перепись 1678—1679 гг., которая проводилась по всему госу дарству.

Основную часть жителей региона составляло крепост ное крестьянство. По переписи 1678 г. в исследуемых 1 уездах было около 58 тыс. дворов, людей мужского пола — около 255 тыс.[3] Примечательно, что посадских людей (вто рая по численности группа населения в данном районе) здес было примерно в 16,5 раза меньше, чем крепостных крестьян.

Вотчинные владения

Почти все крестьяне принадлежали частным владельцам (духовенству и светским феодалам) и царю Алек сею Михайловичу: крестьяне светских феодалов составляли около 56% всей численности крестьянского населения, двор-

цовые — около 34%, крепостные духовенства — 10%. Эти соотношения были подвижными, быстро изменялись.

«Часть сел и деревень закрепили за собой польские шляхтичи, перешедшие на русскую службу и присягнувшие царю Алексею Михайловичу. Села и деревни, составлявшие «маетности» изгнанных польских феодалов, были пожалованы русским боярам и дворянам, «ратным людям», участвовавшим в освобождении Смоленщины» [4]. Старинный принцип наделения служилых людей поместьями не в той местности, где проходила их служба, в западных и юго-западных уездах соблюдался далеко не всегда, так как именно здесь требовалось присутствие военных и здесь же больше всего было удобных, но «беспризорных» земель и вместе с ними — крестьян. Можно предположить, что в смоленских уездах во второй половине XVII в. было около 1400 поместий. В основном это были средние и мелкие владения.

Судя по именному списку Смоленского рейтарского строя, в 1689 г. за подавляющим большинством служилых людей было по 4,5 или 6 крестьянских дворов, реже — по 8—12, лишь одному принадлежало довольно крупное имение — 259 дворов. Часто «ратные люди» наделялись одним-тремя дворами. В списке встречается небольшое количество пустопоместных «владельцев» [5]. Используя данные переписных книг, можно простым вычислением определить среднее число крестьянских дворов, приходящееся на каждого смоленского помещика, — 10—15. Однако владения некоторых феодалов насчитывали по нескольку сотен дворов (боярин Я. Долгоруков, М. Ф. Нарышкин и др.). С другой стороны, были и помещики-однодворцы [6].

Рост численности помещичьих крестьян в юго-западных уездах России был заторможен до 70-х гг. XVII в. из-за того, что правительство проводило политику «заказных городов». В ряде районов страны запрещалось приобретать землю в собственность и превращать крестьян в частновладельческих. Это делалось в интересах заселения южной пограничной полосы и обеспечения обороны. Отмена ограничения открыла возможность феодалам центра приобретать новые земли в русских юго-западных уездах. Уже в 1670-х гг. в Карачевском уезде служилые люди наперебой захватывали земли [7]. Как и на западе, феодалы названных уездов в массе своей были мелкопоместными. Сложились крупные вотчины — князей Волконских, стольников Алымо-

вых, Зиновьевых, Спесивцевых и др. Стольник П. В. Зино
ев имел в Брянском уезде в с. Госоме 44 двора кресть
ских и бобыльских, в которых в 1677 г. жило 195 челове

С начала XVIII в. крупное владение в юго-западных у
дах стало заметно расти. Появились громадные земельн
владения отдельных фамилий. В отличие от разбросанн
вотчинок, которые урывали себе служилые люди во втор
половине XVII в., земельные владения нового типа тянули
сплошными районами, включавшими в себя села и дерев
с населением в несколько тысяч крестьян. Во время Севе
ной войны, когда многие представители столичной зна
оказались на южном театре военных действий, они получ
ли здесь ряд владений. В 1708 г. генерал Я. В. Брюс ста
владельцем двух крестьянских слобод в 219 дворов, пр
мыкавших к территории Брянска. В 1709 г. образовала
Ивановская вотчина князя А. Д. Меншикова в Севско
Путивльском и Рыльском уездах (5950 душ м. п.). Посл
смерти Брюса Меншикову достались и брянские слобод
Он же захватил Крупецкую волость (Севский уезд), кот
рой раньше владел изменник Мазепа, его собственность
стали обширные земли вокруг Почепа, а сам город ста
центром владений «светлейшего князя». В 1732 г. с. Иванов
ское и другие селения в Севском уезде (5136 дворов) был
пожалованы генералу графу Лопухину. В 1742 г. с. Брасов
с приписными крестьянами отошло генералу-фельдмаршал
С. Апраксину (6474 души). В числе крупных землевладель
цев в крае были также Кантемиры, Голицыны [8].

В начале XVIII в. все больше крупных вотчин появля
ется и в западных уездах. Так, земли будущего Гжатского
уезда были поделены в первую очередь между знатнейшим
сановниками. Село Самуйлово с деревнями в 1710 г. был
отдано князю А. Д. Меншикову, а после его опалы переда
но другому сподвижнику Петра I М. М. Голицыну — пред
ставителю самого многочисленного впоследствии княжеско
го рода. Село Колокольня, возникшее на месте уничтожен
ного в «литовское разорение» с. Микулаево (Костивец тож),
в 1728 г. было утверждено за В. В. Долгоруковым — пред
ставителем второй по численности княжеской фамилии Рос
сии. В бассейне р. Гжать появились владения сподвижника
Петра I графа Шереметева, известного военачальника XVII в.
графа Каменского и др. Однако и в XVIII в. преобладающим
типом помещичьих хозяйств оставались мелкие и средние

владения с земельной площадью от 10 до 300 десятин и населением до 100 душ крепостных [9].

Монастырские владения

Монастырские владения, в отличие от разбросанных по всему краю помещичьих и вотчинных, были сконцентрированы в основном в нескольких уездах. Во второй половине XVII в. наибольшее количество монастырских и архиерейских крестьян проживало в Смоленском уезде (более 4 тыс. душ м. п.), Брянском (более 7 тыс.), Козельском (более 1,5 тыс.) и других уездах [10]. Владения отдельных монастырей были довольно обширными. Выделялся Дорогобужский Бизюков монастырь, владевший к началу XVIII столетия более чем 2 тыс. душ м. п. Крупные владения были также у Вяземского Предтечева монастыря, Смоленского Аврамиева и Троицкого монастырей [11].

Абсолютное большинство монастырских крестьян в юго-западных уездах во второй половине XVII—XVIII в. принадлежало Свенскому монастырю. Его владения разделялись на пять вотчин: Подгорный стан близ Брянска, Дынская и Подбужская вотчины на границе Брянского и Жиздринского уездов, Белевская вотчина на р. Оке и, наконец, Комаринская вотчина. Уже по первой ревизии население этих вотчин составляло 7289 душ м. п. По населенности своих владений Свенский монастырь из 500 великорусских монастырей уступал только 20.

Дворцовые владения

Значительное место занимали в исследуемом районе дворцовые владения, образовавшиеся здесь сразу после изгнания польских феодалов. Как и монастырские, они были сосредоточены в нескольких районах: в Смоленском — свыше 15 тыс. душ м. п., в Вяземском — около 14 тыс. Огромное по тем временам владение составляла дворцовая Комарицкая волость в Севском уезде — около 40 тыс. душ м. п. Она располагалась по течению притоков Десны — Неруссы и Сева. Земельные раздачи сильно сокращали ее, начиная с первых лет XVII в. Во второй половине XVIII столетия, после образования Орловской губернии, волость перестала существовать. С 40-х гг. XVII в. население волости освободили от различных государственных повинностей, оно поставляло драгун для несения военной службы. Милитаризация волости обеспечивала оборону границы. После воссоединения Украины с Россией острой необходимости в службе комарицких драгун уже не было, однако в течение

почти трех десятилетий эта обязанность еще сохранялась. Таким образом, среди дворцовых крестьян комарицкие мужики отличались особым положением.

Села и деревни волости имели по 20—40 дворов. Владения отдельных дворов располагались чересполосно и в разных полях; это была «братская деленая жеребьевая земля». Кроме нее в распоряжении крестьян было огромное количество незанятой земли — целины, которую можно было превратить в пашню. Двор комарицкого крестьянина мог включать в себя несколько семей, а также беглецов из Карачевского, Брянского, Серпейского, Мещевского, Болховского, Белевского, Курского, Рыльского и других уездов. Последние жили на положении соседей, половинщиков, нередко «переходя» по деревням. Разного рода «дольники» (половинщики, третники) и «складники» делили с драгунами тягло — участие в снаряжении военного человека на службу — и даже непосредственно выполняли служебные обязанности. Комаричан тяготило их положение. Они подавали коллективные челобитные с просьбой «отставить» их от службы и вернуть в состояние плательщиков «посопного хлеба». Многие бежали. Перепись в 1667 г. показала, что за двадцать лет в волости убыло 610 дворов [12].

В первой половине XVIII в. дворцовые владения начинают уменьшаться вследствие земельных раздач.

Изменения в составе крестьянского населения по данным I ревизии

Ревизия 1719 г. (подушный учет населения) показала рост численности крестьян за последние несколько десятилетий — более чем в два раза, а в некоторых уездах — даже в 3,7 раза (Трубчевский), в 3,5 (Дорогобужский, Рославльский), в 3,2 (Брянский). Безусловно, главная причина прибыли — естественный прирост: семьи крестьян были, как правило, многодетными — 4—5 и более детей.

Население росло, несмотря на факторы, противодействовавшие этому. Высока была смертность детей, о чем свидетельствуют, например, переписные книги Смоленского уезда за 1722—1727 гг., данные повозрастного учета населения по Калужскому и Вяземскому уездам [13]. На численность населения оказывали влияние войны: часть крестьян рекрутировалась, другие разорялись и уходили скитаться. Но, с другой стороны, определенную роль играло и бегство в эти районы крестьян из центра страны. В частности, под защиту труднопроходимых брянских лесов бежали раскольники

ники. В середине и во второй половине XVIII столетия приток пришлых не иссякал. Беглые шли в районы дворцового землевладения, особенно в Комарицкую волость. Местные воеводы противодействовали стремлениям центрального правительства возвратить бежавших крепостных, укрывали их у себя «для своей корысти». Примечательно, что более 100 указов петровской поры о возврате беглых так и остались бездейственными.

Иноземцы в составе крестьянского населения

Увеличивалось население западных и юго-западных земель за счет притока из-за рубежа. Можно отметить, по крайней мере, две крупные волны этого притока. Первая конец 50-х — 60-е гг. XVII в.: в воссоединенные с Россией земли бежали «выходцы из литовских и черкасских городов», «иноземцы». В Брянской переписной книге 1678 г. нередко упоминаются бобыли-иноземцы, живущие в помещичьих и вотчинных деревнях. Часто иноземцы становились дворовыми — деловыми и задворными людьми землевладельцев. Так, в сельце Голобово во дворе помещика С. А. Гаврилова жили деловые люди-иноземцы, «выходцы из литовских городов». Зачастую иноземцы не были юридически закрепощены, и переписные книги указывали на это: «а крепостей на них (иноземцев. — *Ред.*) у него (помещика. — *Ред.*) нет». Но постепенно и они закрепощались различными путями [14]. Писцовая книга 1677—1678 гг. называет иноземцами абсолютное большинство «соседей», живших во дворах у бобылей в вотчине Свенского монастыря — д. Тимоновке. Видимо, большинство «иноземцев» составляли белорусы.

В подеснянские уезды, кроме выходцев с запада, шел поток украинцев-«черкас» с юга. Особенно много их было в Трубчевском уезде, где они работали на винокуренных и стекольных заводах, на мельницах и будных станах. Возникали целые слободы, населенные украинцами: Новая Буда, Смелик, Суземка, Погощь. Часть украинских переселенцев работала на помещиков. Эти люди не считались крепостными у феодалов, и перепись 1719 г. называла их «вольными черкасами», обособляя от остальной массы крестьян.

Вторая волна беженцев пришлась на годы Северной войны, заставившей многих прибалтийцев уходить из разоренных войной селений, искать в России защиты от военной опасности. Переписные книги Смоленского уезда 1727 г. зафиксировали значительный приток «зарубежских выход-

цев»: в шести станах — 1825 душ м. п., не считая возвращающихся из-за рубежа беглых. Иноземцы были положены в оклад. Некоторые из них «обязались жить за помещики вечно», другие — «временно». Встречаются указания и на национальность «зарубежских выходцев»: «польской нации», «латыши, шведы, комыты крещеные» [15].

Таким образом, этнический состав населения западных и близлежащих земель России был достаточно сложным, но основу его составляло русское крестьянство.

Численность крестьянства по сведениям II ревизии

Вторая ревизия, проводившаяся в 1744 г., показывает заметное снижение темпов роста крестьянского населения в исследуемых уездах. В целом прирост населения составляет всего 8,7% (после I ревизии). Мужское население достигает 614,4 тыс. человек. Наиболее высокими темпами население растет в уездах, близких к центру, — т. е. в Калужской провинции (в среднем — 17,4%): в Серпейском уезде — 39%, Мосальском — 20,4, Мещевском — 19,6%. Но здесь же и уезды с весьма незначительным приростом: Перемышльский — 0,5%, Воротынский — 1,5%. Хотя такому резкому различию между данными первых ревизий в отдельных уездах послужило изменение их границ, разница эта вызывалась и усилением миграций населения в неурожайные годы.

В Смоленской губернии (средний прирост — 16,6%) темпы роста населения распределяются по уездам более равномерно: Рославльский — 28,7%, Смоленский — 20,6, остальные — 10—15%.

На общем фоне резко выделяются южные уезды, в которых наблюдается не прирост, а снижение численности крестьян на 4,5%. Это происходит в основном за счет уменьшения более чем на 79% крестьянского населения в Трубчевском уезде. Увеличивается население только в Карачевском (на 9,4%) и Козельском (6,4%) уездах, в остальных же численность крестьян снизилась на 2—4% [16].

Вторая ревизия обнаружила убыль населения во многих уездах России. В докладе 17 сентября 1742 г. сенат вынужден был признать это. С 1719 до 1742 г. убыло (смерть, бегство) около 2878 тыс. душ, но и это число сенат считал ниже действительного, «понеже уповательно, что и больше того оной убыли имеется» [17]. Довольно наглядно объясняются причины такой убыли в доношении из Вязьмы

о сборе подушных денег в 1733—1734 гг. в вотчине Вяземского Предтечева монастыря: из почти 2 тысяч душ м. п. (по I ревизии) «в разные годы убыло 515 душ: померло 460, бежало 64, отданы в рекруты — 45». К маю 1734 г. из той же вотчины убыло 374 души: «померло 88, бежало 266, в рекруты отдано 20». Таким образом, в мае 1734 г. «в подмонастырской слободке с деревнями» осталось 1110 душ м. п.[18]

Сильный неурожай 1733 г. и двух последующих лет захватил многие уезды запада, северо-запада, центра и, отчасти, юга страны. Он повлек за собой тяжелейший голод, высокую смертность, побеги крестьян. Нередко подстрекаемые «прелестными призывами» польских панов крестьяне бежали за рубеж, но, не встречая там желанного благополучия, возвращались на родину. Весьма часто массовый голод сопровождался эпидемиями холеры, оспы, брюшного тифа, чумы.

21 января 1735 г. в Калуге собралось около 10 тысяч нищих из соседних уездов и «при раздаче калужанином Степаном Золотаревым милостыни за многолюдством тех нищих и за темнотою подавлено престарелых и малолетних человек с пять и больше...». Сообщалось также, что многие нищие в Калуге болеют «и лежат по разным местам». По присланной в 1735 г. переписи в Калужской провинции оказалось 181967 душ неимущих, которые, по распоряжению сената, регистрировались при раздаче хлеба. Меры правительства, заключавшиеся в основном в раздаче «милостыни з расписками», а также в отправке голодных крестьян «по местам», где «их помещикам отдавать»[19], носили ярко выраженный фискальный характер, отражали интересы феодального государства и класса помещиков, были неэффективны в плане ликвидации тяжелых последствий неурожая.

В целом снижение прироста крестьянского населения не противоречит специфическому для феодализма закону народонаселения, который проявляется как в положении основной производительной силы феодального общества — крепостного крестьянина, так и в естественном воспроизводстве крепостного населения. Феодализм обрекал жестоко эксплуатируемые трудящиеся массы на полунищенское существование, темноту и невежество. Крайне рутинная техника производства, исключительно медленное развитие производительных сил — все это обусловливало медленный естест-

венный прирост населения, несмотря на довольно большую рождаемость [20].

Представленные выше темпы роста крестьянского населения — средние для всех категорий крестьян района, соотношение между категориями, по сравнению с XVII в., первой половине XVIII в. сильно изменилось. Намного вырос удельный вес числа крестьян, принадлежавших светским феодалам: приблизительно с 56—75% по первой ревизии — до 77 по второй. В то же время более чем вдвое падает процент дворовых крестьян: с 16—34% по I ревизии до 12,5 в 1744 г. Как правило, это наблюдается в уездах с резко возрастающим количеством помещичьих крестьян (Севский, Вяземский, Серпейский).

Разумеется, причиной таких перемен были правительственные меры, направленные на укрепление помещичьей собственности, в частности раздачи земель из дворцовых владений. Так, в Вяземском уезде к концу XVII в. из дворцовых вотчин на помещиков были отписаны 2990 крестьянских дворов. А в 1700 г. одним только стольником И. И. Нарышкиным в Вяземском уезде было получено с. Сычевка (половина его) с 51 деревней, мужское население которых составляло 1325 человек. В Севском уезде ко II ревизии из дворцовых в разряд помещичьих было переведено более 1 тысяч душ м. п. Особенно большие раздачи производились из дворцовой Комарицкой волости. Так, князю Кантемиру было «отказано» 37 сел и деревень с 1000 крестьянских дворов [21]. Доля крестьян и бобылей духовенства в крестьянском населении района уменьшилась незначительно.

Вторая ревизия зарегистрировала и такую группу крестьян, которая раньше не отмечалась, — это крестьяне, принадлежащие заводчикам, но число их было незначительным.

Миграции крестьянства

Одной из типичных черт крепостного населения западных и юго-западных уездов в XVII — первой половине XVIII вв. была его довольно высокая мобильность. Корни этого демографического явления следует искать в социально-экономической действительности. В условиях усиливающегося экономического и социального гнета «в бега» уходили представители практически всех слоев крестьянства: как обнищавшие, уходившие скитаться «по миру», так и зажиточные. Часто они уходили недалеко — к другому владельцу в пределах одного уезда или в соседний уезд. Убегали и на большие расстояния.

Крестьяне шли туда, где, как им казалось, жизнь была богаче, а гнет помещиков — меньше.

Среди множества направлений переходов можно выделить несколько наиболее устойчивых. Это, прежде всего, — южное, на Украину, где феодальные отношения не приобрели таких крайних форм, как в центре России после принятия Уложения 1649 г. Вопреки крепостническому законодательству крестьянские переходы еще долго сохранялись. Воспользоваться такой возможностью мог, чаще всего, более или менее зажиточный крестьянин. Для переезда требовалось несколько повозок, запряженных лошадьми, поэтому крестьянин, плохо обеспеченный рабочим скотом, не мог отправиться в такой дальний переход. Безлошадных среди беглых на юге России не было[22]. С укреплением местных органов власти и особенно после введения на Украине таких же крепостнических порядков, как и в центре страны, возможности для крестьян изменить свое положение путем бегства и перехода к другому помещику резко сократились.

Другой стороной, особенно привлекавшей западных крестьян, к началу XVIII в. стали зарубежные земли, чаще — Польша. Однако заметим, довольно большим был и обратный поток из-за рубежа русских крестьян, которые встречали на чужбине не только нужду и бедствия, преследовавшие их на родине, но и усугубляющий эти тяготы национальный и религиозный гнет. Эти крестьяне составляли более половины всех возвращающихся «из бегов»[23].

Наряду с самовольным уходом крестьян существовал и такой вид перемещения, как перевод их владельцами из одного имения в другое, что делалось как в хозяйственных целях, так и для наказания непокорных.

Деревня и двор

Для более глубокого понимания социально-экономического положения русских крестьян целесообразно рассмотреть структуру деревни и крестьянского двора, основных ячеек хозяйственной жизни, определить состав их населения как главной производительной силы сельского хозяйства.

Западная деревня второй половины XVII в. была малонаселенной. Для многих помещичьих владений западных уездов были характерны мелкие поселения с одним-двумя дворами. В Смоленском уезде встречаются деревни с четырьмя-пятью дворами, однако и здесь нередки деревни-«однодворки». В направлении центра и особенно юга России по-

селения становятся крупнее. В Рославльском уезде, например, они состоят из пяти-шести дворов, встречаются и семидворные деревни [24]. Повсюду много пустых дворов, они часто составляют до 30% к общему числу. Дворцовые села и деревни, несколько более населенные, чем помещичьи, обнаруживают также большое запустение (например, в Смоленском уезде — около 10%).

Больше всего пустых дворов было в деревнях приграничных уездов, где можно встретить даже несколько пустых деревень сразу: например, 10 деревень с 57 дворами в них дворцового с. Зверовичи, 6 деревень с 69 пустыми дворами в Дубровском стане Смоленского уезда [25]. Причинами запустения чаще всего были тяжелые условия жизни крестьян, связанные с усилением эксплуатации.

Шел и другой процесс — образование и рост новых деревень («деревня, что была пустошь» или «деревня, что был починок»), а также выделение из перенаселенных дворов отдельных простых семей и образование ими починков. Ведущий среди этих процессов — укрупнение деревень. Материальной основой его была окончательно сложившаяся в XVII в. паровая зерновая система земледелия, позволявшая формировать сравнительно крупные населенные пункты [26].

Рост деревень обнаруживают материалы первой половины XVIII в. Источники указывают наличие в отдельных дворах двух-четырех и даже более изб, в которых жили семьи, бывшие фактически самостоятельными хозяйственными единицами [27]. Об этом же свидетельствует и неестественное повышение уровня населенности двора в сравнении со второй половиной XVII в., которое обнаруживают ревизские сказки. Так, в 1720-х годах в Брянском уезде средняя населенность двора составила 11—12 (а с «новорожденными» — 15) душ м. п., тогда как во второй половине XVII в. во дворе проживало в среднем 3—4 души м. п.: в Бельском уезде в 1678 г. — 3—4 души м. п., а по I ревизии — не менее 10 (часто встречаются дворы по 14—15 душ м. п.) [28], в Козельском уезде в 1723 г. по 10—15 душ м. п. во дворе (в 1678 г. — 5), в Смоленском — по 15—17 душ м. п. (встречаются дворы с населением в 30 душ м. п.), а в 1678 г. — по 3—4 души м. п. [29] Большое количество крестьян во дворе в первой четверти XVIII в. — результат искусственного укрупнения дворов в целях сокращения единиц обло-

жения. В сведенных дворах оказывались не только родственники (двоюродные братья, племянники и пр.), но и соседи.

Для характеристики роста размеров западных поселений показательна история с. Прилепова («что была деревня») Смоленского уезда. В 1678 г. в деревне насчитывалось 10 крестьянских и бобыльских дворов, было еще 2 пустых двора и 15 мест дворовых. Если предположить, что помещик свез и сокрыл часть дворов, то реально самостоятельных хозяйств в Прилепове было, видимо, не меньше 20, т. е. это — крупная деревня по тем временам. А к 1728 г. с. Прилепово насчитывает уже 35 дворов, из которых примерно треть населяли большие семьи с 4—7 и более работниками [30].

Крестьянская семья

Анализ документов позволяет согласиться с утверждением Е. Н. Швейковской и В. А. Александрова о том, что в XVII в. (а также в XVIII в.) для русской деревни была характерна одна стадиальная форма семьи — малая [31]. Именно такая семья в XVII—XVIII вв. была наиболее распространена в западных и прилегающих к ним землях. Так, в упомянутом выше с. Прилепове одну треть всех дворов (11) населяли малые семьи: родители с детьми, не состоявшими в браке. В остальных дворах проживали так называемые отцовские и братские семьи (соответственно — 13 и 11) [32], которые, фактически, были лишь формой трансформации малой семьи.

Кроме того, нельзя не видеть процесса распада отцовских и братских семей на простые малые. Примером интенсивного выделения молодых семей служит д. Селиловичи Брянского уезда, отписанная в 1739 г. «на государя» после смерти ее владельца стольника А. П. Зиновьева. В 8 из 12 дворов, составлявших ее, жили семьи, выделившиеся из 3 отцовских и братских [33].

Выделение малых семей — это естественный процесс, ускорявшийся вследствие благоприятных социально-экономических условий. Но, в свою очередь, он не способствовал быстрому росту хозяйства, поэтому запрещение раздела большим семьям (особенно монастырскими властями) было обычным явлением, так как большие семьи имели возможности для увеличения своих доходов путем аренды дополнительных участков пашни и сенокосных угодий, а также могли освободить одного из работников для отхода на заработки [34].

Итак, население, составлявшее основу производитель-

ных сил региона, испытывало на себе глубокое влияни социально-экономических факторов, что определяло слож ность и неравномерность развития структуры и численност крестьянского населения. Изменения в структуре крестьян ского двора, явная тенденция к отделению молодых семей рост и появление новых деревень и починков — все эт свидетельствовало о развитии самостоятельности крестьян ских хозяйств, но феодальный гнет и низкие темпы роста производительности труда сдерживали развитие этих про цессов.

2. Земледельческое хозяйство

Основой всей жизнедеятельности крестьян явилось земледельческое хозяйство. Его состояние было показателем не только материального положения населения. Оно в значительной степени отражало и уровень развития производственных отношений.

Землепользование

Важнейший вопрос в характеристике земледельческого хозяйства — обеспеченность крестьянских хозяйств землей (как надельной, так и вненадельной). Однако источники далеко не всегда достаточно четко указывают количество земли, используемой крестьянами, иногда в документах не разделяются крестьянская и барская запашка. Серьезным препятствием для анализа и сопоставления данных о крестьянском землепользовании является разнобой в единицах измерения земельной площади. Самая распространенная из них — четверть («четь»), названная так по количеству высеваемой на ней ржи, — составляет 0,5 десятин. Четверть была основной единицей обложения в западных уездах. Нередко встречалась и десятина. Широко распространена в смоленских землях была волока. Но остается пока неизвестным, откуда заимствована эта единица измерения: если из Польши, что наиболее вероятно, то она равнялась примерно 20 десятинам, литовская же волока включала немногим больше 15 десятин [35]. В XVII в. в западнорусских землях использовались и другие единицы измерения земли: морги, шнуры, резы, службы. В Брянском, Калужском, Мещевском и других уездах к югу и востоку от смоленских земель единицами обложения выступают также доли выти (осьмаки, шестухи и т. д.) [36]. Заметим, что в употреблении единиц измерения и обложения практически не наблюдается устойчивой зави-

симости от географического положения в пределах региона: различные единицы можно встретить в одном уезде и даже в разных деревнях одного же и того же помещика. Такое разнообразие единиц — не только наследие феодальной раздробленности, но в большей степени — следствие влияния пограничного положения западнорусских земель.

Неясно значение термина «жеребей», распространенного в XVII в. и фактически господствующего в источниках первой половины XVIII в. Вероятно, значение этого термина наиболее близко к понятию «надел» и в качестве единицы измерения непосредственно «жеребей» не употреблялся, так как если в источниках указывается количество земли «в жеребьях», то только потому, что «те жеребьи в волоки и четверти не положены» [37]. Размер жеребья (он иногда указывается или его можно вычислить) всегда разный: 5,8, 10 четвертей, одна волока и др. [38] Но обозначал ли жеребей только полнотяглый надел или в него входили все земельные держания крестьянина? Видимо, значение этого понятия со временем изменялось: если в XVII в. оно включало наряду с полнотяглой пашней паханой и оброчную пашню, и земли, обрабатываемые «наездом», и др., то в XVIII в., особенно в середине и позже, жеребей обозначал, скорее всего, именно надел полнотяглой пашни паханой, т. е. основную долю крестьянского надела.

Основным земельным держанием крестьянина был надел полнотяглой (четвертной) пашни паханой, которая облагалась всеми податями и повинностями. Замечено, что в состав крестьянского тяглого надела входила не только полевая пашня, но и луга и усадебная земля [39], а также другие угодья. Так, крестьяне д. Федуркиной Дорогобужского уезда пользовались пятью жеребьями, «в которых волоками имеется пять волок а в каждой волоке четвертные пашни имеется по тринатцети четвертей с третником всего... 67 четвертей без третника в поли а в дву по тому ж с пашнею с лесы и с сенными локосы...» [40].

Обращает на себя внимание тот факт, что пашни и сенные угодья неодинаково распределялись между крестьянами различных деревень даже в пределах одной вотчины. Примером тому может служить владение Вяземского Предтеченского монастыря: в с. Андреевском 10 крестьянских дворов имели пашни 80 четвертей в поле и сена ставили 340 копен, в д. Медведкова 7 дворов соответственно 17 четвертей в поле и 30 копен, в д. Пахомова два двора — 35 четвертей и 40

копен, в д. Арешкова 4 двора — 19 четвертей и 30 копен
Такое положение было обусловлено прежде всего приро
ными особенностями местности.

Крестьяне наделялись обычно «худыми» и «средним
землями. Количество их у крестьянского двора определ
лось в зависимости от числа полноценных работников (жен
тых мужчин) [42]. Следовательно, надел крестьянского дво
был единицей условной. Наделы часто дробились. Это пр
исходило в том случае, если в семье было мало трудосп
собных (оно должно было составлять не меньше шес
человек, если взят полный надел в одну волоку при барщи
ном хозяйстве) [43], а с другой стороны — крестьяне сам
старались брать не полный надел, а его долю, чтобы умен
шить таким образом повинности. Во второй половине XVII
наиболее распространен был надел в полжеребья на оди
двор, иногда — «полтретя жеребья» и т. д. Нередки крестьян
ские дворы, состоящие из двух-трех самостоятельных семей
«все пашут один жеребий, а хлеб едят разный». В поме
щичьих деревнях Дорогобужского и Смоленского уездо
встречаются и такие маленькие наделы, как одна-две чети
поле и даже полчети в поле [44]. И это при том, что земли
крестьянские были, как правило, «худыми» и «средними».

Площадь земельных владений, которыми пользовались
крестьяне Подеснянского края, где земледелие, так же, как
и в западных русских уездах, являлось основным занятием, была очень разной — от одной до шести десятин в трех полях. На протяжении XVIII в. площадь крестьянского надела сократилась, особенно в тех имениях, владельцы которых производили хлеб на продажу. Здесь крестьянские наделы доходили до одной десятины и менее.

Обеспеченность землей монастырских крестьян юго-западных уездов была также различной. В Подгорном стане — 1,5 десятины на душу населения, в Подбужской вотчине Свенского монастыря — 1 десятина, в Дынской — 0,7 десятины, в Комарицкой — 0,37 десятины, в Белевской — 1,5 десятины [45].

Размеры крестьянской пашни отдельных деревень постоянно колебались, что зависело от степени хозяйственного освоения новых земель крестьянами, на что, в свою очередь, влияли факторы социальные, вызывавшие массовые побеги, запустение деревень и пр.

Величина тяглого надела не является достаточно объективным показателем обеспеченности крестьянских хозяйств

земель, так как в XVII в. была широко распространена аренда земель у своего помещика или соседнего землевладельца — монастыря или светского феодала. Арендные земли — это, как правило, так называемые оброчные пустоши, расчистка которых была выгодна и помещику, и крестьянину, получавшему дополнительную возможность для развития своего хозяйства. Часто земли сдавались теми владельцами, чье хозяйство было мало обеспечено рабочей силой. Так, карачевские беломестные драгуны сдали в 1694 г. земли на Коневой горе крестьянам подьячего приказной избы М. Кузьмина сроком на пять лет, определяя «тем крестьянам ту землю пахоную и дику пахать на три хлеба, а за всякой хлеб за роспашку имать нам (драгунам) по 10 алтын, а как три хлеба снимут и сколко той земли будет распахано, любою землею владеть им пять хлебов и платить за десятину по две гривны... а как те пять хлебов выйдут и нам вольно ту землю самим владеть и в оброк кому отдать...» [46].

Дворцовые крестьяне также иногда сдавали свои земли в оброк помещичьим или монастырским крестьянам. Например, хорошо обеспеченная часть крестьян Комарицкой вотчины Свенского монастыря арендовала землю у своих соседей — дворцовых крестьян.

Следует признать, что в XVII и начале XVIII в. крестьяне западных и юго-западных уездов обычно не страдали от нехватки земли. Часто пахали пашню «наездом», имелось большое количество перелога и лесом поросшей пашни. Значительно сложнее дело обстояло к концу первой четверти XVIII в., когда, с одной стороны, значительно выросла численность крестьянского населения, а с другой — сократился резерв пахотных земель и происходило истощение плохо удобряемой почвы. Кроме того, многие пустоши, расчищенные крестьянами, были переведены землевладельцами на положение надельных земель, облагаемых всеми податями и повинностями, что также усугубило положение крестьян.

В документах первой четверти XVIII в. далеко не всегда содержатся объективные данные о количестве земли, используемой крестьянским хозяйством. Но при критическом подходе к сведениям, содержащимся в отписных книгах, можно получить данные и по этому вопросу. Так, наиболее распространенным в Брянском, Серпейском, Вяземском, Смоленском и других уездах был надел, включавший три десятины пахотной земли в трех полях (на двор), обычным был

надел и в шесть десятин в трех полях, но нередко дворовы
надел пахотной земли был совсем маленьким — 0,5 дес.
трех полях. Размеры пашни находились в прямой зависимо
ти от числа рабочих рук (взрослых мужчин) и количест
тяглового скота [47].

Системы земледелия

Сравнительно большое количест
неосвоенных земель, уровень агр
техники, маломощность крестья
ских хозяйств способствовали сохранению в течение дл
тельного времени элементов переложного и подсечного зе
леделия, о чем свидетельствуют многочисленные документ
XVII — начала XVIII вв., учитывающие перелоги, лесо
поросшую пашню, пашенный и непашенный лес. Однако
чистом виде ни переложного, ни подсечного земледелия
исследуемом регионе в XVII в. уже не существовало -
они были лишь составной частью смешанной системы земл
делия, в основе которой было утвердившееся еще в XVI
трехполье. Перелог и подсека были фактически показателям
освоения земледельцами нови.

Кроме того, наличие переложных земель не всегда сви
детельствовало о существовании перелога как системы веде
ния земледельческого хозяйства. Перелоги XVII в. нельз
приравнивать к таковым периода раннего феодализма, чащ
всего это выпаханные поля парового трехполья, остающиес
всегда на учете у землевладельцев. Давно запущенной паш
ней был и «лес пашенный», находящийся в общем владени
деревни или волости [48]. Резервом освоения новых земель бы
«лес непашенный», количество которого колебалось в раз
ных уездах и деревнях.

Еще в первой половине XIX в. исследователи полагали, что
наличие свободных (т. е. временно исключенных из хозяйствен
ного оборота) земель было как раз условием развития зерново
го трехполья. В частности, Д. П. Шелехов писал, что именно
зерновое трехполье, требующее богатой почвы и новых
земель, было «сообразно с обстоятельствами», когда при
избытке земли и недостатке рабочих рук крестьяне «пахали
землю наездами, т. е. выбирая на пустошах лучшие, годные
для хлебопашества места, а косили сено перелогами, т. е.
в местах хороших, многотравных» [49]. Роль перелогов и залеж-
ных земель как главных источников восстановления плодоро-
дия и структуры пашни подчеркивается и современными ис-
следованиями [50].

С ростом производительных сил западнорусской деревни, с накоплением хозяйственного опыта и развитием животноводства позиции трехполья становятся прочнее, но и в середине XVIII в. смоленские источники регулярно упоминают «роспашку (непахотной) земли, росчистку лесу, раскорчевку сенных покосов» [51]. В то же время документы первой четверти XVIII в. все реже отмечают наличие перелога и подсеки в более освоенных в хозяйственном отношении уездах к центру и югу от Смоленска — Калужском, Вяземском, Брянском и др.

В большинстве западнорусских хозяйств правильное трехполье не могло функционировать в силу ряда причин: недостаток рабочей силы, требующейся для тщательной обработки земли при трехполье, дефицит рабочего скота (а значит, и нехватка удобрения), низкая сортность семян, неблагоприятные природные условия и др. Распространенным в западнорусских уездах был засев озимыми не трети, а значительно меньшей части пахотной земли, что вызывалось необходимостью сохранить семена для подсева к «выбитым мразом» посевам озимого клина.

Итак, при всех указанных условиях развития сельского хозяйства трехполье, бывшее единственно возможной системой земледелия в исследуемый период, далеко не исчерпало еще своих резервов, но в то же время испытывало серьезные затруднения для своего дальнейшего совершенствования.

Сельскохозяйственные орудия

Земледельческие орудия труда, использовавшиеся крестьянами в XVII — первой половине XVIII вв., не претерпели существенных изменений по сравнению с XVI в.

Наиболее распространенными тогда пахотными орудиями были: в западных уездах Нечерноземья — соха с двумя железными сошниками (или лемехами), с одной или двумя полицами (подвижными железными лопатками для переворачивания земли); в южных (черноземных) уездах — деревянный плуг с железным лемехом. Для боронования использовались большей частью легкие деревянные бороны. Обычно две бороны, шедшие друг за другом, бороновали поле вдоль и поперек по одному разу. Часто бороны изготовлялись крестьянами из древесных ветвей. Они были легки и удобны при обработке расчищенных от леса пашен, но в целом эффект от их применения был невелик. В юго-запад-

ных уездах изредка можно было встретить применени борон с железными зубьями [52].

Для жатвы использовались серпы, которые делали сам крестьяне или деревенские кузнецы из «уклада» (железно го полуфабриката), привозимого из Тулы, Тихвина, а такж из-за границы. Реже использовались косы (обычно только для заготовки сена), так как были они довольно дороги, осо бенно, если привозились из-за рубежа — «немецкие косы» «косы-литовки».

Даже в условиях, когда феодальная формация разви валась по «восходящей» линии, быстрое техническое совер шенствование сельскохозяйственных орудий было невозмож ным. Прогрессирование земледельческой техники выража лось не столько в изменении конструкций основных орудий труда, сколько в общем улучшении их качества. Хотя дере венские кузнецы по-прежнему обеспечивали потребность в железных изделиях большинства местных крестьян, земле дельцы все больше и больше предъявляли спрос на каче ственные орудия из железа, изготовлявшиеся городскими мастерами.

Вяземские таможенные книги второй половины XVII в. показывают довольно устойчивую тенденцию к расширению торговли железными орудиями труда. Если в 1651 г. в Вязь ме было продано немногим больше 400 «сох-лемешей», то в 1676—1677 гг. число «явленных» «сох-лемешей» и «присош ков» составило более 2,5 тыс. [53] Большая часть этих орудий изготовлялась вяземскими кузнецами из привозного сырья (железо «свицкое», тульское и устюжское), известного своим высоким качеством.

Железные сошники изготовлялись и в казенных руд нях — Ульфовской и Ракитинской. В 1678—1679 гг. (за 10 месяцев) для вольной продажи ими было выпущено более 800 сошников [54]. Можно предположить, что, в отличие от вяземских, эти изделия, выработанные из местного сырья, не отличались высоким качеством и долговечностью, так как железо, выделанное крестьянами из болотной руды при помощи ручных мехов, было низкокачественным и хрупким [55]. Впоследствии это привело к запустению руден.

Косы, стоившие почти в два раза больше сох-лемешей, несмотря на дороговизну, получали все большее распрост ранение. Уже в 1658 г. литовские купцы привезли в Вязьму 220 кос, а в 1675 г. они же «явили» более 3 тыс. кос. Как правило, косы привозились в июне (сенокос начинался

обычно в конце июня — начале июля). Дорогобужские таможенные книги также зафиксировали поступление на продажу 1120 литовских кос в июне 1677 и июне 1678 гг.[56]

Документы XVIII в. не показывают каких-либо изменений в сельскохозяйственных орудиях труда. Однако относительно их применения известен указ Петра I о необходимости в дворцовых имениях снимать косами урожай зерновых. В крестьянском хозяйстве это, безусловно, прогрессивное нововведение привиться не могло, прежде всего, по указанной уже причине дороговизны кос, а также из-за опасения потерять часть урожая при такой уборке.

Изредка документы, описывающие крестьянские «пожитки», дают некоторое представление об обеспеченности крестьянских хозяйств орудиями труда. Так, в записи от 20 декабря 1703 г. в одной из отказных книг по Смоленскому уезду среди имущества семьи беглого крестьянина Тимофея Иванова сына Пономаря указаны: «два сошника, два топора, пять серпов, коса, долото, пила...». Заметим, что в семье было не менее четырех взрослых (женатых) работников мужского пола[57].

Об отношении крестьян к орудиям труда красноречиво свидетельствует другой документ — описание имущества дворцовых крестьян, согнанных со спорных земель в Бережнянском стане Смоленского уезда в 1731 г. В оставленных крестьянами «ветхих» строениях чиновники обнаружили лошадей и телят, различную домашнюю утварь, посуду и даже «уголья», но не было и намека на какие-нибудь орудия труда[58], которые, должно быть, были надежно спрятаны крестьянами, видевшими в них одну из важнейших своих ценностей.

Относительно уровня сельскохозяйственной техники в рассматриваемый период можно сделать вывод о соответствии ее существующей трехпольной системе земледелия.

Агротехника. Агрикультура

Возвращение западных земель в состав Российского государства и восстановление народного хозяйства создали условия для совершенствования земледельческой культуры. Этот процесс, протекавший крайне медленно, выражался как в большем многообразии возделываемых злаковых и других растений, так и в мероприятиях по улучшению плодородия почвы — удобрение и совершенствование приемов обработки земли.

Основной посевной культурой в крестьянском хозяйстве

была рожь, в значительной степени обеспечивавшая прод
вольственные нужды населения. Крестьяне западнорусски
деревень обычно выращивали озимую рожь, которая зан
мала от 40 до 60% засеваемых земель.

Второе место на западно- и центральнорусских поля
прочно занимал овес. В отдельных хозяйствах его посевы п
площади равнялись ржаным и даже превосходили их
несмотря на то, что по весу (объему) овса требовалось за
сеять примерно в два раза больше, чем других культур н
той же площади (рожь и ячмень сеяли по две четверти н
десятину, а овес — не менее четырех четвертей) [60]. Поскольк
овес был продовольственной и фуражной культурой, ег
посевы находились в некоторой зависимости от наличия
крестьянском хозяйстве голов рабочего скота (лошадей).

В крестьянском хозяйстве распространены были и посевы
ячменя, урожайность которого была наиболее высокой.

Пшеница чаще встречалась на господских полях, чем
на крестьянских. Но эта культура особенно широко распро-
странялась в юго-западных черноземных землях, где она
выращивалась в больших количествах, причем не только
в яровом, но и в озимом поле [61]. Сравнительно часто крестья-
не западных и юго-западных уездов сеяли гречиху. Но в
юго-западных уездах с 20-х гг. XVII в. посевы гречихи сок-
ращаются за счет увеличения посевов пшеницы. Так, у
крестьян Свенского монастыря в Брянском уезде пшеница
вытеснила посевы овса и ячменя и уступала только посевам
ржи [62].

Утвердившаяся трехпольная система упорядочила и
одновременно усложнила приемы обработки земли. Полевые
работы начинались сразу после того, как земля подсыхала
вслед за таянием снегов, т. е. в конце апреля — начале
мая. После двух- и нередко трехкратной вспашки одной или
двумя лошадьми поле бороновалось вдоль и поперек не-
сколькими боронами.

Яровая пшеница обычно сеялась в прошлогоднем ози-
мом поле, на которое после снятия урожая ржи, еще летом,
вывозился навоз, а осенью производилась первая вспашка.
В мае пахали во второй раз, бороновали, пахали в третий
раз и непосредственно затем засевали, обычно под борону,
но иногда под соху, а потом бороновали.

Гречиха высевалась после двухкратной вспашки и боро-
нования. Наиболее простым было возделывание таких яро-

вых культур, как овес и ячмень, для которых было достаточно вспахать землю один раз и затем забороновать посевы.

В июне вывозился и разбрасывался навоз на паровом поле. В конце месяца начиналась паровая пахота под озимые хлеба, потом земля бороновалась. Непосредственно перед посевом земля вспахивалась еще раз и, если почва была тяжелой, бороновалась. Густота посевов была не везде одинаковой: в смоленских уездах она примерно на 1/5 больше, чем в калужских [63].

Издавна крестьяне западных и центральных уездов высевали технические культуры — коноплю, реже лен, но с возрастанием спроса на них (особенно на пеньку) на внутреннем и внешнем рынках во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. крестьяне значительно увеличили посевы этих культур. Особенно в юго-западных уездах, где природные условия (чернозем, много солнечных дней в вегетационный период) были более благоприятны для выращивания технических культур. В хозяйствах Брянского, Карачевского, Трубчевского уездов к середине XVIII в. конопля стала основной сельскохозяйственной культурой. Источники приводят множество примеров продажи крестьянами пеньки, масла, конопляных и льняных семян, вывозившихся в смоленские и калужские земли [64]. В юго-западных уездах производилась конопля, дававшая высококачественную пеньку. Не случайно в начале XVIII в. правительство объявило эту территорию заповедной, предназначенной главным образом для обеспечения потребностей Адмиралтейства. Спрос на пеньку и конопляное масло стимулировал разведение конопли. Многие крестьяне отводили в своих хозяйствах под коноплю от 0,5 до 1 десятины пашни.

В XVII в. большое распространение получают огородные культуры — лук, чеснок, огурцы, о чем свидетельствует высокий спрос на семена этих культур на рынках в последней четверти XVII в.

В крестьянском хозяйстве западных уездов появляются сады (обычно яблоневые). В юго-западных же уездах, население которых издавна занималось садоводством, выращивались также груши (дули), сливы, вишни, которые крестьяне продавали торговцам. Покупку фруктов в Брянске и уезде «на великого государя обиход» производила неоднократно местная администрация [65]. В гербах Севска и Трубчевска изображались груши, что подчеркивало изобилие этих плодов в уездах.

Земледельческие работы в трехпольном хозяйстве были весьма трудоемки. При соблюдении агротехники для обработки надела «две четверти в поле, а в дву по тому ж» одному работнику с лошадью требовалось не менее 70 дней, т. е. половина всего страдного периода [66]. И это — не считая затрат времени и сил на сенокос, заготовку дров, уборку озимых, для работы на барской запашке (при барщинной системе), отбывание других повинностей, работы в домашнем хозяйстве (починка и строительство жилых и хозяйственных построек, рыбная ловля и др.). К тому же необходимо сделать скидки и на плохую погоду, а также учесть недостаточное количество рабочих рук и скота. При этих обстоятельствах крестьяне далеко не всегда могли следовать до конца сложившимся правилам агротехники.

Хотя крестьянина действительно «выручало» большое количество лугов, а также залежей, плодородие которых было сравнительно высоким, все же проблема удобрения почвы со временем становилась все серьезнее. В исследуемом районе лишь южный чернозем отличался высоким плодородием, но и эта земля нуждалась в унавоживании. В центральных и западных уездах земли часто характеризовались как средние (суглинистые и супесчаные) и худые (глинистые и песчаные) и требовали удобрения в полтора раза больше, чем чернозем. Известно, что для удобрения одной десятины (или двух четвертей) средней земли следовало держать в хозяйстве шесть-семь голов крупного скота, но источники показывают, что даже сравнительно сильные крестьянские хозяйства испытывали дефицит удобрения [67].

Агротехника крестьянского земледелия во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. включала ряд прогрессивных изменений по сравнению с предыдущим периодом. Примечательно, что системой в крепостническом хозяйстве становятся отбор посевного материала, тщательная обработка почв, регулярное применение удобрений, соблюдение плодосменов. Сметливый ум землевладельца не мог остаться равнодушным к этим новым веяниям [68].

Урожаи зерновых

Урожайность, по замечанию В. И. Ленина, была важным показателем экономического состояния крестьянского хозяйства [69]. Многие исследователи позднего феодализма определяют среднюю урожайность зерновых культур для нечерноземной полосы от сам-3 до сам-5 (в уро-

жайные годы)[70]. На различных территориях даже в пределах одного региона урожайность была неодинаковой. Смоленщина относилась к зонам со сравнительно высокой урожайностью, что побуждало даже царя покупать здесь хлеб, как это было, например, в 1680 г., когда Алексею Михайловичу стало известно, что в Смоленске можно купить «рожь овинную добрую... дешевою ценою менши десяти алтын московскую четь». Тогда воеводе И. Б. Троекурову было приказано приобрести для государевых житниц 10 тысяч четвертей «самыя добрыя сухия ржи»[71]. Урожайность калужских полей несколько ниже[72], но урожаи были стабильнее, что и позволяло Калуге (вместе с Черниговским, Орловским и другими уездами) снабжать Смоленск в неурожайные годы.

Урожайность яровых культур обычно была выше, чем у озимых[73]. Отчасти это объясняется тем, что в первую очередь удобрялись более требовательные культуры (пшеница и ячмень), а для озимой ржи навоза не хватало[74]. По тем же причинам и крестьянское поле было менее урожайным, чем барское. Урожайность ржи даже в довольно зажиточных крестьянских хозяйствах редко превышала сам-3. Так, в 1729 г. дворцовые крестьяне Бережнянского стана Смоленского уезда собрали по 6 четвертей озимой ржи с десятины, тогда как овес уродился, примерно, по 10,5 четверти[75]. Однако более устойчивые урожаи давала рожь, а яровые значительно зависели от характера почвы, ее выпаханности, климатических условий: засухи или влажности, температуры. Заметим, что некоторые исследователи называют климат XVII—XVIII вв., отличавшийся похолоданием, «малой ледниковой эрой»[76].

Не случайно частыми были неурожаи. И. Словцов называл «недороды» 1658/59 и 1710 гг., сопровождавшиеся моровыми поветриями, 1716, 1722/23, 1733/34, 1749 гг. Но это только те неурожаи, когда не уродились почти все сельскохозяйственные культуры. Чаще от «недорода» страдали лишь отдельные виды зерновых[77]. Вот что говорит о неурожае 1704 г. Желябужский: «...В том же году майя в 20 день, в нощи, был великий мраз, и от того побита рожь в Заоцких городех, по Севеск, и по Брянеск, и по Москву, а инде бито и за Москвою, и глад был по деревням великой в семенах и в ячменях, а купили четверть в полтора рубли и по 60 алтын, а из сел и из деревень многие помещики и вотчинники людей своих и крестьян отпускали кормиться в

украинные города, а иные отпускали и во вся. А хлеб яровой в то время родился вельми хорош, никогда такова не бывало» [78].

Тяжелые и частые неурожаи поражали западнорусские уезды в конце XVII — начале XVIII вв. На большой недород хлеба в 1698 г. жаловались сборщики оброчных денег с мельниц дворцового с. Духовщины. Челобитные Петру I смоленской, бельской и рославльской шляхты свидетельствуют о «хлебном недороде» в 1701—1702 гг. Неурожаи не только были следствием «естественных» причин, но и вызывались жестокими поборами крестьян со стороны государства, отвлечением части из них от земледелия для производства различных работ, чаще всего, на «городовое строение». Тяжело сказывалось на крестьянском хозяйстве пограничное положение западных земель, которые часто страдали от «разорения черкас». Нетрудно предположить, что и сами «челобитчики» способствовали обнищанию своих крестьян, выжимая из них последнее, а «крестьянишки брели за рубеж». Трехлетний хлебный «недород» 1732—1734 гг. вызвал «великое оскудение» многих уездов России. В Смоленском, Дорогобужском и Бельском уездах ни одна из зерновых культур не дала «приплоду»: пшеницы и ячменя собрали столько же, сколько посеяли, овса и «гречи» несколько меньше, а «урожай» основной культуры — ржи составил около 55% от посева [79].

Меры правительства в неурожайные годы в допетровское время заключались в рекомендациях «молиться и поститься», в прощении недоимок и раздаче хлеба в долг под новый урожай. Позднее прогресс в этом вопросе состоял в устроении хлебных «магазейнов» (продовольственных складов) для раздачи хлеба голодающим [80].

В какой степени удовлетворялись продовольственные потребности крестьянского населения в урожайные годы? По имеющимся данным о крестьянах Бережнянского стана Смоленского уезда, урожай 1731 г. дал по 145 кг хлеба на душу населения (т. е. около 400 г в день). Такая величина потребления считается скудной [81]. Но она была обычной.

Животноводство

Крестьянское хозяйство было многоотраслевым, что не только обеспечивало разнообразные продовольственные и сырьевые потребности населения, но и служило большей устойчивости самого хозяйства. Животноводство самым непосредственным образом было связано с земледелием, поставляя ему

как тягловую силу, так и органическое удобрение, что приобрело особое значение именно при утверждении трехполья. О роли животноводства говорил тот факт, что при описании земель всегда довольно тщательно подсчитывалось количество сенных покосов, иногда даже площадь «животинного выпуска» [82], нередко часть оброка крестьяне, особенно дворцовые, должны были платить сеном.

Во второй половине XVII — начале XVIII вв. в хозяйстве западнорусского крестьянина обычно было по две-три рабочих лошади, реже — по четыре-пять, иногда — одна. Часть крестьян лошадей не имели. Характерна прямая взаимосвязь количества рабочего скота с размерами посевов, прежде всего озимых [83]. Нетрудно, однако, заметить, что немногочисленные безлошадные крестьяне также вспахивают свои небольшие наделы и сеют озимые [84]. Здесь имеет место аренда лошадей у более зажиточных соседей.

В качестве тягловой силы крестьяне западнорусских земель использовали только лошадей. На одну десятину пахотной земли приходилось обычно по одной — реже две лошади. Если добавить к этому числу столько же коров (очень часто их количество совпадало), то и в этом случае органического удобрения явно недоставало. Напомним, что хорошо удобренной была та земля, на десятину которой приходилось шесть-семь и даже восемь голов крупного рогатого скота, лишь десять голов мелкого скота могли заменить в этом отношении одну единицу крупного [85].

Продуктивность крупного рогатого (молочного) скота в западных уездах была, видимо, ниже, чем в других районах. Об этом свидетельствует тот факт, что на местных рынках, например, в Вязьме и Дорогобуже практически не встречались крестьяне этих уездов, продающие коровье масло. А привозили этот продукт из Калужского, Карачевского, Брянского и других уездов, хотя местные жители часто торговали говяжьим салом и кожами [86].

Кроме коров и лошадей в крестьянском дворе держали свиней. Число их могло быть самым различным. В документах по Брянскому и Серпейскому уездам описываются дворы, имевшие по 8 и даже по 15 свиней [87]. Крестьяне западных земель чаще имели по одной-две свиньи [88]. К 60-м гг. XVIII в. число дворов с одной свиньей по-прежнему велико, но значительно увеличивается группа крестьян, содержащих по три-четыре и больше свиней. Это указывало на имущественное расслоение в деревне.

Во многих хозяйствах содержались овцы, их количество в различных дворах сильно колебалось — от нуля до десяти и больше.

Реже и в очень небольших количествах (особенно в западных уездах) в крестьянских хозяйствах встречаются козы.

В крестьянских дворах могло быть от 1 до 20 и больше штук домашней птицы — гусей, кур «русских», реже уток[89].

Обеспечение домашних животных кормами было и в давние времена очень серьезной проблемой. И хотя количество лугов было достаточным, неблагоприятная погода часто препятствовала заготовке сена. Из-за дождей нарушались сроки сенокоса и, вместо начала июля, сено скашивалось в конце лета, что значительно снижало его питательную ценность. Но и собранные корма сохранялись во время стойлового периода далеко не полностью. Часть кормов, особенно рабочего скота, составляли зерновые, что ставило животноводство в зависимость от урожаев. Нередко скудость крестьянских полей приводила к тому, что рабочие лошади получали овес лишь в период весенней страды. Обычным явлением был падеж скота в неурожайные годы.

В условиях позднего феодализма развитие животноводства задерживалось усиливающейся феодальной эксплуатацией, при которой крестьяне вынуждены были отдавать часть кормов в хозяйство землевладельца, обрабатывать своими лошадьми барскую запашку, выполнять подводную и другие повинности.

Итак, на крестьянское хозяйство воздействовали различные факторы: с одной стороны, наличие достаточного количества земли (пашни, лугов, пустошей), сохранение и развитие положительного земледельческого опыта, рост внутреннего рынка страны, стимулирующий хозяйственную инициативу крестьянства, а с другой — сдерживание этой инициативы феодальной эксплуатацией, дефицитом рабочих рук и скота и, как следствие, слабая защищенность крестьянского хозяйства перед стихийными силами природы, обнищание части крестьян. Таким образом, можно охарактеризовать развитие производительных сил сельского хозяйства во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. как хотя и медленно, но прогрессирующее.

3. Неземледельческие занятия крестьян

С древнейших времен сельское население было тесно связано с неземледельческими занятиями, призванными в

условиях натурального хозяйства обеспечивать разнообразные потребности крестьян и землевладельцев. Во второй половине XVII — XVIII вв. промыслы крестьян Нечерноземья (такие, как рыбный, охота, бортный, мукомольный, винокурение, ткачество, выделка кож, очистка пеньки и др.) не только служат первым подспорьем в удовлетворении тех или иных продовольственных или хозяйственных нужд сельского населения, но и создают для части крестьянства возможность выхода на рынок, развертывания предпринимательской деятельности. Это было естественно в период формирования капиталистического уклада в стране, но, с другой стороны, — этот процесс форсировался увеличением денежных поборов со стороны феодалов и государства.

К другой группе неземледельческих занятий можно отнести работы, к выполнению которых крестьяне привлекались своими владельцами или нанимались, будучи «на отходе». Речь идет о таких занятиях, с продукцией которых крестьяне не могли, как правило, выйти на рынок: работа на руднях, будных станах, изготовление кирпича, строительных материалов из леса, производство строительных работ и др.

Начнем с описания второй группы неземледельческих занятий. Дворцовые крестьяне были категорией, наиболее обремененной различными работами. В эпоху первоначального накопления царь и дворцовая администрация использовали все возможности для расширения потока денежных средств, поступающих в дворцовое хозяйство. Богатые природные ресурсы края облегчали эту задачу. Уже в 60-х гг. XVII в. в лесах, окружающих дворцовые села Поречье, Каслю и др., крестьяне изготовляли «лесные товары»: ванчесы (дубовый брус) длиной несколько более двух сажен, васи-лики (или полуванчесы) — дубовый брус длиной до 1 сажени, клепка, доски, мачты. Крестьяне делали также челны, струги, барки и речные суда других типов, для чего увеличивалось число верфей в Поречской, Касплянской волостях Смоленского уезда и в некоторых селах Вяземского и Дорогобужского уездов [90].

Изготовленные лесные товары крестьяне на себе тянули из леса и «плотили в плоты». Работы принимали довольно значительные по тем временам масштабы. Так, в 1679 г. у Поречской пристани трудились одновременно 450 крестьян 10 дней, «а у згонки тех лесных товаров было 300 человек

три дни» («сгоняли до Сурожа»). В следующем году «сурожские и рижские плотовые запасы готовили 500 человек 8 дней ... а у згонки было 350 человек 3 дни». А в Касплянской волости в 1680 г., где использовалось примерно такое же количество рабочей силы, было изготовлено 1500 штук ванчесов и 34682 «василки» [91].

Если в 60-х гг., когда дворцовое хозяйство только разворачивалось в западных уездах, определенная часть лесных товаров взималась с крестьян в виде оброка («даточные товары») [92], то к концу 70-х гг. в разряде «даточных» остались только «лычные» веревки, исправно взимавшиеся в дворцовых волостях. А работы по изготовлению и транспортировке основных лесных товаров крестьяне выполняли под руководством опытных мастеров «безденежно», что фактически было разновидностью барщины. Крестьяне тяготились этой работой, отрывавшей их от основного занятия — земледелия. Поэтому нередки были случаи найма общинами «своими деньгами» работников для исполнения этой тяжелой повинности, что допускалось царской администрацией.

Изнурял крестьян и труд на железных руднях. В 60-х гг. XVII в. известны были владельческие рудни В. Куроша в Дорогобужском и Смоленском уездах и шляхтичей Тютчевых — в Бельском уезде [93]. Уже в начале 70-х гг. дворцовая администрация организует в западных уездах три железные рудни: Ракитинскую — на р. Ольше, Ульфовскую — под д. Ископицы, Касплянскую, которые, по донесению воеводы князя И. А. Хованского в приказ Устюжской четверти, к октябрю 1672 г. представили в казну 850 пудов железа (а еще 425 пудов были даны «ковалем и ковальчиком, и рудником, и дымарем и уголником за работу») [94]. Качество железа было низким и не позволяло изготовлять оружие, но вполне подходило для производства сошников. О положении крестьян, обязанных выполнять «рудницкую работу», свидетельствуют их челобитные [95].

Правительство царя Федора Алексеевича пошло на ликвидацию казенного производства, заставив крестьян вместо работы на руднях выплачивать казне по 2 алтына, а бобылей — по 10 денег со двора.

Однако дворцовое ведомство успешно развивало другую, пожалуй, более доходную, отрасль — производство поташа, который употреблялся в то время в стекольном, мыловаренном и других производствах. Для будных (поташных) станов были «сысканы угожие леса» в Рославльском,

орогобужском и Смоленском уездах. Число работников на ждом из многочисленных станов составляло 40—50 чело- к пеших и с лошадьми, большинство из них — дворцовые рестьяне, выполнявшие в основном тяжелую подсобную аботу.

Дворцовое ведомство жестоко эксплуатировало и, вдо- авок, грабило крестьян. Хлеб, крупу, соль и другие про- укты будники получали в зачет заработка, цены на про- укты назначались в полтора-два раза выше рыночных. ак, рожь выдавали будникам с зачетом 60 алтын за чет- ерть, тогда как на рынке ее цена определялась в 1 р. 13 лтын 2 деньги. Пуд соли обходился будникам в 26 алтын деньги, вместо 13 алтын по рыночным ценам. Бочку сель- дей можно было купить за 5 р., а будникам ее продавали за 0 р.

К концу 1670-х гг. на смоленских царских поташных заведениях производство увеличилось больше, чем в два раза. В 1679 г. в поречские государевы амбары поступило поташа 1172 пуда.

Буды XVII в. представляли собой сложную кооперацию труда, тяготевшую к мануфактуре. Среди будников чис- лились поливачи, гартники, бондари и другие категории работных людей [96]. Часть крестьян, естественно, теряла связь с землей и превращалась по своему фактическому положе- нию в работных людей.

В отличие от дворцовых крестьян западных уездов, их собратья в южных дворцовых селах и особенно в Комарицкой волости привлекались к работам на винокуренных заводах, которые особенно широко распространились в XVIII в. Крестьяне использовались на работах с самого основания первого завода — Холмечского («на колодце Холмоче»). Они делились на две категории. В первую входили штатные квалифицированные мастера: винокуры, подкурки, брагова- ры, солодовники, мельники, котельники, кузнецы, кирпич- ники, бондари, скотники, получавшие жалованье. Во вто- рую входили люди, выделенные администрацией по наря- ду: извозчики, подсобные рабочие, жеганы (кочегары), кото- рые в большинстве случаев никакой оплаты не получали [97].

Типичным явлением в крупных феодальных хозяйствах XVIII в. было заведение предприятий-мануфактур, на кото- рых работали крестьяне. В 1726 г. в центре владений А. Д. Меншикова, в г. Почепе, была построена парусно-полотня- ная мануфактура. К середине 1730-х гг. на ней работало

более 250 русских и украинцев, преимущественно из крепос
ных. К середине XVIII в. в юго-западных уездах возникл
крупнейшие помещичьи предприятия, на которых велос
винокурение. Продажа водки давала помещику гораз
больший доход, чем торговля хлебом. Хозяевами таки
«заводов» были в Севском уезде С. Ф. Апраксина и Е. А
Чернышова, в Трубчевском — братья Кантемиры, в Брянс
ком — княжна М. К. Кантемир и С. А. Голицын [98]. Крестья
не, принадлежавшие этим феодалам, были заняты на бар
щине не только в летнее время, в период земледельческих
работ, но и зимой на винокуренных «заводах».

В Калужской провинции помещики Гончаровы приобре
ли у купца Филатова полотняные и бумажные «фабрики»
На них работали крепостные этих помещиков, а также мно
жество наемных работников — крестьян-отходников, сред
которых было немало беглых, охотно принимаемых заводской
администрацией.

Петровские преобразования глубоко затронули быто-
вую сторону жизни дворянства, в результате чего многие
помещики обратились к строительству роскошных дворцов,
обязательно по европейским образцам. Крепостных стали
привлекать к строительству, они должны были не только
сами являться к «городовому делу», но и обеспечивать строи-
тельство материалами — кирпичом, мелом, камнями, брев-
нами, брусом.

Положение церковных и монастырских крестьян было
сходно с положением помещичьих крепостных, но с потерей
церковью своих позиций усиливается тенденция к обнища-
нию находящихся в ее ведении крестьян и бобылей. Понят-
но, что именно они чаще бродили в поисках работы. Так,
крестьяне Свенского монастыря практически полностью обес-
печивали нужды брянского купечества в рабочей силе.
Порой крестьяне прибегали к займам у купцов при усло-
вии, что они должны работать на кредитора «до отживу
тех денег» [99].

От некоторых из крестьян исходила предпринимательс-
кая инициатива, они ссужали деньги, занимались скупкой
сельскохозяйственной продукции у других крестьян. А были
и такие, кто заводил свои предприятия: винокуренные и
стеклянные заводы (в южных русских уездах). Так, в 1705 г.
крестьянин Свенского монастыря с. Супонева Г. Волченков
построил вместе с жителем г. Глухова Д. Никитиным «сво-
им коштом» стеклянный завод в Трубчевском уезде. Однако

после десятилетнего владения ему пришлось выйти из состава владельцев завода [100]. Видимо, сказалась нехватка капиталов.

Ближе всего были крестьянам занятия по обработке сельскохозяйственной продукции: очистка пеньки, мукомольный промысел, винокурение, изготовление солода, выделка кож и др. Большинство из этих промыслов не требовало особого мастерства и поэтому могло на протяжении веков мирно уживаться с земледелием в крестьянском хозяйстве, обеспечивая к тому же и его натуральный характер.

Бортный промысел развивался на Смоленщине с древнейших времен. Большое распространение имел он и в XVII—XVIII вв. По переписи 1668 г. в Смоленском уезде, кроме дворцовых владений, было зарегистрировано «бортного ухожья — 850 дерев со пчелами, 1908 дерев пустых». «Пустые» деревья могли быть подготовленными бортями для принятия пчелиных роев, но наличие пустых бортей могло свидетельствовать и о трудностях этого промысла, связанного с пропажей и гибелью пчелиных семей. Мед всегда был в перечне мелочных товаров местных рынков. Иногда крестьяне поставляли и довольно крупные партии меда.

Пожалуй, наиболее развито было пчеловодство на юге. Это подтверждает перепись дворцовых сел Комарицкой волости Севского уезда, «отказанных» в 1718 г. Петром I князю Д. К. Кантемиру. Среди оброчных статей почти в каждом селе или деревне упоминаются «бортные ухожья». Особенное внимание обращает на себя большое количество ульев «со пчелами». Например, в Глодневском стане — 1497, в Радогожском — 845.

Другим повсеместно распространенным промыслом была рыбная ловля. В Смоленском уезде на оброке у владельческих крестьян и мещан было 37 озер и 10 верст по р. Днепр, в Дорогобужском — 4 озера и 32 версты по рекам, в Бельском — 5 озер и 23 версты по рекам и т. д. [101] Примерно такую же картину можно было увидеть в юго-западных уездах и в Калужской провинции.

Крестьяне занимались добычей рыбы в месяцы, не занятые сельскохозяйственными работами. Поэтому рыба свежая («уловная»), вяленая и соленая (чаще всего, снетки, щуки, лещи, сельди) поставлялась на местные рынки, как правило, с октября по март. Обычными были партии рыбы, поставляемые скупщиками, в размере двух-трех возов. Но по общему объему добычи рыбы исследуемые уезды не

могли соперничать с северными уездами (Новгородск
Псковским) и верхневолжскими (Осташковским, Ржевски
представители которых занимали все более прочные по
ции на внутреннем рынке и частично в русском рыбном э
порте.

Несколько меньшее значение, по сравнению с описан
ми выше промыслами, имела охота, добыча пушнины. З
вполне естественно, так как это занятие требовало и бо
ше времени, и наличия у крестьянина дорогостоящего пор
ха, ружей. Добывались традиционные для среднерусск
полосы виды пушнины: белки, лисицы, волки, куницы, за
цы, барсуки, норки, хори, горностаи. Скупщики поставля
меха на рынок. Так, в январе 1669 г. вяземский посадск
человек В. Везнин «явил» на местной таможне «40 лис
3000 белки, 15 сороков горностаев на 135 р.» [102]. Пушни
как правило, скупалась на западнорусских рынках литовск
ми купцами и вывозилась за рубеж.

Среди промыслов, связанных с обработкой сельскох
зяйственной продукции, пожалуй, наиболее распростране
ным был мукомольный. Во второй половине XVII — нача
XVIII в. обычным явлением была аренда крестьянами зем
ли «под мельничное строение» или самих мельниц (часто
«рыбными ловлями» или «сукновальнями») у своих и сосе
них помещиков или вотчинников и дворцовой администра
ции. Так, в 1673 г. помещик П. К. Безобразов сдал в аренд
береговую землю на р. Яченке в Калужском уезде кресть
нину К. Ларионову — крепостному Л. Л. Лаврова. «А нае
платить ему, Кондрашке, по полутору рублю» [103].

Насколько распространена была крестьянами аренд
мельниц, говорят документы дворцового хозяйства в Смо
ленском уезде. Видимо, желая пополнять казну с наимень
шими затратами, дворцовые чиновники отдают мельницы на
оброк «на урочные годы из строения». Это означало, что
оброк с крестьянина должен был взиматься через несколько
лет (чаще — 10—15). Этот кажущийся большим срок был
необходим не только для строительства мельницы и налажи-
вания ее работы, он также должен был создать у вступаю-
щего в договор видимость его выгоды — сделка-то добро-
вольная. А размер оброка колебался от 3 до 10 и более р.,
сумма, по тем временам, значительная. Среди крестьян,
арендовавших мельницы на таких условиях, называются
А. Пищуля, М. Сергеев, А. Мартинов, Р. Андреев, Т. Пищу-

ля. Последний арендовал сразу две мельницы с «рыбными ловлями»: на р. Тереховке и на р. Еленке.

Содержание мельниц далеко не всегда было прибыльным делом, особенно в западных уездах, где частыми были неурожаи хлеба. Кроме того, как жаловались откупщики Касплянской волости Смоленского уезда, «у многих крестьян построены колотовки». Больше 1/3 от общего числа мельниц в Комарицкой волости Севского уезда составляли также «меленки-колотовки» [104]. Таким образом, эти мелкие заведения ремесленного типа еще составляли конкуренцию развивающемуся мелкому товарному производству в мукомольном промысле.

Широко было распространено, особенно в южных уездах, винокурение. Помещики довольно часто винокурни предпочитали отдавать на оброк крестьянам. В некоторых, чаще крупных имениях, существовали одновременно помещичьи и крестьянские винокурни. Винокуренный промысел быстро развивался и в хозяйствах монастырских крестьян. В 1701 г. в Комарицкой вотчине Свенского монастыря 54 крестьянина имели 72 винокуренных котла, в 1732 г. котлов было 73 [105].

О широком распространении винокурения в первой четверти XVIII в. в западных и центральных уездах говорит тот факт, что среди повинностей и платежей крестьян нередко назывался оброк «по ведру вина с одного жеребья» [106]. Часть полученного вина крестьяне сбывали на «кружечные» (питейные) дворы.

В районах, где в изобилии выращивалась конопля, не могли не развиваться промыслы по обработке пеньки, в частности ее очистка. Конечно, крестьяне чаще продавали скупщикам пеньку «половую», чем чистую. Но как предмет экспорта больше ценилась последняя. Нередко и сами крестьяне продавали на местных рынках или вывозили за границу партии чистой пеньки. Таможенные книги 70-х гг. XVII в. содержат много таких примеров: крестьянин с. Катынь Аврамьева монастыря О. Филонов «явил» в Смоленске 10 берковцев чистой пеньки на 40 р., помещичий крестьянин д. Костюшковой Брянского уезда П. Иванов — 5 берковцев 5 пудов пеньки чистой и 6 берковцев 6 пудов пеньки половой — на 37 р., помещичий крестьянин д. Белорусой Смоленского уезда А. Степанов — 16 берковцев пеньки чистой — на 56 р., крестьяне д. Кузиной Смоленского

уезда Н. и К. Корасковы — более 33 берковцев — на 100 («за Литовский рубеж») [107].

Повсеместно было распространено ткачество, удовлетв рявшее в первую очередь нужды самого крестьянского хозя ства. Часть продукции крестьяне продавали купцам-ску щикам.

Практически во всех уездах исследуемого региона ле создавали благоприятные условия для развития заняти связанных с обработкой дерева. К тому, что было сказан об этих промыслах выше, можно добавить, что на продаж крестьяне производили также лапти, рогожи, на рынок ше тес, дрова и зола.

В широком смысле к неземледельческим занятиям мож но отнести извоз (крестьяне часто подряжались доставит на своих лошадях товары торговых людей или провиант дл армии), различные работы по найму и торговлю.

4. Связь крестьянского хозяйства с рынком

Во второй половине XVII — XVIII в. возрастает рол крестьянства в развитии внутреннего рынка России. Непо средственно на торжках и ярмарках страны продавцам сельскохозяйственной продукции выступали выходцы и разных социальных слоев, но именно крестьянство обеспе чивало аграрный рынок товарной массой. Заметное мест на внутреннем рынке занимали и изделия деревенской про мышленности.

По данным смоленских таможенных книг, в 70-х гг XVII в. на долю сельскохозяйственной продукции прихо дилось две трети всего товарооборота [108]. На первый взгляд, рынки пестрели многообразием сельскохозяйственных това ров. Здесь продавалась ржаная и пшеничная мука и зерно, гречиха, ячмень, овес, горох, ржаной и ячменный солод, пенька чистая и «половая», лен, конопляное и льняное мас ло и «семя», семена лука, чеснока, огурцов, хмель, крупно рогатый и мелкий скот, лошади, масло «коровье», свежее и соленое мясо, сало, кожи (шерсть, яблоки, груши, а так же рыба, мед, орехи и пр.

Однако более глубокий анализ источников показывает, что во второй половине XVII в. на западных и юго-запад ных рынках уже отчетливо определяется господство отдель ных видов сельскохозяйственной продукции. В западных уездах это — пенька. В разные годы она составляла в Смо-

ценске от 3/4 до 9/10 всего сельскохозяйственного товарооборота [109].

Примерно такую же картину открывают и вяземские и дорогобужские таможенные книги. Привоз пеньки здесь увеличивается год от года. Так, в 1674—1675 гг. в Вязьме было продано около 3230 пудов пеньки, в 1675—1676 гг. примерно 5 тысяч пудов, а в 1676—1677 — более 7900 пудов [110]. Конечно, были и периоды спада, связанного с неурожаями.

В XVII в. основным предметом торговли в юго-западных уездах было зерно — рожь и пшеница. За этим товаром приезжали многочисленные скупщики, в том числе из западных и центральных земель.

Во второй половине XVII в. центр хлебной торговли переместился из Севска в Брянск. Однако производственная база брянского рынка осталась та же, что и для Севска. Основная масса зерна поступала в Брянск из Комарицкой волости Севского уезда в Самовской волости Карачевского уезда. Привозили хлеб крестьяне Брянского, Рыльского, Орловского, Кромского, Мценского и других уездов. Отсюда зерно расходилось по всей стране [111]. В Брянск хлеб поступал партиями в несколько возов (в среднем семьдесять возов). В торговле зерном на брянском рынке крестьяне участвовали группами в несколько человек, что свидетельствует о продаже не скупщиками, а непосредственно самими производителями.

В XVIII в. значительно сократилась продажа крестьянами зерна, так как крестьянские хозяйства все больше стали производить коноплю, пользующуюся спросом у торговцев. С другой стороны, большое количество зерна шло на винокуренные заводы и на изготовление вина непосредственно в крестьянских хозяйствах, откуда вино шло на питейные дворы центра.

Уже во второй половине XVII в. на территории Брянского, Трубчевского, Карачевского, Рыльского и других уездов начинал формироваться крупный центр по производству конопли. Пенька, конопляное масло и семена имели большой спрос на рынке. Еще в первой половине XVII в. крестьяне Комарицкой волости и Брянского уезда изредка торговали в Белгороде и Курске пенькой и конопляным маслом. Таможенные книги 70-х гг. XVII в. свидетельствуют о возросшей торговле этими товарами. Так, только в 1671 г. в Брянск поставлено из ближних уездов 318 берковцев пеньки. В

1677—1679 гг. в брянской таможне было явлено на покуп
пеньки 2072 р. и 691 р. на покупку конопляного масла [112].
Начиная с конца XVII — первых лет XVIII в., в крест
янских хозяйствах росли площади посевов конопли. Мног
помещики переводили своих крестьян на выплату обро
пенькой. Крупным потребителем пеньки было государство
В Смоленске и Брянске пенька была основным экспор
ным товаром. Не случайно, например, скупщики пеньки
западных и юго-западных уездах получили в 1701—1703
до 80% ссуд от иностранцев (через русских купцов) [113].
К середине XVIII в. в хозяйствах западных (Смоле
ского, Вяземского, Дорогобужского, Бельского) и юго-запа
ных (особенно Брянского, Карачевского, Трубчевского) уе
дов конопля становится основной товарной земледельческо
продукцией.

Сказанное свидетельствует о том, что на рынке прои
ходит уже не простой обмен между городом и деревней. П
является специализация земледельческих районов, межд
ними развивается обмен.

В развитии товарности сельского хозяйства определе
ную роль играли местные скупщики — из числа служилы
посадских людей и самих крестьян. Чаще всего они скупал
хлеб, пеньку, мед, рыбу, продукцию животноводства. Толь
ко 25 января 1708 г. купец М. Евреинов закупил в Брянско
уезде «врознь» 1111 пудов пеньки чистой [114].

Многие крестьяне получали деньги наперед и, ка
правило, зимой должны были сдавать пеньку купцам. Но
основном отношения между скупщиками и производителям
приобретали примитивную форму натурального обмена, ко
да торговцы расплачивались с крестьянами (причем далек
не всегда честно) солью, железными изделиями, «москотиль
ным» товаром.

Немало скупщиков выделилось из крестьянской среды
чему в определенной степени способствовало имуществен
ное расслоение в деревне. Торговля могла стать постоян
ным занятием крестьянина в том случае, если достаточное
количество рабочих рук в его дворе позволяло ему освобо
диться от постоянной привязанности к земледельческому
труду, а также при условии достаточно высокого уровня
зажиточности хозяйства. Наконец и согласие феодала имело
здесь значение, ведь и торговые крестьяне были крепост
ными.

По-видимому, при наличии всех этих условий сложи-

лась и династия торговых крестьян Воронковых, принадлежавших Вяземскому Предтечеву монастырю. Старший брат — М. И. Воронков уже в 60-е гг. XVII в. занимался крупными торговыми операциями с пенькой; так, в 1667 г. он вместе с вяземским посадским человеком С. М. Блудовым явил в Вязьме 1412 пудов пеньки, выручив при этом 318 р. Впоследствии инициатива переходит к его младшему брату Л. И. Воронкову, который торговал в середине 70-х гг. в Смоленске и Вязьме мехами, красителями, предметами роскоши, а затем к сыну — И. М. Воронкову, привозившему уже только в Смоленск большие партии разнообразных товаров — от галантереи, бумаги, тканей до сох, наполков, лемешей — на сумму 180, 187, 70 р. и т. д. Мелким торговцем местного масштаба был и его брат В. И. Воронков, «явки» которого не превышали 6 р., а предметом его торговли были кожи и рыба (свежая и «просольная»).

Часть торгующих крестьян занималась регулярной скупкой у местных крестьян мелких партий пеньки и поставкой их на городской рынок. Но не только торговые крестьяне появлялись на городском рынке. Некоторые производители товарной продукции предпочитали обходиться без «услуг» скупщиков, и таможни регистрировали большое количество одноразовых крестьянских «явок». Большинство крестьян, особенно из ближайших к городу деревень, продавали свои «мелочные товары» на городских площадях, уплачивая мелкую пошлину в «ящик» (в западных уездах) или в «таргу» (в юго-западных). Среди «мелочных товаров» были кожи, лен, зола, хлеб, лапти, лыко, соль, пенька, рыба, мед, деготь, воск [115].

Крестьянство было, пожалуй, самым крупным покупателем на рынках небольших городов. Сама жизнедеятельность этих рынков зависела от присутствия на них крестьян. Если рассмотреть динамику товарооборота в таких городах, как Вязьма или Дорогобуж, то можно понять, что не только весенняя распутица (как это принято считать) приводила к замиранию торговли в уездах. Рынки фактически пустовали во все время страды в деревне, т. е. с апреля по август включительно. Сезонности сельскохозяйственных работ не подчинялись только такие крупные торговые центры, как Смоленск, но здесь в основном встречались крупные скупщики, обслуживающие внешний рынок и потребности богатой верхушки общества.

В начале XVIII в. в селах, расположенных на оживлен-

ных дорогах, крестьяне открывали харчевные избы, пекли и продажу калачи. Проживающие близ городов и ярмаро заводили лавочную торговлю. Так, крестьяне Свенского монастыря торговали из своих лавок на Свенской ярмарке в полавочной книге 1716 г. за ними записано 14 лавок, в 1732 г. — 10 лавок. В Брянске занимались торговлей кре стьяне двух пригородных слобод, которые по своим заня тиям и отдельным чертам быта были купцами, почти горо жанами и поэтому старались приписаться к посаду. Их попытка оформить свое фактическое положение натолк нулась на сопротивление помещика А. Гончарова, которо му они принадлежали. В середине XVIII в. на брянском по саде произошли вооруженные столкновения между людьми Гончарова и брянцами, вставшими на сторону торгующих крестьян. Правительство Елизаветы оставило крестьян в прежнем положении [116].

Настоящим бичом, гнавшим крестьянина на рынок или к скупщику, была государственная политика налогообложения и распространившаяся особенно в начале XVIII в. денежная рента. Крестьяне вынуждены были продавать не только излишки, но и необходимый продукт, что сдерживало расширенное воспроизводство в крестьянском хозяйстве, препятствовало превращению его в подлинно товарное. Однако феодальная эксплуатация лишь тормозила, но не могла остановить естественного процесса развития товарно-денежных отношений на основе товарного производства.

5. Подати и повинности крестьян

Освобождение западных русских уездов связывалось в сознании народных масс с социальными переменами, с уничтожением феодально-шляхетского социального, национального и религиозного гнета. Однако русское правительство не принесло в отвоеванные воеводства никаких социальных изменений. Земля и крестьяне остались в руках тех же феодалов, которые господствовали здесь в период оккупации, или были пожалованы русским боярам или помещикам из числа ратных людей. Прежние шляхтичи и новые помещики, стремясь быстрее восстановить разрушенное в результате военных действий хозяйство, усилили эксплуатацию крестьян. Крестьяне Любавичского городка, что близ Рудни, жаловались в 1654 г. царю Алексею Михайловичу, что начальные люди из его армии забрали у них скот и

хлеб, пожгли дома, схватили и отправили в свои имения вглубь страны их жен и детей и что сами они скитаются по лесам, погибают от голода и холода. Крестьяне ждали защиты, а их заставили «острог и всякие крепости делать, всякие панские хлеба сжать, да в скирды положить» [117].

С середины XVII в. и до начала следующего столетия в мелких и средних помещичьих хозяйствах, преобладавших в западных уездах в Подеснянском крае, дворовые люди вспахивали на господина небольшое количество земли. Крестьяне выплачивали натурально-денежный оброк. Но, как уже было отмечено, размер его далеко не всегда соответствовал возможностям крестьянского хозяйства.

В XVIII в. в положении помещичьих крестьян произошел ряд значительных изменений. В структуре крестьянских повинностей выросла роль барщины. В Смоленской губернии на оброке оставались крестьяне лишь немногих, преимущественно крупных землевладельцев. Под барскую запашку отводились лучшие по качеству земли, которых было сравнительно мало. В средних имениях господская пашня занимала до 20% посевной площади. В ряде уездов Подесенья доля барщины была различной: в Брянском — 75—77%, в Трубчевском уезде количество крестьян, работавших на барщине, составляло 58%, в Севском уезде — 33% [118]. На всем протяжении XVIII в. отработочная рента возрастала, увеличивалось количество барщинных дней. К середине столетия повсеместно установилась трехдневная барщина. Такое изменение в поземельной ренте было связано, по всей видимости, с подрывом крестьянского хозяйства как поставщика товарной продукции в предшествующем столетии. Кроме того, нельзя не учитывать и рост государственных податей крестьян: в первой четверти XVIII в. налоги увеличились в три-четыре раза.

Крестьяне большинства барщинных хозяйств не были, однако, освобождены и от других повинностей. Так, крепостные нескольких деревень Козельского и Мещевского уездов должны были уплачивать своему помещику Г. Г. Скорнякову-Писареву в год «кроме всякой работы и подвод... столового запасу з жеребья: по пуду свинова мяса, по гусю, по поросенку, по две курицы русских, по борану да по ведру вина; по 4 аршина посконных холстов, по пуду пеньки, да для покупки хмелю брали деньгами по два алтына з жеребья, да на покупку дров по 3 алтына по 2 деньги с жеребья...» [119].

Несколько иным было положение монастырских крестьян. По церковной реформе начала XVIII в. к неопределенным монастырям были отнесены и монастыри Смоленской епархии. Из них только Бизюков монастырь имел свою запашку и брал с крестьян денежный оброк. Даже приписанный к Бизюкому монастырю Сверколуцкий монастырь не имел своей запашки и получал с крестьян денежный оброк. Во второй четверти XVIII в. в земледельческом хозяйстве отдельных монастырских и церковных вотчин заметен, однако, рост барщины. В 1739 г. за Смоленским архиерейским домом была пашня 181 десятина в поле, или на 38% больше, чем в первой четверти XVIII в. Архиерейский дом имел в посеве 161 четверть ржи и 263 четверти яровых культур. За эти же годы увеличились посевы озимых и яровых культур и в Бизюкове монастыре с 93 четвертей до 221 четверти. К середине XVIII в. на барщину были переведены крестьяне Болдинского, Вяземского Предтечева и других монастырей [120].

Главными видами барщины во владениях Свенского монастыря были работы на пашне и покосах. Существовали барщинные повинности, не связанные с земледелием. Именно за их счет и росла барщина. Натуральный же оброк охватывал практически все стороны крестьянского хозяйства. В Комарицкой вотчине монастырские власти собирали с крестьян шерсть, мед, холст, масло, хлеб, неводные полотна, сети, деготь, грибы, хмель, яйца, раковые шейки, сушеную или соленую рыбу «и протчее, что от Свенского монастыря указано будет» [121]. Денежный оброк крестьяне Свенского монастыря платили в размере 1 р. с души.

Увеличивались денежные сборы с дворцовых крестьян. В Смоленской губернии с 1732 по 1754 г. их сумма возросла с 2929 до 14300 р., что объясняется не столько изменением курса рубля, сколько переводом крестьян на денежный оброк и увеличением норм обложения. На всем протяжении первой половины XVIII в. дворцовое ведомство собирало с крестьян также и натуральные оброки [122].

Для характеристики произвола сборщиков податей представляет интерес положение в Комарицкой дворцовой волости. Комаричане имели свое волостное самоуправление, состоявшее из старост и целовальников. Служба в выборных была выгодна и являлась предметом соперничества и борьбы. Официально старосты и целовальники получали от «мира» определенную сумму — «подможные деньги» (в середине XVII в. она составляла 10 р.). Основной же доход-

ной статьей их было «корыстование» от всевозможных сборов. Обогащаясь, старосты заводили «колесные большие мельницы» и винные варницы. «Некоторые ходят в старостах и в целовальниках многие годы, меж собою переменясь, без нашего, холопей ваших, мирского выбору», — жаловались комарицкие крестьяне правительству [123].

Деятельность выборных властей осложнялась вмешательством воевод и приказных людей из Севска. Этому способствовало переустройство волости на военный лад. Воевода, два дьяка и несколько подьячих разделили территорию волости и производили сборы с крестьян, как настоящие вотчинники. Сыскное дело 1690 г. раскрыло, что севские воеводы силами комаричан создавали свои крепостнические хозяйства крупных размеров. В этих владениях десятки крестьян возили лес, бревна, доски, кирпич, чинили мельничную плотину. Дьяк Жеденев поселил в д. Алексине «во крестьянех многих комарицких солдат неволею». Сыск о насилиях и грабежах воевод Неплюевых и Жеденева не улучшил положения крестьян. С 1693—1694 гг. воеводы ввели громадные сборы хлеба и продавали его, вывозя на Украину. Полный разгул грабежа воцарился при воеводе стольнике князе Л. Ф. Долгорукове. Только к рождеству он собирал с волости 400 пудов свинины, 2 тыс. гусей и 2 тыс. уток. Долгоруков с другими членами администрации разделил Комарицкую волость между собой для сбора доходов. Себе он взял Чемлыжский, Радогожский станы и Крупецкую волость, а дьякам отдал Брасовский и Глодненский станы. Когда комаричане отказались от выплаты денег, воевода послал в с. Брасово 500 стрельцов и запросил подкрепление в 150 стрельцов. В сентябре 1699 г. войска «шли в Брасово с огненным ружьем и бердышами». Население скрылось в лесу. Стрельцы захватили крестьянские пожитки, Брасово разорили и «выжгли огнем». После этого комаричане уплатили деньги. В 1700 г. в Комарицкой волости появились бурмистры. Они сидели в земской избе, производили все сборы, выполняли «расправные дела». Севские воеводы уже не должны были ни во что вмешиваться. Однако их произвол продолжался, так как должность бурмистра была выборной и воевода мог влиять на результаты выборов. Только в 1707 г. севские воеводы были полностью отстранены от управления волостью.

Тяжелое положение крестьян, особенно помещичьих, усугублялось враждой, земельными спорами, бытовавшими

часто между владельцами. Примером этому может служить происшествие, описанное в челобитьи смоленского рейтара М. Суходольского. В нем говорится о том, что в 1694 г. соседний помещик А. П. Лярский прислал в д. Мишино Смоленского уезда, принадлежавшую Суходольскому, своих дворовых людей и крестьян «больше ста человек», вооруженных пищалями и бердышами, «и покосили косами в той ево деревне ярового хлеба... на триста копен насилно и от этого он разорился вконец и крестьянам ево пить и есть нечево, с женами и с детьми бродят по миру, кормятца Христовым имянем...» [124]. Это — всего лишь один из многих случаев.

Бесправное положение крестьян позволяло помещикам-садистам безнаказанно издеваться над ними и отбирать у них саму жизнь. В марте 1747 г. в Малоярославецкую воеводскую канцелярию поступает жалоба крестьян сельца Кочетова на истязания их помещицей М. И. Бакеевой. Она после смерти «мужа своего чинила виликия насилия дворовым людем и крестьяном и бои смертные, от чего многия и померли». Крестьян и крестьянок помещица «брала к себе в горницу и била всех смертным боем поленам и ругательски рубила косарем, не объявя никакия вины...» [125].

Естественным ответом на тяжелый гнет и бесправное положение, издевательства феодалов была классовая борьба крестьян.

6. Крестьянское движение

Антикрепостническая борьба принимала разные формы — бегство холопов и крестьян из владений шляхты и русских помещиков, нападения крестьян на феодальные усадьбы, массовые выступления.

С лета 1654 г. основными очагами массовых крестьянских выступлений становятся самые западные волости Смоленского уезда с центрами в с. Микулине и Любавичи, а также близкая к ним Колесниковская волость Мстиславльского воеводства. Первые отряды шишей, как называли крестьян, поднявшихся на борьбу против произвола дворян и детей боярских, стали возникать в зоне военных действий или только что освобожденных русскими войсками районах [126].

Встревоженное первыми известиями о движении шишей русское правительство послало воеводе восставших волостей Л. И. Рожнову наказ, в котором говорилось: «А Люба-

вицкие и Микулинские волости крестьян, которые государю добили челом и веру дали, от служилых людей оберегать, и ласку и привет к ним держать, а государскою милостью их обнадеживать и говорить им, чтоб они под государскою высокою рукою жили без всякого сомнения, а к измене и ни к какому воровству не приставали и с литовскими людьми письмами и лазутчики не ссылались».

Однако воспрепятствовать углублению и расширению движения шишей местному воеводе не удалось. В первых числах января 1655 г. в Любавичскую волость пришло 600 человек литовских конных людей, к которым «пристали любавитцкие и микулинские и иных волостей мужики с 3000 человек». Они захватили находившихся на заставе русского служилого человека и 34 казака. В царской грамоте от 3 мая 1655 г. Л. И. Рожнову предписывалось послать в волости, села, деревни и по лесам на станы к крестьянам, чтобы восставшие приняли присягу и «вину свою принесли», сказать, что крестьянам, которые «добьют челом» и будут приведены к присяге, будет разрешено «жить на прежних их землях». Вместе с тем воевода должен был следить за тем, чтобы ратные люди всяких чинов «присяжных мужиков не побивали, жон и девок не позорили, животы их не грабили и никаких налог не делали».

В свою очередь смоленский воевода Г. Р. Пушкин направил в с. Мигновичи отряд солдат под командованием С. Рожнова «для оберегания» от шишей крестьян, т. е. новой вотчины царя Алексея Михайловича. «Прибрав» человек с 300 кадинских и других крестьян, С. Рожнов нанес у с. Самсонова шишам поражение, захватив много пленных и 4 знамени [127].

Весной 1655 г. движение шишей приобрело такой размах, что в Колесниковскую волость по царскому указу 28 мая была отправлена целая карательная экспедиция во главе с воеводой О. Щербатовым. Было установлено, что в районе Колесников в сборе было до трех тысяч шишей, что предводительствовал ими местный крестьянин Я. Потапов, который ходил с шишами в Смоленском уезде на острожки в Прудках, Черепове, Федорове, Васильеве, Прилепове и других селах [128], и что он еще во время Смоленской войны 1632—1634 гг. участвовал в движении Ивана Балаша, «был с шишами полковником», нападал на русские войска. После пленения Я. Потапова шиши начали постепенно переходить на сторону русских властей.

Распространенной формой крестьянского сопротивления были побеги (об основных направлениях их уже было сказано выше). Особенного внимания заслуживают побеги крестьян большими группами. На заставах часто происходили вооруженные стычки крестьян, бегущих за литовский рубеж, со стрельцами. При этом русским крестьянам нередко помогали торговавшие в России иноземцы. Так было и у д. Бутурлино Бельского уезда в 1668 г. Тогда витебские торговые люди на своих плотах перевозили крестьянские «жнвоты» (пожитки) и вступили вместе с беглецами в перестрелку со стрельцами [129].

Усиление эксплуатации в помещичьих имениях, в монастырских и дворцовых владениях, введение рекрутской повинности и подушной подати, отвлечение крестьян на строительство городов, крепостей и дорог вызвали в XVIII в. новые вспышки классовой борьбы.

В 1707 г. крестьяне вяземских деревень, принадлежавших Юхновскому монастырю, в течение нескольких недель не допускали «посыльных людей за сборами», а некоторых даже избивали.

В 1708 г., когда массовое движение на Дону приняло форму крестьянской войны, на Смоленщине в Дорогобужском и Вяземском уездах стали возникать повстанческие отряды. Подняв села и деревни группами численностью от 100 до 500 человек и больше, повстанцы двигались по направлению к Брянску, якобы на новое место жительства. Перед своим уходом они разоряли помещичьи дворы. Посланным против них воинским отрядам крестьяне оказывали вооруженное сопротивление [130].

В 1725 г. смоленский губернатор доносил правительству, что «крестьяне два раза многолюдством бежали за польский рубеж с бердышами и с рогатинами и с дубьем сильным». В неурожайном 1473 г. отмечалось массовое бегство дворцовых крестьян.

Много крестьян бежало из монастырских и помещичьих имений юго-западных уездов на Украину — в Стародубский и Черниговский полки. Ответной мерой правительства было усиление охраны границ. Для этого привлечены регулярные армейские части. В 1727 г. в Севске был учрежден специальный пункт для приема и рассылки беглых по их старым хозяевам. Количество перехваченных крестьян было настолько значительным, что помещики были вынуждены сами забирать их из Севска. Только в мае 1735 г. из Польши

вращено 10662 человека. Беглые охотно возвращались в чию, если их поселяли в казенные слободы. Переход в егорию государственных крестьян, видимо, заметно облег- их положение.

Одной из форм антифеодальной борьбы были крестьянские челобитные, в которых крестьяне жаловались властям на произвол помещиков или монастырской, или дворцовой администрации. Так, в 1739 г. монастырские крестьяне Невольской половины Комарицкой вотчины подали три челобитных на приказчика Савву Петрова. Он собирал с местного населения больше денег, чем было положено, брал для себя продукты сверх нормы, покосил мирские луга, вымогал взятки при направлении крестьян на государственные работы и пр.

В XVIII в. были частыми случаи неповиновения крестьян своим владельцам. В 1743 г. крестьяне и дворцовые люди г. Козлова Воротынского уезда «ни в чем не слушали», по жалобе помещицы А. И. Тургеневой, ни ее, ни посланных ею людей, «во всем чинились противны, имеющихся в том селе определенных прикащика и старосту отрешили, а выбрали самовласно в прикащики... дворового человека Ефима Макарова, в старосты — крестьянина Никиту Журавлева» [131].

В 1730—1740 гг. в Смоленской губернии действовали «разбойные» отряды. Против них посылались войска. В дворцовых деревнях в 1743 г. крестьяне отказывались платить оброк и работать на царской запашке. Обращая свой гнев на ненавистную администрацию, крестьяне одной из волостей «собравшись многолюдством к земской избе, вытащили управителя и били его смертным боем». Выступления продолжались около года.

В это же время крестьяне Брянского уезда, бежавшие от своих помещиков, собирались в группы по 30—50 человек и делали набеги на старое место жительства, чтобы взять оставленное имущество, снять засеянный ими урожай, ограбить помещика.

Крупные волнения вспыхивали в юго-западных уездах в середине XVIII в. В 1749 г. в имении графини Чернышовой под руководством крестьян Башкирцева, Михайлова, Кислого собралось около 3 тыс. человек. Вооруженные оружьями, шпагами, рогатинами и дубьем крестьяне разгромили три винокуренных завода графини и господские дома в слободе Бабинец и в с. Радогощь. Некоторые управляю-

щие поплатились своими головами. Вместо них восставш выбирали новых старост и сотских [132].

Несмотря на стихийность и неорганизованность, крест янское движение второй половины XVII — первой половин XVIII в. наносило чувствительные удары по крепостно хозяйству, обнажало классовый характер политики царизм оставило заметный след в истории многовековой антифе дальной борьбы крестьян Смоленщины, Брянщины и Калуж ского края.

ГЛАВА 8

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

Со второй половины XVIII в. в России началось разло жение феодально-крепостнической системы и формирова ние капиталистического уклада. К этому времени западно русские земли были густо заселены разными категориями населения. В Калужской губернии, по данным V ревизии (1795 г.), всех жителей было 383,8 тыс., в том числе крестьян — 357,2 тыс. (93%), в Смоленской — соответственно 477,9 и 440,4 (92,1%). Среди крестьян преобладали помещичьи, в Калужской губернии их численность достигла 293,8 тыс. человек, или 82,2% ко всему крестьянскому населению, в Смоленской губернии 354,5 тыс. — 80,5%. Значительную прослойку в населении составляли государственные и отчасти удельные крестьяне. По X ревизии (1857 г.) общая численность крестьян в Калужской губернии возросла до 396,2 тыс., в Смоленской — убавилась до 462 тыс. человек, помещичьи крепостные по-прежнему преобладали: в Калужской губернии они составляли 72%, в Смоленской — 79,4% [1]. Примерно такое же положение было в тех уездах Орловской и Черниговской губернии, которые составили впоследствии Брянскую область.

Расширение господской запашки под влиянием развития товарно-денежных отношений, включение в хозяйственный оборот новых земель в условиях мелкоконтурности полей и невысокого уровня культуры полеводства вызвало возникновение новых поселений. В то же время рост товарности хозяйства вызывал второй, прямо противоположный первому, процесс — сселение отдельных деревень. В результате

...лось число крупнонаселенных барщинных деревень ...одновременном увеличении их общего числа, что объ...лось попытками помещиков более рационально исполь...ать даровую рабочую силу, приблизить ее к господской ...ашке.

Поселения

Преобладающими типами сельских поселений оставались село, сельцо ...ревня, но еще сохранились как поселения слободы, по...ты и городки.

В Смоленской губернии генеральным межеванием было ...тено 454 села, 2210 селец, 8219 деревень; отмечено также ...слобод и 110 погостов. В Калужской губернии насчиты...лось 493 села, 963 сельца, 2044 деревни, 19 слобод и 142 ...ста. Источники особо выделяют пустоши, увековечив...ие своими названиями когда-то существовавшие села и ...евни. В Смоленской губернии их насчитывалось 2698, в ...ужской — 3830. В списке населенных мест Смоленской ...ернии 1858 г. зафиксировано 11485 сел, селец, деревень ...434 хутора, фольварка, мызы и выселка [2]. В Калужской ...ернии в 1860 г. отмечены 1 местечко, 552 села, 855 селец, ...24 деревни, 24 слободки, 155 хуторов и прочих мелких ...ельских поселений (в источнике не расшифрованы) [3]. Про...сс приближения крестьянских поселений к месту прило...ения крестьянского труда прослеживается в топонимике, ...о сих пор сохранились названия Новоселки, Починки, Вы...елки. Развитие Бельской, Гжатской и Поречской приста...ей, через которые из десятилетия в десятилетие рос сбыт хле...а, пеньки, других сельскохозяйственных продуктов и сплав ...леса, способствовало возникновению десятков крупных по...елений вдоль р. Гжать, Вазуза, Западная Двина, Каспля.

Новые сельские поселения возникали и в связи с обра...ованием промышленных предприятий. В 1774 г. вяземский ...упец Венедикт Фатов основал в Юхновском уезде на аренованной у казны пустоши Ильи Жадинского мануфактуру по производству кос-литовок. Екатерина II в 1797 г. пожаловала предпринимателю 25 пустошей с казенной землей в Вяземском, Дорогобужском и Юхновском уездах общей площадью 18939 десятин, преимущественно леса. В. Фатов приобрел на своз свыше 540 душ обоего пола крестьян, из которых 37 семейств были поселены на пустоши Ильи Жадинского, образовав с. Хватов-завод. Остальные образовали девять новых деревень, получивших наименование тех пустошей, где они возникли [4].

Сопоставления экономических примечаний 1781 г. с
иомическими примечаниями к Атласу 1804 г. обнаруж
сселения деревень в связи с созданием на их месте п
щичьих скотных дворов. Так, в имении помещика Смо
ского уезда Осипа Коровина в 1804 г. значится «скот
двор, что при межевании была д. Ледомщина». В том
уезде Ляшевич-Бородулич построил скотный двор на м
д. Заброцкой, Е. Вонляр-Лярская на месте д. Дубро
И. Рачинский и Я. Гедеонов — на месте д. Лубни. В Б
ском уезде скотные дворы на месте деревень заведены б
помещиками П. Богдановичем, А. Баратынским, М. Ко
товской, М. Рачинским, В. Засекиным. Здесь были уничто
ны д. Сафоново, Боярышково, Мошкино, Шликово, Леон
Нероново и сельцо Каменка и т. д. Для скотных дворов вы
рали лучшие места, расположенные на берегах рек, с уд
ными водопоями и хорошими выгонами.

Размеры поселений и их людность примерно соответ
вовали. Во всем регионе преобладали деревни до 10 д
ров и с населением до 100 человек. В Смоленской губерн
в 1859 г. было учтено 1112 поселений с одним двором, 1011
с двумя, 2863 — с 3—5 дворами и 3464 — с 6—10 дворам
Свыше ста дворов имели лишь два сельских поселения
При этом в уездах с преобладанием барщины число крупн
населенных деревень сокращалось, а в оброчных возраста
По данным экономических примечаний Генерального меж
вания и списка населенных мест 1859 г. в Дорогобужско
уезде число населенных мест, насчитывавших свыше 25 дв
ров, сократилось с 35 до 16, в Краснинском — с 57 до 26,
Смоленском — с 26 до 15. В то же время в Гжатском уезд
возросло с 19 до 140, в Сычевском — с 23 до 66, Юхно
ском — с 57 до 99.

Помещичьи крестьяне

Как уже сказано, большинств
крестьян в регионе принадлежал
дворянам-помещикам. Численност
их изменялась. Факторы, влиявшие на этот процесс, ярк
отразились в Смоленской губернии. С III по VI ревизию чис
ло крепостных душ м. п. возросло здесь с 266,3 тыс. до
374 тыс., а с 1811 по 1815 гг. (VII ревизия) сократилось на
26211 человек. В 1830 г. показано 330,9 тыс. душ м. п., в
1838 г. уже 380 тыс. — на 15% больше. В дальнейшем
вплоть до 1857 г. (X ревизия) идет сокращение — на 3,6%,

ло в два раза превысило величину общего сокращения муж-
ского населения губернии.

Было несколько причин этого сокращения. Главная из
их — урон хозяйству, нанесенный Отечественной войной
812 г., численность населения сократилась во всех уездах,
кроме Бельского, Ельнинского, Поречского и Рославльско-
го. В Краснинском уезде до 1812 г. числилось 7336 крестьян-
ских дворов, а после войны было учтено 578 сожженных и
38 дворов вымерших [6]. Уровень кануна войны здесь не был
достигнут во все последующее время.

Калужская губерния, т. е. уезды Орловской и Черниговской губерний, которые составили позже Брянскую область, испытали бедствия войны в гораздо меньшей степени, урон хозяйству и населению был тут менее значительным. Здесь одна из причин того, почему в этих местах численность крестьянского населения продолжала расти.

Обременительны были рекрутские наборы. За счет их, по подсчетам Я. А. Соловьева, только в период между 1833 и 1850 гг. (VIII и IX ревизии) население Смоленской губернии уменьшилось на 28316 человек. Д. Д. Неелов, интересовавшийся динамикой населения за более длительный период времени, установил, что за 34 года с VII по IX ревизию Смоленская губерния поставила 58632 рекрута, что составило примерно четвертую часть работников [7]. Рекрутская повинность лишала деревню лучшей части тягловых работников.

На 3533 человека население сократилось в результате переселения в другие губернии. Влияли вспышки эпидемий холеры и других болезней, периодически повышавших смертность населения. Рождаемость населения сокращалась, а смертность возвышалась в годы неурожаев и голода. За 16 лет, разделяющих VIII и IX ревизии, отмечено семь общих неурожаев (1835, 1840, 1841, 1844, 1845, 1846, 1850 гг.) [8].

На динамику крепостного населения влияли пожалования и конфискации населенных земель. Они отмечены главным образом на рубеже XVIII — XIX столетий. По указам Павла I перешли во владение разных помещиков до 5 тыс. душ м. п. в Поречском уезде. Из них 2 тыс. душ пожалованы были из Касплянской удельной волости графу М. В. Каховскому [9]. Дворцовое с. Досугово Краснинского уезда (свыше 1000 душ м. п.) было пожаловано князю И. А. Шаховскому [10].

Некоторое уменьшение численности помещичьих крестьян произошло за счет освобождения дворовых от крепост-

ной зависимости. В период между VIII и IX ревизиями з
чительное сокращение числа дворовых м. п. отмечено
Смоленском (на 1139 душ) и Бельском (на 1065 душ) у
дах, а по всей губернии — 6012 душ м. п., или 20,2% и

Вопрос о соотношении между рождаемостью и смерт
стью оказался для анализа особенно сложным, вследств
недостаточной надежности источников. Очень приблизите
ные демографические данные отчетов губернатора говор
о том, что в период Отечественной войны 1812 г. (1812
1813 гг.) и в 1848 г. число умерших было выше числа роди
шихся. Ведомости о среднегодовых данных рождаемости
1840—1850 гг. показывают, что число родившихся в эти г
ды в среднем превышало число умерших на 10413. Средн
губернский процент превышения рождаемости над смер
ностью составлял 30,5, а в отдельных уездах он был знач
тельно выше этой цифры: в Бельском — 40,9, Ельнинском -
36,6, Поречском — 35,1, Юхновском — 33,8.

Некоторому увеличению численности крепостного насе
ления способствовали переселения. Так, за время с 1835 п
1852 гг. включительно помещики переселили из Смоленско
губернии 2669 душ обоего пола, а в Смоленскую губернию -
4892 души. Разность составила плюс 2223 души обоего
пола [12].

Сохранившиеся в вотчинных фондах ревизские сказки
и другие демографические материалы характеризуют изме-
нения, вызывавшиеся и другими факторами: приобретения и
продажи крепостных, ссылки, побеги и т. д.

Н. Г. Чернышевский, анализируя «Сельскохозяйственную
статистику» Я. А. Соловьева, пришел к выводу, что на росте
населения отрицательно сказывались «препятствия в произ-
водстве жизненных средств» и что из всех сословий больше
других его испытывали помещичьи крестьяне [13]. Обоснован-
ность этого вывода покажут приведенные ниже данные о
положении помещичьего крестьянства.

Государственные крестьяне

Процесс формирования сословия государственных крестьян в крае, по сравнению с другими районами, имел свои особенности. Если на севере Европейской России, Урале и Зауралье эта категория крестьян сложилась почти при полном отсутствии крупного помещичьего землевладения, то в западнорусских губерниях развитие крупного дворянского землевладения в XVII — XVIII вв. сильно сказалось на этом процессе. В середине XVIII в., помимо

помещичьих крестьян, остального сельского населения здесь было не более 20% [14]. В названных выше районах основную группу среди государственных крестьян составляли бывшие черносошные, а в Смоленской и смежных с нею губерниях — однодворцы, пушкари, воротники, рейтары, драгуны, солдаты, дети боярские, затем отряд государственных крестьян пополнился за счет экономических крестьян, ямщиков, цыган, крестьян смоленских купцов и мещан, вольных хлебопашцев, в небольшой доле и за счет частновладельческих крестьян.

К середине XIX в. самую большую группу в составе государственных крестьян края составили бывшие удельные крестьяне, попавшие в разряд государственных в результате симбирского обмена. Положение удельных крестьян катастрофически ухудшалось [15], недовольство стало повседневным и в 1828 г. приняло характер восстания, непосредственным поводом которого явилось введение общественной запашки. Все более настойчиво проявлялось стремление к свободной хозяйственной деятельности, особенно тех из них, которые проживали вблизи торговых путей и промысловых центров. Все это привело к тому, что в 1835 г. Николай I решил произвести так называемый «симбирский обмен». Царский двор получил владения в плодородном районе, удаленном от пограничного рубежа. А смоленские удельные крестьяне (большинство их жило в Поречском уезде — до 20 тыс. душ м. п., остальные в Духовщинском — до 10 тыс. душ и отчасти в Краснинском, Гжатском, Сычевском, Юхновском, Ельнинском, Бельском, Дорогобужском и Смоленском уездах) официально были переданы в казенное ведомство. Та же участь постигла и калужских крестьян.

Вторую по численности группу в составе государственных крестьян составляли бывшие экономические, категория которых образовалась в результате секуляризации церковных и монастырских имений (1764 г.). В их число поступили и описанные в 1831 г. бельское имение Борейши (53 души) и 984 души Комиссии сооружения в Москве Храма Спасителя (последних в 1850 г. было 1034 души).

Однодворцы, пополнившие отряд государственных крестьян, имели русское и польское происхождение. Для защиты границ московские и польские государи устраивали своеобразные военные поселения. Служилые люди в них часто вместо жалованья получали земли с двором (отсюда и название однодворцы). Предками русских однодворцев

были люди старых служб: стрельцы, пушкари, воротни
рейтары, драгуны, солдаты, дети боярские [16]. Число однодво
цев только в Смоленской губернии по I ревизии составля
1211 душ м. п., по III — 1618.

Однодворцы польского происхождения вели свое нача
от шляхты и грунтовых казаков. Последние были поселен
польским правительством в XVII в. в Дорогобужском уез
для охраны дорогобужского замка. За службу им жалов
лось по 4 волоки земли на коня, а всего на 100 коней 4(
волок (до 8 тыс. десятин). После присоединения Дорогобуж
ского уезда к России грунтовые казаки оставались на свои
хотя и урезанных землях [17]. Во время Генерального межева
ния их числилось 352 души м. п. [18] В однодворческий соста
влился и сформированный из смоленской шляхты в 1765 г
Смоленский ландмилицкий полк.

С 1783 г. однодворцы стали одним из разрядов государ
ственных крестьян, ибо были уравнены в несении податей и
повинностей с казенными крестьянами. Некоторые из одно
дворцев, предки которых принадлежали к детям боярским
владели крестьянами. Их было немного.

Следующей группой, входившей в состав государствен
ных крестьян, были ямщики. Во время Генерального межева
вания их отмечено 1510 душ м. п. [19] Численность их, по сути
дела, не менялась на протяжении первой половины XIX в.
Жили они в Дорогобужском, Духовщинском, Смоленском,
Вяземском уездах в так называемых ямах, причем подав
ляющая часть их — в Пневском обществе Духовщинского
уезда, близ Соловьева перевоза на Днепре (988 душ). Вмес
то оброчной подати и земских повинностей ямщики отправ
ляли натурою почтовую повинность, которая с каждым го
дом становилась все обременительнее. Со второй половины
1850 г. ямщики были переведены в состав государственных
крестьян.

В сословие государственных крестьян входили и так
называемые свободные или вольные хлебопашцы. Свобод
ных хлебопашцев (с 1847 г. их называли крестьянами, вод
ворenными на собственных землях) было немного, указ 20
февраля 1803 г. не нашел широкого распространения. Первое
его реальное применение относится к 1830 г. По сведению
казенной палаты, к 1858 г. в Смоленской губернии насчиты
валось 1614 крестьян, поселенных на собственных землях.

Сравнительно небольшую группу составляли крестьяне
смоленских купцов и мещан. История этих крестьян нача

лась еще в XVII в., когда указами польских королей смоленской ратуше и смоленскому войтовству были отведены земли с крестьянами. Русские цари закрепили эти земли и крестьян за их владельцами, а в 1746 г. предоставили право покупать крепостных у помещиков, однако без земли и не целыми деревнями. Во время Генерального межевания у купцов Смоленска находилась во владении 241 душа. V ревизия отметила 271 душу м. п. и 298 душ жен. п.[20]

Значительной прослойкой в государственной деревне являлись бывшие частновладельческие крестьяне: во-первых, обращенные в казенное ведомство по неимению правопреемников владеть крестьянами (в Смоленской губернии выявлено 13 случаев с 177 душами м. п.); во-вторых, крестьяне выморочных имений (за 10 предреформенных лет обнаружены сведения о 6 таких владениях с 209 душами м. п.[21]); в-третьих, крестьяне имений, переданных в казну за долги различными кредитными учреждениями. Имения эти приобретались обычно после безуспешных публичных торгов или по соглашению с прежними владельцами на условии принятия казной долга на себя. Первые упоминания о таких сделках относятся ко второй половине XVIII в. В начале XIX в. в состав государственных крестьян влились 125 душ, отписанных от разных помещиков. Этот процесс усилился накануне отмены крепостного права, преимущественно в 1858—1859 гг.

В состав государственных вошли крестьяне генерал-майора Бахтина, пожертвованные им на учреждение в г. Орле кадетского корпуса. По передаточной ведомости 1839 г. их числилось 357 душ м. п. (Рославльский уезд). IX ревизия учла 431 душу, X — 467 душ[22]. Оброчная подать этих крестьян шла в пользу Орловского кадетского корпуса.

В казенных селениях жили низшие воинские чины, являвшиеся фактически государственными крестьянами. В 1852 г. в Смоленской губернии их числилось 702 души м. п., в 1861 г. — 1986 душ[23]. Основная их масса занималась земледелием. Таким образом, государственная деревня объединяла различные отряды сельского населения и постепенно увеличивалась в количественном отношении, по сравнению с концом XVIII в. численность государственных крестьян возросла примерно на 22%.

Государственные крестьяне занимали промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными людьми. Они признавались субъектами гражданского и пуб-

личного права и в то же время целиком зависели от фе
дальной государственной власти.

В государственной деревне проявлялись две противо
борствующие тенденции социально-экономического развити
С одной стороны, государство постоянно стремилось ра
ширить и усилить феодальную эксплуатацию этой категори
земледельцев. С другой, — оно оказывалось вынужденны
под влиянием социально-экономических процессов, в первую
очередь развивающихся товарно-денежных отношений, ра
ширять их права, в частности торговые. Указ 1745 г. раз
решил крестьянскую торговлю, но ограничил ее географи
чески и товарами, которые отвечали сельским потребнос
тям: сохами, серпами, косами, топорами и т. д. Таможенны
устав 1755 г., манифест 1801 г., законы 1808 и 1812 гг. зна
чительно расширили ассортимент крестьянских товаров
Указы 1814, 1815 и особенно 1824 гг. устранили последни
ограничения в крестьянской торговле, а указ 1827 г. урав
нял стоимость крестьянских свидетельств с купеческими [24]
Указами 1810—1812 гг. государственные крестьяне допуска
лись к торгам на содержание почтовых станций.

Государственные крестьяне обладали определенными
промысловыми правами. Указы 1775, 1806, 1818, 1826 гг. раз
решили им «заводить станы и рукоделья», фабрики и заво
ды [25].

Одновременно с расширением торговых и промысловых
прав на государственных крестьян был возложен ряд обя
зательных прав. Так, закон 1811 г. обязал крестьян участ
вовать в подрядах, которыми не занимались купцы (исправ
ление печей, очищение от нечистот и др.). Закон 1825 г.
предоставил крестьянам право давать и получать денежные
обязательства.

Учитывая развивающиеся товарно-денежные отношения
и интересы помещиков, государство дало возможность кре
стьянам владеть собственностью, в том числе земельной.

По сравнению с крепостными, государственные крестья
не имели право более свободного передвижения по терри
тории страны. Отлучка не далее 30 верст от места житель
ства была разрешена без всякого документа. В 1826 г. были
значительно ограничены аресты и ссылки в Сибирь отлучаю
щихся без паспортов крестьян. В этом же году кроме долго
срочных паспортов (на один, два, три года) были введены
полугодовые паспорта, а затем (в 1827 г.) — трех- и двух
месячные билеты. Стоимость паспортов и билетов была до

вольно высокой. И только в особо неурожайные годы специальными Положениями Комитета министров производилась безденежная выдача паспортов и билетов. Так было, например, в 1833 и 1844 гг. [26]

Государственные крестьяне могли переходить в другие сословия. Однако до 1824 г. этот переход был связан со многими ограничениями: в каждом случае требовалось специальное разрешение Правительствующего сената; взимание податей производилось по двум званиям в течение трех лет, а в случае переселения — по двум губерниям; препятствием служила рекрутская очередь; требовалось согласие двух обществ (откуда крестьян отчисляли и к которому причисляли). Указ 1824 г., а затем 1831 г. несколько упростил процедуру перехода в другое сословие, но полностью ограничения не были устранены. Так, при раздроблении семьи требовалось согласие общества на это и гарантия обеспечения средствами пропитания для остающихся в деревне. Остались двойные годичные подати.

Земельное обеспечение государственных крестьян было неравномерным. Так, в Черниговской губернии, в том числе в ее «брянских» уездах Новозыбковском, Суражском и Мглинском, ревизоры нашли «несоразмерно малое количество земли по числу душ; земли большей частью бесплодной и неблагодатной почвы». В частности, в Суражском уезде казаки и государственные крестьяне, жившие чересполосно с помещичьими, имели «весьма скудные дачи» и существовали только тем, что пахали «со снопа» земли соседей. Неудивительно, что жили суражские крестьяне скудно: многие круглый год ели хлеб с мякиной, купить фунт говядины считалось исключительной роскошью и мотовством. Весной, когда продукты подходили к концу, деревня кормилась щавелем и другой зеленью, приправляя ее свекольным рассолом или квасом. В неурожайные годы положение становилось еще более трагичным, «тогда приходилось прибегать к займам за ростовщические проценты, закладывать одежду, продавать скот и собственными руками разорять зыбкую основу традиционного хозяйства» [27].

Были среди государственных крестьян и зажиточные, главным образом в промышленных, в частности пригородных районах. Так, 5 дворов выселенцев, обосновавшихся в 27 верстах от Калуги по дороге на Мещевск, имели достаточные средства, чтобы приобрести собственную землю (до 150 десятин). На приобретенной земле заводилось усовер-

шенствованное полевое хозяйство, при каждом доме были обширный огород и фруктовый сад. Часть земли под доходными усадьбами давало осушение болот. Овощи и фрукты сбывались на рынке в ближайшем городе[28].

Эти примеры наглядно свидетельствуют о том, что среди государственных крестьян наблюдалось довольно резкое классовое расслоение. С одной стороны, суражские крестьяне, еле-еле сводили концы с концами, с другой, — богатые калужские выселенцы, несомненно, использовавшие в своем хозяйстве наемную рабочую силу.

Подведем итог сказанному. В условиях развивающихся капиталистических отношений государственные крестьяне все больше и больше освобождались от феодальных ограничений, но подлинно «свободными сельскими обывателями», каковыми они были названы в Своде закона Российской империи[29], они не стали. Закон не закрепил за каждым крестьянином в отдельности его принадлежности к сословию «свободных обывателей».

Государственные крестьяне являлись неполноправным податным сословием феодальной России. Они подвергались телесным наказаниям, их можно было ссылать в Сибирь по приговорам сельского общества, принудительно переводить в другое сословие. Если государственные крестьяне оказывались в бегах или отыскивались из бегов, то стиралась всякая грань между помещичьими крепостными и «свободными сельскими обывателями»; самовольно отлучившиеся государственные крестьяне приравнивались к беглым крепостным. Таким образом, полными экономическими, юридическими, правовыми, семейными нормами государственные крестьяне, как и другие податные сословия феодального государства, не обладали.

Удельные крестьяне

После 1797 г., когда дворцовые волости были преобразованы в удельные имения, в Западном районе появилась категория удельных крестьян, принадлежавших царской семье Романовых. Удельные крестьяне были ограничены в правах. Они не могли по собственной воле менять места жительства, производить семейные разделы, свободно переходить в другие сословия, заключать браки с лицами из других «званий», самостоятельно приобретать недвижимую собственность, участвовать в суде и др. Однако их запрещалось продавать, они находились на денежном

оброке и были освобождены от натуральных повинностей в пользу своих владельцев.

В 1800 г. в Западном районе (Калужская, Смоленская и Орловская губернии) проживало около 80 тыс. душ м. п. удельных крестьян, что составляло около 17% всего их количества в империи.

Хозяйственная деятельность удельных крестьян имела некоторые отличия: в Смоленской губернии и брянских уездах, Орловской и Черниговской губерниях они занимались в основном земледелием, в Калужской — промыслами и работами по найму. На протяжении первой половины XIX в. земледелие постепенно отступало на задний план и первенствующую роль приобретали промыслы.

Наделы крестьян еще в конце XVIII в. были недостаточны даже для удовлетворения их личных и внутрихозяйственных потребностей, не говоря уже о возможности производства товарной продукции. В 1800 г. в Смоленской губернии на душу м. п. удельных крестьян приходилось 4,34 десятины земли, а в 1834 г. — 3,61, в Калужской губернии соответственно 4,47 и 3,58 десятины [30]. На протяжении первой половины XIX в. вследствие роста численности населения удельной деревни, а также в результате введения общественной запашки и поземельного сбора душевое землевладение еще более уменьшилось, что явилось одной из причин перестройки крестьянских хозяйств, о которой только что было сказано.

Посев и сбор хлеба в расчете на наличную душу обоего пола в большинстве селений постепенно уменьшались. Выращенного в своих хозяйствах хлеба хватало всего лишь на шесть-семь месяцев. Тем не менее многие удельные крестьяне были вынуждены часть его продавать в осенне-зимнее время, чтобы получить деньги для уплаты феодальных податей, а весной брать под проценты или в запасных магазинах своего ведомства, или же у богатых односельчан [31].

Структура посевов зерновых культур в первой трети XIX в. оставалась стабильной, затем начала постепенно изменяться в связи с увеличением площадей, занимаемых коноплей, которая давала в 1,3—1,5 раза больше дохода с одной десятины, нежели озимая рожь или гречиха.

Сокращение надельного землевладения и производства хлеба уменьшало и поголовье скота в хозяйствах удельных крестьян, что имело крайне отрицательные последствия для наиболее бедных из них. В 1800 г. в расчете на 100 душ обоего пола в Калужской губернии приходилось 48 лошадей,

46 голов крупного рогатого скота, 119 овец, а в 1834 г. ... ответственно 41,40 и 82. Примерно такие же показатели и по Смоленской удельной деревне. Накануне крестьянской реформы в удельной деревне около 8% их вообще не имели ни лошадей, ни коров, ни овец.

Удельные крестьяне исполняли те же повинности, что помещичьи и государственные крестьяне: платили оброк владельцам, выполняли государственные и земские повинности, производили сборы на «мирские расходы». Оброк с них взимался по классу губерний. В период с 1803 по 1809 г. департамент уделов несколько раз повышал их классность, а в 1810 г. ввел ее еще и по уездам. Вследствие этих манипуляций душевые оброки только на протяжении первой трети XIX в. увеличились более чем в два раза [32].

В период с 1829 по 1834 гг. в удельных имениях был введен поземельный сбор, который разорил многих крестьян Калужской и Смоленской губернии, что и послужило основной причиной сдачи их в казну в 1835 г.

Состав казенных и земских повинностей удельных крестьян был в основном тот же самый, что у государственных и помещичьих крестьян. Отличие заключалось лишь в том, что с них не назначались сборы на содержание тех заведений, которые не были связаны с удельными имениями: канцелярий уездных предводителей дворянства, губернских продовольственных комиссий и т. п. Эти сборы непрерывно возрастали и к 1863 г., по сравнению с 1797 г., увеличились в 8,4 раза только в виде сбора денег, не считая исполнения их натурой: поставок лошадей, ремонта дорог и мостов, квартирного постоя и т. п.

Мирские сборы подразделялись на постоянные, повсеместные, единовременные и частные. Повсеместные и постоянные сборы раскладывались на всех удельных крестьян уравнительно и расходовались на жалованье приказным половам, старостам, писарям и «добросовестным»; содержание самих приказов, поставку лошадей для разъездов удельных чиновников. Единовременные сборы производились в группе приказов и расходовались на снаряжение рекрут, строительство и ремонт лечебниц, образцовых усадеб и т. п. Частные сборы взимались с жителей одного или нескольких удельных селений и шли на постройку церквей, пожарных сараев, школ и богаделен.

В совокупности все виды повинностей удельных крестьян Западного района в первой половине XIX в. увеличились в

3,8 раза, а доходы возросли лишь на 20—23%[33]. Следствием этого были значительные недоимки.

Увеличение налогообложения при одновременном сокращении надельного землевладения, малых темпах роста доходов, усиливавшемся бесправии и чиновничьем произволе вынуждало удельных крестьян не только перестраивать свои хозяйства, но и вступать в борьбу против эксплуататоров. Формы их антифеодальных выступлений были те же самые, к каким прибегали помещичьи и государственные крестьяне: отказы уплачивать удельный оброк и поземельный сбор, выполнять работы по общественной запашке, неповиновение удельным властям и т. п.

Как уже сказано, по симбирскому обмену 1835 г. удельные крестьяне региона перешли в состав государственных крестьян.

Реформа П. Д. Киселева

До симбирского обмена крестьяне управлялись различными ведомствами: удельными ведала удельная контора и приказы, государственными — казенная палата и волостные правления, составлявшие нижний ярус всей системы управления казенными поселениями. Волостному правлению подчинялись и однодворцы, которые жили станами.

Приказное в удельной и волостное в казенной деревне начальство ведало всей жизнью крестьян: производило и контролировало раскладку податей и натуральных повинностей, разбирало крестьянские споры, вникало даже в семейные отношения. Крестьяне находились в полной зависимости от приказного или волостного головы, сельского старшины, десятского, писаря. Особенно широки были права приказного головы, который мог оштрафовать, наказать, заставить вне очереди выполнять натуральные повинности и т. д. Все должностные лица считались выборными, но эта выборность была чисто формальной. Осуществлялись выборы под строгим наблюдением чиновников. Кого выбирать, заранее определялось вышестоящей инстанцией. Были случаи «проведения выборов» и без согласия крестьян.

Обладая огромной властью, должностные лица чинили произвол над крестьянами, грабили их, использовали власть в целях личного обогащения. Чиновники центральных учреждений слабо контролировали работу своих низших звеньев. На местах процветали злоупотребления, являвшиеся нормой жизни. Приведем всего один пример. В 1842 г. в с. Буяновичи Калужской губернии сгорело 26 домов. Первоначально

«погорельцам было предположено выдать по 100 р. ассигнациями. На основании определения Палаты пособие было установлено в размере 28 р. серебром» (сумма, примерно равная 100 р. ассигнациями. — *Ред.*), эти деньги Казенной палатой действительно были выделены. Но вопреки закону местное начальство решило сократить пособие до 18 р. (разница предназначалась для погорельцев другого села). «Крестьяне расписались в получении 18 р., но получили на руки только по 17 р., остальные деньги исчезли в недрах окружного управления» [34].

Нарастающий кризис феодально-крепостнической системы, вызванный развитием капиталистических отношений и обострением классовой борьбы, заставил царизм принять меры для укрепления своих позиций. Приспособление к новым отношениям легче осуществлялось в государственной деревне. Её опыт использовался в преобразовании помещичьей деревни, оставляя вне прикосновенности собственность феодалов на землю, не затрагивая существа феодальной эксплуатации. Выражением этих замыслов и явилась реформа управления казенными крестьянами, известная по имени ее автора, как реформа П. Д. Киселева.

Реформа П. Д. Киселева предусматривала, прежде всего, создание хорошего административного аппарата как в центре, так и на местах. Оформление новой административной системы закончилось к 1840 г.

Губернии были разделены на округа. Округ включал в себя от двух до четырех уездов. Численность крестьян в них была неравномерной: например, в Смоленском округе — 35521 душа м. п., в Сычевском — 16113 душ и т. д.

Каждый округ делился на волости, которые по численности жителей отличались еще большим разнообразием, чем округа: так, в волостях Смоленского округа — от 595 до 2764 душ, Дорогобужского — от 3576 до 5700, Гжатского — от 2327 до 5294, Сычевского — от 1930 до 6284 душ.

Волости в свою очередь делились на сельские общества, которые слагались из десятков селений и являлись искусственными образованиями, не совпадавшими с естественными границами крестьянского поселения. В Рославльском уезде выделялось Гореновское общество вольных хлебопашцев, в котором сельский старшина имел полномочия волостного головы. Сельские общества тоже разнились по численности крестьян — от полутора сотен до 2000.

Территориальному делению соответствовала и адми-

стративная система управления. Общее руководство и управление государственными крестьянами в пределах губернии принадлежало Губернской палате государственных имуществ. Штат ее составлял 40 человек. Палата ведала широким кругом вопросов, которые можно разделить на четыре категории: 1) организация местного управления в округах, волостях и сельских обществах; 2) поддержание среди крестьян полицейского надзора, порядка; 3) попечение о нравах, хозяйстве и культурно-бытовых нуждах крестьян; 4) наблюдение за отбыванием натуральных повинностей [35]. Палата должна была на месте осуществлять разработанную правительством попечительскую политику. Без предварительного разрешения начальства нельзя было производить семейных разделов, вступать в торговые сделки, возводить постройки, отлучаться с постоянного места жительства и т. д.

Второй ярус в системе местной администрации составляло окружное управление (начальник, его помощник, лесничие, канцелярские служители, рассыльные). Оно имело те же функции, что и губернская палата, но в пределах своего округа. Власть окружного начальника была велика. Не было такого вопроса крестьянской жизни, который не находился бы в его компетенции.

Приводным ремнем, через который окружной начальник передавал распоряжения и устанавливал власть над крестьянами, было волостное управление, состоящее из головы и двух заседателей (по полицейской и хозяйственной части). Для рассмотрения крестьянских «проступков» и споров избиралась волостная расправа из того же головы и двух «добросовестных».

Последнюю ступень местной администрации составляло сельское управление (сельский старшина, старосты селений, сборщики податей, смотритель запасных магазинов, сельский писарь). При нем действовала и сельская расправа, которая разбирала мелкие крестьянские споры, тяжбы и проступки.

Волостная и сельская администрация избиралась на волостных и сельских сходах. Но это не были мирские сходки всех крестьян-домохозяев. На волостной сход выделяли 4 представителя от 20 дворов, и созывался он один раз в три года. На сельский сход посылалось по два представителя от десяти дворов. На каждую должность волостной сход избирал по три кандидата, из которых губернская палата утверждала одного. Таким образом, волостной сход

не имел решающего значения в выборе должностных ли
Подобным образом подбиралась и сельская администраци

Сельский сход по закону должен был быть не только и
бирательным, но и распорядительным органом. Он рассма
ривал дела, связанные с разделом общественной земли, ра
кладкой податей и денежных сборов, натуральных повинно
стей. Однако в его работе могли участвовать только зажи
точные крестьяне, к тому же решения сельского схода н
всегда были окончательными: они поступали на утвержде
ние в волостное и окружное управление.

Таким образом, крестьянское самоуправление сущест
вовало чисто формально. Жизнь государственного крестья
нина была строжайше регламентирована, всецело подчинена
дворянско-помещичьему государству.

Реформой П. Д. Киселева была создана сложная и
громоздкая четырехъярусная административная система, со
держание которой возложено на крестьянство. За счет кре
стьян выплачивалось жалованье управленческому аппара
ту, арендовались помещения для общественных нужд, по
купалось оборудование, канцелярские принадлежности, фор
менные кафтаны для волостных голов и т. д. Расходы эти
увеличивались с каждым годом. Только на содержание
Смоленской губернской палаты с 1841 по 1852 гг. увеличе
ние составляло 38,5%.

Крестьянство, как и раньше, жестоко притеснялось
должностными лицами всех рангов. Чиновники по-прежнему
грабили их, беззастенчиво брали взятки, проводили неза
конные денежные поборы, подвергали крестьян оскорбле
ниям и телесным наказаниям. Сохранилось дело «О раз
ных беспорядках и злоупотреблениях по Смоленской губер
нии», составленное по ревизии Оленича. Волостных чинов
ников, преимущественно писарей, ревизор охарактеризовал
как «полных хозяев в казенных селениях и самовластных
распорядителей во всех предметах управления казенными
крестьянами» [36]. Материал ревизии использовал в своем
труде академик Н. М. Дружинин как классический пример
злоупотребления местной администрации.

Реформа П. Д. Киселева принесла крестьянам лишь но
вые материальные тяготы. До 1853 г. на содержание управ
ленческого аппарата с крестьян собиралось по 55,5 к., в
последующие годы сборы возросли до 64 1/4 к. [37]

Громоздкость и дороговизна аппарата, созданного рефор
мой Киселева, была осознана самим правящим классом. С

1859 г. началось сокращение административного аппарата. Первый удар, как пишет Н. М. Дружинин, был нанесен сельской административной общине, что вызвало массовое недовольство государственной деревни, так как «крестьяне дорожили традиционным правом коллективно обсуждать хозяйственные и административные вопросы своей жизни» [38]. Ближайшая власть над крестьянами теперь была сосредоточена в волостных управлениях, число которых возросло. «Экономия» от всех нововведений составила в Смоленской губернии 2664 р., из которых 500 р. было передано на наем канцелярских чиновников [39].

ГЛАВА 9

ХОЗЯЙСТВО КРЕСТЬЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

Регион лежал на стыке уже достаточно продвинувшихся в развитии капиталистических отношений западных районов и промышленного Центра России, испытывал на себе их влияние, однако оставался преимущественно земледельческим. Разложение феодально-крепостнической системы и развитие в ее недрах капиталистического уклада вызвали разрушение феодальной и формирование буржуазной земельной собственности, утрату крестьянским хозяйством натурально производственной основы. Появились крестьяне-землевладельцы и арендаторы земли, отмечаются сдвиги в агротехнике и орудиях труда.

Эволюционирует феодальная рента. Барщина с натурально-хозяйственной основой во многих помещичьих имениях уступает место товарной. Появилась и развилась барщина с работой по системе «брат на брата», месячина. Заметными становятся процесс классообразования и изменения в межклассовых отношениях.

Широкое развитие получает отход крестьян на сторонние заработки. В деревнях развивается дольничество — попытки помещиков нивелировать крестьянские хозяйства и тем затормозить их социальное расслоение.

Надельное землепользование и землевладение крестьян

Надельное землепользование крестьян представляло собой неотъемлемую часть организации крепостнического хозяйства. Отвечая на вопрос, в чем состояла сущность крепостнического хозяйства, В. И. Ленин писал: «В том, что крестьяне получали от помещика *надел* для прокормления

своей семьи, а за это должны были работать три дня
иногда и больше) на помещичьей земле. Вместо того, чтоб
платить рабочему деньгами, как платят теперь повсюду
городах, платили *землей*. С надела, получаемого от пом
щика, крестьянин мог едва-едва прокормиться... Такова сущ
ность крепостнического хозяйства: нищенский надел вме
то платы за труд; обработка помещичьей земли крестьян
ским трудом и крестьянским инвентарем; принуждение кр
стьянина работать из-под палки помещика»[1]. Из этого вид
но, что В. И. Ленин рассматривал крестьянский надел ка
выражение экономических отношений помещиков и крестьян
как форму оплаты труда крестьянина.

Во всех губерниях региона в состав крестьянского на
дела входили пашни и сенокосы. Выпасы, лесные угодья на
ходились в совместном пользовании крестьян и помещиков
Крестьяне получали земельные наделы по тяглам или по
венцам. В «Хозяйственном календаре» В. С. Храповицкого сказано: «Мужчины с 18, а девки с 17 лет записываются в тягловые работники и работницы и исправляют вообще всякие работы: мужчины до 55, а женщины до 50 лет и до того времени не должны быть освобождаемы от тягловых, исключая только тех, кои бывают одержимы неизлечимыми болезнями, делающими их к работе совершенно неспособными» и далее: «Мужчина в 18 лет должен во дворе своем взять тягло земли, кроме тех случаев, если... находится работник, достигающий 55-летнего возраста и в том же дворе нет взрослых подростков, коим вскорости нужно было бы принять новое тягло»[2]. Таким образом, в толковании В. С. Храповицкого, тягло — это надел земли. Примерно в том же смысле трактует понятие тягла и помещик Ельнинского уезда П. Эйсмонт. «Тягло, — говорит он, — есть мера поземельной собственности или надела земли», но в некоторых местах оно означает работников, отправляющих барщину, и тогда «надел земли не всегда полагается по числу взрослых лиц или работников мужского пола». Поясняя это положение, Эйсмонт говорит: «В нашей средней полосе России и большей частью у крестьян владельческих, оброчных, фабричных и издельных тягло составляют в семействе мужчина и женщина, или, как в других местах, именуют — «венец»[3].

В. С. Храповицкий внес в свой «Хозяйственный календарь» специальный параграф о запрещении переделов надельной земли: «Строго имеет быть запрещаемо прибавле-

ние новых тягол или, в других случаях, передел всей вообще крестьянской земли, в огородах, полях и лугах находящейся, без особенного на то усмотрения и разрешения самого помещика, ибо ничто не может быть обиднее и разорительнее для крестьян, как неосновательный передел земли. Напротив же того, через постоянное владение одной землей, крестьянин, привыкнув считать ее своей собственностью, станет более стараться об улучшении оной»[4].

Соотношение между господской и крестьянской запашками зависело от способа ведения хозяйства в каждой данной вотчине и формы эксплуатации крестьян.

Так, в Смоленской губернии, общая площадь господской и крестьянской запашки в конце XVIII в. составляла: в Юхновском уезде — 7,5 десятины на душу м. п., в Рославльском — 7,2 десятины, в Краснинском, Ельнинском, Бельском, Вяземском, Сычевском уездах — от 3 до 6 десятин, в Смоленском, Дорогобужском, Духовщинском — от 4 до 5 десятин. Меньше 4 десятин приходилось лишь в чисто оброчном Гжатском уезде. Если исключить из подсчета детей и стариков и перенести эту нагрузку только на тягловых работников, то названные выше цифры следует увеличить примерно в 2,5 раза. Это свидетельствует о том, что уже в конце XVIII в. тягловая нагрузка крестьянской и барской запашки была довольно высокой, а в некоторых уездах — предельной. В оброчных имениях вся пашня входила в крестьянские наделы.

В барщинных имениях в конце XVIII в. в большинстве случаев крестьянская запашка еще превалировала над господской, но уже и тогда встречались имения, где крестьяне обрабатывали земли на помещика больше, чем на себя. Так, в Смоленском уезде, где в целом господская запашка составляла 28469 десятин, или 23,3% всей пашни уезда, 4389 десятин (15% господской запашки) падает на имения, где крестьянские наделы составляли меньше 50% всей пашни. Здесь 1538 душ крестьян м. п. (7% общего числа барщинных крестьян уезда) должны были обрабатывать более чем по 3 десятины господской запашки. В то же время 19% крестьян уезда имели в своем пользовании от 0,3 до 1,6 десятины на душу мужского пола в трех полях, что ниже любой нормы прожиточного минимума. У 48% барщинных крестьян (10495 душ м. п.) обеспеченность пахотными землями не превышала 2,4 десятины на душу м. п. в трех полях.

Изменение размеров крестьянской запашки с конца

XVIII в. до реформы 1861 г. удалось установить лишь по 31 имениям Смоленской губернии. Эти имения насчитывал накануне реформы четвертую часть общего числа помещичь их крестьян. Сопоставимые данные на 1781 г. получены результате первичной обработки Экономических примеча ний, а на 1858 г. извлечены из Описаний помещичьих име ний и выкупных актов.

В 1781 г. во всех сопоставляемых хозяйственных едини цах учтено было 87891 душа м. п. и 376943 десятины на дельной пашни, что составляло по 4,29 десятины на душу м. п. К 1858 г. крестьянское население мужского пола уве личилось здесь до 104685 человек, или на 19,1%, а надель ная пашня сократилась до 281157 десятин, или на 25,4%. Со ответственно этому размер среднедушевого участка надель ной пашни уменьшился до 2,69 десятины, или на 37,3%. Наиболее интенсивно обезземеливание крестьян проходило в уездах с преобладанием барщины и чисто земледельчес кого хозяйства. Главную причину сокращения надельного землепользования крестьян в дореформенное время следует видеть в расширении господской запашки.

В 1781 г. в группе сопоставляемых имений на помещи ков обрабатывалось 8,65% общего количества пашни, к середине XIX в. — 30—40%. За указанное время многие оброчные вотчины были переведены на барщину или на смешанную повинность. Из числа анализируемых хозяйств в 1781 г. на оброке находилось 98, а в 1858 г. только 25. Заведение господской запашки всегда сопровождалось изъя тием части надельной земли.

Одним из наиболее ярких проявлений разложения фео дально-крепостнической системы и складывания капиталис тического уклада в сельском хозяйстве явилось возникнове ние и развитие землевладения крепостных крестьян.

В 84 имениях Смоленской губернии, по которым удалось обнаружить сведения о количестве купчей земли, накануне реформы 1861 г. во владении крепостных находилось 27634,8 десятины земли разного хозяйственного назначения. Почти половина (12504,7 дес.) всех учтенных купчих земель кре постных крестьян была сосредоточена в Гжатском уезде, где находилось несколько крупных вотчин с крайне мелкими крестьянскими наделами. В восьми вотчинах насчитывалось от 500 до 1000 десятин и в семи — свыше 1000 десятин куп чей крестьянской земли в каждой. В Столбовском и Пре чистенском имениях князей Голицыных в 1781 г. насчиты-

лось 3247 душ м. п., в пользовании которых было всего 3330 десятин пашни и 1900 десятин сенокосов, что составляло по 1,1 десятины пашни и по 0,6 десятины сенокосов на душу. Видимо, поэтому столбовские и пречистенские крестьяне вынуждены были купить на имя Голицыных более 1000 десятин земли [5].

Несмотря на запретительные меры, крестьяне-землевладельцы продавали, дарили, закладывали и завещали свою землю. Свободное распоряжение купчими землями, с одной стороны, вызывало дробление приобретенных участков при передаче их по наследству или продаже, а с другой, — открывало путь для мобилизации их в руках зажиточных крестьян.

В период подготовки и проведения в жизнь реформы 1861 г. многие помещики объявили купчие крестьянские земли своей собственностью, чем и вызвали тяжебные дела в местных и центральных органах власти.

С XVIII в. распространенным явлением становится аренда земли крепостными крестьянами. Основными ее источниками служили хозяйства беспоместных, мелкопоместных дворян и конфискованные владения. Во время Генерального межевания только у 219 мелкопоместных дворян крепостные крестьяне Смоленской губернии арендовали пустоши общей площадью около 39 тыс. десятин. Кроме того, у 22 владельцев земельные участки площадью около 12363 десятин арендовались частично.

Как и приобретение земли в собственность, аренда ее способствовала углублению процесса расслоения крепостной деревни. Рядом с мирской арендой и арендаторами небольших участков стояли крестьянские дворы, арендовавшие земельные массивы в несколько десятков десятин, тесно связанные с рынком и эксплуатировавшие наемную рабочую силу.

Таким образом, формирование фонда купчих и арендных земель было связано с развитием товарно-денежных, а затем и капиталистических отношений, служило показателем этого развития. Вместе с тем диалектика этого процесса была такова, что складывание новых форм землепользования и землевладения, противостоящих средневековому феодальному землевладению, происходило в условиях господства феодально-крепостнических отношений. Это оказывало тормозящее влияние на размах и глубину процесса, предопределяло в значительной мере потребительский харак-

тер крестьянских земельных покупок и аренд. Одним из средств, тормозящих развитие аграрного капитализма, были высокие арендные цены на землю, державшиеся вследствие того, что дворяне-помещики вплоть до 1861 г. фактически были монопольными владельцами земель.

Земледельческое производство

Земледелие составляло главную отрасль хозяйства крестьян. Из него извлекались основные источники существования крестьянского двора, оброчные и другие платежи.

Системы земледелия. Господствующей системой возделывания земли было трехполье, в отдельных местах отмечены и перелоги. В гжатских поместьях Савино, Субботники, Никольское с деревнями (4235 душ) князей Голицыных крестьяне имели 255 десятин господской запашки, 17660 десятин пашни, 21827 десятин перелогов и лишь 3287 десятин сенокосов. В том же уезде перелоги встречались в кожинском и вырубовском имении князей Долгоруковых[6]. Я. А. Соловьев писал: «Подобные запольные места большей частью состоят из прежде бывших пахотных земель, брошенных или после переселенцев, или по недостатку удобрения. Многие из них поросли кустарником... Между ними кое-где попадаются пашни, которые никогда не видят удобрения и поэтому в весьма короткое время истощаются. Истощенные места бросают и переходят к другим»[7].

На начало 50-х гг. перелоги были учтены только по деревням государственных крестьян. В Духовщинском уезде их оказалось 4930 десятин, Дорогобужском — 1139. Под посевами в первом уезде было 528 десятин, во втором — 314. Остальная площадь перелогов находилась под выгонами, сенокосами или кустарниками[8].

Л. В. Милов, специально исследовавший вопрос о роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в., убедительно доказал, что перелоги того времени вовсе не означали существования при этом переложной системы земледелия, а являлись результатом временного забрасывания части земель трехпольных севооборотов паровой системы земледелия[9]. Тем более будет правомерной такая оценка по отношению к перелогам первой половины XIX в.

Распространение улучшенных приемов земледелия сдерживалось в конце XVIII — первой половине XIX в. периодическими переделами надельной земли, многополосностью и чересполосностью. Иное чередование посевов, чем при трех-

полье, в таких условиях было практически невозможно.

Агротехника. Говоря о приемах земледелия, современники постоянно подчеркивали, что у многих крестьян даже трехпольная система земледелия не была доведена до возможной степени совершенства. И все же агротехника не стояла на месте, обогащалась народным опытом, свидетельствовала о начинавшейся интенсификации крестьянского хозяйства.

По растительному покрову и целому ряду других признаков крестьяне определяли качество почвы, путем многолетних наблюдений устанавливали наиболее эффективные приемы ее обработки, соответствующие местным условиям.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. обязательным агротехническим приемом, направленным на повышение урожайности и уменьшение степени засоренности полей, являлись двоение и троение почвы.

«Хозяйственный календарь» В. С. Храповицкого, обобщивший народный опыт, назвал проверенные опытом многих поколений приемы обработки почвы и сроки посевов. Под яровые почву начинали готовить с осени зяблевой вспашкой. Если осенью случалась неуправка с работой, то стерня оставалась неподнятой до весны. Весной соблюдалась известная очередность: «В половине апреля, — говорит «Хозяйственный календарь», — обыкновенно начинают пахать землю под яровой хлеб и приготовлять оную сначала для посева пшеницы. Так как весна открывается иногда рано, а иногда позже, но и нельзя определить настоящего времени, когда весною начать пахать». Но в этом случае хозяева держатся пословицы, что «лучше начать пахать с водою, нежели с травою». Если же земля была вспахана на зиму, то весною она обязательно двоилась или перепахивалась дважды. Троилась при весенней вспашке почва, предназначенная под ячмень, гречиху и лен [10]. На зиму пахали обычно те земли, на которых весной клали навоз. Однако перед укладкой навоза поля обязательно боронovались.

Под озимые почву начинали готовить примерно с 15 июня, одновременно с вывозкой навоза; вспаханное поле сразу же боронovалось. Во второй половине этого месяца или в начале августа поднятый пар мешали, т. е. подвергали повторной вспашке. Если случались продолжительные дожди, почва «припадала» (уплотнялась) — делали троение [11]. Хорошей считалась та пашня, при которой углублялся почвен-

ный слой и на ее поверхности можно было видеть немного белой почвенной земли.

Яровые хлеба сеяли «смотря по хлебу и по весенней погоде — с последних чисел апреля и до половины июня». В Калужской губернии весенний сев начинали с овса — «лишь только земля отойдет и обогреется» [12]. В Смоленской губернии весенний сев начинали с пшеницы. Время начала сева также определяли в зависимости от хода весны. Обычно к ее севу приступали в исходе апреля или в самом начале мая. «Хозяйственный календарь» отмечает, что поздний сев пшеницы никогда не удавался. «Лучше всего, приготовя землю под пшеницу, — говорится в нем, — по возможности наблюдать: как начинает раскидываться лес, и березовый листок становится величиной с полушку, тот час же и сеять ее» [13]. Вслед за пшеницей, в период с 1 по 9 мая, сеяли ячмень и горох. У калужских крестьян была примета — ячмень начинали сеять, когда зонтик цветка калины доходил до второго круга или половины. (Для овса приметой было начало цветения цикория) [14]. Перед посевом этих культур земля троилась и бороновалась. Посев производился под соху, т. е. неглубоко запахивался. Ячмень старались разместить на лучшей земле, на «гарях», освобожденных от лесов и кустарника лядах.

Картофель сажали в первых числах мая с внесением удобрения в борозду, а если после него в следующем году намечался посев пшеницы, то навоз клали на всю десятину [15].

В конце первой — начале второй декады мая приступали к посеву овса. Лучшим временем сева льна считалась середина и вторая половина мая, когда достаточно прогревалась земля. Если погода оказывалась засушливой и земля теряла много влаги, то высеянные семена оставляли на одни сутки не заделанными, чтобы семена сорных трав успели «перегореть». Лен, так же как и ячмень, сеяли только на хорошо выделанной, подтроенной земле. Последней, в период с 1 по 15 июня, сеяли гречиху — в сырое время — под борону, в сухое — под соху [16]. Овес высевался в три срока, ячмень и гречиха, по крайней мере, — в два. «Яровой хлеб, будучи не в одно время посеян, не в одно время и поспевает, в посеве яровых хлебов один день делает большую разницу в урожае и, следовательно, можно надеяться, что который-нибудь из посевов, не в одно время произведенных, может удастся лучше, нежели другой» [17].

В Калужской губернии озимые начинали сеять в первых числах августа (с 6 числа) и продолжали до начала сентября [18]. В Смоленской губернии рожь сеяли в период с 10 по 25 августа, хотя в Бельском, Поречском и Духовщинском уездах сев уже начинали неделей раньше. Посевы, выходившие за пределы августа, всегда были хуже более ранних. Заделывали семена ржи бороной. На низких местах и тяжелых почвах делались борозды для стока воды. До конца августа старались закончить и сев озимой пшеницы. Для этой культуры выбиралась самая лучшая земля. «Озимая пшеница, — говорится в «Хозяйственном календаре», — любит высокие крутые поля, лежащие на полдень, на которых весною ни снег долго залежаться, ни вода в ненастное время долго застаиваться не могут». Грунт земли должен быть песчановатый, с черноземом. «На подзолистых местах она совсем пропадает, да и на одном черноземе без песка тоже не хороша. Где озимая пшеница родилась хорошо, ее сеяли больше, чем яровой» [19].

Особенно тщательно готовилась почва под масличные культуры — коноплю и лен. Весной, при первой возможности, она вспахивалась, потом унавоживалась и снова запахивалась и бороновалась. Перед посевом пахалась в третий раз [20].

Почти единственным удобрением крестьянских полей являлся навоз. От одной коровы получалось, по подсчетам современников, 400 пудов, или 26 возов навоза, от одной лошади — до 39 возов, от одной овцы — 2,5 воза. Полное удобрение парового поля возможно было при наличии шести голов крупного скота на десятину, но крестьяне имели, как правило, в три-четыре раза меньше. Поэтому практически крестьяне удобряли не свыше половины своего парового клина.

Многих усилий требовала от крестьянина поверхностная мелиорация полей и лугов. На практику осушения крестьянами своих нив с помощью канав указывали Н. Энгельгардт в «Статистическом обозрении Ельнинского уезда», отчеты губернаторов, корреспонденции в периодической земледельческой печати. Особенно интересна заметка помещика Н. Стремоухова об осушении «выгорей» в д. Гребени Краснинского уезда, опубликованная в 1857 г. «Земледельческой газетой». «Выгорями» называли глубокие ямы и заболоченные места среди полей.

Чтобы улучшить свои поля, гребенские крестьяне, «поду-

мав, погадав», решили осушить для начала девять выгорей. Общими усилиями они прорыли канавы и избавили от выгорей одно из своих полей. В 1857 г. работы продолжили уже грабари, нанятые в соседней Могилевской губернии. Все поля вскоре были полностью освобождены от болот. Н. Стремоухов с восхищением писал: «Все это разве не показывает стремление крестьян к совершенствованию своего хозяйства, к увеличению сумм материальных благ, к увеличению доходов?» Крестьянин обязательно поддержит нововведение, если увидит в нем для себя выгоду: «Нет, не говорите, чтобы наш крестьянин был не смышлен или не охотник до хорошего дела. Напротив, он готов и рад на него, да мы-то часто так непростительно равнодушны, так страшно холодны к его интересам, что, право, совестно за нашу образованность, много болтающую и мало делающую» [21].

Хотя наблюдения Н. Стремоухова и не выходили из рамок обычных либеральных представлений, его суждения об отношении крестьян к нововведениям заслуживают внимания. Он, как и другие современники, решительно возражал против мнения о консервативности крестьян, застойности их хозяйства: «Были уже сотни примеров восприимчивости русского мужика к улучшениям своего хозяйства. Этих примеров и теперь много. Крестьянин только разборчив на средства, потому что в условиях его быта нельзя быть неразборчивым». «Бывают случаи... — продолжает Стремоухов, — когда крестьяне сами производят работы, кажется, превышающие их скудные средства и совокупными силами оканчивают их успешно, побуждаемые идеей общей пользы» [22]. Отмечались попытки крестьян улучшить свои земледельческие орудия труда, усовершенствовать системы земледелия, приемы обработки почвы.

Основными почвообрабатывающими орудиями в крестьянском хозяйстве оставалась соха и борона. В Калужской губернии соху делали из выгнутого куска дерева или из двух выгнутых пластин. В первом случае на нижнем конце рассохи делался срединный выем шириной вершка в полтора, а во втором — обе пластины соединялись и скреплялись между собой на таком же расстоянии. И в том и в другом случае на концы раздвоенной рассохи насаживались сошники. Над сошниками укреплялась полица или перекладка, называемая так потому, что перекладывалась с сошника на сошник каждый раз при повороте. Чтобы сошники забирали землю на известную глубину, обжи (оглобли) сохи урав-

повешивались чересседельником. Современникам калужская соха представлялась орудием более бороздящим, рыхлящим, чем переворачивающим: «пласт земли, — отмечает источник, — она берет нешироко, вершка на четыре, и не отрезывает, а отрывает его от целины, и в глубину забирает только вершка в два с половиной» [23].

В Смоленской губернии были распространены два вида сохи: коловая и перовая. Коловой (узколемешной) сохой с полицей, закрепленной на одну сторону, приспособленной для обработки каменистых и залесенных почв, пахали крестьяне Рославльского, Краснинского, Поречского и Юхновского уездов [24]. В остальных уездах пахали перовой сохой, сошники которой имели расширения в виде треугольников (в народном языке «перо»), отходившее в полевую сторону, вправо и влево от середины оси. Этот тип сохи имел перекладную полицу, служившую отвалом. Он был более приспособлен к легким почвам, свободным от камней и крупных древесных корней. В первой половине XIX в. коловые сохи постепенно вытеснялись перовыми, а последние усовершенствуются.

Самым существенным недостатком большинства вариантов перовых сох явилась массивность сошников, что отягощало лошадей и работников, мешало углублению в почву. Чаще всего сохи изготавливались в самом крестьянском хозяйстве. Озабоченные тем, чтобы орудие как можно дольше служило, а его сошники захватывали по возможности более широкую борозду, крестьяне старались делать деревянные части сохи как можно толще, а лемеши — шире. На качестве обработки почвы сказывались также слишком узкое пространство между сошниками и низкое положение лычной «землянки», последнее также мешало углублению сохи в почву. Убедившись на опыте в том, что «чем более борозд в ниве, тем более будет снопов», крестьяне стали делать сохи легче, а лемеши — уже. Они увеличили до двух вершков и удлинили до 5 вершков гнездо (проем) в полотне сохи, придали более высокое положение корцу и подвоям, несколько удлинили обжи (оглобли) [25].

Через помещичьи хозяйства крестьяне познакомились с ярославской косулей и железными плугами. Работая с ними на господской запашке, крестьяне убеждались в преимуществе плужной обработки почвы, пробовали плугами пахать свои нивы. Однако скудность денежных средств мешала им обзавестись собственными плугами.

Боронование почвы осуществлялось деревянными боронами. Калужские бороны плели обыкновенно из довольно толстых, в 3/4 вершка в диаметре, прутьев; складывали таких три прута вместе, и это заменяло брусок рамки. Вся рамка бороны состояла из пяти продольных и такого же числа поперечных брусков. В каждом перекрестке укреплялся зуб. Зубья укреплялись по большей части вертикально, редко в наклонном положении, на расстоянии пяти вершков как в продольном, так и в поперечном направлении. Чтобы зубья глубже проникали в землю, на борону клали груз; чтобы «размельчить» твердые глыбы земли, не разрыхленные бороной, применяли катки, изготовленные из кряжей прочного дерева. Лишь кое-где деревянные зубья в боронах заменялись железными. Но на лесных вырубках, не освобожденных еще от пней, заделка семян производилась по-прежнему «смыками». У калужских земледельцев был распространен способ боронования вместе с запашкой: пахарь шел впереди за сохой, а вслед за ним шла другая лошадь на поводьях, запряженная в борону: при этом терялось время на поворотах, но высвобождался работник[26].

Уход за посевами. В. Дейлидович отметил, что «попечение за полевозделываемыми растениями, в период времени от посева до уборки, прилагается только к некоторым из них; именно: к корнеплодам, перешедшим из огородов в поле, к масличным и прядельным (волокнистым. — *Ред.*) и из колосовых к пшенице. Все же прочие во все это время предоставляются попечению и заботливости самой природы».

Под пристальным вниманием крестьян находился картофель. Его всходы появляются обыкновенно через три недели после посева и «к этому времени он сильно зарастает сорной травой... тогда его пробороняют; сорные травы зубьями бороны выбиваются... Операция эта иногда раза два повторяется... Затем для окучивания он раз или два в лето опахивается сохой, если где есть обсыпным плугом...»[27]. Свеклу два раза пропалывали, а потом окучивали пропашником. Пшеницу и лен пололи. Впрочем, лен не всегда «удостаивался» такого ухода. Когда показывалась завязь зерен конопли, посконь выбиралась.

Уборка хлебов. Относительно времени уборки крестьяне руководствовались наглядными приметами и праздниками. Например, когда солома колосовых хлебов пожелтела, когда гречиха, лен, конопля потемнели, когда ботва картофеля начала засыхать, — это значит, настала пора уборки.

Убирали свой хлеб крестьяне серпом, лишь в имениях, где помещики внедряли косовицу хлебов, отмечается замена серпа косой при уборке хлеба и в крестьянских хозяйствах.

Помещик Вяземского уезда П. Ф. Зубов рассказывал в одной из своих корреспонденций, опубликованных в «Земледельческой газете», как быстро усвоили его и соседних помещиков крестьяне выгоду уборки хлеба косой и стали применять ее в своих хозяйствах. Отправленные им к Н. Н. Муравьеву для ознакомления с этим способом уборки крестьяне «возвратились ... совершенно выученные и убежденные в неоспоримой выгоде, поспешности и благодетельном облегчении труда при этом способе». Остальные «почти все, без малейшего понуждения» со стороны помещика убрали и свой хлеб косами. Их примеру в то же лето последовали крестьяне соседних селений (2 тыс. ревизских душ в радиусе более 20 верст) [28].

При употреблении косы для уборки хлебов к ней приделывали «переплет», приспособленный так, что при косьбе оставался прокос — скошенный хлеб, собирался и складывался в свал. «Переплет» этот делался из прутьев, перевязанных в несколько рядов бичевой.

Провеивали крестьяне хлеб вручную с помощью лопат и решет, при очистке ячменя и льняных семян применяли часто трещотки. Повсеместно были известны «трещоточники» из гжатского имения Нееловых, которые предлагали свои услуги в очистке семян, отправлялись с этой целью не только в соседние Калужскую и Тверскую, но и в Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Витебскую, Могилевскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую губернии. Как писал П. Д. Неелов, один трещоточник с мальчиком очищал за 12 часов 10 четвертей льняных семян или 88 четвертей ячменя, получая на своих харчах по 24 к. за четверть льняного семени и по 11,5 к. серебром за четверть ячменя [29].

В имении И. Нелидова (Дубровка Поречского уезда) крестьяне очищали льняное семя с помощью обычных ручных жерновов. Камни жерновов устанавливались так, чтобы размалывать только посторонние семена, а льняное семя оставалось неповрежденным.

Обмолачивался хлеб в крестьянских хозяйствах одним способом — цепами. Однако устройство цепов, их вес были различными. В Юхновском уезде цеп весил 2 фунта и его навязывали просто на шейку ремешком, который вертелся и часто срывался. В других местах била были более массив-

ными и прикреплялись к ручке связью из двух петель или «кадочкой» [30].

Еще современники отметили зависимость крестьянского земледелия от природных особенностей и социально-экономического развития деревни. Так, в «Военно-топографическом описании» Смоленской губернии 1818 г. указывается на то, что «в уездах, где грунт земли более способствует хорошим урожаям, хлебопашество находится в лучшем виде, таков суть Краснинский, в котором грунт земли, состоящий из глины, смешанной с черноземом, весьма плодороден, почему, и по хорошему устройству землеобрабатывания, оный считается магазином губернии. В уезде сем сеют предпочтительнее пшеницу и рожь» [31]. Н. Энгельгардт, автор «Статистического обозрения Ельнинского уезда» (1837 г.) при характеристике уровня земледельческого производства в крестьянском хозяйстве, заметил, что «у некоторых хозяев рожь приходит при хорошем урожае в восемь и более, а у некоторых и в лучшие годы более четырех мер не приносит: в посредственные же родится меры в две, не более». Главную причину столь больших различий в урожаях Энгельгардт усматривал в неодинаковой обеспеченности крестьянских хозяйств скотом: крестьяне, имевшие мало скота, плохо удобряли почву, а поэтому получали низкие урожаи и, наоборот, крестьяне, имевшие много скота, хорошо унавоживали свои поля и собирали относительно высокие урожаи. Вторую причину различий в уровнях Энгельгардт усматривал в неодинаковой обработке почвы. Хотя все крестьяне пахали сохой, но те, у которых было много лошадей, перепахивали почву по два и по три раза, тогда как бедные успевали вспахать один раз. Зажиточные дворы применяли бороны с железными зубьями, что приносило «значительную удобность хорошо обрабатывать землю». В то же время бедные крестьяне пользовались исключительно деревянными боронами с деревянными зубьями, которые оставляли пласт земли почти нетронутым [32].

Посевы и урожаи. Размеры посевов на крестьянской запашке стали выделяться из общей посевной площади с 1842 г. Согласно отчетам смоленского губернатора, в 1843—1850 гг. помещичьи крестьяне высевали в среднем 1331 тыс. четвертей зерновых, что составляло 58,1% общей площади посевов губернии. В период с 1851 по 1860 г. среднегодовой высев зерновых составлял у них 1273 тыс. четвертей, или 56,6% к целому [33]. Таким образом, в последнем десятилетии

ществования крепостного права удельный вес посевов на крестьянской запашке сократился на 12,7%, что вполне согласуется с отмеченным выше процессом сокращения крестьянских наделов.

Соответственно сокращению высева хлебов, сократились и их сборы. В 1842—1850 гг. помещичьи крестьяне собирали в среднем на душу всего населения 2,52 четверти, а в 1851—1860 гг. — 2,20. Сбор картофеля составлял соответственно 0,23 и 0,20 четверти.

Тот же процесс шел и в Калужской губернии.

В отчете за 1828 г. губернатор отмечал, что хлебопашество «необильно награждает труды и жители, у коих своего хлеба не достает, снискивают пропитание промыслами». В 1827 г. озимого хлеба было посеяно 393222 четверти, яровых весной 1828 г. 545005 четвертей, собрано озимых — 1137461, яровых — 822809 четвертей. Сбор озимых считался посредственным. Урожаю же ярового хлеба «неблагоприятствовала засуха, продолжавшаяся со времени посева», уборке препятствовали «бывшие в последней половине лета дожди». Градом было выбито озимых до 1360 десятин, яровых — до 106, конопли — 96 десятин. Недостающее количество хлеба (до 379032 четвертей) было завезено из Орловской и Тульской губерний» [34].

Более конкретное представление об уровне земледельческого производства в крестьянском хозяйстве дают материалы кадастровой комиссии Я. А. Соловьева и вотчинных фондов.

Я. А. Соловьев разделил почвы Смоленской губернии на пять классов: 1) «Л у ч ш и е» — иловатые, образовавшиеся разливами рек, и черноземные. Те и другие, по его наблюдениям, встречались крайне редко; 2) «х о р о ш и е» — песчано-глинистые и суглинистово-песчаные; 3) «с р е д н и е — суглинистые, супесчаные и глинистые; 4) «х у д ы е» — песчаные, близкие к сыпучему песку; 5) «с а м ы е х у д ш и е» — тощая глина, хрящеватая с камнем и подзол. Самой распространенной почвой считалась подзолистая. В 1850 г. силами отряда Я. А. Соловьева были проведены испытания посевов на различных почвах в деревнях государственных крестьян при соблюдении одинаковых условий (обработка, удобрение и т. п.). При 12-четвериковом высеве урожаи ржи составили на почвах первого класса в среднем сам 5,30, второго сам 4,08, третьего сам 5,05, четвертого сам 2,35 и пятого сам 1,72, в среднем по всем классам — сам 3,30. Я. А.

Соловьев считал, что крестьяне получали средние урожаи: на почвах первого класса — сам 5,00, второго — сам 4,25, третьего — сам 3,50, четвертого — сам 2,75 и пятого — сам 2,00 [35]. Произрастанию овса и ячменя особенно способ-ствовали суглинистые почвы, гречихи — песчаные. Принявь рожь за 100, урожаи овса оказались, по подсчетам Я. А. Соловьева, равными 80, ячменя — 120, гречихи и пшеницы примерно равными урожаям ржи.

В вотчинных фондах посевы и урожаи в крестьянском хозяйстве отражены в основном в документах сводного характера: статистических сведениях, периодически подавав-шихся в уездные учреждения, ведомостях вотчинных контор. Как видно из документов вотчинного фонда Барышниковых, урожаи на крестьянской запашке были ниже сборов хлебов помещичьего хозяйства на 20—25%, а в отдельные годы — на 50%. В ведомостях 1847 г. исчислен средний урожай на крестьянской запашке Алексинского и Громовского имений за 10 лет. Имея 7296 десятин пахотной земли, крестьяне сеяли 2721 четверть ржи, 4873 — овса, 800 — ячменя, 92 — гречихи и 374 — картофеля. Средний урожай составил ржи — сам 2,3, овса — сам 2,5, ячменя — сам 4, гречихи — сам 3, картофеля — сам 5 [36].

В первой половине XIX в. обнаружилось своего рода раз-деление труда в производстве сельскохозяйственной продукции на рынок. Основным поставщиком товарного зерна выступали помещичьи хозяйства, продуктов переработки и семян конопли и льна — крестьянские. В целом по Смоленской губер-нии в начале 50-х гг. из каждых 100 десятин усадебной зем-ли 43 десятины составляли конопляники. В Рославльском уезде, как показал специально проведенный учет площади конопляников казенных крестьян, удельный вес их в об-щей площади усадебных земель поднимался до 60%, а в Вяземском составил только 13%. На душу в среднем по губернии приходилось 133 кв. сажени конопляников, но в Краснинском уезде — 252, Рославльском — 209, Дорогобуж-ском — 184, Ельнинском — 147, Юхновском — 144, в Вязем-ском только 45, Бельском — 73 кв. сажени.

О размерах посевов конопли отдельных крестьянских хозяйств можно судить по подворной описи крестьян име-ния помещика Дорогобужского уезда Р. А. Валуева, состав-ленной в июле 1856 г. Так, в д. Лущикове общий посев ко-нопли в 4 дворах составил 48 четвертей 1 четверик или 0,5 четверти на душу. Но Самойла Екимов, у которого было

...высевал 4 четверти, Антон Васильев, имея 7 душ, 6 четвертей, или около 5 десятин. В то же время в хозяйстве ...ельяна Сергеева, где было 10 душ м. п., высевалось только 0,5 четверти, Афанасия Михайлова — 5 четвериков. Максимальные посевы льна составляли одну четверть на душу [37].

В начале 40-х гг. на крестьянских полях появился картофель. Раньше он высевался только на огородах. Сохранились сведения о посевах и урожае картофеля на полях крестьян некоторых помещиков за 1841 и 1842 гг. Так, в 1841 г. у помещика Гжатского уезда А. Г. Белого крестьяне посеяли в поле 160 четвертей, собрали 1350 четвертей, у В. В. Долгорукого — посеяли 240 четвертей, собрали 1440 четвертей, у И. И. Скворцова — соответственно 100 и 700 четвертей. В десяти имениях на полевых нивах крестьян было высеяно не менее 100 четвертей в каждом. В 1842 г. посевы свыше 100 четвертей имели крестьяне пяти помещиков Гжатского уезда. В имении В. В. Долгорукого они увеличились до 310 четвертей, И. И. Скворцова — до 145. В деревнях помещика Мальцева в 1841 г. крестьяне высеяли на полях всего 45 четвертей, а в 1842 г. уже 182 четверти.

В имении помещика Смоленского уезда Арсеньева полевые посевы картофеля крестьян составили по 0,5 четверти на душу, а в деревнях помещика А. Вонляр-Лярского крестьяне поставляли уже картофель на винокуренный и крахмальный заводы своего владельца. От 100 до 250 четвертей посевы картофеля достигали в 1842 г. на запашках крестьян в поместьях помещиков Юхновского уезда Храповицкого, Курлевича, Н. Воронца, А. Воронца, Оболенской, Щелтева, Орлова-Денисова, Д. Болтина, Дубасова [38].

Недороды. Продовольствие крестьян. В условиях крепостного строя неурожаи почти всегда сопровождались общим упадком земледелия и скотоводства, голодом и разорением крестьянства. Только за время с 1800 по 1855 гг. Смоленская губерния пережила 17 неурожаев и более 10 лет со скудными урожаями. В 1802 г. «от сильной стужи» вымерз посев [39]; в 1821 и 1823 гг. значительная часть посевов погибла от непрерывных дождей, а в 1824 г. — от засухи [40]; в конце июля — начале августа 1835 г. яровые посевы подвергались повреждению от сильных морозов. Овес, ячмень, гречиха были уничтожены почти полностью и на семена хлеб покупался в Калужской губернии [41]; в 1837 г. от морозов пострадали посевы Смоленского, Краснинского и некоторых других уездов; в 1839 г. до половины июля шли про-

ливные дожди, а потом разразилась засуха. Жара помеша-
ла ржи, и урожай ее оказался ничтожным. «Ненастная»
погода отрицательно сказалась на урожае и вызвала голод
в 1844 г. В ночь с 11 на 12 октября 1850 г. в разгар убор-
ки выпал снег и образовалась санная дорога. Спустя не-
сколько дней снег сошел, но неубранный хлеб в большей своей
части попортился [42]. В 1852 г. по случаю раннего наступле-
ния зимы погибли неубранными овес, лен и большая часть
конопли и овощей. Малоснежная зима 1853 г. отрицательно
повлияла на озимые посевы: «зелень, бывшая осенью гус-
той, с открытием весны не оживала, перья на поверхности
сопрели и корни сгнили... большие пространства полей нахо-
дились в таком положении, как будто на них не было и
посева» [43]. В результате в 1853 г. только для продовольствия
помещичьих крестьян не хватало 871183 четвертей озимого
хлеба, за счет же яровых покрывалось только 261255 четвер-
тей.

Местные неурожаи, вызванные градобитиями и други-
ми бедствиями, отмечались почти каждый год. В 1810 г. по
далеко не полным данным градом выбито было 514 деся-
тин посевов, 1811—370, 1812—385, 1813—3041 десятина. В
1814 г. площадь посевов, полностью побитых градом, соста-
вила 1905 дес., а на площадях, пострадавших частично,
убыток достигал 1868 четвертей; в 1815 г. уничтожено было
6303 дес. и с частично поврежденных полей недополучено
2519 четвертей, в 1816 г. — погибли урожаи на площади
2089 дес. [44] В 1815 г. посевы Смоленского уезда были пов-
реждены саранчой [45].

Сужение производственных возможностей крестьянского
хозяйства (сокращение наделов, увеличение размеров рен-
ты) снижали его сопротивляемость в борьбе со стихийными
бедствиями.

В крайних случаях правительство шло на выдачу денеж-
ных или натуральных ссуд голодающим крестьянам через
помещиков, а в государственных деревнях — через местные
органы управления, которые, однако, в ближайшие вслед за
тем годы взыскивались.

В 1802 г. правительством повелено было «на счет каз-
ны покупать хлеб в южных губерниях и раздавать его нуж-
дающимся» крестьянам Смоленской губернии [46]. В 1803 г.
министерство внутренних дел ассигновало, согласно пред-
ставлению смоленского гражданского губернатора, 84 тыс.
р. на продовольствие неимущих крестьян Гжатского уезда

Смоленской губернии[47]. В 1821 г. в связи с голодом сюда был направлен сенатор Мертваго. В его распоряжение из средств государственного заемного банка было выделено 910750 р. Однако в выдаче пособия крестьянам были допущены злоупотребления. Поречский помещик Фонрупенберг присвоил часть хлеба, выделенного для его крестьян, в результате чего их земли остались «в пусте»[48]. В связи с неурожаем 1826 г. выдавалось пособие мелкопоместным дворянам Смоленской губернии (имеющим менее 20 душ), а вследствие неурожая 1834 г. губернии было ассигновано из сумм продовольственного капитала 200 тыс. р., из казны — 775 тыс. р. По случаю неурожая 1845 г. в губернию был командирован товарищ министра внутренних дел Сенявин, по распоряжению которого из магазинов военно-провиантского ведомства голодающим продавался хлеб по выкупной цене, рассрочены недоимки предыдущих лет и сделаны льготы во взыскании податей на 1845 г. С целью ослабления последствий неурожая 1833 г. крестьянам выдавались паспорта для отхода на заработки в соседние губернии и, кроме того, открыты казенные шоссейные работы с привлечением на них крестьян, не обеспеченных хлебом[49].

Правительство пыталось решать продовольственную проблему через хлебозапасные магазины и путем создания общественных запашек, т. е. усилиями самих крестьян. Хлебозапасные магазины создавались согласно закону 29 ноября 1799 г.[50] Полная норма накопления хлеба в сельских хлебозапасных магазинах должна была состоять из 3 четвертей ржи и 3 четвериков яровых на ревизскую душу, при годовом взносе 0,5 четверика ржи и 0,5 гарнца яровых с души. Однако норма взноса часто не выполнялась, и хлебозапасные магазины с самого своего возникновения оказались среди крестьян непопулярными.

В 1821 г. было издано новое Положение о комиссиях народного продовольствия, согласно которому полная норма хлеба в запасных магазинах устанавливалась в размере 2 четвертей на ревизскую душу при ежегодном сборе 0,5 четверика, или 25 к. с души[51]. Продовольствие помещичьих крестьян отдавалось всецело на попечение помещиков, а остального населения — вверялось особым комиссиям народного продовольствия. Однако неурожай 1832—1833 гг. обнаружил неудовлетворительность и этой системы. Поэтому Комиссия в составе М. М. Сперанского, Е. Ф. Канкрина, А. Д. Балашова и Д. Н. Блудова разработала «Поло-

жение о запасах для пособия в продовольствии». Теперь наряду с ежегодным натуральным оброком в размере 0,5 четверика ржи и 2 гарнцев ярового хлеба вводился 10-копеечный денежный сбор с целью создания хлебного запаса в расчете по 1 четверти ржи, 0,5 четверти яровых и денежного в сумме 1 р. 60 к. на ревизскую душу [52].

В некоторых деревнях помещичьих крестьян по примеру удельных вводились общественные запашки. Урожай с них поступал в те же запасные магазины. Определенный правительством душевой сбор хлебом и деньгами в таких случаях не проводился. Ссуда из таких запасов выдавалась под сбор в размере 4 гарнцев с четверти. При значительном накоплении хлеба, часть его продавалась и деньги составляли так называемый «мирской капитал». Из ведомостей, сохранившихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, видно, что накануне реформы 1861 г. в помещичьих имениях Гжатского, Духовщинского, Краснинского, Сычевского и Юхновского уездов крестьянский мирской капитал составлял 25550 р., а их мирские хлебные запасы — 18570 четвертей ржи и 23535 яровых [53]. Самые значительные мирские запасы (12150 р. деньгами и 20600 четвертей разного хлеба) имели крестьяне Гжатского уезда. Только в имении Пречистое князей Голицыных (3096 душ м. п.) в 1858 г. кроме хлебозапасного магазина имелось 6360 четвертей семенного мирского овса [54].

И все же крестьяне часто оставались вовсе без хлеба, нищенствовали. С каждым десятилетием все труднее и труднее давалось им преодоление неурожаев. Особенно тяжелыми последствиями отмечены неурожаи 50-х гг. Они связываются с общим оскудением помещичьей деревни, что выразилось в резком увеличении числа бедных и беднейших крестьянских дворов.

Животноводство. Животноводство составляло вторую крупную отрасль крестьянского хозяйства. Во второй половине XVIII — первой половине XIX столетий оно определялось почти исключительно потребностями собственного крестьянского двора: обеспечение рабочим скотом, продуктами питания, некоторыми видами сырья (кожи, шерсть) и навозом для удобрения полей. Его уровень зависел прежде всего от обеспеченности крестьянских хозяйств выгонами и сенокосными угодьями.

Центральное положение в крестьянском животноводстве занимал рабочий скот. Безлошадный крестьянин не мог

вести собственного хозяйства и удовлетворять растущие потребности помещика (обрабатывать барскую землю, давать товарный хлеб, отвозить господский хлеб к местам сбыта и т. д.), а следовательно, и владеть землей. Поэтому первой заботой крестьянина было сохранение лошадей, увеличение их количества, хотя бы за счет сокращения другого скота. В 1846 г. у всех категорий сельского населения Смоленской губернии насчитывалось 476163 лошади, из них 84700 голов в Духовщинском уезде с сильно развитым извозным промыслом. Меньше всего лошадей показано в Вяземском и Сычевском уездах с высоким процентом неземледельческого отхода крестьян.

Сведения о распределении лошадей между отдельными категориями владельцев содержатся в материалах к отчету губернатора за 1854 г., но собраны они были не по всем уездам. В Смоленском уезде у всех категорий сельских владельцев насчитывалось 34153 лошади, в том числе у помещиков — 13182, у помещичьих крестьян — 18634, у государственных крестьян — 2337, т. е. у помещиков концентрировалось 38% всего конского поголовья. Совершенно иная картина наблюдалась в Юхновском уезде. Здесь помещикам принадлежало всего 513 лошадей, или 2%, помещичьим крестьянам — 18280 голов, или 84%, и казенным крестьянам 3050 голов, или 14% лошадей уезда.

В Калужской губернии, как отмечено в отчете губернатора за 1853 г., скотоводство было «малоразвито», причиной тому значительный недостаток в луговых землях... Порода скота русская и самая мелкая». Отмечено усиление размножения романовских овец. В 1860 г. в губернии насчитывалось 258561 лошадь, 272590 голов крупного и 585888 голов мелкого скота. В среднем на крестьянскую семью приходилось по 1 1/3 лошади, по 1 1/3 головы рогатого скота и по три особи мелкого скота [55].

Поскольку лошади являлись одним из основных средств производства крестьянского хозяйства, и надежным объектом эксплуатации мог выступать только двор с достаточным количеством рабочего скота, помещики особенно пристально следили за тем, чтобы крестьянин имел не менее двух рабочих лошадей на тягло. В. С. Храповицкий требовал от своих управляющих следить за тем, чтобы каждый из крестьян «имел по две рабочие лошади на тягло, а тех, у которых окажется оный недостаток, — непременно заставлять их прикупать», для начала выяснив, не держат ли кре-

стьяне лишних коров, свиней и других животных. В случае обнаружения такого положения предлагалось продать «лишний» скот и на вырученные деньги купить лошадей. Если же такой возможности не окажется, малолошадных отправить на заработки, чтобы на заработанные ими деньги, поступающие, кстати сказать, в вотчинную контору, последняя могла приобрести лошадей. В обязанность вотчинной конторы вменялось наблюдение за своевременной уборкой бедными, слабоконными дворами их сенокосных участков и «за утрачивание лошадей... строго взыскивать» [56]. Чтобы заставить крестьян держать больше лошадей, иные помещики стали распределять надельные земли не по тяглам, а в зависимости от обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом.

Так как вследствие тяжелой барщины, включавшей обработку и уборку полей, доставку на большие расстояния помещичьего хлеба и другие работы, лошади скоро гибли, помещики вынуждены были выдавать крестьянам ссуды на приобретение лошадей. В вотчинах Барышниковых такого рода ссуды брали ежегодно от 15 до 20% крестьян. Крестьяне Будянского имения, в восьми деревнях которого насчитывалось 95 дворов, в период с 1812 по 1822 г. взяли у помещика на приобретение лошадей 2545 р. В займе участвовали «безденежные дворы» и те, которым было «нечего продать». Таких дворов оказалось 54, или 56,8% общего их числа. Возвращено было за 10 лет 311 руб., а остальная сумма осталась в недоимке. В целом по имениям Алексинского вотчинного правления только за время с 1819 по 1824 г. недоимки крестьян по ссудам, выданным на приобретение лошадей, составили 12277 р., в то время как по подушной подати они равнялись 515 р. и по оброку — 3782 р. [57]

В. С. Храповицкий учредил в 1819 г. вотчинный банк, который обслуживал крестьян всех шести имений. Денежные ссуды, производившиеся по ярлыкам, выдавались на приобретение лошадей, изб, корма и на другие потребности. За первый год деятельности банка ссуды взяли 23 крестьянина из 10 деревень, а общая сумма займа составила 592 р. [58]

Все источники отмечают слабосильность и изнуренность крестьянских лошадей вследствие их плохого содержания и надорванности тяжелыми работами. М. Цебрикова отметила: «Рабочие лошади, при дурном содержании, мелки, тощи и малосильны» [59].

у небогатых крестьян с весны до глубокой осени, от снега до снега, лошади держались на подножном корму, сначала по лугам, потом по паровому полю и стерне убранного хлеба. Зимой они находились большую часть времени в извозах. Зажиточные крестьяне содержали лошадей в хороших конюшнях, кормили овсом. Вот почему так по-разному оценивались крестьянские лошади в подворных описях. В д. Дальней Гжатского уезда, принадлежавшей П. Д. Неелову, в 1854 г. лошадь бедного крестьянина Захара Данилова оценена была 2 р., Степана Евсеева, Егора Трифонова (оба имели по одной лошади) — по 5 р., а «достаточных» крестьян — по 20—25 р. (общая сумма 70 р.). В этой вотчине выделялась группа крестьян, имевших по шесть-восемь лошадей, но были и безлошадные или имевшие одну лошадь [60].

О значительной неравномерности обеспеченности крестьян рабочим скотом говорят подворные описи Калужской губернии. Так, в 1856 г. в д. Стениной Козельского уезда из 20 дворов 3 двора имели по 2 лошади, а 6 — по 5 и больше, 2 двора не имели коров и 8 — по 1 корове, 1 двор имел 3 коровы. В с. Спасское (Рудник) Мещевского уезда из 24 дворов 1 вовсе не имел лошади, 6 имели по 1 лошади, бескоровных было 7 дворов. В д. Холм этого же уезда однолошадных хозяйств насчитывалось 8 из 20, бескоровных — 3 [61]. Созданная в 1844 г. в Могилеве центральная земская случная конюшня для Могилевской, Витебской и Смоленской губерний на улучшение крестьянского поголовья влияла мало.

Степень обеспеченности крестьянских хозяйств крупным рогатым скотом, овцами и свиньями была такой же невысокой, как и лошадьми. По данным 1857 г. в Смоленской губернии на 100 душ населения обоего пола приходилось 53 головы крупного рогатого скота и столько же овец, а свиней — в три раза меньше. В неурожайные годы мелкий скот сбрасывался почти весь.

«Местная порода рогатого скота... весьма плоха, — отмечает М. Цебрикова. — Причину этого должно иметь в недостаточном и недоброкачественном содержании... для большинства сельского населения недостаток лугов и средств для удовлетворительного содержания скота затрудняет улучшение скотоводства» [62]. В Смоленской губернии примерно на 1246386 дес. пашни приходилось только 263694 дес. сенокосов. Лишь сравнительно небольшая часть лугов

давала удовлетворительные сборы сена. Значительные площади сенокосов числились в зарослях и болотах, в отдельных деревнях кустарники покрывали от 30 до 50% луговых пространств. С весны и после уборки сена луга выбивались скотом. Ежегодно замена сенокосных участков лишала крестьян заинтересованности в их улучшении.

Серьезным препятствием в развитии крестьянского скотоводства являлись падежи скота. По подсчетам Я. А. Соловьева, только от чумы в Смоленской губернии ежегодно погибало в среднем 7579 голов крупного рогатого скота. По мнению другого современника, С. Иванова, эту цифру следует увеличить. Ему были известны местности, где неоднократно падал почти весь скот (более 90 голов из 100)[63]. В результате падежа скота состоятельные крестьянские хозяйства нередко становились бедными, а бедные вовсе разорялись. Скотоводство мало помогало земледелию в повышении урожайности хлебов.

Огородничество. Садоводство

Огороды и конопляники находились в постоянном пользовании крестьян и составляли наиболее ценную часть их наделов. По утверждению современников, огородничество крестьян носило в основном потребительский характер. Исключение составляли некоторые пригородные селения и три деревни государственных крестьян, расположенные вблизи свеклосахарного завода Мальцева в Рославльском уезде, которые выращивали сахарную свеклу для поставки на этот завод[64], и др.

Небольшие плодовые сады имели отдельные крестьяне многих селений. По сведениям, собранным смоленским губернатором Н. И. Хмельницким, в 1835 г. в 16405 плодовых садах губернии насчитывалось 851041 яблоневое дерево, 249913 вишневых, 61294 сливовых и 54916 грушевых деревьев, 228521 куст крыжовника и смородины. Однако в эти цифры входят сады всех сословий, включая и помещиков[65].

О степени распространения садоводства у крестьян говорит подворная опись Озеринской вотчины Барышниковых, составленная в 1814 г. В д. Шеметово из 10 дворов сады имели 8 (от 4 до 20 плодовых деревьев в каждом), в с. Озерище — 6 из 11, д. Комягино — 2 из 7, Проконине — 6 из 8, Логиновке — 8 из 9 дворов и т. д. У многих крестьян наряду со старыми деревьями высажены были молодые.

У некоторых крестьян сады приносили значительный доход. Так, крестьяне д. Лукиной Ярыгинской вотчины сы-

чевской помещицы Н. П. Зубовой Дмитрий Ерофеев и Евдоким Яковлев отдавали свои сады на откуп за 200 р. ассигнациями сычевскому мещанину С. М. Козлову [66].

В некоторых пригородных селениях Вязьмы крестьяне имели плодопитомники и продавали в своем и соседних уездах саженцы яблоневых деревьев. В целях распространения садоводства у государственных крестьян в 1849 г. были заложены сады и небольшие плодопитомники при сельских приходских училищах. В 1852 г. было учтено 19 таких садов с 949 плодовыми деревьями и 384 кустами смородины и крыжовника [67].

Пчеловодство

Пчеловодство у крестьян в первой половине XIX в. несколько возросло. В 1809 г. в Смоленской губернии было учтено немногим более 25 тыс. ульев [68], в 1835 г. — уже 30345. Особенно успешно развивалось пчеловодство в Ельнинском (4567 ульев) и Рославльском (4241 улей) уездах, славившихся своими пасеками с давнего времени.

В 1835 г. было получено свыше 15 тыс. пудов меда и 4,5 тыс. пудов воска. Мед был продан в основном на пряничные заведения Вязьмы, а воск — в Москве. Общий доход пчеловодов составил около 133 тыс. р. [69] Серьезным препятствием на пути развития пчеловодства становилось истребление лесов.

Таким образом, в основе главного социального конфликта второй половины XVIII — первой половины XIX вв. находились «восходящие токи», выражавшиеся в развитии тенденции к становлению в крестьянском хозяйстве мелкотоварного производства. Несмотря на сковывающее воздействие крепостничества, деревня шла по пути повышения производительности труда, совершенствования трудовых навыков на основе роста общественного разделения труда и специализации производства. Крестьянское хозяйство явилось основным призводителем сельскохозяйственной продукции, носителем поступательно-прогрессирующих средств и наиболее рациональной формы организации сельскохозяйственного производства.

Неземледельческие занятия крестьян

Практически почти в каждом селении земледельческое производство сочеталось с промысловыми занятиями или неземледельческим отходом.

Наряду с повсеместно распространенным домашним производством льняных, пеньковых и шерстяных тканей, часть

которых предназначалась для рынка, в источниках названы и другие традиционные виды промысловых занятий крестьян, которые были характерны только для определенных сел, деревень и местностей: обработка древесины и, прежде всего, изготовление телег, саней, колесных станов, а также деревянной посуды, рогож, древесного угля, дегтя. Во многих деревнях отмечены плотницкое мастерство, строительство барок, а также гончарный, кирпичный, камнетесный и кузнечный промыслы. Большое число крестьян занималось выделкой овчин и кож, обработкой шерсти, изготовлением одежды, обуви.

В производстве крестьянских транспортных средств — саней и телег — Экономические примечания выделяют в Смоленской губернии — д. Савонину и Щуклеевку (вотчины В. Толстого и И. Богданова), с. Рубихино и 29 принадлежащих к нему деревень (вотчина М. Бахметьевой), а также села и деревни вотчин Д. Дурново, Татищевых, Тургеневых (Юхновский уезд), с. Селищи и д. Новоселки, Берлозово, Заручье, Святиху (вотчины Воеводских), с. Антипово и Васьково, д. Дарихино (Юрково), Ларино, Приволье, Холм (вотчины Вистицких) в Бельском уезде [70], многие деревни в Ельнинском, Гжатском, Духовщинском уездах.

В ряде сел и деревень Ельнинского и Рославльского уездов отмечается развитие рогожного промысла с частичной продажей его продукции на местных торжках и ярмарках. Оброчные крестьяне д. Бибирево Ельнинского уезда (62 души м. п.) продавали рогожи в разных городах по цене 3 р. за сотню.

В производстве и продаже на местных рынках деревянной посуды выделялись д. Бортники Духовщинской вотчины Григория Энгельгардта, с. Милюково и д. Петрушино, Тарасово, Дмитрово, Бычково, Медведево, Пескошево сычевских вотчин И. М. Олонкина, рославльские вотчины В. Рамбуровой.

Крестьян, занимавшихся кузнечным промыслом, было много в Духовщинском уезде. В д. Марково насчитывались три крестьянских кузницы, в. Н. Вертке — четыре, Сотневой — три, Ведрине — две, Селе — две, Б. Берневе — две. В Ельнинском уезде кузнечным промыслом занимались оброчные крестьяне с. Истленьева, сельца Мархоткина и принадлежавших к ним деревень вотчины А. С. Хлюстина [71].

Ценные характеристики общего состояния крестьянской промышленности первой половины XIX в. нашли свое отра-

жение в отчетах губернаторов (с 1804 г.), экономических и статистических обзорах и описаниях губерний или отдельных уездов.

Судя по этим источникам, к характерным особенностям крестьянской промышленности первой половины XIX в. следует отнести более четкую специализацию, расширение в ней границ мелкого товарного производства и простой капиталистической кооперации, частичное подчинение ее отдельных видов капиталистической мануфактуре.

Производство крестьянских телег и саней, сидка дегтя, приготовление драни и гонта для крыш, древесного угля было сосредоточено преимущественно в Бельском уезде. На изготовлении рогож стали специализироваться крестьяне Ельнинского уезда, гончарном промысле — Сычевского, кожевенном и сапожном — Вяземского, расшивовке леса — Поречского, плотничных работах — Дорогобужского и т. д. Однако в каждом уезде наряду с каким-то ведущим промыслом были распространены и некоторые другие виды.

Так, согласно «Обозрению Смоленской губернии», составленному в 1819 г., в Гжатском уезде самой многочисленной категорией «промышленников» оказались каменщики и кирпичники — 1100 человек, за ними шли плотники — 500 человек и пильщики — 200. В Бельском уезде 1000 человек занимались производством телег и саней. Но наряду с этим ведущим промыслом здесь отмечены пильщики — 200 человек, лица, занимавшиеся сидкой дегтя, — 65 человек, кожевенным промыслом — 35 человек и т. д.

В Калужской губернии Мосальский уезд славился рогожным производством. Главным складочным пунктом кулей и рогож было с. Спас-Деменское, откуда они отправлялись зимним путем в Сухиничи и к пристаням Гжатской и Зубцовской. В так называемом Полесье — уездах Жиздринском и частью Лихвинском, Мосальском и Козельском — крестьяне в огромном количестве приготовляли лесные материалы, которые сплавляли по рекам бассейнов Оки и Десны, а также зимним путем в соседние губернии, преимущественно в Орловскую и Курскую. Оплатив «явку в лес» владельцу «с топора», из осины они приготовляли лопаты и корыта, из дуба — обручи, ободья, полозья, клепку, из клена — гребни, гнали деготь, жгли уголь и золу, пилили лес на доски и тес, сплавляли плоты в Оку и Десну. Крестьяне Боровского, Малоярославецкого и Тарусского уездов издавна славились ткачеством, посылали ткачей на мануфактуры, а

ближе к реформе 1861 г. — начали выделывать по деревням бумажные ткани, а также для крестьянского употребления ленты и тесьмы из бумаги и шелка. «Ткацкое искусство в названных уездах развито до того, что почти в каждом доме имеются нужные для тканья станки и другие принадлежности» [72]. В этих уездах в большом количестве заготавливалось ивовое корье. В Тарусском уезде крестьяне занимались изготовлением поярковых шляп, в Медынском было много овчинников. В с. Полотняный завод этого уезда крестьяне разводили канареек.

Особенно широко было известно с. Дудино Козельского уезда. В самом селе и в окружающих его деревнях был развит маслобойный промысел. Они имели часто столько же маслобойных изб, сколько в них было дворов [73].

Документы вотчинных архивов свидетельствуют о том, что в кузнечном, шаповальном и некоторых других производствах крестьяне больше работали на заказ. В основе таких промыслов, как рогожный и смолокурный, лежало мелкое товарное производство или простая кооперация, в которых В. И. Ленин видел исходный пункт капитализма в промышленности.

Каждую осень до 30% взрослого мужского населения барщинных крестьян в Бражинском имении помещика Смоленской губернии Барышникова уходило на производство дегтя. Сырьем для смолокуров являлось смолье и береста, заготовка которых требовала большого количества рабочих рук. Поэтому смолокуры, как правило, кооперировались в небольшие группы. В каждой группе находилось по четыре-пять человек крестьян разных деревень. Отмечено применение труда батраков.

В Смоленской губернии на основе простой кооперации был организован и рогожный промысел. В вотчине Барышникова рогожники ельнинских подлесных деревень работали на заказ помещика, на вольную продажу и скупщиков.

В Калужской губернии в рогожном промысле сложилась специализация. До ста селений, окружающих Спас-Деменск, делали рогожи. Почти в каждом дворе было по одному-два стана, обслуживаемые тремя работниками. Вырабатывались рогожи трех сортов — пудовки, тридцатки и полупудовки (в зависимости от веса десятка изготовленных рогож). На стане вырабатывалось в сутки от 17 до 30 штук ценой в 18—23 к. серебром десяток. Мочала добывали на месте или завозили из Жиздринского и Ельнинского уездов.

Калужские купцы, видя прибыльность этого крестьянского промысла, основали рогожные мануфактуры, заподряжая работных людей через вотчинные конторы из крестьян Мосальского уезда. В 1860 г. 17 рабочих на 177 станах выработали 170 тыс. штук рогож на сумму 15515 р. Изделия поступили в Орел, Болхов, а также на Гжатскую, Бельскую и Зубцовскую пристани [74].

В Бельском, Поречском, Гжатском, Сычевском, отчасти в Юхновском и Смоленском уездах Смоленской губернии широкое развитие получило строительство речных судов. Помимо небольших верфей на пристанях, барки и струги строились в деревнях, расположенных на сплавных реках. Если в XVII в. барки и струги строились в основном казной с привлечением дворцовых и помещичьих крестьян [75], то во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. строительство речных судов осуществлялось по заказам купцов. В качестве подрядчиков выступали крестьяне, располагавшие достаточным капиталом.

Производство судов требовало разделения труда, квалификации, практических навыков и умений. Значительная часть работы выполнялась плотниками (изготовление каркасов). Доски, брусья готовили пильщики. Другие группы рабочих занимались изготовлением рулей, шпаклением и смолением барок, их оснасткой. Следовательно, перед нами предприятие типа простой капиталистической кооперации или небольшой мануфактуры.

За соблюдением правил торговли через пристани следили земские суды. Купцы сообщали в них имена крестьян, строителей судов и условия, на которых они брали подряды. Так, в 1791 г. на сычевских пунктах Гжатской пристани было погружено 45 барок. Их построили «разных вотчин крестьяне по словесным договорам»: Пантелей Антонов и Лаврентий Иванов (вотчина М. П. Нарышкиной) — 4 барки, Семен Карпов «с товарищи» (д. Зимина П. П. Щербатова) — 5, Филимон Нестеров «с товарищи» (д. Машутино) — 9 барок. За каждую барку подрядчики получили от 80 до 145 р. В 1802 г. крестьяне Щербатова построили уже 65 барок. Крестьянин д. Соседово Никита Иванов продал двум тверским купцам 5 барок, получив по 250—275 р. за каждую [76].

В текстильных промыслах наблюдалось подчинение их купеческой мануфактуре. Купцы не только скупали у крестьян готовые изделия или полуфабрикаты, но одновременно снабжали их сырьем, черпали в деревне кадры подготов-

ленных рабочих. Так, купец Афанасий Чешихин на своей фабрике в Гжатске эксплуатировал более 500 ткачей из числа крестьян близлежащих к городу деревень и, кроме того, раздавал пеньку «из наемной платы... окольным крестьянам прясть на самопрялки» [77].

Крестьяне, занимавшиеся промыслами, были той социальной средой, которая рождала и будущих пролетариев, и будущих капиталистов. Усиливая процесс расслоения крестьянской деревни, мелкая промышленность углубляла кризис феодально-крепостнической системы, способствовала накоплению объективных условий для ее полной ликвидации.

Отход крестьян на сторонние заработки. В условиях, когда земледелие и промысловые занятия не обеспечивали воспроизводства, крестьяне оставляли деревню и уходили на сторонние заработки.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. широкое распространение получили отход в город, наемная работа на капиталистических мануфактурах и в земледелии.

В обзоре «Калужская губерния в нынешнем ее состоянии» (1860 г.) П. Щепетов-Самгин писал: «Во многих уездах часть крестьян, свободных от земледелия, занята работою на фабриках, а также доставкой для заводов железной руды, угля и других материалов. Весьма значительное число людей отправляется из губернии в другие, часто отдаленные места России, для занятия плотничным, кожевенным, столярным, штукатурным, малярным и другими мастерствами. Извозничество свойственно более или менее всем уездам, в обширнейших же размерах производится оно на пути сбыта в степные, безлесные губернии лесных материалов и доставления оттуда хлеба, пеньки, масла и сала через Сухиничи к пристаням Волги и Западной Двины для отправки в С.-Петербург и Ригу. Крестьяне, живущие по судоходным и сплавным рекам, имеют возможность во время судоходства делать хорошие заработки» [78]. Как видно из отчета смоленского губернатора за 1807 г., к извозам, работе на пристанях, сплаву барок и лесных материалов «более способны» были крестьяне Вяземского, Гжатского, Сычевского, Юхновского, Поречского и Бельского уездов, которые и «привычкою к ним некоторым образом усовершенствовали самую к тому надобность» и жили «несравненно избыточнее, нежели обыватели остальных уездов» [79].

В отчетах смоленского губернатора неоднократно подчеркивалось, что в неурожайные и голодные годы отход

крестьян, как правило, усиливался. Так, в отчете за 1825 г. отмечено, что некоторые крестьяне, ранее не покидавшие деревню, от недостатков продовольствия по случаю бывшего в 1824 г. неурожая, охватившего Ельнинский, Вяземский, Дорогобужский, Сычевский и Рославльский уезды, отправились в соседние и отдаленные хлебные губернии на земледельческие и неземледельческие заработки.

В сентябре 1824 г. Барышников предложил алексинскому управляющему лично выехать в Колпитскую часть и крестьянам, которые нуждаются в хлебе, «дать свободу от всех господских работ, дабы они промышляли себе и семействам своим пропитание позволенными средствами, не отягощая помещика безвременными требованиями пособия...».

Крестьяне Вяземского уезда зарабатывали «каменной и плотничной работой», а также перевозкой хлеба на Бельскую и Гжатскую пристани. В Гжатском и Сычевском уездах «главный промысел» крестьян составляло строительство барок, вырубка леса, наем в лоцманы и на разные работы в Москве, Петербурге и Риге. В начале XIX столетия Сычевский нижний земский суд выдавал ежегодно по 2—2,5 тыс. паспортов.

Крестьяне Бельского и Поречского уездов весной уходили на пристани «для сплава к Рижскому порту леса и другов». Из Юхновского уезда крестьяне шли «на разные работы в другие уезды и губернии». В основном это были барабари [80]. В 1828 г. помещичьим крестьянам губернии выдано 6636 паспортов, в 1856 г. — 23124, в том числе 6796 годовых и 16324 полугодовых [81], наибольший отход падает на уезды с преобладанием оброчной формы эксплуатации. Почти половина паспортов (10708) получена помещичьими крестьянами Гжатского уезда, 4227 — Сычевского, 3760 паспортов выдано было крестьянам Юхновского уезда. Сравнительно мало выдавалось паспортов для дальнего отхода в типично барщинных Краснинском, Рославльском и Поречском уездах. По паспортам наибольшее число крестьян уходило в города, на мануфактуры, по билетам и свидетельствам — на сплав судов и лесных материалов. В 1856 г. общее количество судорабочих и рабочих, которые были заняты сплавом плотов, составило 31632 человек, в том числе в Бельском уезде — 19378, Поречском — 6182, Рославльском — 1600, Смоленском — 1646, Юхновском — 830 и Сычевском — 620.

Средний годовой заработок отходника, согласно под-

счетам Я. А. Соловьева, в начале 50-х гг. составил: рабочего мануфактуры — 35 р., извозчика дальнего извоза в восточных уездах — 30 р., а западных — 25 р., землекопа — соответственно 30 и 20 р., судорабочего — одинаково — по 20 р., рабочего в земледелии — 17 и 13 р.

В гжатских деревнях помещиков Нееловых неземледельческий отход крестьян отмечен с конца XVIII в., но особенно широкие размеры он принял к середине XIX в. В 50-х гг. XIX в. в пяти нееловских деревнях (Плоском, Наврищах, Ширякине, Степанцеве и Мышьяках) насчитывалось в среднем 370 душ м. п., в том числе 200 человек в возрасте 18—60 лет. В 1853—1860 гг. вотчинная контора регистрировала от 191 до 287 выдачи паспортов, билетов и пропусков. Многие крестьяне брали в течение одного года по два вида на отход. Всего в отходе участвовало 150 человек, в том числе 26 женщин. К общему числу мужского населения мужчины-отходники составили 30%, а к взрослому — 60% [82]. Отход осуществлялся как из оброчных, так и из барщинных дворов. В дворах с оброчной формой эксплуатации с каждым годом росло число отходников, окончательно порывавших с земледелием и переходившим в разряд промышленных рабочих.

Подавляющее большинство нееловских крестьян было занято на хлопчатобумажных и суконных фабриках Москвы и Московской губернии. Они работали там ткачами, прядильщиками, колотельщиками, присучальщиками, настилальщиками. Были среди них полотеры, плотники, кровельщики. Крестьяне, не имевшие квалификации, уходили на сплав леса.

Промысловые занятия и отход усиливали проникновение капиталистических отношений в помещичью деревню. Крестьянская промышленность отличалась большой степенью привлечения наемного труда.

Подати и повинности крестьян

Барщина. Барщина, или отработочная рента, являлась наиболее простой, первоначальной формой феодальной ренты.

Возникнув на начальной стадии феодализма, барщина, однако, продолжала существовать и с последующими формами феодальной ренты — натуральным и денежным оброками (самостоятельно или в сочетании с ними). Однако при господстве денежной ренты, в условиях развитых товарных отношений, барщина стала отражать потребности

товарного хозяйства, выражать ненасытную жажду получения феодалами прибавочного труда.

Основные черты «старой» (классической) барщины и ее эволюция в условиях России с предельной глубиной и ясностью раскрыты В. И. Лениным. «Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, — писал В. И. Ленин, — что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьян представлял из себя необходимый продукт... Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими *тем же* инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. Прибавочный труд отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы; на помещика работали одни дни недели, на себя — другие» [83].

К. Маркс, говоря об отработочной ренте, указывал, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям, и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств [84].

Современникам казалось порой, что в первой половине XIX в. чуть ли не каждое барщинное поместье имело свою особую систему хозяйства, свой особый «образ управления рабочей силой» [85]. А. И. Жуков, автор опубликованной в 1848 г. книги «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством», назвал три наиболее распространенные в первой половине XIX в. вида барщины: 1) поголовную, при которой «прежде исполняют господскую работу, потом дают время крестьянам», 2) трехдневную, когда «имение делится на две почти равные части, называемые половинами» и крестьяне одной из них работают в господском хозяйстве в понедельник, вторник и среду, а второй — в последующие три дня недели и 3) «брат на брата», когда «одна половина рабочих сил каж-

дого семейства работает на барщине, а другая у себя». Первые два вида представляют собой разновидности старой, классической барщины, а третья — явление совершенно новое; характерный для классической барщины признак — производство необходимого и прибавочного продукта одним и тем же работником здесь уже нарушен. При системе «брат на брата» разделены (во времени и пространстве) не только производство этих видов продукта, но также и сами работники.

В регионе прослеживаются как «старые», так и «новые» формы барщины. В большинстве помещичьих имений восточной части Смоленщины (в так называемых «великорусских» уездах) и в Калужской губернии формально придерживались трехдневной барщины. Ближе к отмене крепостного права многие владельцы стали определять величину барщины не числом рабочих дней, а количеством выполняемой работы, которая производилась крестьянами в раздел. С. Иванов так изобразил эту систему организации барщинного хозяйства: «Вся господская запашка, какая следует по числу крестьянских тягол, делится между крестьянами и, по выполнении каждым семейством следующей ему части работы, он и в господские дни работает дома, между тем как менее прилежные или менее ловкие доканчивают следующую им часть господской работы. Уверенность, что выигранное время пойдет им же самим на пользу для домашней работы, дает крестьянам побуждение работать скорее и старательнее, и надзор легче» [87].

Действительно, надзор здесь можно было осуществить лучше, чем при обычной трехдневной барщине, что же касается крестьян, то они едва ли получали от этого какое-либо облегчение. Уроки, как убедительно говорят многочисленные факты, значительно превышали возможности напряженной трехдневной работы крестьянина и были не под силу даже большинству самых обеспеченных дворов. В выигрыше оказался помещик.

В западных (или так называемых «белорусских») уездах Смоленской губернии управление изделными крестьянами осуществлялось, по словам С. Иванова, на основе системы «брат на брата», «т. е. половина народа живет дома на своих работах, а другая половина обязана постоянно находиться на господской». Система «брат на брата» была известна с конца XVIII в. и не только в «белорусских уездах.

Самой существенной стороной этой системы являлась персонификация в производстве необходимого и прибавочного продукта: при традиционной барщине производство необходимого и прибавочного продукта осуществлялось одним и тем же работником, с той лишь разницей, что необходимый продукт производился на надельной земле в одно время, а прибавочный — на господской запашке и в другое время или, говоря словами К. Маркса, производства необходимого и прибавочного продуктов были отделены лишь в пространстве и во времени; при системе «брат на брата» делилось уже не время работников, а сами работники: одна половина из них все время работает в господском хозяйстве, создает прибавочный продукт (в документах эти крестьяне называются «половинными»), другая половина постоянно находится в своем дворе, занята работой в собственном хозяйстве, создает необходимый продукт. Крестьяне этой части в документах называются «отлучными».

Чем же стимулировалась система «брат на брата»?

Для господского хозяйства новая система организации барщины могла быть выгодной уже тем, что позволяла обеспечить непрерывность производственного процесса, к тому же трудом лучших работников, позволяла специализировать хозяйство, надеяться на некоторое повышение производительности труда. «Отлучным» крестьянам система «брат на брата» представляла некоторый простор для хозяйственной инициативы, делала известную свободу в выборе форм хозяйственной деятельности, создавала заинтересованность в результатах своего труда, надежду на то, что помещик будет меньше вмешиваться в дела крестьянского хозяйства.

Прекрасно сохранившиеся документы вотчинных контор помещиков Смоленской губернии Барышниковых, Ф. Белкина, В. Храповицкого и других показывают, что, вводя систему «брат на брата», все они включали в число «половинных» кузнецов, плотников, столяров, бондарей, «фабричных» и т. п.

Система «брат на брата» вовсе не исключала периодического привлечения на господскую работу и «отлучных» крестьян. Во время уборки урожая и сенокоса помещики прибегали нередко к самому настоящему «пригону», т. е. привлечению на кошение сена, жатву хлебов буквально всех находящихся в данный момент в вотчинах работоспособных мужчин и женщин. Аналогичное положение наблюдалось и в доставке хлеба на пристани. Однако «отлучные» крестьяне

получали иногда небольшую денежную оплату своего труда. Заработок выплачивался наличными деньгами или засчитывался в счет подушной подати.

Если помещики не производили оплату труда «отлучных», злоупотребляли пригоном, крестьяне жаловались на обременение господской работой, насилие помещиков. Жалоб подобного рода было много, и органы власти порой вынуждены были вмешиваться в отношения между помещиками и крестьянами, побуждать помещиков придерживаться системы «брат на брата». Когда в 1851 г. в имении Белокотлово Смоленского уезда, где в отправлении господских работ была введена система «брат на брата», помещик стал прибегать к сгонам, становой пристав, прибывший по жалобе крестьян в имение, убеждал помещика вернуться к системе «брат на брата» [88].

«Отлучные» крестьяне в условиях системы «брат на брата», будучи обязанными содержать «половинных» работников, надлежащим образом обеспечивать их рабочим скотом и необходимыми сельскохозяйственными орудиями (если они выполняли «не фабричную», а земледельческую барщину), направление своей производственной деятельности определяли по своему усмотрению. Многие «отлучные» считали невыгодным заниматься сельским хозяйством, отдавали свои наделы в аренду и переходили к неземледельческим промыслам, уходили на заработки в города.

Месячина. Свое конкретное проявление деформация барщины нашла также в месячине. Она не получила большого распространения.

Если систему «брат на брата» крестьяне считали меньшим злом по сравнению с трехдневной барщиной и даже иногда добивались ее введения, то месячину они обычно отвергали, использовали все средства, чтобы не допустить ее введения, а где она все же вводилась, сопротивлялись ее осуществлению, использовали ее в качестве повода для массовых выступлений против власти помещика. Такой факт, в частности, имел место в имении помещика Смоленского уезда В. С. Повало-Швейковского [89].

Если система «брат на брата» свидетельствовала о большой силе приспособляемости крепостничества к новым условиям, то месячина, наоборот, указывала на утрату крепостничеством этих сил.

Оброк. Оброк — феодальная денежная рента, возникающая в условиях товарного производства, она «предполагает

уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения». Денежная рента была последней формой феодальной ренты, формой ее разложения. При денежной ренте у непосредственных производителей «складывается мало-помалу возможность накоплять известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов» [90]. Поэтому оброчная система уже сама по себе в известной степени служит показателем разложения феодально-крепостнических отношений.

В Смоленской губернии изучаемого времени на оброке находилось около трети общего количества крестьян, распределялись они в основном в четырех уездах — Гжатском, Сычевском, Вяземском и Юхновском. Оброчная форма эксплуатации крестьян преобладала в Калужской губернии.

Статистическое выражение изменений в степени эксплуатации оброчных крестьян за время конца XVIII в. до ликвидации крепостного права в 1861 г. сопряжено с большими трудностями. Главная из них состоит в том, что в разное время имели место разные принципы взимания оброка, в конце XVIII в. при раскладке оброчных платежей помещики исходили из числа ревизских душ, а в первой половине XIX в. из наличия тягол (рабочей силы) и платежеспособности крестьянских дворов. Поэтому для получения сопоставимых данных исследователь должен проделать специальный предварительный анализ источников, сложные вычисления. К тому же в конце XVIII в. денежный оброк, как правило, не сопровождался дополнительными податями, а в первой половине XIX в. чистый оброк встречался редко; оброчные крестьяне выполняли «добавочные» обязательные работы («пособие» помещику в сенокошении, вывозке навоза, рубке и доставке на господский двор дров, уборке урожая, транспортировке хлеба к пристаням и др.) или выплачивали натуральные платежи. А поскольку каждое поместье имело свои виды такого рода работ и платежей, то учесть их и исчислять в денежном выражении практически можно только по отдельным хозяйствам.

Если в конце XVIII в. в среднем по Смоленской губернии оброчные крестьяне платили 2 р. 71 к. с души м. п., или 62 к. с десятины надельной пашни, то в конце 1850-х гг. — по 10 р. 33 к. с души м. п., по 4 р. 86 к. с десятины. Чтобы уплатить душевой оброк конца XVIII в., крестьянину не-

обходимо было продать 0,5—1,5 четверти ржи, а в 1858 г. — 2—2,5 четверти. Следовательно, и с учетом изменения курса рубля степень эксплуатации оброчных крестьян в середине XIX в. оказывается более высокой, чем в конце XVIII в. Особенно высокую степень роста оброка в расчете на душу м. п. против среднегуберских показателей имели Краснинский, Гжатский, Юхновский, Вяземский уезды. Однако в Краснинском уезде на оброке находилось всего 56 душ крестьян. В остальных трех уездах оброчная форма эксплуатации была ведущей. В Гжатском уезде в конце XVIII в. среднедушевой оброк составлял 2 р. 05 к., а накануне реформы 1861 г. — 13 р.

В конце XVIII в. в размерах оброка наблюдалась большая градация. При душевом исчислении оброчных платежей помещики исходили больше из условий данного конкретного поместья: обеспеченности крестьян угодьями, качества земли, промысловых занятий крестьян, их связи с рынком. Так, в Бельском уезде, где оброки имели размеры от 1 до 6 р., крестьяне д. Лускариха помещика Д. И. Рачинского «промыслу большого не имеют» и платят по 3 р. с души, а с крестьян д. Заболотья помещика Б. П. Богдановича, которые «в зимнее время делают сани и продают в г. Белом», взимается по 5 р. с души [91].

В Гжатском, Сычевском, Юхновском, а также в Смоленском и Духовщинском уездах почти все крестьяне платили по 2—3 р. с души. В Сычевском и Гжатском уездах нивелирующее влияние на размер оброка оказывали местная пристань, однотипность источников доходности крестьянских хозяйств; абсолютное большинство оброчных крестьян здесь было занято на строительстве барок, погрузке и сплаве их. В Юхновском уезде таким нивелирующим фактором являлся, видимо, широко распространившийся среди оброчных крестьян прабарный промысел.

Разница в размерах денежного оброка между имениями в первой половине XIX в. объясняется чаще всего «дополнительными» работами или натуральными платежами. В имении Новое (2090 душ м. п., 890 оброчных тягол) помещицы Вяземского уезда графини Е. М. Рибопьер, помимо уплаты денежного оброка в размере 8 р. 59,5 к., крестьяне вносили натурой с каждого тягла 3 четверика ржи, столько же овса, 10 пудов сена, 10 пудов ржаной и яровой соломы, 3 аршина льняного холста, а также 1 талыку из льняной пряжи. Кроме этого, они привозили из лесу по два дере-

ва, по 1/3 куб. сажени дров, нанимали на весь год 20 рабочих, весной и осенью убирали и обрабатывали огороды и сады помещицы [92]. В имении Воробьево (186 душ, 37 оброчных тягол) помещика Гжатского уезда гр. С. Ф. Каменского крестьяне платили 18 р. и сверх того доставляли 60 пудов сена, 8 аршин холста, 1 курицу, 10 яиц и 1 фунт белых грибов с каждого тягла [93].

Добавочные платежи по своей стоимости нередко превышали размеры денежного оброка. Так, в имении Мархотки (свыше 2 тыс. душ м. п.) помещика Ельнинского уезда И. Ф. Базилевского оброк составлял 20 р., с тягла, а «мелкие поборы» с мужчин по 35 р., а с женщин — по 40 р.

Назначаемые помещиками оброки не учитывали производственные возможности крестьянских хозяйств. Отсюда огромные недоимки по уплате оброчных сумм, которые увеличивались из года в год.

На смешанной ренте в период Генерального межевания находилось всего 24 поместья Смоленской губернии с 6445 душами крестьян м. п. В первой половине XIX в. количество таких имений увеличилось, выросли как денежная, так и натуральная доли ренты.

Согласно ведомости, сохранившейся в Государственном историческом музее, ко времени крестьянской реформы 1861 г. общее количество тягол со смешанной повинностью достигло 6950,5. Третья часть из них (2356) падает на Сычевский уезд. Остальные распределяются по следующим уездам: Гжатский — 1487,5, Бельский — 935, Вяземский — 857, Рославльский — 509, Юхновский — 398, Ельнинский — 296, Поречский — 69 и Духовщинский — 43 тягла [94].

Если прибавить к оброку денежное выражение труда, затраченного при выполнении господских работ, то в некоторых имениях его размер увеличится в 1,5—2 раза. В имении Хмелита, где «дополнительные» работы составляли 22 мужских, 15 женских и 16 конных дней с каждого тягла, а в денежном исчислении около 15 р., вырубка и доставка строительных материалов и дров обходилась не менее 3 р., общая сумма ренты достигла примерно 35 р. серебром.

Так же, как и в чисто оброчных поместьях, в хозяйствах со смешанной формой эксплуатации, помещики учитывали при определении величины оброка неземледельческие занятия крестьян, их связи с рынком.

Государственные и земские подати и повинности. В присвоении прибавочного продукта и труда крепостных кресть-

ян наряду с помещиками участвовало и государство. Помимо барщины и оброка, которые выполнялись или вносились в пользу своих владельцев, крестьяне должны были выплачивать или выполнять целый ряд государственных и земских податей и повинностей.

Наиболее тяжелым бременем на плечи крестьян ложились подушная подать и рекрутская повинность. Подушная подать — основной прямой налог феодальной России XVIII — первой половины XIX вв. Она взималась со всего мужского населения податных сословий. Численность податного населения определялась периодически проводившимися ревизиями (переписями) населения. На основе так называемых ревизских сказок (списков лиц, подлежащих обложению подушной податью) составлялись поуездные окладные книги губерний страны.

До 1794 г. подушная подать помещичьих крестьян составляла 70 к. с души м. п. В 1794 г. она была увеличена до 1 р., в 1796 г. — до 1 р. 26 к., в 1810 г. — до 2 р., в 1812 г. — до 3 р., в 1818 г. — до 3 р. 30 к. ассигнациями. В 1834 г. подушная подать была исчислена в серебре и для помещичьих крестьян определена в размере 95 к. Пользуясь тем, что подушная подать считалась лежащей не на отдельных лицах, а на обществах (селениях), помещики заставляли крестьян платить ее не только за себя, но и за дворовых.

Рекрутская повинность для крестьян была общинной. Срок службы по рекрутской повинности сначала был пожизненным. В 1793 г. его снизили до 25 лет, в 1834 г. — до 20 лет, но с последующим 5-летним пребыванием в бессрочном отпуске. В 1855—1872 гг. последовательно устанавливается 12-, 10- и 7-летние сроки службы и соответственно пребывание в отпуске 3,5 и 8 лет.

Рекрутские наборы ложились тяжелым бременем на крестьянское хозяйство. Они изымали из деревни наиболее работоспособную часть крестьян. Только за 23 набора с 1827 по 1855 гг. крепостная деревня Смоленской губернии должна была поставить 51381 человека [95].

По законам и инструкциям царского правительства рекрут должен был отвечать определенным требованиям — возрасту, росту, физическому состоянию. Из представленных в 1844 г. «кандидатов» 574 человека были забракованы по «неуказному росту», 207 — по «неуказному возрасту», 433 — по «случайным» физическим недостаткам (хромота, горба-

сть и др.), 236 — по причинам хронических болезней (хро-ическое воспаление глаз, «тупое» зрение, признаки чахот-и и пр.). Вместо них были затребованы другие, здоровые аботники.

Рекрутскую повинность помещики использовали как редство избавления от неплатежеспособных крестьян, как редство их устрашения, а также как источник обогаще-ия и наживы. «Из тех дворов крестьянских, — предписы-ал И. И. Барышников в 1813 г. алексинскому бурмистру, — которых нет хлеба и лошадей и не платят повинностей, ыбрать людей на службу, на место порядочных и испра-ых крестьян», равно как и «неспособных» фабричных Алек-инской бумажной мануфактуры «выбрать на службу цар-кую, на место назначенных из крестьян порядочных омов» [96].

Зажиточные крестьяне откупались от рекрутской повин-ости. Об этом говорят многочисленные факты приобрете-ия ими рекрутов или зачетных квитанций. Некоторые кре-тьяне вносили Барышникову на приобретение рекрутов или латили за них сами по тысяче рублей и больше. На спис-ах крестьян, подлежащих отдаче в рекруты, составленных одной из вотчин в 1815 г., сделаны любопытные пометки: двор Алексея Гаврилова — «у одного семейства куплены а Филипповых детей два рекрута»; двор Прохора Алексе-ва — «в 1805 г. сын Назар отдан в рекруты, сверх его знос в 1814 г. 1000 р.»; Семен Иванов — «внес на рекрута 00 р.»; за Сергея Яковлева «куплен рекрут в 1809 г.». В жатских вотчинах В. В. и В. А. Долгоруковых в 40—50-х гг. рестьяне платили помещикам вместо рекрутов по 2 тыс. р. [97]

Земские повинности включали в свой состав исправление орог, мостов, гатей, поставку подвод для транспортировки оинских грузов, рекрутских и арестантских партий, полицей-ских служителей и чиновников, а также разнообразные де-нежные сборы (содержание почт, рекрутских депо и т. п.). Сборы на общие земские повинности постоянно росли. В начале XIX в. с крестьян взыскивали по 46,5 к., потом 53,25 к., 55 к., 78 к., наконец, 88,5 к. с ревизской души.

Распределение общеземских повинностей по категориям плательщиков отличалось пестротой. Например, по смете 1817—1819 гг. в Ельнинском, Поречском и Духовщинском уездах с казенных крестьян взималось меньше, чем с вла-дельческих, в Смоленском, Гжатском, Дорогобужском, Крас-нинском и Вяземском уездах, наоборот, помещичьи крестья-

не платили меньше (78 к.), чем казенные (79,5 к.).

Размеры барщины и оброка, государственных и земских повинностей и податей нередко превышали платежеспособность крестьянских хозяйств. Отсюда все возрастающая задолженность крестьян по владельческим, земским и государственным платежам.

Связи крестьянского хозяйства с рынком

Характерную черту крепостной деревни региона составляла ее тесная связь с рынком. Рост товарного производства, подчинение его потребностям помещичьих и крестьянских хозяйств способствовали росту емкости торжков и ярмарок.

Торжки и ярмарки. Помимо Смоленска, Калуги, Брянска и других городов постоянные торжки существовали во многих селах: в Карманове Гжатского уезда, Воскресенском и Климовом заводе Юхновского, Собакине и Семлеве Вяземского, Рогнедине Рославльского, Хмаре Ельнинского, Досугове Краснинского, Ярыгине и Ильинском Сычевского уезда и многих других оброчных и барщинных селах, расположенных на сухопутных и речных торговых дорогах, затронутых процессом дифференциации крестьянских хозяйств.

В городах торжки собирались по два-три раза в неделю, в селах — по одному-два раза. Торговля шла в лавках, с возов, барок, стругов, лодок. Большие торговые обороты имели местные торжки в Смоленске, Белом, Вязьме. В Вязьме накануне Отечественной войны 1812 г. они достигали 5 млн р. в год. Из сельских торжков крупные торговые обороты имели торжки в селах, расположенных близко к пристаням. В с. Ильинском Сычевского уезда в хорошую погоду собиралось до 2 тыс. крестьян с хлебом, пенькой и другими земледельческими товарами.

Ярмарки возникли как институт межгородского обмена. Они были вызваны процессом ликвидации межобластной ограниченности и складыванием всероссийского рынка. Включая местные торжки в систему расширенного обмена, ярмарки способствовали преодолению замкнутости отдельных городских рынков.

По данным Комиссии о коммерции, в середине XVIII в. только в Смоленской губернии насчитывалось 74 ярмарки, в том числе 8 городских и 66 сельских. К середине следующего столетия число их более чем удвоилось (по данным Я. А. Соловьева к 1855 г. их стало 159). Есть основания предполагать, что в действительности ярмарок было больше,

так как учитывались только значительные. Согласно отчету сычевского нижнего земского суда губернатору за 1791 г. «в Сычевской округе по селам в храмовые праздники бывают однодневные, временные, небольшие ярмарки». При этом названо 32 пункта [98]. Едва ли Сычевский уезд был исключением.

В городах ярмарки собирались от одного до четырех раз в год и продолжались от трех дней до одной-двух недель, а то и месяц. В Смоленске вначале «учрежденных» ярмарок не было, а собиралось «ежегодно великое количество народа после пасхи, в день вознесения господня для богомолия», и в этот день производился «главный торг приводящимися из разных мест лошадьми». Во второй четверти XIX столетия в Смоленске появились две «учрежденные» ярмарки: Никольская (на Заднепровской торговой площади) и Вознесенская (на Молоховской площади). Никольская ярмарка впервые открыта в 1835 г. и продолжалась обыкновенно 31 день (с 6 декабря по 6 января). На нее доставляли товары из Москвы и других городов. Торговый оборот этой ярмарки в лучшие годы доходил до 100 тыс. р., а в 1858 г. составил всего 12 тыс. р. На Вознесенскую ярмарку пригонялся крупный рогатый скот и лошади. Она продолжалась не более 3—5 дней. Ее оборот не превышал 15 тыс. р., а в 1858 г. равнялся 7 тыс. р. [99]

В Дорогобуже ярмарка собиралась сначала один, а потом два раза в год. Калужские, бельские, торопецкие, смоленские, рославльские, вяземские и гжатские купцы доставляли различные сукна и материи, рассчитанные на «благородного» покупателя, и в большом количестве лошадей и сбрую, рассчитанные на крестьян. Лошади пригонялись с Лебедянской и Коренной ярмарок [100]. Большое количество лошадей пригонялось также на ярмарку в Духовщине, которая собиралась четыре раза в год и была одной из самых крупных в губернии. На ней шла бойкая торговля хлебом, сапогами, рукавицами, пряжей, деревянной посудой и другими товарами. Ярмарки в Гжатске, Поречье и Белом имели большое значение в закупке товаров для отправки в Ригу и Петербург.

В конце XVIII — первых двух десятилетиях XIX столетий обороты ярмарочной торговли непрерывно росли и в 1818—1819 гг. достигли на дорогобужской ярмарке 500—700 тыс. р., на рославльской — 500 тыс. р., на ельнинской — 150 тыс. р. и т. д. [101] С падением хлебных цен привоз и про-

дажа товаров значительно сократилась. Так, в 1827 г. на дорогобужской ярмарке было продано товара на 300 тыс. р. С 1829 г. оборот ярмарочной торговли снова увеличивается.

На ярмарку в Поречье в 1828 г. было привезено различных товаров на 140 тыс. р., а в 1829 г. — уже на 208 тыс. р., из них отечественных товаров, кроме скота на сумму 202940 р., иностранных товаров — на 5400 р. Из товаров отечественного производства главное место занимает шерсть и изделия из шерсти. На втором месте в привозе стояли хлопчатобумажные изделия (нанка, миткаль, кисея) и льняные изделия (главным образом тонкий холст). Было привезено 500 кусков шелковых и полушелковых материй московских фабрик, кожевенных изделий на 35 тыс. р., в том числе и 2 тыс. тулупов. Изделий из железа поступило на 20 тыс. р. Хлеба было привезено около одной тысячи четвертей на 5 тыс. р. Сахар, мыло, табак, бумага и краска поступили в небольшом количестве. Лошадей было продано 360 голов из 524 приведенных, коров 120 из 200. Стоимость всего проданного скота составила 20400 р. Иностранные товары представлены кофе и чаем на сумму 5400 р., продано было на 1200 р. [102]

В отчете за 1828 г. калужский губернатор заметил, что «знатнейших» ярмарок в губернии нет, но на Мещевскую 29 июня было привезено товаров на сумму до 100 тыс. р. В зимнее время «большие торги» проходили в Сухиничах Козельского и Щелканове Мещевского уездов. Село Сухиничи было известно по торговле пенькой, салом и маслом. Отсюда эти товары отправлялись в разные порты. Ближе к реформе несколько оживилась и ярмарочная торговля. В 1860 г. на все 115 городских и сельских ярмарок губернии было привезено товаров на сумму более 722 тыс. р., продано на 348,5 тыс. р. Названы ярмарки в с. Рожново Боровского уезда, Анисово Городище Жиздринского, Михеево Малоярославецкого уезда [103].

В отчете Новозыбковского земского суда за 1847 г. было отмечено: «Торговля по Новозыбковскому уезду по бедному состоянию народа упадает...». На ярмарку в Новозыбкове 23 апреля привоз товаров составил 8 тыс. р., продажа только 2500 р., на Ильинскую (20 июля) соответственно 10 тыс. и 3 тыс., Ивановскую (26 сентября) — 10 тыс. и 4 тыс. р., Введенскую (21 ноября) — 15 тыс. и 6500 р. На сборную ярмарку в Почепе Мглинского уезда за две недели великого поста привоз составил 6013 р., продажа 4119 р.

на Вознесенской в мае — 5807 и 4073 р., на Ильинской — 4224 и 2947 р.[104]

Пристани. На притоках Днепра, Западной Двины, Волги, Оки и других рек в пределах Смоленской, Калужской, Черниговской губерний возникла система пристаней, через них шла отправка товаров в Ригу, Петербург и другие центры.

Со всех пристаней Смоленской губернии в 1823 г. отпуск товаров превысил 16 млн р., в том числе в Петербург с пунктов Гжатской пристани на сумму около 10 млн р., в Ригу с пунктов Поречской и Бельской пристаней на сумму 6,2 млн р., в Москву и другие города из Юхнова — на 167142 р. 50 к.[105] Через пристани сбывали зерно, льняное семя, конопляное масло, пеньку, говядину, мед и другую продукцию сельского хозяйства (шерсть, перо гусиное и т. д.). За границу пеньки и льна со всех пристаней губернии в 1823 г. было отгружено 880 тыс. пудов, что составляло более 20% всего вывоза пеньки и льна из России.

С третьего десятилетия XIX в. торговля через пристани начинает сокращаться, а с открытием железных дорог вовсе прекращается, тем не менее еще в 1857 г. из Поречья в Ригу было отправлено различных грузов на сумму около 2 млн р., из Белого — на сумму около 5 млн р.[106]

«Торговля по Черниговской губернии не в цветущем состоянии, — говорилось в общем обзоре губернии 5 декабря 1839 г., — и хотя через оную протекают судоходные реки Днепр, Десна и Сейм, но по местному положению прилегающих к сим рекам земель один только лес, известь и хлебное вино, редко приходят суда с железными товарами»[107].

Непрерывный рост товарно-денежных отношений, продвижение местного торга и ярмарки к непосредственному производителю и потребителю приводит к появлению торговцев из крестьян.

Торгующие крестьяне. «Подобно тому, — говорил В. И. Ленин, — как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немыслима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков»[108]. Крестьяне-торговцы и скупщики разъезжали по окрестным селам и деревням, скупали лен, пеньку, холст, суровые сукна, кожи, скот, а затем перепродавали все это на торжках, ярмарках и пристанях.

В деревнях Выдрино, Лукьяново, Новоселье ельнинской

вотчины княгини Е. А. Долгоруковой крестьяне «сверх хлебопашества промысел имеют скупкой хлеба, сена и дров и продажею оных в разных городах». В этом же уезде крестьяне д. Устиново вотчины С. и Н. Лесли и П. Ушакова состоят в оброке, большею частью упражняются в хлебопашестве, а «некоторые в зимнее время промысел имеют скупкою и продажею хлеба». Скупкою и продажею хлеба, сена и дров занимались крестьяне с. Озеренок и д. Вараксино, Сищово генерала Д. Е. Лесли, с. Яковлевичи и д. Матрениной, Яковлевой, Домояда и Агеевки вотчины М. С. Пассека; с. Державина поручика Бибикова, разнопоместного села Чувах, с. Княжего и Холма вотчин Каховских, Пузыревских и Кнышевских, с. Ханина князя А. Черкасского и др. [109]

Как показывают материалы межевого департамента, в Юхновском уезде скупкой и перепродажей пеньки, хлеба и других сельскохозяйственных продуктов занимались крестьяне 145 сел и деревень, в которых насчитывалось 3767 дворов с населением 26219 человек. Почти все они состояли на оброке и обрабатывали более 60 тыс. десятин земли. Много торгующих крестьян было в с. Досугово Краснинского уезда, Субботниках Сычевского уезда и др. [110]

Об операциях крестьян, сделавших своим «промыслом» торговлю, говорят следующие примеры. В 1781 г. крепостной крестьянин с. Субботники Сычевского уезда Макар Борисов продал в Ярыгине гжатскому купцу Воробьеву более 3 тыс. пудов овса на сумму 892 р. 24 к.

Несколько крестьян вотчины П. А. Нарышкиной и графини Салтыковой продали купцам Воробьеву и Жижину «по договорной цене» овса на сумму около 2 тыс. р. [111]

В 1850 г. в Смоленской губернии было только одних государственных крестьян, систематически занимающихся торговлей, 1261 человек. 57 из них получили гильдейские свидетельства и перешли, таким образом, в разряд торговой буржуазии.

Вовлечение крестьян в торговлю способствовало расширению границ и емкости внутреннего рынка, укреплению связей между городом и деревней. Об этом говорит также торговля крестьян на пристанях. В 1802 г. торгующий крестьянин д. Сидорово сычевской помещицы П. Н. Нарышкиной Александр Родионов отправил в Петербург на барках тверского купца Хозинского 270 пудов пера и пуха. В 1808 г. с пунктов Сычевской пристани была отправлена 141 барка, в том числе 7 барок торгующего крестьянина вотчины гра-

В. Г. Орлова Ивана Тихонова. На эти барки он погру-
42500 пудов (8500 четвертей) овса, 800 пудов (100 чет-
ей) семя льняного. Весь товар был куплен им на месте.
овес Иван Тихонов заплатил по 3 р. 50 к. четверть, а за
няное семя по 5 р. Всего товару было отправлено на
250 р.[112]

В 1823 г. из Поречья в Ригу отплыли два струга дворо-
го человека духовщинского помещика И. С. Лесли Рома-
Сидорова с грузом столбов и дров на сумму 6200 р. В
ом же году крестьянин зарайского помещика Измайлова
едосей Капков на пристани Антипиной, близ Юхнова, по-
роил 3 барки и 7 полубарок, которые отправил в Москву.
рки с грузом 2 тыс. досок и 15 тыс. брусьев, а полубарки
з груза — на вольную продажу.

Вскоре после Отечественной войны 1812 г. с гжатских
истаней начал отправлять свои барки крестьянин д. Бас-
ново гжатской вотчины Орлова Прокофий Филатов. В
24 г. он построил и отправил с различным грузом 10 барок
10 лодок. Ежегодно П. Филатов отправлял 50—60 тыс.
дов различных товаров.

Торгующие крестьяне, вроде Прокофия Филатова, тяго-
ли к сословию купцов. Но лишь отдельным из них уда-
сь стать купцами. В 1802 г. в Сычевском уезде было осу-
ествлено принудительное выселение в город крестьян, за-
савшихся в купечество, но еще не порвавших связи с
илей. Им было предложено заниматься промыслом, «зва-
ю их свойственным». Из д. Мокрой вотчины Е. В. Ивано-
й 23 августа 1801 г. в Сычевку был выселен третьей гиль-
и купец Трефил Севостьянов, 2 сентября из с. Зилова —
нисим Гончаров и т. д.[113]

Вопросы крестьянской торговли были в центре внима-
ия купцов еще при разработке наказов депутатам в Уло-
женную комиссию 1767—1768 гг. Купцы Белого жалова-
лись, что ущерб их коммерции наносится наезжающими на
торги помещичьими крестьянами. Они просили запретить
законом крестьянскую торговлю. Любопытны высказывания
гжатских купцов. Раньше, говорят они, «крестьяне как
Гжатского, а равно и соседских с ним Вяземского и Можай-
ского уездов приезжали на Гжатскую пристань с хлебом,
пенькою и другими товарами и продавали их гжатским куп-
цам, а теперь в этих уездах, в селах и деревнях многие
крестьяне и разночинцы недозволенными им торгами в
противность таможенному уставу и подтвердительных в том

указов закупают у крестьян же на дворах и по разным дорогам пеньку, лен и разный хлеб, не указанный весом и мерами, и едущих по Гжатской пристани изо всех вышеписанных мест не допускают, льстя продавцов, что они купят у них дороже...» Купцы Смоленска требовали: «Здешним дворцовым и прочим жителям и крестьянству для покупки товаров в Смоленский уезд не выезжать и никаких товаров не перекупать и тем излишних цен не возвышать» [114].

Помещики на торговлю крестьян смотрели по-разному. В оброчных имениях, где крестьянину была предоставлена известная самостоятельность в изыскании оброка и где оброк все более и более приобретал характер переходного налога, помещики не вмешивались в торговые операции крестьян, а некоторые даже поощряли их, давая денежные ссуды для оборота. В барщинных имениях помещики пытались взять торговлю крестьян в свои руки, выступить в роли посредников между ними и купцами. Барышников в одном из своих приказов управляющему Алексинской вотчинной конторой Ивану Петрову писал: «От меня строго было приказано, чтобы крестьяне наши без позволения старшин и управляющего ни под каким видом в город не ездили. Когда от начальников будет позволение в город ехать, то не позволять туда везти хлеб на продажу... а буде у кого есть хлеб излишний и нужно ему продать для выручки денег на необходимые покупки, то привозили бы в господский дом в Алексино, где они получать будут за свой хлеб деньги по городской цене за указанную меру, а не за воровскую купецкую... Дорогобужских мещан не допускать в наши деревни ни с какими вещами для вымену на хлеб, что наблюдать десятским... За позволение возить хлеб в город, также за допущение мещан в деревню десятские будут — годные отданы в рекруты, а негодные — на поселение. Старосты же за послабление десятских будут оштрафованы» [115].

Таким образом, анализ состояния рынка конца XVIII — первой половины XIX столетий определенно указывает не только на его количественный рост, но и на происходившие в нем глубокие качественные изменения. Самым важным в этих изменениях было распространение сельских торжков и ярмарок, что было связано с продвижением рынка в сторону непосредственного производителя и потребителя, появление категории торгующих крестьян, крестьян-скупщиков.

Являясь составной частью всероссийского рынка, рынок региона конца XVIII — первой половины XIX вв. способст-

вовал разложению феодально-крепостнической системы, вызреванию в недрах феодально-крепостнического строя капиталистического уклада.

Расслоение крестьянства

Характерную черту развития деревни второй половины XVIII — первой половины XIX вв. составляло перерастание имущественного в социальное, буржуазное по своей сущности расслоение. Вызванный ростом товарного производства, первоначальным накоплением капитала и другими объективными факторами, этот процесс захватил все категории крестьянства, хотя протекал не везде с одинаковой силой.

Расслоение барщинных крестьян. Расслоение крестьянства в условиях барщинной деревни наиболее полно прослеживается на материалах подворных описей вотчинных фондов, которые позволяют осуществлять группировку крестьян по рабочему скоту, являвшемуся не только одним из важнейших показателей самостоятельности крестьянских хозяйств, но также служившему критерием распределения надельной земли. (Формально помещик давал землю на наличных работников, а фактически — в зависимости от обеспеченности хозяйства рабочим скотом: многолошадные дворы получали, как правило, наделов больше, чем им полагалось по числу наличных работников, и, наоборот, однолошадные и безлошадные теряли надельную землю, хотя бы они располагали избыточными рабочими руками.)

В пяти деревнях Алексинской вотчины Барышниковых в 1813—1857 гг. входило 26 сел и деревень. В подворных описях выделяется три группы дворов: к первой отнесены безлошадные, однолошадные и двухлошадные дворы, ко второй — с тремя-пятью и к третьей — имевшие более пяти рабочих лошадей. Дворы первой группы пользовались обычно 1 наделом, второй — 1,5—2,5 и третьей — 3—4 наделами [116]. В 1813 г. группа беднейших дворов составляла 41,4% общего числа хозяйств, среднего достатка — 50,9%, зажиточных — 7,7%. Но столь резкое различие, вызванное войной 1812 г., оказалось непродолжительным. Уже к 1815 г. число беднейших дворов сократилось до 7,1%, а среднего достатка увеличилось до 86,2% общего числа дворов. К 1826 г. первая группа еще больше сократилась, несколько увеличилось число зажиточных хозяйств. В последующие 30 лет положение почти не менялось.

Чтобы получить более точное представление о характере и глубине расслоения крестьянства, необходимо учесть другие стороны жизни деревни. В частности, постоянные денежные ссуды помещиков своим крепостным на приобретение лошадей, которые как бы прикрывали собой глубокие различия в экономическом положении крестьян. Анализ книг займа хлеба у помещика и в хлебозапасных магазинах показывает, что в то время, когда одна группа крестьян полностью обеспечивала себя хлебом до нови, другая — ежегодно обращалась к хлебной ссуде на посев, а иногда на посев и продовольствие. Так, в 9 деревнях Бражинского имения Алексинской вотчины в 1816 г. из 55 дворов только 21 собрали хлеба до нового урожая, а 27 вынуждены были взять из господских житниц в долг 600 пудов ржи и большое количество овса, ячменя и гречихи на посев 1817 г. В имении Алексино с 1829 по 1853 г. долг 142 крестьянских хозяйств по хлебным ссудам помещику превысил 21 тыс. пудов. Самые большие долги падали на хозяйства с одним-двумя наделами земли. Не имели долга 62 хозяйства [117]. Документы вотчинных контор помещиков Барышниковых, В. С. Храповицкого, Ф. И. Белкина обнаруживают складывание устойчивых социальных групп крестьянских хозяйств: 1) не обеспечивающих простого воспроизводства; 2) с простым воспроизводством и 3) с расширенным воспроизводством.

Бедные крестьяне не обрабатывали всей надельной земли, и часть их становилась батраками. В хозяйствах с расширенным производством имели место использование арендных земель, торгово-промышленное предпринимательство, эксплуатация наемной рабочей силы. К примеру, в д. Стенниной Козельского уезда у помещиков Кашкиных в 1856 г. из 20 дворов в первой группе оказалось 3 двора (6%), в третьей — только 1 двор (2%). Остальные составляли группу дворов среднего достатка, имели от 3 до 5 лошадей. В с. Спасском (Руднике), д. Даниловке и Холме Мещевского уезда дворов третьей группы не оказалось совсем [118].

Процесс расслоения крестьянства в оброчных и промысловых земледельческих деревнях протекал интенсивнее, чем в барщинных. Это видно на примере Мокринского имения (Гжатский уезд) князя В. В. Долгорукова. В подворной описи, составленной в 1846 г. [119], он подразделил крестьянские хозяйства на четыре категории: бедных, посредственных, достаточных и богатых: бедные составляли 22,4%, посредственные — 54,5%, богатые и достаточные — 23,1%.

нако среди барщинных крестьян доля бедных дворов нимается до 59,6%, а среди оброчных падает до 2,6%. оборот, группы «богатых» и «достаточных» приходятся сновном на оброчные дворы. Здесь они составляют 37,5%, арщинных же только 0,3% (1 двор).

В группе бедных дворов работники, занимавшиеся прослами или участвовавшие в дальнем отходе, составляли 4% общего числа работников данной группы, или 68,1% ботников мужского пола в своих дворах, в богатых соотственно 68,6% и 74,5%. На бедные и средние дворы прицится основная масса учтенных плотников, пильщиков, ндарей, кровельщиков, печников, ткачей, портных, а на гатые и достаточные — мельничные мастера, владельцы етелок («фабриканты»), кузниц, красильных заведений, слобоек, крупорушек.

Силой своего владельческого права помещики пытались мешать расслоению крестьянства путем нивелировки его зяйств, периодическим частичным освобождением бедных оров от уплаты оброков и подушной подати, ограничением зделов крестьянских семей и переделов надельной земли, прещением внутривотчинной аренды и другими мерами.

Дольники. Нивелировка крестьянских хозяйств — наибое яркое проявление тормозящего влияния крепостничества социальное расслоение крестьянства. В изученном регионе а осуществлялась помещиками, главным образом, путем репления дворов, оказавшихся на грани разорения, за счет гатых крестьян через систему дольников и приемышей.

Большинство дольников — это семьи и отдельные креьяне, выведенные помещиками из зажиточных дворов с стью (долей) хозяйства (орудиями труда, рабочим и друм скотом) и присоединенные к обедневшим дворам. Дольком мог стать и бедный крестьянин, если, по оценке помеика, сохранение его самостоятельного двора становилось ецелесообразным.

Приемыши рекрутировались преимущественно за счет сиротевших детей, вдов, крестьянских семей, утративших иглоспособность, полностью лишившихся средств производтва. В отличие от дольников приемышей можно было встреить и в состоятельных дворах. Так, в ревизской сказке сельа Чунасова Перемышльского уезда Калужской губернии отчины помещиков Кашкиных за 1834 г. приемыши отмечеы в нескольких дворах разной состоятельности, разного возраста [120].

Нивелировка достигалась за счет рекрутирования новых и за счет перемещения уже имевшихся дольников. Постоянные переводы дольников составляли существенную черту всей этой системы. Как только двор, в который в определенное время был введен дольник, набирал силы и начинал обнаруживать в своем росте элементы зажиточности, дольник из него переводился в другой, слабый двор. В результате системой дольничества охватывалась значительная часть крестьянских хозяйств. В Лубницком имении Барышниковых (Дорогобужский уезд) за время с 1827 по 1860 гг. дольников имели 19 дворов, или 60% из общего числа. В 1 дворе они находились свыше 20 лет, в 7 — от 11 до 20 лет, в 3 — от 6 до 10 и в остальных — до 5 лет; в 3 дворах дольники вводились дважды. Отдельные дольники за время своей жизни переселялись по 3—4 раза [121].

Дольничество — общерусское явление. Оно выявлено на материале Тверской, Тульской, Могилевской, Витебской и ряда других губерний. В регионе положение дольников зависело целиком от воли помещиков. В Тверской губернии, изученной И. Д. Ковальченко, допускались договорные отношения между дольниками и дворовохозяевами.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на противодействие крепостников, товарно-денежные и капиталистические отношения пробивали себе дорогу. Формировавшиеся под их влиянием новые формы землевладения и землепользования находились в непосредственной связи с процессом расслоения крестьянства, способствовали выделению в его составе зажиточной верхушки, а затем сельской буржуазии. Совершенствование орудий труда, систем земледелия и агротехники свидетельствовало об определенной степени интенсификации крестьянского хозяйства. В то же время лишенная возможности простого воспроизводства часть крестьян удерживалась от разорения лишь натуральными и денежными ссудами владельцев. Долги крестьян по ссудам, недоимки по подушной подати — показатель далеко зашедшего кризиса помещичьего хозяйства. Взятые в совокупности с другими показателями, они делают более понятными объективные предпосылки отмены крепостного права.

ГЛАВА 10

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Классовая борьба крестьянства региона второй половины XVIII — первой половины XIX вв. развивалась на общероссийском фоне. Она отозвалась на крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева, Отечественную войну 1812 г., восстание декабристов, Крымскую войну и проявилась в довольно разнообразных формах.

В условиях интенсификации барщины и роста оброка возросло экономическое сопротивление крестьян, усилилась его борьба за уменьшение нормы эксплуатации и свободу своей хозяйственной деятельности. Уже сам факт разного уровня производительности труда на господской и крестьянской запашках представлял собой отражение экономической борьбы крестьян.

Жизнь помещичьих имений была насыщена так называемыми имущественными конфликтами: серьезный урон наносили поместьям порча или уничтожение господского инвентаря, разрушения или поджоги строений, порубка лесов, потрава лугов и засеянных господских полей, намеренная задержка с уплатой или выплаты в неполном размере оброка, казенных податей и взятых ссуд.

Сопротивление усилению эксплуатации и произволу помещиков находило свое проявление в многочисленных жалобах, избиениях или убийствах представителей вотчинной администрации и самих помещиков. Больше стало и побегов крестьян. Порывая со своими помещиками, крестьяне шли искать лучшие условия жизни в других местах. Нередко они уходили семьями или группами. Теряя работников, помещики были вынуждены сокращать производство.

Когда у крестьян отпадали всякие другие возможности оградить себя от роста феодальной эксплуатации или произвола помещиков, они решались на открытые массовые выступления. Крестьяне требовали освобождения от власти помещиков, перехода в сословие удельных или государственных крестьян. Поводами массовых выступлений служили обычно смерть владельца, не оставившего прямых наследников, передача крестьян из удельного или казенного ведомства в частное владение, обстоятельства политического характера (Отечественная война 1812 г., восстание декабристов), распространение слухов о воле.

Волнения охватывали часто по нескольку помещичьих имений одновременно или следовали одно за другим, тянулись месяцами, даже годами, но во всех случаях оставались локальными, разобщенными, разрозненными, стихийными.

С приближением реформы 1861 г. борьба ведется уже не столько за личную свободу («воля» была близко), сколько за конкретные условия освобождения. В период подготовки реформы звучат требования не только надельных земель, но и земли, находившейся у помещиков под барской запашкой, а также помещичьих лесов и других угодий.

Наряду с требованием предоставления земли при уничтожении феодальных податей и повинностей, выставляется требование уничтожения вотчинной власти помещиков, а также вмешательства в дела сельской общины местных властей, полное уничтожение внеэкономического принуждения и предоставление общинного самоуправления. В сознании крестьян заметно возросли авторитет «мира» и роль схода. Однако до политических требований крестьянство не поднялось и в этот период. Все еще сильны были царистские иллюзии [1].

Граничащие с западными губерниями уезды региона испытывали революционизирующее влияние, шедшее оттуда. Помещик Гжатского уезда Смоленской губернии П. Д. Нелов писал накануне реформы 1861 г.: «Смоленская губерния, вообще, можно сказать бедная по скудной и неблагодарной почве, находится на рубеже бывшего польского края, известного во все времена неблагонадежным духом своих жителей. При сих столь невыгодных условиях для Смоленской губернии, т. е. бедности края, с одной стороны, и вредного влияния соседства — с другой, нельзя не опасаться, чтобы крестьяне при первом недоразумении о правах своих не воспользовались удобным случаем последовать пагубному примеру близкого соседства» [2].

Крестьянское движение во второй половине XVIII в.

Усиление крепостного гнета вызвало во второй половине XVIII в. дальнейшее обострение классовой борьбы во всех ее формах. С каждым годом умножалось число массовых выступлений. В 1762 г. восстали крестьяне большой Воскресенской вотчины Вяземского уезда, принадлежавшей князю Долгорукову. Крестьяне перестали платить оброк, избили представителей вотчинной администрации и обратились в сенат с просьбой передать их в дворцовое ведомство. Местные власти пыта-

лись успокоить восставших разъяснением законов. Они говорили, что сам бог велел крестьянам подчиняться господам, но этот аргумент не возымел действия, хотя крестьяне и были верующими людьми. Тогда в Воскресенское была послана военная команда. Но даже при виде пушек крестьяне решительно отказались повиноваться Долгорукову. Собравшись до двух тысяч человек, они били в набат, бросали в солдат палки и камни. Залпом пушечных выстрелов войска рассеяли восставших. На месте столкновения осталось 20 человек убитых и не меньшее число раненых. Вожаки восстания были арестованы и преданы суду.

Об антифеодальном выступлении крестьян в с. Воскресенском был издан специальный указ, который предупреждал, что если где-либо крестьяне выступят против своих помещиков, то с ними поступят с той же жестокостью, с какой было подавлено восстание крестьян Долгорукова. Повстанцы назывались в указе «злодеями», «помешателями общего покоя» [3].

Классовая борьба обострилась в период крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Хотя основные действия крестьянской войны проходили далеко от границ данного региона, слухи о ней доходили до самых отдаленных уголков страны. Отовсюду стекались к Пугачеву крестьяне, работные люди, рекруты из крестьян. В операциях Пугачева под Казанью участвовала группа рекрутов, бежавших весной 1774 г. из Вязьмы. Один из них, Аксен Иванов, из «партии» Пугачева вернулся на Смоленщину, но был задержан в Дорогобужском уезде. Он допрашивался с жестокими пытками в Дорогобуже, Смоленске и наконец тайной экспедицией в Москве, но так и не сказал, что делал у Пугачева и с какой целью вернулся в Смоленскую губернию [4].

Беглый рекрут Моисей Пладенков, задержанный в Духовщинском уезде, переходя из селения в селение, в беседах с крестьянами, а потом и во время следствия говорил о том, что Пугачев дал народу волю, освободил его от поборов и рекрутской повинности, что «пугачевская партия» прибудет на Смоленщину зимой 1774—1775 гг. и что он сам вернулся от Пугачева на родину «для разведывания», что в народе происходит, сколько воинских команд здесь размещено» [5]. (В действительности Пладенков не был в повстанческой армии.)

Летом 1774 г. из сельца Рожнова Вяземского уезда пытались бежать пять дворовых и крестьян. В Москве у своего помещика взяли ружья, порох, деньги, увели пять лошадей и стали пробираться к Пугачеву. Один из них, будучи грамотным, писал «записки», в письменной форме выражая свое отношение к восстанию Пугачева [6].

В октябре 1774 г. помещик Бельского уезда Гаврила Воеводский доставил в местную воеводскую канцелярию прибывших из охваченного крестьянской войной Алатырского уезда Пензенской губернии двух дворовых людей, которые побывали в с. Чичаты Григория Воеводского, потом в деревнях Христины Воеводской и наконец перешли в имение Гаврилы Воеводского. Они были причастны к убийству своей помещицы и ее родственников, а также к расправам над другими владельцами крепостных душ. В с. Большие Алабухи Тамбовской провинции был задержан и в феврале 1775 г. доставлен в Вязьму дворовый вяземской вотчины вице-адмирала Лопухина Дмитрий Пономарев, который служил в Петербурге при господском доме парикмахером, а когда началась крестьянская война, «бежал, укрывался в разных селениях и наконец, попал в ... партию Пугачева», где выполнял обязанности писаря [7].

Осенью 1774 г. началось массовое выступление крестьян более 20 деревень, составлявших Алексинскую вотчину помещика Дорогобужского уезда И. С. Барышникова. По предварительному уговору они отказались от очистки озера и от работы на винокуренном заводе.

В марте 1775 г. восставшие обратились с челобитной к цесаревичу Павлу Петровичу, в которой просили взять Алексинскую вотчину в дворцовое ведомство, избавить их от «напасти, разорения и нестерпимых побоев», претерпеваемых от помещика. Крестьяне писали, в частности, что Барышников дочиста забрал у них хлеб и солому, а «земля, на коей должен быть хлеб засеян, через его большие работы стоит необработанной без засеву, в пусте».

Боясь, чтобы алексинское восстание не вызвало выступлений крестьян других помещиков, местные власти бросали на его подавление одну военную команду за другой. 20 марта в Алексино было прислано 36 солдат смоленской инвалидной команды. Крестьян собрали у пригонной избы, и командир отряда приказал арестовать тех из них, которые более других упорствовали в неповиновении. Но крестьяне не позволили никого арестовать. В конце апреля в Алек-

сино прибыл отряд майора Зарина, а 30 апреля к отряду присоединилась рота Апшеронского полка, и 1 мая войска вновь вступили в Алексино. Крестьянин Алексей Федотов вышел из толпы и, обращаясь к солдатам, заявил, что восстание не прекратится, пока не будет получен указ на посланную в Москву челобитную, и что если и пять полков пришлют, то и тогда они не послушаются и никого не дадут взять.

Только в конце мая, когда дорогобужскому воеводе удалось обманным путем арестовать вожаков Алексея Федотова и Ивана Константинова, восстание пошло на спад. Царское правительство, напуганное событиями крестьянской войны, жестоко расправилось с участниками выступления: Ивана Никитина, Алексея Федотова и Ивана Константинова сослали на каторгу, нескольких крестьян отправили на поселение в Сибирь [8].

Побеги солдат, дворовых и крестьян, агитация беглого рекрута М. Пладенкова в пользу Е. И. Пугачева, восстание крестьян в Алексине Дорогобужского уезда — звенья одной цепи. Внешне они как бы не связаны одно с другим, что же касается внутренней связи, то она совершенно очевидна.

Жалованная грамота дворянству (1785 г.) закрепила и законодательно оформила все сословные права и привилегии, которые дворяне получили к этому времени: монопольное право на крестьян и землю, свобода от подушной подати и телесных наказаний, рекрутской повинности и др. Из губерний, уездов и волостей теперь каждую неделю отправлялись на «высочайшее имя» сведения «о настроении умов».

Однако остановить классовую борьбу царизм был не в силах. Крестьяне не переставали выражать свой протест против произвола и насилий помещиков, а во второй половине 90-х гг. страну вновь потрясли массовые выступления крестьян и работных людей.

Крупнейшим выступлением после крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева было восстание в Севском и Трубчевском уездах Орловской губернии в 1795—1797 гг., вошедшее в историю с именем одного из крестьянских вожаков Емельяна Чернодырова (Чернодыра). Оно охватило 18 сел и 17 деревень и было направлено против жестокостей администрации и всяческих отягощений, которые испытывало местное крепостное население под гнетом помещиков Апраксиных и Голицыных. В имениях графа Апраксина барщина доходила до пяти дней в неделю. Особенно тяжелой она была в вотчинных мануфактурах. В вот-

чине Голицыных, в с. Радогощи Севского уезда, кроме обработки господской пашни крестьяне трудились на винокуренных заводах, перевозили господскую пеньку, зерно и вино в Москву.

Восстание началось в 1795 г. с д. Шемякина Гута (имение Апраксина). Сначала оно не получило распространения, но в следующем году, когда в связи со вступлением на престол Павла I крепостные крестьяне, как и другие слои населения, были приведены к присяге, у восставших появилась надежда на освобождение от помещика и переход в состояние государственных (апраксинские и голицынские крепостные в начале XVIII в. не знали власти помещиков и жили в составе дворцовой комаричской волости). 26 ноября 1796 г., после принятия присяги, восстали крестьяне помещика Андреева в с. Андросово Дмитровского уезда. Одновременно из д. Иваново (в апраксинских владениях) были посланы ходоки к царю «с прозьбою дабы не быть во крестьянстве». Крестьянина этой деревни Емельяна Черноды-рова, который дал одному из ходоков денег на дорогу, вызвал управляющий. Но односельчане его не отпустили, а решили идти к управляющему все вместе и прекратить работы на винокуренных заводах. 7 января 1797 г. в центре апраксинских владений, в с. Брасово, собралось до 2 тысяч крестьян. Заводы были остановлены, господское имущество взято под контроль, вотчинная администрация бежала. Брасово превратилось в центр восстания, откуда стали распространяться вести о действиях и намерениях крестьян. Видимо, ожидали ходоков с ответом от царя. Чернодыров избегал столкновения с представителями властей, которые приезжали в село для увещевания восставших (вероятно, сомнений в благополучном исходе дела не было). В алтаре брасовской церкви хранились документы Апраксиных на владение имением. Крестьяне извлекли эти бумаги. Сперва их прочли в конторе, чтобы понять, по какому праву Апраксины завладели землями, потом вторично перед толпою и всенародно сожгли, несмотря на уговоры священника. В расчете на будущую самостоятельную жизнь без помещика, планы и межевые книги были оставлены в целости.

Восстание быстро разрасталось. В имении Н. П. Голицыной также шли разговоры об отписке крепостных на государя. И. Щербаков и И. Куркин, возглавлявшие движение, подняли крестьян д. Быковец и работников винокуренного

завода. В с. Жадино обе группы восставших соединились и отправились в Радогощь — центр владений княгини Голицыной. По дороге к ним примыкали жители других сел и деревень. У Радогощи их уже «зделалось человек до тысячи». Они хотели «от заводских работ управителю Свищову отказать, а если он не отменит оных, то убить его до смерти». Расправившись с ненавистным управителем (он был избит так, что впоследствии умер), крестьяне отправили ходоков в Петербург с письмом на имя нового императора. Вокруг с. Радогощи были расставлены караулы, «дабы в оное никто въехать и из оного выехать не мог»[9].

Правительство решило перейти к крутым мерам. Орловский губернатор Кваншин-Самарин был смещен со своего поста. Руководство подавлением восстания возложено на фельдмаршала князя П. В. Репнина. Против крестьян были брошены Ахтырский гусарский и Ряжский мушкетерские полки. 10 февраля 1797 г. с. Радогощь было окружено, и восстание задушено. Крестьянских вожаков наказали плетьми на месте событий. Позже, в Орле, их приговорили к 25 ударам плетьми, урезанию ноздрей и каторге. Для некоторых наказание кнутом оказалось смертной казнью.

14 февраля 1797 г. стало днем народной трагедии в Брасове. Накануне сюда собрались окрестные крестьяне. Е. Черноды́ров надеялся на мирные переговоры с Репниным, но другой крестьянский вожак Ф. Савенков настоял на сопротивлении. По селу расставили часовых с рогатинами, а церковь, колокольня, крыши и чердаки господского дома «облеплены» людьми, решившимися на активную оборону. Восстание кончилось трагически. Фельдмаршал не посчитался с тем, что часть крестьян, стоявшая в стороне, готовилась к его торжественной встрече, приказал стрелять. Войска сделали 33 выстрела из пушек и 300 — из мелкого оружия. 34 убитых и около сотни раненых остались лежать на поле битвы. Горели дома... 16 февраля новый губернатор Воейков отправился с карательным отрядом в Иваново и уничтожил там до основания дом Черноды́рова.

Черноды́ров и Савенков были наказаны 75 ударами кнута в Брасове и 25 ударами в Орле. Затем обоим вырвали ноздри, поставили штемпельные знаки и приговорили к вечной каторге. Три десятка других крестьян наказаны кнутом, плетьми и каторгой.

Тревожно было в Калужской губернии с 23 декабря 1796 г. 1 января 1797 г. волнения охватили крестьян А. А.

Давыдовой в сельце Дубровка Медынской округи. Как видно из донесения губернатора А. Д. Облеухова генерал-прокурору А. Б. Куракину, они оказали сопротивление военной команде. «Собравшись большой шайкой с дубьем, рогатинами и прочим разным дреколием», крестьяне «произносили разные и дрянные ругательства и с совершенным азартом метали» в нее колья.

13 января 1797 г. фабричные и крестьяне А. М. Милютина в с. Титове с деревнями Лихвинской округи отказались работать на фабрике и платить оброк. Увещевания оказались тщетными. Работные люди и крестьяне большую часть времени проводили «в советах», а фабрика служила им «более сборищем, нежели к работе» [10]. 19 января калужский губернский прокурор С. С. Львов сообщил генерал-прокурору А. Б. Куракину о подаче крестьянами с. Новоселок Мещевского округа в земский суд коллективной жалобы на истязания и разорения их помещиком Н. В. Чебышевым. В феврале 1797 г. в губернских учреждениях рассматривались дела об отказе крестьян Медынской округи подчиняться помещикам. Когда в сельцо Угримово прибыла военная команда, более 200 крестьян «с превеличайшими дубинками» собрались в сельце Кулешово и «все единогласно сказали, что они господина своего и команды не слушают, и если их станут кого брать, то перебьют всех до смерти». С ними солидаризировались крестьяне целого ряда соседских имений [11].

В Смоленской губернии в феврале 1797 г. массовое выступление охватило сычевские и гжатские имения помещика И. М. Олонкина, в мае обнаружилось «мятежничество» крестьян Духовщинского уезда, в июне — в имении помещика Бельского уезда Селецкого, в августе — в д. Боровки помещиков Смоленского уезда Полуектовых [12].

И. М. Олонкин, в прошлом купец, подобно Барышникову, стал крупным землевладельцем. За поставку больших партий хлеба казне через гжатские пристани он получил должность провиантмейстера, а затем права дворянина. Олонкин заставил крестьян работать на барщине и давать денежный оброк, который из года в год увеличивал.

Протестуя против усиления эксплуатации, крестьяне отказались от выполнения повинностей и бежали из вотчины. Бурмистры и приказчики отвечали на эти «своевольства» «домовой» расправой — секли провинившихся розгами и кнутом.

Во главе восставших выступил отставной унтер-офицер, бывший крепостной д. Дмитрово Агафон Иванов. Отданный в 1773 г. прежним владельцем Салтыковым в рекруты, Агафон Иванов принимал участие во многих походах и в 1796 г. был отставлен от службы по болезни. Возвратясь в родную деревню, он заявил крестьянам: «Что вы, ребята, спите, когда недовольны своим помещиком. Ступайте просить императора, он вас избавит от господина». Больше того, Агафон Иванов сообщил крестьянам, что по приказанию Павла I в Петербурге «сделан ящик класть всякого звания людям просьбы». Окрыленные надеждой получить освобождение, крестьяне д. Дмитрова, Тарасова и Починка прекратили работу на помещика и 1 февраля отправили с прошением к Павлу I своих доверенных Терентия Миронова и Тимофея Федорова.

Несколько раз бурмистр требовал крестьян явиться в с. Милюково, где находилась вотчинная контора, но всякий раз они заявляли: «Что мы там позабыли? Нечего нам там делать».

По просьбе помещика в имение ездили представители местных судебных полицейских властей, дважды присылали военные команды. Крестьянам разъясняли закон, угрожали расправой. Но, «упорствуя», они всякий раз с «азартом» кричали, что работать на помещика не будут, пока не получат ответа на жалобу, посланную императору Павлу I. К крестьянам д. Дмитрова, Тарасова и Починка присоединились крестьяне 20 других деревень.

В середине февраля местные власти арестовали и отправили в сычевскую тюрьму Агафона Иванова и более 50 других активных участников волнения. Крестьяне ходили в Сычевку выручать арестованных, а когда это не удалось, 14 из них захотели остаться вместе с арестованными, так как считали себя не менее виновными. Их посадили в тюрьму. 19 февраля арестованные заявили, что в случае освобождения они не только сами будут повиноваться помещику, но добьются этого от остальных. Местные чиновники обрадовались такому обороту дела и на следующий день освободили арестованных.

Между тем в имение вернулись Терентий Миронов и Тимофей Федоров, ходившие с жалобой в Петербург, и волнение разгорелось с новой силой. Восставшие выбрали из своей среды бурмистра и старост. Лишившись опоры со стороны вотчинной администрации, Олонкин объявил крестьянам о согласии признать выбранных ими старост, содер-

жать все свои вотчины «на одной пашне... не требуя никакого денежного оброка». Однако на следующий день в вотчину прибыл отряд уездной инвалидной команды, и 33 участника волнения были арестованы и переданы суду. Согласно распоряжению губернского правления всех арестованных препроводили в гжатскую тюрьму, а их дело рассмотрел гжатский уездный суд.

Борьба крестьян оказала влияние на деятельность кружка «смоленских вольнодумцев» А. М. Каховского. В 1796—1798 гг. через канцелярии военного и гражданского губернаторов, губернское правление и другие органы местного управления, отдельных чиновников, которые были членами кружка или находились под его влиянием, прошла масса крестьянских жалоб. Расквартированные в Смоленской губернии полки, командиры и офицеры которых были активными членами кружка, участвовали в подавлении крестьянского движения. Эскадроны Петербургского драгунского полка, где была самая многочисленная группа кружка, ввели в Поречский, Бельский и Велижский уезды, роту Курского пехотного полка — в вотчину И. М. Олонкина. Все это звало «вольнодумцев» к деятельности, направленной на изменение существовавших в стране порядков.

Бегство крепостных представляло собой сложное социально-экономическое явление, форму классовой борьбы. Оно сопутствовало всей эпохе феодализма. «...Беглые крепостные, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — рассматривали свое прежнее крепостное состояние как нечто случайное для их личности. Но в этом отношении они поступали так же, как всякий освобождающийся от своих оков класс, и кроме того они освобождались не как класс, а поодиночке. Далее, они не вышли за рамки сословного строя, а только образовали новое сословие (в России — казачество. — *Ред.*) и в новом положении сохранили свой прежний способ труда и развили его дальше, освободив его от прежних оков, уже не соответствовавших достигнутой ими ступени развития» [13].

Царское правительство, охраняя интересы помещиков, предписывало беглых ловить и после телесного наказания возвращать владельцам, а укрывателей ссылать на вечное поселение, на каторгу и отдавать в рекруты. В целях борьбы с побегами правительство ввело систему «печатных паспортов». И тем не менее количество побегов росло с каждым десятилетием. Во второй половине XVIII столетия только в Смоленской губернии фиксировалось ежегодно от 1000 до

1500 побегов. Крестьяне уходили от малоземелья, непосильной господской работы, побоев помещиков, голода. Беглых в это время нередко укрывали купцы и даже зажиточные крестьяне.

Побеги крестьян лишали помещиков не только рабочей силы, но и спокойствия: бежавшие объединялись группами, совершали нападения на помещичьи усадьбы, убивали бурмистров, приказчиков и самих владельцев. Помещики часто отказывались принимать своих беглых крестьян, просили о ссылке их на поселение или об отдаче в рекруты.

Крестьянское движение середины 90-х гг. воздействовало на политику Павла I. В феврале 1797 г. была запрещена торговля дворовыми людьми и безземельными крестьянами. Весной, в апреле, был издан закон, ограничивающий срок барщины в поместьях тремя днями в неделю и запретивший работы крестьян в воскресенье. В конце 1797 г. с крестьян и мещан была снята недоимка в подушном сборе (более 7 млн р.). За многие десятилетия крепостничества впервые появились официальные документы, провозглашавшие некоторые послабления крестьянству.

Классовая борьба в первой половине XIX в.

Новое столетие началось массовым выступлением крестьян в удельной Писковской волости Сычевского уезда. Поводом к нему послужило отмежевание части земли во владение майора Петра Нарышкина. В 1801 г. они прогнали землемера, а в 1802 г. избили приказчика Жукова и самостоятельно сменили всех начальников приказа. Волнение было подавлено силой военной команды.

В 1806 г. отмечено волнение крестьян помещика Губина в с. Спасском с деревнями Малоярославецкого уезда Калужской губернии, в 1807 г. в с. Антипино Дорогобужского уезда, с. Белавино и д. Бараново и Лугиново Ельнинского уезда, в 1808 г. в юхновском имении Щепочкина и в 1810 г. в с. Соболевка Бельского уезда Смоленской губернии. В Антипине, Белавине, Баранове и Лугинове волнение произошло в связи с передачей крестьян из ведомства казны во владение помещиков Ушакова, Тумило-Денисовича, Жигалова, Огонь-Догановского и Каховского. Крестьяне Антон Евсеев с сыном Пегасием за самовольную отлучку из имения и подачу двух жалоб, а также крестьянин Никита Григорьев за уверения крестьян, что они будут вольными, были сосланы на вечное поселение в Сибирь [14].

До 500 крестьян помещика Щепочкина, «будучи внушены отставным канцеляристом Селезневым, что они по прежде дарованным правам должны быть вольные», вышли из повиновения помещику, проявили непокорность уполномоченным губернатора и «жаловались на неправильное их укрепление». Земский суд «остерегательными» внушениями «успокоил» большую половину «ослушников», а оставшиеся в упорстве 12 человек и два «начинщика» (канцелярист Селезнев и мещанин Рукавишников) были наказаны кнутом и сосланы на каторжные работы.

В 1811 г. отмечено волнение крестьян казенного села Ивановского и крестьян Шигикиной в Тарусском уезде Калужской губернии, возникшее в связи с размежеванием земель с помещиками Бегичевыми, и 1500 человек крестьян А. К. Разумовского в с. Демянове, Деремни, Заполье, Илюшине, Инорине, Курашонове, Огородники, Подбелове, д. Мохове и Староселье Мглинского повета.

Особую страницу в борьбе за волю составляют массовые выступления в период Отечественной войны 1812 г. Вяземский земский суд в первые месяцы после освобождения Смоленской губернии от французских отрядов доносил: «По занятии Вяземского уезда неприятелем во многих вотчинах крестьяне не имели должного повиновения к их начальникам, а иные даже делили господский хлеб и другое имущество по себе» [15]. Управляющий князя Голицына Клюшников, оставшийся в период войны в с. Грива Сычевского уезда, в донесениях помещику неоднократно подчеркивал, что в Дорогобужском, Сычевском и Вяземском уездах «бунты» крестьян происходили во многих вотчинах и что «помещичьи крестьяне делили между собой господское имение, даже дома разрывали и жгли, убивали помещиков и управляющих» [16].

Особенно крупным было волнение крестьян дорогобужских имений Барышникова. Как только 23 июля Барышников поспешно уехал в Нижний Новгород, крестьяне отказались повиноваться вотчинному правлению, разгромили господские дома: забрали скот, хлеб, имущество, разрушили и сожгли пригонные избы, конторы управляющих и бурмистров, скотные дворы и другие постройки. Крестьяне Барышникова громили усадьбы соседних помещиков: с. Чамова князей Долгоруковых в Ельнинском уезде и с. Ушакова помещика Римского-Корсакова в Дорогобужском уезде [17].

Размах и формы крестьянского движения в 1812 г. по-
казывают, что высокий патриотизм крестьян в борьбе с вра-
гом не заглушил, а наоборот, обострил классовую борьбу в
крепостной деревне. После Отечественной войны 1812 г. по
мере усиления феодальной эксплуатации борьба крестьян
становится особенно упорной.

В Смоленской губернии только с 1813 по 1820 гг. про-
изошло семь крупных волнений. Они были связаны с тем
тяжелым экономическим положением, в котором оказались
крестьяне в это время. Волнения начались в первые месяцы
после войны и продолжались по нескольку лет, причинив
большой ущерб помещикам.

Упорный характер носила борьба крестьян с. Мальце-
во Сычевского уезда. Основной причиной выступления яви-
лась жестокая эксплуатация крестьян на барщине. Некото-
рые крестьяне, не имея достаточного количества рабочего
скота, отдавали свои наделы в аренду крестьянам других
помещиков, нищенствовали. В поисках путей к поправлению
хозяйства и спасению от голодной смерти многие из них
пытались уйти «на заработки». Однако их владелица Ека-
терина Нарышкина отказала в выдаче отпускных свиде-
тельств. Когда крестьяне ушли самовольно, помещица при-
казала поймать их и предать суду. В знак протеста 2 фев-
раля 1813 г. крестьяне отказались выполнять барщину и
платить оброк. Летом 1813 г. они выбрали из своей среды
старшин, собирались без позволения помещицы на сходки.

Много раз в имение приезжали уездные и губернские
чиновники. Крестьяне открыто выражали непреклонное
стремление освободиться от власти помещицы, а Нарыш-
кина требовала удалить наиболее «бунтственных» крестьян
из имения. Выступление прекратилось в сентябре 1815 г.,
после вмешательства сената: «непокорных» крестьян отдали
в рекруты.

В Калужской губернии в 1813 г. восстание охватило
имение Горохово помещиков Голицыных. Главная вотчин-
ная контора решила отобрать у крестьян «лишние» 100 дес.
удобренной надельной земли и завести на ней господские
посевы конопли, рассчитанные на продажу пеньки. Возде-
лывание конопляника возлагалось на крестьян. Конопля —
одна из наиболее трудоемких сельскохозяйственных куль-
тур, поэтому требование дополнительно к выплачиваемому
оброку обрабатывать и барский конопляник означало вве-
дение очень тяжелой барщины. Она ограничивала и уход

крестьян на «сторонние заработки». Волнения продолжались восемь лет — до 1821 г. Крестьяне добились уничтожения барщины, возвращения отобранных земель, но оброк был увеличен с 15 до 20 р. с души [18].

Вопрос о земле был самым важным слагаемым крестьянских представлений о «полной воле». Когда декабрист И. Д. Якушкин попытался в 1820 г. в своем смоленском имении Жуково произвести освобождение крестьян, они предпочли остаться крепостными, но с землей, нежели получить свободу без земли [19].

В Калужской губернии с 1815 г. среди крестьян стали распространяться слухи об освобождении от крепостной зависимости. В Мещевском уезде дворовые избили помещика В. Комарова за жестокое обращение с ними, а крепостные сельца Красного Жиздринского уезда убили помещика Д. Ф. Яцына. Крестьяне д. Горячкиной Мещевского уезда обратились к министру внутренних дел и губернатору с прошениями о защите их от разорения и истязаний со стороны помещика П. С. Райского. Они самовольно сменили старосту и совершили побеги. С мая 1818 по 1823 гг. волнение охватило сельцо Мышенки с деревнями мосальского помещика Ф. М. Воронца. Крестьяне обвинили его в притеснениях и разорении. Выступление подавила воинская команда. В 1818—1819 гг. экономические крестьяне Андроновской волости (178 человек) просили о возвращении им земли, отмежеванной помещику Римскому-Корсакову. Они не дали подписку о согласии с решениями Комитета Министров по этому вопросу.

На Брянщине с августа 1819 по июль 1821 гг. продолжалось волнение крестьян (867 человек) с. Евдокимовки и Избични Севского уезда. Они отказались признать нового владельца Афросимова и требовали перевода в разряд свободных хлебопашцев. Подавлено волнение с помощью военной команды. В слободе Плоховке Мглинского повета помещиков Маковских крестьяне объявили себя казенными [20].

В ноябре 1821 г. из повиновения вышли смоленские крестьяне д. Паньково поречского помещика М. Н. Филимонова. До 1797 г. д. Паньково входила в состав Поречской дворцовой волости. Крестьяне «жили в среднем достатке», близость Поречской пристани давала возможность заниматься торговлей пенькой, извозом и промыслами. Павел I подарил Паньково поручику М. Н. Филимонову. Помещик завел в имении господскую запашку и забрал у крестьян

самонаилучшие хлебородские и удобренные поля, усадеб-
ую и огородную землю», отдав им «запущенные лядины».
Потеря конопляников и разработанных полей подорвала
рестьянское хозяйство. К тому же помещик заставлял кре-
тьян ходить на «пригоны ... не исключая воскресных, празд-
ичных и табельных дней». Положение обострилось неуро-
аем и голодом 1821 г. Чтобы прекратить выступления, в
менение ввели экзекуционную команду.

Одновременно за освобождение от крепостной зависимос-
и выступили крестьяне бельского помещика Шестакова. По-
имо земского суда им занимались министры юстиции, внут-
енних дел, гражданский губернатор, губернское правление
уголовная палата, в адрес которых крестьяне подали жа-
обы и прошения. Волнение продолжалось почти полтора го-
а и было подавлено воинской командой.

На массовые выступления 1826—1827 гг. оказали влия-
ие слухи о восстании декабристов. На заработках в Петер-
урге были крестьяне Гжатского, Сычевского, Бельского и
ругих уездов Смоленской губернии. Мастера-камнетесы из
ычевских д. Колюбаево и Мысово работали на строитель-
тве Исаакиевского собора. Многие из них поддерживали
язи со своими деревнями и сообщили односельчанам о
обытиях на Сенатской площади. Распространению слухов
восстании декабристов способствовали также меры пра-
ительства по задержанию декабристов В. К. Кюхельбекера
М. Н. Муравьева. 7 февраля 1826 г. генерал-губернатор
олучил сообщение графа Н. И. Панина о том, что сначала
его бельской д. Еремино, а затем в сычевском с. Воскре-
енском появился «солдат в мундире, кивере и со штыком»,
оторый говорил о переходе в мае помещичьих крестьян в
азенное ведомство. В связи с этим крестьяне его сел и
еревень отказались от уплаты податей и дерзят господам.
ообщение вызвало тревогу губернского начальства. Отда-
о было распоряжение «поспешествовать» к сохранению по-
ядка, удержанию крестьян в повиновении помещикам,
рекращению слухов и мыслей о вольности, «рассеиваемых
лонамеренными людьми», а также к строжайшему дозна-
нию о личности солдата и его задержании. Но в ходе след-
твия и усердных розысков полиции выяснилось, что сол-
ат был вымышлен крестьянами, а слухи о воле связаны с
едавними событиями в Петербурге.

Вслед за бельскими и сычевскими имениями графа
Панина волнение охватило имение Воробьева гжатской

помещицы графини Каменской. В барщинных деревнях помещица расширила господскую запашку, причем за счет крестьянских наделов; некоторых крестьян «без всякой помощи и пособия в строениях» переселили на земли, которые никогда не пахались.

Началось волнение 12 апреля 1826 г. Более двухсот крестьян, преимущественно из малоимущих и разорившихся дворов, не вышли на барщину и отправились в Гжатск, к уездному предводителю дворянства Александрову, с жалобой на управляющего имением Туркина.

Учитывая тревожное положение в стране, губернатор поручил находившемуся в Гжатске чиновнику по особым поручениям Рачковскому, а также гжатскому исправнику «разобраться» в причинах волнения и изыскать меры к приведению крестьян к повиновению помещице.

Прибыв на место, Рачковский и уездные чиновники нашли крестьян в крайнем возбуждении. Более того, они пытались вызвать волнения в деревнях соседних помещиков, где сочувствовали восставшим и в «превратной тишине» наблюдали за ходом их дела. При удобном случае можно было ожидать их выступления. В имение была введена воинская команда.

Значительным было волнение в д. Степанково, Буково, Медведки, Вязовец и Домашинка Н. М. Нахимова. Весной 1827 г. крестьяне отказались от выполнения барщины и, по совету отставного унтер-офицера Соколова, послали Пантелея Лукьянова в Петербург с «всепокорнейшим прошением» освободить их от власти помещика и перевести на положение казенных поселян. Уездные и губернские чиновники уговаривали крестьян остановить свое «заблуждение», но постоянно слышали один и тот же ответ: «Лучше идти в Сибирь, нежели быть во владении Нахимова». Тогда власти арестовали наиболее активных крестьян, предали их военному суду.

В ноябре 1827 — марте 1828 гг. экономические крестьяне Кондринской волости с 1569 душами Жиздринского уезда Калужской губернии совершили массовые порубки в даче Большой Рог помещика Мальцева. В волость ввели воинскую команду. В 1830 г. крестьяне помещицы Степановой потребовали разрешения выкупиться из крепостной зависимости, а государственные крестьяне с. Каменского и Авчинской волости Малоярославецкого уезда отказались от проведения профилактических мер против эпидемии холеры.

В 1836 г. на Брянщине удельные крестьяне с. Чемлыша Комарицкой волости Севского уезда пытались захватить землю, отмежеванную помещикам Долгейму и Дьяковым, а в Калужской губернии государственные крестьяне Перемышльского, Мосальского, Лихвинского, Боровского, Козельского, Мещевского, Жиздринского и Медынского уездов отказались платить недоимки. В казенные деревни была введена военная команда. Аналогичное положение отмечено и в Смоленской губернии [21].

В 1839 г. крупное волнение произошло в с. Докудове Ельницкого уезда Смоленской губернии. Оно вызвано непосильной барщиной и жестоким обращением помещицы Субботиной и явилось самым упорным в стране. Крестьяне оказали сопротивление военной команде, уездному и губернскому начальству, отказались слушать увещевание священника. Это упорство «произошло не от недостатка распорядительности местного начальства, — отмечалось в отчете департамента полиции, — но главнейшее от того, что неудовольствия крестьян имели более существенное и справедливое основание». Арестованные вожаки содержались в смоленской тюрьме. Дело рассматривалось военным судом. В ноябре 1839 г. состоялась экзекуция над осужденными [22].

В 1842 г. был обнародован указ об обязанных крестьянах. Смоленская губерния оказалась в числе десяти губерний империи, где указ вызвал наибольшие «беспорядки» крестьян. Министр внутренних дел Перовский писал о значительном числе жалоб крестьян на непомерные оброки и барщину, на жестокое обращение помещиков, плохое продовольствие; эти «неосновательные жалобы на помещиков приносимы были преимущественно крестьянами Смоленской губернии и замечательно, что для сего они являлись ... каждый раз толпами от 15 до 40 человек в губернский город к самому губернатору» [23].

Широкое распространение получила практика отдачи помещиками крестьян по контрактам предпринимателям-мануфактуристам, на шоссейные и другие работы. Заработок выплачивался помещикам, которые таким образом получали гарантированный оброк. Обычная форма протеста против принудительного кабального найма — массовое бегство. Нередко протест выливался в открытые выступления. В Калужской губернии за первую половину XIX столетия такие выступления отмечены в двух имениях. Особенно

драматический характер приняла борьба крестьян помещика Дубровина.

Имение Дубровина, состоявшее из 17 селений, насчитывавших 1370 душ м. п., находилось в Мосальском уезде. Десять селений куплены в 1838—1839 гг. у декабриста М. Ф. Орлова, а семь — у В. Новоселыцевой. Чтобы расплатиться за покупку, Дубровин заложил деревни в Опекунском совете, получив ссуду в размере 85 тыс. р. серебром. Уплату долга он решил произвести за счет усиления эксплуатации крестьян. При прежних владельцах они находились на оброке — по 35 р. ассигнациями (10 р. серебром) с тягла. Дубровин завел барскую запашку, отрезав у крестьян лучшие земли, их наделы сократились почти вдвое (с 3 тыс. до 1540 десятин). У крестьян была отобрана также половина конопляников. 570 тягол, победнее, были переведены на барщину, но, кроме нее, с них взимали так называемые «подушные» деньги в размере 20 р. ассигнациями с тягла, в качестве «столового запаса» по полбарана, 15 яиц, одной курице и семь талек пряжи. 8 тягол, «зажиточнее других», было оставлено на оброке, который был увеличен до 50 р. ассигнациями с тягла, а с дополнительными поборами его сумма возрастала до 70 р.

В 1843 г. Дубровин заключил с владельцем Вознесенской мануфактуры Лепешкиным (Дмитровский уезд Московской губернии) контракт об отсылке на его предприятие 600 крестьян в возрасте 14—15 лет на 4 года, по истечении которых их меняли другие 600 человек. Лепешкин обязался в течение восьми лет внести за Дубровина в Опекунский совет 60 тыс. р. серебром. Дубровин намеревался и в своем имении устроить ткацкую фабрику, для чего в том же году отдал «в учение» 300 крестьянских мальчиков и девочек в возрасте 10—14 лет на ткацкую фабрику Скуратова (на р. Наре) сроком на 5 лет.

В первый же год на предприятия Лепешкина и Скуратова Дубровин отправил треть крестьян купленных им деревень, обещая их семьям вернуть отобранную землю «и во всех господских работах давать льготы». Обещание не было выполнено. Более того, оставшиеся в селениях крестьяне стали еще сильнее «угнетаться» работами на барщине, с них взыскивали казенные подати и прочие поборы, а за неимением денег у некоторых крестьян продавали хлеб и скот. Многие крестьяне были разорены и ходили по миру.

В июне 1844 г. работавшие на мануфактуре Лепешки-

на крестьяне, узнав о бедственном положении своих семей в деревнях, взбунтовались и потребовали возвращения домой. Они заявили, что «хотят сами вносить деньги в казну и быть вольными». Чтобы договориться с оставшимися в вотчине о совместных действиях, был отправлен Тит Дмитриев — один из деятельнейших вожаков дубровинских крестьян. 24 июня 1844 г., прибыв в вотчину, собрал сходку, на которой читал «возмутительные бумаги»; если крестьяне будут заодно с фабричными, то добьются воли. Участники сходки единодушно поддержали Тита Дмитриева, выбрали его ходатаем по своим делам. Он энергично взялся за дело освобождения. Оставшимися в вотчине крестьянами руководил староста Леонтий Емельянов.

В начале августа 1844 г. 500 находившихся на мануфактуре Лепешкина крестьян направились в Москву к губернатору добиваться освобождения из-под власти Дубровина. В 15 верстах от Москвы путь им преградила военная команда во главе с губернатором. 24 человека арестовали, остальных под конвоем возвратили на фабрику. Губернатор распорядился оставить военную команду на фабрике, так как «дух покорности не совершенно водворился». Крестьяне заявили, что им «лучше быть утопленными в Москве-реке или в горячей смоле кипеть, чем у Дубровина подданными быть», обещали Лепешкину отработать бесплатно два года, если он поможет «спасти» их от помещика.

В 1845 г. крестьяне добились расторжения контракта Дубровина с Лепешкиным и возвращения в свои селения, но волнение продолжалось еще три года. В 1846 г. в имение была введена воинская команда. Крестьяне грозили помещикам: «Только бы сошла от нас экзекуция, то мы весь господский дом по бревну растаскаем». В конечном счете в 1848 г. имение Дубровиных поступило в опеку [24].

Калужский помещик В. А. Пауль, у которого неоднократно происходили волнения, согласился продать имение, чем мучиться с бунтовщиками [25].

В 1844 г. в д. Василевке Суражского уезда Черниговской губернии крестьяне помещика А. Искрицкого отказались выполнять барщину в связи со слухами о вольности. В с. Приселье Духовщинского уезда Смоленской губернии у помещика Платона Энгельгардта (180 душ м. п.) 5 апреля несколько дворовых подали полковнику корпуса жандармов Ахвердову жалобу на изнурение господской работой и нестерпимые побои, просили принять их на военную службу

или в какое-либо ведомство. Следствие установило, что в имениях Энгельгардта крестьяне «бунтовали» довольно часто и уже не один раз подвергались «полицейскому взысканию».

Поводом к волнениям в 1846 г. послужили неурожаи, голод и массовая смертность крестьян. В ряде уездов крестьяне врывались в дома помещиков и забирали у них хлеб. Особенно характерным это было для Краснинского уезда Смоленской губернии[26]. В Малоярославецком уезде Калужской губернии помещик А. А. Хитрово был убит крестьянами. В Суражском уезде Черниговской губернии крестьяне помещицы Гриневой покушались на жизнь управляющего имением.

В августе 1847 г. смоленский губернатор сообщил министру внутренних дел о распространении слухов о скором указе об обращении помещичьих крестьян в обязанные. Появление слухов совпало с пребыванием в Петербурге депутации дворян Смоленской губернии, принесшей императору «верноподданническое благодарение за всемилостивейшее дарование дворянству прав и преимуществ».

В состав депутации входили рославльский уездный предводитель дворянства полковник Фонтон де Веррайон и генерал-майор Шембель. В продолжительном «келейном» разговоре Николай I просил депутатов побудить смоленское дворянство к переводу крестьян из крепостных в обязанные. «Лучше нам отдать добровольно, — убеждал император, — нежели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиною, что у нас нет торговли, промышленности».

После «приватной аудиенции» Фонтон де Веррайон написал письма своей жене и смоленскому губернскому предводителю дворянства князю Друцкому-Соколинскому, в которых изложил во всех подробностях беседу с императором. Письма Фонтона де Веррайона скоро стали известны чуть ли не всей губернии. Слухи послужили поводом к крестьянским волнениям в мае — июле в имениях Воейкова в Вяземском, Коссовых — в Рославльском и Друцкого-Соколинского — в Смоленском уездах.

Длительное массовое выступление крестьян произошло в 1848 г. у калужской помещицы Воейковой, имение которой располагалось в Медынском и Мещерском уездах. Ранее владение принадлежало С. А. Николаевой. За неплатеж в срок процентов по закладной Опекунскому совету оно было назначено к продаже с аукциона. Крестьяне, воспользовавшись благоприятным моментом, возбудили дело о выку-

ие на волю с уплатой выкупной суммы в рассрочку. Однако несмотря на ходатайство крестьян, имение было продано Воейковой. Крестьяне получили отказ на прошение к царю. Ходоков арестовали, подвергли телесному наказанию и выслали на родину. Была вызвана полиция, начались порки, и крестьян силой заставляли дать подписку о повиновении новой помещице. Вступив во владение, Воейкова стала всячески притеснять крестьян, наложила на них оброк по 75 р. ассигнациями с тягла и сверх того всех поголовно гоняла на барщину. Был установлен такой порядок: до тех пор, пока не оканчивалась господская пахота или жатва, ни один крестьянин не смел приняться за свои полевые работы. Введение барщины сильно ограничило возможности крестьян заниматься «сторонними» заработками. Притеснения помещицы вызывали новое волнение, которое продолжалось до 1851 г.[27]

В 1848 г. в Смоленской губернии произошли массовые выступления крестьян в имениях помещиков П. Энгельгардта и С. Жигмонта — Духовщинский, Богдановичевой — Поречский, В. Энгельгардт — Ельнинский уезды. По характеристике департамента полиции, все они отличались «необыкновенным упорством неповиновавшихся»[28]. Волнения были подавлены воинскими командами и местной полицией и применением розг и арестов.

Помещица Ельнинского уезда Варвара Энгельгардт продала в феврале 1848 г. дворянину Путяте своих крестьян в количестве 116 душ. Путята вступил в управление имением до полного оформления купчей крепости. Крестьяне воспользовались этим и не признали власти нового владельца. В мае 20 человек явились к земскому исправнику с жалобой на плохое продовольствие и отсутствие семян для посева. Исправник отправил в имение временное отделение и военную команду из десяти рядовых и одного унтер-офицера. Собрали крестьян на сходку, но они не стали слушать увещеваний и заявили, что будут добиваться воли и «один другого не выдадут». На следующий день собрались на гумне и перед иконой принесли клятву «стоять твердо в своем намерении и все наказания, какие бы за то ни последовали, выносить терпимо»[29]. Лишь численно увеличив воинскую команду, местным властям удалось сломить сопротивление крестьян.

В 1850—1853 гг. в крестьянском движении наблюдается резкий скачок. Волнениями поражены были почти все

уезды губерний региона. Особенно крупным было волнение в д. Дмитровке вяземского помещика Дмитрия Сегеди.

Имение Сегеди было одним из самых малоземельных в уезде. На душу крестьян приходилось около полдесятины пашни и очень небольшое количество луговых угодий. Чтобы обеспечить семьи хлебом, крестьяне вынуждены были промышлять заработком на стороне.

10 августа 1850 г. 19 крестьян явились к приставу, заявив, что в связи с малоземельем и обременением господскими работами, они терпят большую нужду в хлебе, а поэтому просят не допустить полного их разорения. Пристав расценил поступок как проявление неповиновения помещичьей власти и, строго предупредив об ответственности перед законом, отправил их в вотчину, а на следующий день сам прибыл в Дмитровку и сделал крестьянам внушение в присутствии помещика.

Внушение пристава не только не возымело действия на крестьян, но, наоборот, толкнуло их на открытый протест: 11 августа они отказались от господской работы, отправились с жалобой в земский суд. В имение Сегеди направили временное отделение во главе с непременным заседателем Богдановым.

Сначала Богданов пытался успокоить недовольных с помощью увещевания: в присутствии 79 понятых крестьяне выслушали законы, но на работу не пошли. Тогда Богданов приказал арестовать часть из них и отправить в Вязьму для «законного суждения». Но все неповинующиеся, в том числе и предназначенные к отправке в тюрьму, «соединились вместе», оставили непременного заседателя и «с большим шумом» отправились в Вязьму. Богданов попытался остановить их с помощью понятых из крестьян соседних помещиков, но те отказались это сделать.

14 августа временное отделение обратилось к командиру вяземской инвалидной команды с просьбой прислать в имение Сегеди 25, а если можно, то и 50 солдат. Просьба была немедленно удовлетворена. На следующий день солдаты прибыли в Дмитровку. Однако крестьяне в имении не появились, воинская команда бездействовала. В Вязьме и Смоленске объявили о побеге крестьян Сегеди, и 23 августа 12 человек из них задержали в Смоленске. После допроса под строгим караулом арестованных отправили в Вязьму и водворили там в тюрьму, а в имение выехали старший

чиновник по особым поручениям Воейков и полковник корпуса жандармов Романус.

Ознакомившись с положением крестьян и делами вотчинной конторы, 27 августа Воейков сообщил губернатору, что жалоба крестьян на малоземелье подтверждается и что от этого в имении Сегеди «водворилась бедность и почти всегдашнее нищенство», крестьяне ежегодно терпят крайность в продовольствии, пособие из мирского магазина выдается только весной и в малом количестве не по наличным душам, а по тяглам, и многосемейные крестьяне получают нередко меньшее пособие, чем малосемейные. Подтверждалась также жалоба крестьян на обременение работами. Почти все господские работы выполнялись сгонами, число работников и барщинные дни не соблюдались, все делалось по произволу помещика. Для собственных работ у крестьянина времени оставалось мало. Полковник Романус заявил, что вина крестьян состоит в том, что они пошли вместе жаловаться, но и это случилось потому, что «потеряли, наконец, терпение, продолжавшееся двенадцать лет».

Но ни Воейков, ни Романус конкретных мер к защите крестьян Сегеди не предприняли. Этим воспользовался крайний реакционер, губернский предводитель дворянства князь Михаил Друцкой-Соколинский. Верный интересам своего класса, он сделал все, чтобы выгородить Сегеди и обвинить его крестьян. Волнение продолжалось до 1853 г. Крестьяне собирались на сходки, не платили подушных денег и не вносили хлеб в запасные магазины. В апреле 1853 г. в господской работе участвовало только четыре двора, а остальные «предавались своевольству» и, явясь в Вязьму, обратились в земский суд с просьбой о принятии в ополчение за приволжские губернии. За этот «патриотический» порыв, а также за многолетнее неповиновение помещику двое крестьян по решению земского суда были отправлены в ссылку, а остальные под конвоем 15 солдат Ряжского пехотного полка препровождены в имение Сегеди и по воле помещика наказаны розгами [30].

В июне 1851 г. волнение охватило сельцо Белокотлово помещика Смоленского уезда Правикова. В мае крестьяне обратились к губернатору с жалобой на притеснение помещика, а 16 июня не вышли на господскую работу. Выезжавшие на место чиновник особых поручений Муромцев и Романус выяснили, что пять лет назад, приняв от матери

управление имением, Правиков отнял у крестьян ранее обрабатываемую ими землю и завел на ней господскую запашку, вскоре ввел «орловскую систему» хозяйства — работу «брат на брата».

Сохранились допросы восставших. Они ярко раскрывают положение крестьянского хозяйства накануне реформы и отношения между крестьянами и помещиками. Крестьянин Федор Антонов рассказал, что во многих дворах не хватает работников и лошадей и барщину за них выполняют те дворы, в которых имеются лошади и работники. Из рассказов Василия Яковлева видно, что часть крестьян была отправлена на шоссейные работы, но деньги, заработанные ими, поступали в распоряжение барина. Все допрошенные жаловались на жестокие избиения помещиком. Крестьяне Тихон Ерофеев и Филипп Игнатьев были избиты за то, что первый попросил в долг хлеба, а второй — леса на починку избы; Стефан Егоров за то, что мал ростом и слаб здоровьем. Крестьянину Ивану Дмитриеву помещик запретил жениться, а за просьбу отпустить в работники избил и велел остричь волосы [31].

На борьбу за свободу поднялись крестьяне духовщинской помещицы Коншиц-Квинтицкой (д. Быково), вяземского помещика Толстого, которые жаловались на неправильное завладение ими Толстым и попытку насильственного переселения в другое имение, помещика Юхновского уезда Ухтомского. Поводом к волнениям 1852 г. послужили новые слухи о воле. Краснинский исправник сообщил губернатору: в уезде «носятся слухи о какой-то свободе, последовавшей по распоряжению правительства для крепостных людей», и будто об этом было оповещено священниками в церквах.

В Новозыбковском уезде Черниговской губернии крестьяне селений Денисовичи, Карпиловки, Лысой и Щербиничи отказались в сентябре 1852 г. подчиняться наследникам бывшего владельца Румянцева.

Не ослабевало крестьянское движение во время Крымской войны. Рекрутские поборы вырывали из деревни наиболее трудоспособных крестьян. В связи с этим усилилось барщинное, оброчное и налоговое бремя. На барщине заставляли работать поголовно всех, не считаясь с возрастом и здоровьем. Чтобы изыскать деньги на уплату оброка и казенных платежей, крестьяне должны были продавать последние пожитки, обрекать семьи на нищету и голод. Усиление барщины, непосильность обложения, резкое увели-

чение недоимок, а также репрессии, связанные с их собиранием, вызывали обострение классовой борьбы.

В начале войны (1853 г.) в Смоленской губернии произошло шесть волнений (в имениях Моден Сычевского уезда, Пастухова, Гжатского, Толстого, Давыдова и Гурьевой Дорогобужского и Владиславского Рославльского уезда), в 1854 г. — в десяти имениях. В имении княгини Друцкой-Соколинской (Краснинский уезд) поводом к волнению послужил ее отказ от выдачи продовольствия голодающим крестьянам. Они уничтожили питейный дом помещицы, свезли в свои гумна господский хлеб, отстранили ненавистного управляющего. Наиболее активные участники восстания были наказаны розгами, некоторые из восставших бежали из имения. Крестьяне д. Боровики (имение Пущина, Поречский уезд) жаловались: «Мы лучше решаемся всею вотчиною годных отдать в солдаты, а остальных сослать в Сибирь, нежели претерпеть бесчеловечные увечья».

По предписанию губернатора, в Боровики прибыли офицер корпуса жандармов, исправник, судья и чиновник особых поручений при губернаторе, которые, однако, смогли отыскать только семь стариков (остальные успели убежать из имения). Следствие подтвердило жалобу крестьян. Соседи характеризовали Пущина как человека развратного и жестокого, а о крестьянах отзывались только с положительной стороны. Тем не менее большинство участников волнения арестовали и долго держали в смоленской тюрьме.

В первой половине XIX в. еще более частым явлением стали побеги крестьян. В 1822 г. из сельца Мишуково Ельнинского уезда бежали сразу 32 человека, которые забрали разного рода имущество и угнали 3 лошади помещика. В 1826 г. в Рославльском уезде задержали 58 беглых крестьян, в Гжатском 45, в Юхновском 84, в Смоленском около 200, а всего по губернии 935 человек. В 1829—1830 гг. правительство приняло дополнительные меры к предотвращению увеличившегося бегства крестьян от помещиков и «открытия» бежавших. В каждом уезде разрешалось определить в земские суды по одному заседателю «от короны» с жалованием 200 р. в год, в «поощрение» им назначалось по 10 р. за каждого пойманного беглого крестьянина.

В 1840 г. на ярмарке в с. Салькович в Калужской губернии крестьянин Барышев рассказывал, будто есть указ, призывающий крестьян к переселению в Кишинев с освобождением от помещичьего владения. Последствием этих слухов были массовые побеги по направлению к Кишиневу [32].

Из Калужской губернии крестьяне бежали преимущественно в Черниговскую и степные губернии юга Украины, т. е. в районы массового промыслового отхода. Нередко, уйдя на заработки, крестьяне совсем не возвращались в свои деревни. О массовом бегстве калужских крестьян сообщил в своем отчете за 1856 г. начальник III отделения В. А. Долгоруков: «В течение пяти лет не возвратилось в эти имения отпущенных в южные губернии на заработки 118 крестьян ... Эти крестьяне укрываются в Одессе и Бессарабии и некоторые из них успели перевести туда свои семейства» [33].

Все больше и больше становилось случаев покушения крестьян на собственность и самую жизнь помещиков. В 1829 г. был убит духовщинский помещик Семен Бельский и сожжено гумно с хлебом Ромейки Гурки. В 1831 г. в том же уезде было совершено нападение на дом Григория Станкевича (с. Митьково); неизвестные люди ворвались в покои помещика и так жестоко побили его самого, жену и сына, что они едва остались живы. Помещик не решился оставаться больше в имении и уехал в Смоленск. Помещик Лукин в 1843 г. за насилие над крестьянскими женщинами был отравлен. Покушались на жизнь помещиков Волчанских и Воронец (Юхновский уезд) [34].

Росло число поджогов помещичьих имений. Только в 1855 г. в Рославльском уезде сгорел дом Тимофеевой, в Гжатском — Маркова, в Ельнинском — гумно с хлебом у Скугоревской, в Духовщинском — помещичья мельница, в Юхновском — скотный двор и задворок с хлебом. Помещичий дом сгорел также в Дорогобужском уезде.

Движение крестьян в предреформенные годы

Вторая половина 50-х гг. XIX в. была временем обострения кризиса феодально-крепостнической системы и возникновения революционной ситуации. Крестьянское движение этого периода стало массовым, более сплоченным и наступательным. Только в Смоленской губернии в 1856—1860 гг. произошло 92 выступления крепостных крестьян и 3 крепостных рабочих.

В 1856 г. самыми значительными были выступления на крепостных мануфактурах Е. Г. Болговской в с. Купавны, Высокое и Гнездилово Ельнинского уезда и в рославльском имении помещицы Эссен.

15 января 1856 г. около 100 купавинских рабочих, остановив машины, явились в Гнездилово, где жила помещица, и

потребовали дать им «письменный договор» на выдачу хлеба, харчевых, обуви и одежды. Болговская категорически отвергла требования и приказала рабочим немедленно отправиться в Купавну. Рабочие вернулись, но работать не стали и не разрешили другим «пускать машины действием воды».

«Опасаясь, чтобы оказанное крестьянами непослушание не приняло большого размера», ельнинский земский суд направил в Купавну временное отделение. Когда его усилия прекратить волнение с помощью увещевания оказались тщетными, в имение был послан взвод солдат. Работа была возобновлена, хотя рядовые инвалидной команды Кондратий Владимиров и Федор Хрисанфов, поступившие в службу из крестьян Болговской, не только сочувствовали рабочим, но «одобряли их к неповиновению и упорству».

Покидая имение, временное отделение суда обязало купавинских рабочих выполнить «упущенные за неповиновением работы». Но, как сообщила 14 апреля исправнику Болговская, они не только не выполнили этого распоряжения, но «сделались гораздо смелей» и вновь отказались повиноваться начальству. «При каких-либо назначениях работ, — писала помещица, — они выполнением ослушаются, подушных платить не хотят, работают небрежно, а на требование работать должным порядком, с давних пор заведенным, отвечают грубостью, на работу являются не в свое время, а по произволу своему, и еженедельно на работу не являются следуемых брат на брата от 50 до 70 человек».

Вновь прибывшее на Купавинскую мануфактуру временное отделение обнаружило неповиновение рабочих и в Высоком, а также попытку купавинцев вовлечь в движение рабочих Гнездиловской мануфактуры. Общее число неповинующихся составляло 253 взрослых рабочих и 108 подростков. 20 апреля в Купавну пригласили понятых, повторено было увещевание. Но «никакие убеждения на них не подействовали». Когда же члены временного отделения хотели схватить «главнейшего возмутителя» Осипа Аристархова, они «огромной толпой произвели буйство», бросились на полицейских, повалили их, топтали ногами. Отбив Аристархова, рабочие увели его «в свою толпу, крича при этом, что они все одного фабричного общества и никого не дадут». Создавалась угроза распространения волнения на другие села и деревни, и в имение Болговской вновь была послана воинская команда.

Волнение в имении Эссен ознаменовалось двумя вспышками — в 1856 и 1857 гг. Оно привлекло к себе внимание не только местных властей, но и правительства.

Еще в 1854 и 1855 гг. крестьяне обращались в губернские учреждения с жалобами на изнурительную барщину. Сын помещицы, являвшийся фактическим владельцем, заставлял их работать на господском поле даже в воскресенье и праздничные дни. Невыполнение распоряжений помещика каралось жестокими телесными наказаниями. В июле 1856 г. к уездному предводителю дворянства и исправнику явились два крестьянина, один из них только что был наказан розгами, второй кнутом.

Не получив защиты от местных властей, крестьяне написали прошение императору. Оно характерно для идеологии крестьян или во всяком случае для формы, в которую облекалось изложение нужд («богом определено нам быть рабами, и нами господам нашим владеть»). Крестьяне считали, что должно быть «все соразмерно», а они «совершенно забыли религию христианскую, праздничные дни всегда в господской работе, изнурены и истощены». Требуя избавить их «от невозможных и несоразмерных» работ и жестоких наказаний, крестьяне заявляли: «Государь! Прошение наше не ложно... Повели исследовать, как мы живем за нашим господином, даруй нам милосердие» [35].

5 октября 1856 г. около двухсот крестьян вышли на Варшавское шоссе у д. Коськи. Здесь должен был проезжать великий князь Михаил Николаевич, ему и хотели крестьяне передать прошение на имя царя. Рославльский исправник сделал попытку убедить собравшихся в противозаконности их действия и предложил подать жалобу двум-трем человекам, а остальным вернуться в имение и приступить к работе. Но крестьяне остались непреклонными. Губернатор посчитал применение военной силы преждевременным и выехал в Коськи лично. В результате уговоров губернатора часть крестьян разошлась, а человек сто осталось на месте. После этого была вызвана воинская команда, но крестьяне успели скрыться. Солдаты прочесали окрестные леса и к вечеру 6 октября более половины из них задержали.

8 октября в имение прибыли чиновники особых поручений Шугальский, уездный предводитель дворянства и исправник. В присутствии почти тысячи крестьян и нескольких сот понятых участники волнения на следующий день

ли жестоко наказаны с помощью военной команды. Их язали специально разработанными «Правилами» беспре-ловно повиноваться вотчинной власти и выполнять все зложенные помещиком работы. Им запрещалось подавать алобы на помещика. Помещик же не мог требовать от рестьян работы свыше трех дней в неделю, в воскресенье праздничные дни, не мог принуждать крестьян к супру-еству без их воли. «Для удержания крепостных людей в овиновении и добром порядке» помещик сохранил право потреблять домашние средства исправления и наказания» его усмотрению, но без увечья.

В 1856 г. волнения произошли также в имениях поме-ицы Гжатского уезда Е. В. Салтыковой (более 2 тыс. душ п.), помещика Ельнинского уезда Е. В. Пассека (177), уховщинского — Повало-Швейковского (113), Юхновско- — Ф. А. Ухтомского (437), помещицы Бельского уезда С. Грибоедовой (168 душ).

Во многих губерниях произошли выступления возвра-вшихся ратников, не хотевших подчиняться помещикам. итая себя «государевыми людьми», ополченцы отказыва-сь идти на барщину, платить оброк, оказывая сопротив-ние властям. Подобные случаи отмечены в Боровском и издринском уездах Калужской губернии. 24 августа в алужской губернии восстали ополченцы 726-й дружины, спротивившихся роспуску их до домам и возвращению к мещикам [36].

Донесения из губерний офицеров корпуса жандармов идетельствуют о повсеместном распространении в 1857 г. ухов о воле и об усилившемся «нетерпении крестьян» в жидании воли. В донесении жандармского офицера из алужской губернии от 1 ноября сообщалось: «Толки об том (т. е. о свободе) с каждым днем все более и более аспространяются между крестьянами и преимущественно ежду дворовыми людьми, которые, будучи убеждены в справедливости оных, ожидают скорого освобождения от помещичьей власти, выказывая в некоторых случаях своеольность, что заставляет владельцев опасаться худших ледствий, если не предупредить оных». Еще ранее, в октябре 1857 г., калужский губернатор Д. Н. Толстой, в «строго конфиденциальном» донесении сообщал, что «глав-ный источник ложных слухов и кривых толков» — отход-ники, которые, «возвращаясь из С.-Петербурга и из Моск-вы в свои дома ... везде находят готовую веру словам своим,

сопровождаемую нетерпеливым ожиданием скорого освобождения» [37].

В 1857 г. крупное волнение произошло в с. Бессонове Вяземского уезда, поступившем из владения Телепнева в руки нового помещика Д. А. Путяты. Семь сел и деревень, составлявших вместе с Бессоновым одно имение (384 души м. п.), назначены были Московским опекунским советом к публичной продаже за неуплату помещиком долгов. Узнав об этом, крестьяне обратились к царю с просьбой разрешить им уплатить заемную ссуду и перейти в казенное ведомство. Для передачи прошения были выбраны ходоки Селиван Ермолаев и Илья Павлов. Первый из них 21 января 1857 г. был арестован в Петербурге и по этапу отправлен на родину, а второй вернулся и распространил слух, будто с мая 1857 г. все крепостные люди будут вольными и что Селиван Ермолаев несет царское повеление о вольности бессоновских крестьян. Когда вскоре имение все же было продано и 28 марта 1857 г. для введения Путяты во владение в Бессоново прибыло временное отделение земского суда, крестьяне заявили уездным чиновникам, что знать не хотят нового помещика, будут ждать своего поверенного и обязательно добьются воли. Когда же им сообщили, что Селиван Ермолаев арестован, а на прошение дан отрицательный ответ, восставшие заявили, что не верят этому и все пойдут в Петербург жаловаться императору. 31 марта они собрались в церкви с. Бессонова и, дав клятву стоять на своем, заставили священника отслужить молебен об успехе их дела.

Вечером 1 апреля прибыла рота Могилевского полка в составе 120 солдат, 3 апреля еще одна рота, и против восставших были приняты карательные меры. Сначала приказано было захватить крестьян в деревнях, но это не удалось. Крестьяне успели до рассвета собраться в д. Ермолино — «главное место пребывания зачинщиков». Из Ермолина они пришли в с. Бессоново и, «остановясь на избранном ими месте, объявили, что далее не сделают шагу». После неудачной попытки увещевания толпу крестьян окружили войска и все они были поодиночке перевязаны, «ибо ни один из них добровольно не давался». 116 человек подвергли жестокому наказанию. Солдаты оставались до конца июня. В октябре в имение вновь ввели воинскую команду, и участники волнения еще раз подверглись порке.

В отдельных случаях в качестве «подстрекателей» и

«зачинщиков» неповиновения выступали отпускные солдаты и унтер-офицеры. В 1857 г. рядовые Украинского гренадерского полка Александр Федоров и запасного егерского полка 4-й пехотной дивизии Фрол Наумов, находившиеся в краткосрочном отпуске в Духовщинском уезде, оказали решительное сопротивление попытке помещика Глинки перевести крестьянские дворы в другое место («на песочки»), «наделали ему много дерзостей и грубостей», кричали, что сожгут, но не дадут строения перевозить, почему Глинка, не приступая к разборке дворов, уехал с помощниками [38].

Ельнинской помещице Болговской неповиновение оказали шесть бывших работников 30-й дружины. Прибыв в имение, они не явились в вотчинную контору и проживали «по собственному произволу», а в августе 1856 г. объяснили, что «они и жены их не пойдут для исполнения господских работ, считая себя независимыми от имения и совершенно свободными от подданства». Земский суд «напомнил» работникам об их звании и обязанностях полицейской расправой.

Опубликованный в декабре 1857 г. рескрипт царя на имя петербургского генерал-губернатора о начале подготовки отмены крепостного права крестьяне «поняли по-своему. По их мнению, правительство уже даровало свободу, но помещики скрывают ее. В праздники и торговые дни крестьяне ожидали объявления свободы, считали, что вольный будет теперь работать, «кому хочет по найму, смотря по тому, от кого больше получает платы». Губернский предводитель дворянства выражал опасение, что в случае изменения существующих отношений между помещиками и крестьянами в губернии могут произойти беспорядки».

Слухи и толки о воле, выражавшие чаяния и надежды крестьян, быстро проникали в самые глухие уголки. Крестьяне стали «дерзки», требовали самоуправления, покушались на господскую собственность, поговаривали об истреблении помещиков.

В имении помещика Поречского уезда Баранцева крестьяне, «превратно» поняв намерения правительства об «устройстве их быта», предъявили условия, на которых соглашались выполнять господскую работу. В Сычевском уезде в конце декабря 1857 — начале января 1858 г. раздавались «билеты на свободу».

В 1858 г. одно из самых ярких выступлений произошло в поречских имениях Гербут-Гейбович, незадолго до этого купленных ею у С. Мертваго. Мертваго принадлежали два

крупных имения — Тишкино и Александровское. К ним были приписаны «только для платежа податей» крепостные рабочие Московской бумагопрядильной мануфактуры, приобретенные в свое время «на свозъ» у разных помещиков Тульской, Калужской, Орловской, Тамбовской и Тверской губерний, а также взятые из Поречского уезда Смоленской губернии. В годы обострения кризиса феодально-крепостнической системы имения Мертваго оказались в залоге и были взяты в опекунское управление. Прекратила свое существование и Московская бумагопрядильная мануфактура. Крепостные рабочие, прослужившие на предприятии по 10—15 лет, с закрытием ее получили прожормежные билеты и разошлись по Москве в поисках заработка, выплачивая небольшой оброк помещице. Новая владелица, Гербут-Гейбович наложила на бывших рабочих повышенный оброк в размере 26 р. 15 к. серебром с каждой мужской и по 10 р. серебром с каждой женской души, приискав им работу на московских предприятиях.

Рабочие отказались от крайне обременительного оброка и не явились по вызову помещицы. В ответ на это Гербут-Гейбович обратилась с письмом к московскому полицмейстеру, в котором сообщала, что из числа крестьян, купленных у Мертваго, более 40 человек «вследствие распространения слухов о вольности вышли из должного повиновения и не платят оброка». Она просила разыскать ее людей и отправить их в Смоленскую губернию.

Узнав о действии помещицы, рабочие обратились с прошением к московскому генерал-губернатору Закревскому, но их поверенные были арестованы и четыре месяца содержались под стражей. Не получив поддержку у генерал-губернатора, рабочие отправились в Петербург к царю, с жалобой не только на помещицу, но и на генерал-губернатора. Однако и здесь их ожидало горькое разочарование. Оставив жалобу «без последствия», правительство приняло решительные меры к непокорным. После полицейского наказания 185 человек были разделены на четыре партии, облачены в арестантские армяки и отправлены «сходно с просьбой помещицы» по этапу в Поречский уезд. Насилия над крепостными рабочими стали известны А. И. Герцену. В листке «Под суд» — приложении к «Колоколу» — в заметке «Гербут-Гейбович и Закревский» дано яркое описание жестокого обращения с крестьянами, бывшими крепостными рабочими, и разоблачено поведение в их деле про-

курора Рачинского и особенно Закревского, распорядившегося об отправке рабочих в Поречье.

Главная трудность рабочих в Поречье состояла в том, что у них не было ни жилья, ни хозяйства. Поречская дворянская опека сообщила губернатору: «Так как люди эти давно были помещицей переведены на фабрику, то бывшие когда-либо у них поля заросли лесом, селитьбы разрушились от времени; для возобновления тех и других потребуется усиленные труды и время. Крестьяне, почти выросшие на фабриках, не имеют ни навыков, ни умения в сельских работах, ни необходимого для них скота, лошадей и земледельческих орудий и почти одежды. Следовательно, не в состоянии в скором времени устроить для себя жилища и обеспечить свое существование».

Расселив по 10—20 и более душ в избах крестьян д. Семешки и Чижаки, помещица послала небольшую группу прибывших на поташный завод, а остальных заставила очищать поля от кустарников и рубить лес на избы. И тем, и другим она обещала выдавать на продовольствие по шесть гарнцев ржи и шесть гарнцев овса в месяц из расчета на каждую рабочую душу.

Крестьяне заявили, что не смогут выполнить предложенной работы, и начали собираться на «сходбища», чтобы договориться о дальнейших действиях. Из донесений местного исправника и других документов видно, что в этих «сходбищах» принимали участие не только посаженные на землю, но и рабочие поташного завода. Иногда «сходбища» устраивались на самом заводе.

Осенью 1858 г. дело рассматривалось в Министерстве внутренних дел. Министр Ланской предписал смоленскому губернатору принять меры «к водворению восставших в имение к устройству их быта». Было принято решение отправить старших из семей на заработки. Некоторые из рабочих согласились, но большинство сослалось на отсутствие теплой одежды и обуви и осталось на месте.

С весны 1859 г. обстановка в имении снова обострилась. В апреле на место выезжал офицер корпуса жандармов, чтобы заставить неповиновавшихся взять паспорта. Однако рабочие со всей решительностью заявили: «Паспортов и свидетельств брать мы не желаем, селиться по предписанию губернатора не хотим, а построй нам дома и дай лошадей, скот и все заведение».

В соседних губерниях в это время наблюдался подъем

трезвенного движения, и правительство не решалось на крутые меры. В начале октября 1859 г. в имение была введена воинская команда. Но сразу на экзекуцию местные власти не решились: найдены были «условия», заключенные между крестьянами, свидетельствовавшие о попытке организованного выступления. Эта попытка напугала власти. Лишь 5 ноября над участниками волнения была произведена экзекуция. 140 человек подвергли наказанию розгами, 11 предали военному суду.

Однако волнение нельзя считать безрезультатным: крестьянам было разрешено идти на мануфактуры, и оброк с них был снят; те, кто желал селиться, получили наделы и известную сумму денег. Оно говорит также о возросшей активности восставших, характерной для периода складывания революционной ситуации. В нем можно заметить элементы организации.

В Гжатском уезде на почве распространения «превратных» толков о воле произошло четыре волнения. В имении Ф. Н. Жеребцова с началом весенних полевых работ крестьяне ходили на барщину «по собственному своему произволу» и работали с такой «леностью», что помещик вынужден был жаловаться становому приставу, а затем земскому исправнику. Становой пристав применил «полицейское взыскание» против «ослушников». Но с наступлением сенокоса и уборки хлеба, явясь к помещику всей вотчиной, крестьяне заявили, что они вольные и работать будут так, как им хочется. Снова уездным властям пришлось прибегнуть к «строгим мерам, предписанным земской полицией». Такой же характер носили выступления крестьян в имениях А. М. Сегеди, П. А. Плохово и В. П. Масловой.

В Духовщинском уезде крестьяне сельца Головина помещицы Мельниковой заявили: «В поле две воли». Господскую работу выполняли «по собственной воле» — с упущением и без всякого старания. Кроме того, они сделались «грубы» и «дерзки», а некоторые заявили, что бунтуют не крестьяне, а помещики.

В 1858 г. напряженная обстановка сложилась и в Калужской губернии. Наиболее сильное брожение, вылившееся в открытые волнения, происходило в имениях, находившихся на барщине или на смешанной повинности. Сообщалось о массовых порубках в помещичьих лесах и о потравах господских полей. Отмечая рост возбуждения крестьян, местные власти признавали, что сохранять «спокойствие» в

губернии «стало довольно трудно». Были приняты меры, против «злоупотреблений помещичьей властью», ибо, как писали уездные предводители дворянства, в обстановке «неблагоприятного настроения духа крепостного класса в ожидании свободы» эти эксцессы крепостного права могли «развить общее неповиновение народа»[39]. Крестьяне помещика Полтева, протестуя против перемены полей, проведенной им, отказались обрабатывать вновь отведенные участки, оказали сопротивление земскому исправнику, волнение было подавлено губернатором с участием воинской команды[40].

Волнения 1856—1858 гг. охватывали уже не отдельные имения, а сразу по нескольку имений — десятки сел и деревень, тысячи крестьян. Больше стало случаев насилия крестьян над помещиками, покушения на господскую собственность. В 1859—1860 гг. в Смоленской губернии имели место волнения крестьян 42 помещиков, движением было охвачено 10 уездов. Абсолютное большинство волнений произошло на почве «настроения умов простого народа». Крестьяне отказывались от выполнения барщины, уплаты оброка, требовали немедленного прекращения крепостного состояния.

Самым крупным выступлением 1860 г. было волнение крестьян в имении члена Смоленского губернского комитета помещика Гжатского уезда П. Д. Неелова. Возникло оно в связи с так называемыми «приуготовительными мероприятиями» — сокращением крестьянских наделов и переселением крестьян.

Экспроприация части крестьянской земли, отрезки от наделов еще в период подготовки реформы были, видимо, явлением распространенным. Как сообщал губернатору гжатский предводитель дворянства, крестьяне перестали повиноваться, жалуясь на то, что помещик обрезал их землю, в особенности луга, не уменьшив лежащих на них повинностей», протестуя против раздела земли между наследниками имения. «Возмутители» грозили искрошить в куски старосту деревни, державшего сторону помещика, заставили всех крестьян дать перед иконой присягу «в неповиновении». Выезжавший на место исправник установил, что неесловские крестьяне подбивали других идти с ними заодно, вследствие чего волнения начались и в других частях уезда. Около 10 августа в имение Неесловых была послана команда внутренней стражи в составе 52 солдат, и волнение

было подавлено.

4 января 1860 г. калужский губернатор В. А. Арцимович в «отношении» к губернскому предводителю дворянства Щукину указывал на серьезную опасность, какую принимают «вследствие ожидаемых реформ, возникающие в помещичьих имениях случаи беспорядков и замешательств в отношениях между владельцами и крестьянами». Характерно его признание: «По духу времени и теперешним обстоятельствам существовавшее прежде воззрение на возможность подавления всякого беспорядка влиянием только телесных наказаний является ошибочным». В связи с этим он предписывал устранять все замеченные случаи притеснений крестьян со стороны помещиков, ибо только эти меры при данных обстоятельствах могут предупредить крестьянские волнения. Офицер корпуса жандармов майор Тимофеев делал вывод о необходимости немедленного освобождения крестьян. «Состояние умов помещичьих крестьян Калужской губернии ведет к тому заключению, как полагают и сами помещики, что ускорение предполагаемых перемен их, крестьян, быта, в настоящее время необходимо», — доносил он 18 октября 1860 г. начальнику III отделения П. В. Долгорукову [41].

Требование дать землю, орудия труда, пособие на обзаведение выдвигали и дворовые, справедливо считая, что долгой службой у господ давно заслужили этого, тем более, что многие из них когда-то вели хозяйство, но были по произволу помещиков лишены его и обращены в дворовые. О таких требованиях дворовых писали калужскому губернатору В. А. Арцимовичу уездные чиновники [42].

Таким образом, накануне реформы 1861 г. губернии региона были одним из тех районов страны, где массовое движение приняло особенно широкий размах. Крестьяне чутко реагировали на маневры правительства, боролись с предреформенным грабежом, со всякого рода подготовительными мероприятиями помещиков, требовали личной свободы, земли, самоуправления и, не ожидая реформы, пытались провести свои требования в жизнь.

Бурные крестьянские сходы вызывали растерянность помещиков, парализовали вотчинную администрацию. Помещичье хозяйство, рассчитанное на сильное вотчинное управление, приходило в упадок.

Основными формами движения, как и раньше, были отказ от барщины и оброка, неповиновение вотчинной адми-

нистрации и помещикам. В то же время проявлялись и новые моменты: создание «своего» сельского управления, выборы «своих» старост вместо назначенных помещиками. Попытки крестьян одного имения привлечь на свою сторону крестьян других имений путем посылки в них своих представителей говорят об элементах организованности, хотя в целом движение оставалось стихийным и разрозненным, не освещенным политическим сознанием.

ГЛАВА 11

КУЛЬТУРА И БЫТ КРЕСТЬЯН

Вторая половина XVIII — первая половина XIX столетий были временем больших сдвигов в культуре. Основные тенденции ее поступательного развития исходили из деревни. Процесс классообразования, связанный с разложением феодально-крепостнических отношений и развитием капиталистического уклада, разрывал натурально-хозяйственную оболочку деревенской околицы. Побывавшие в отходе крестьяне не хотели повторять судьбу своих дедов и отцов. Они видели смысл в грамотности. В крестьянской среде все больше осознавалась необходимость овладения письмом и счетом, росла потребность в книге.

Отход в промышленность имел огромное значение для изменения деревенского быта, в частности одежды. В традиционной одежде домотканые части начинают заменяться покупными материями, старинные вышивки дополняться или заменяться нашитыми полосками ситца и покупными лентами.

Развивалось устное поэтическое творчество крестьян. Песни, пословицы, поговорки сопровождали их на всем жизненном пути. В рассматриваемое время их цикл обогащается. Композиторы аранжируют народное творчество. «Камаринская» М. Глинки родилась на основе песни крестьян Камаринской волости. Эстетические идеалы народа проявлялись в украшении предметов одежды, быта. Под воздействием перемен в общественной жизни в культуре деревни появились признаки социальной неоднородности. В связи с ростом отходничества крестьян в промышленные центры страны и региона на деревню все больше влияла городская культура. Постепенно возрастали контакты и взаимопроник-

новение культур региона и соседних Белоруссии, Прибалтики, Польши.

Крестьянские строения

Крестьянское жилище региона и во второй половине XVIII — первой половине XIX столетий оставалось традиционным. Эти традиции удерживались многовековой приспособленностью к среде обитания. Ими дорожили. Они были полезны. Утрачивалось только ненужное. Жилище представляло собой соединение срубов избы, сеней и клетки в одно конструктивное целое, перекрытое общей крышей, обычно соломенной или тесовой. Его архитектурный облик отличался некоторыми самобытными особенностями, обусловленными развитием и творческой переработкой крестьянскими плотниками многовековых строительных и художественных традиций русского народа, а внутренняя планировка крестьянского жилища отражала особенности хозяйственной деятельности, общественного и семейного быта создавших его людей.

Д. Муромцев в «Этнографических сведениях о крестьянах Сычевского уезда» говорит: «Крестьянские избы строятся более на одну сторону вдоль по протяжению улицы... Избы строят небольшие, низкие, крытые соломой, в три окна, из них два окна в избе, считая от переднего угла, величиною с аршин и немного более, с растворчатыми рамами, а третье волоковое, в заднем углу против печи, узкое и малое, что можно только просунуть голову, и с выставной рамой. Окна почти везде стекольчатые...» [1]. Величина изб составляла от 2,5 до 4 сажен [2].

Число изб и их величина зависели преимущественно от населенности дворов. Согласно подворной описи А. Бахметьева за 1829 г. в 29 его деревнях Вяземского и Сычевского уездов насчитывалось 293 крестьянских двора, которые имели в общей сложности 475 изб и 664 клети. В 141 дворе отмечено по 2 избы, в 16 — по 3 и в 3 дворах Матвея Ефимова из д. Белоусова, Михаила Кузьмина из д. Горочки и Федота Фомина из д. Попляскиной — по 4. Первый из них насчитывал 17, второй 16, а третий 18 душ [3].

С давних времен по всей России ставили почти исключительно «курные» избы. Но еще в XVII столетии начался переход от курных изб к печам с трубами. Эволюционировали и курные избы. Выверенная вековым житейским и строительным опытом вся система вентиляции и дымоотвода была в них продумана очень тщательно. Дым, соби-

раясь под потолком в форме трапеции, опускался до определенного и всегда постоянного уровня, лежащего в пределах лишь одного-двух венцов. Чуть ниже этой границы, вдоль стен, тянулись широкие полки — «воронцы», которые очень четко и, можно сказать, архитектурно отделяли чистый интерьер избы от ее черного верха. Лишь несколько выше человеческого роста проходит граница, за которой лежали закопченные верхние венцы сруба и потолок.

В Сычевском уезде, где проводил свои наблюдения Д. Муромцев, «...дым из устья печи прямо выходит в избу, а из нее через отворенную дверь и находящееся над печью, прорубленное в стене отверстие наружу...»[4]. Курные избы на Смоленщине в первой половине XIX в. «суть принадлежность западных уездов, между тем как в восточных появляются уже дымовые трубы с светелками»[5].

Интерьер русской избы — это столь же высокое, как и вся она в целом, искусство, в котором громадный жизненный опыт крестьянина воедино сплавляется с его врожденным эстетическим чувством.

Едва ли не половину избы занимала печь, связывающая весь быт русского крестьянина от рождения до смерти. Сооружалась печь просто, практично, умно и по-своему красиво. «...Прямо против двери, — пишет Д. Муромцев, — находится деревянная полка в переднем углу, называемая божницею, на ней образа деревянные, писанные масляною краской без ... окладов, и медные складные маленькие образа. Под божницею и с боков иногда находятся картины, представляющие Мамаево побоище, Шемякин суд, Погребение кота мышами и подобное. Под образами, в переднем углу, четырехугольный белый продолговатый стол с ящиком, в котором находятся деревянная солоница с отворной дверцей и хлеб, завернутый в толстую скатерть... также деревянные ложки и чашки, заменяющие собой столовую посуду. По стенам избы находятся широкие деревянные лавки, к столу придвигается в случае надобности деревянная скамья. При входе в углу у дверей помещается кровать...»[6]. Описан, конечно, далеко не весь интерьер, но это описание современника хорошо воссоздает атмосферу того времени.

Освещалась изба, как правило, лучинами, заготавливавшимися заранее из хорошо просушенных березовых поленьев. Лучина горизонтально укреплялась в светцах-подставках из толстого кованого железа. Переносные напольные светцы делались на длинных ножках и массивных подставках,

пристенные же вбивались в сруб, обмазанный вокруг них (во избежание воспламенения) глиной; под светцы всегда ставили долбленые, наполненные водой корытца, куда по мере сгорания падали угольки от лучины.

Лавки разделялись на мужские и женские. Обычай, разрешающий или запрещающий садиться на ту или иную лавку, строго соблюдался в семейном быту. В соответствии с этим имелись и постоянные места подле стола: мужчины обычно сидели на долгой лавке, расположенной у окна во двор, или на переносной скамье, приставлявшейся к третьей, свободной стороне стола. В ночное время эта скамья ставилась под полатями, а летом в сенях: служила она для спанья [7].

В избах часто готовилось пойло, в морозы содержали молодняк и птицу, клетки для птиц устраивали под лавками.

Сени. В зимнее время ими пользовались только для хозяйственных целей. Здесь в бочке и ведрах держали чистую воду, а на стене в вислом залавке — плоском подвесном шкафчике — хранили молочные продукты. В летнее время сени могли служить жильем.

«...Против двери, ведущей из избы через сени, — пишет Д. Муромцев, — находится чулан, называемый клетью, где хранится имущество селянина, т. е. одежда праздничная и парадная, упряжь, сбруя, а также и деньги, если крестьянин зажиточный. В летнее время, а по нужде и зимой клеть служит также спальней...» [8]. Обстановка клети была крайне проста и сводилась к многочисленным колышкам и жердям, на которых развешивали одежду, а также к разнообразным укладам, сундукам, в которых хранилось имущество брачной пары.

Изба и вспомогательные хозяйственные постройки составляли единое конструктивное целое. Для региона был характерен так называемый круглый двор, который имел большую площадь, не занятую постройками и не покрытую крышей.

Вход во двор закрывали ворота. Они являлись существенной архитектурной деталью крестьянской усадьбы и располагались часто в непосредственной близости от фасада дома. Поскольку декоративная отделка ворот стоила дорого, она была характерна, главным образом, для зажиточной прослойки крестьянства. По воротам в деревне часто судили о «справности» хозяйства. В разных уездах устрой-

ство ворот было различным. В Сычевском уезде «...во двор ведут двое ворот: одни, передние, с улицы, одностворчатые, вместо петель обращаются на пяте, т. е. от основной связи выдается вершка в два или три закругленная палка, довольно толстая, и вставляется в сделанную для того наскоро лунку. Они, по большей части, вдаются внутрь двора, и строятся между избою и надворным строением, сверху покрываются крышею, которая, выдаваясь вперед, составляет особенный наружный навес... В избу ведет крыльцо, находящееся внутри двора в три или более ступеней» [9]. Следует, что в Смоленской губернии крылец часто не устанавливали вовсе, или сооружали их в виде небольшой площадки с лестницей в одну-две ступени, которая иногда имела навес, пришитый к стене или опиравшийся на колонки. Нередко строили только навес, а площадку заменяли просто камнем или плахой. Иногда крыльцо обшивали тесом [10].

В хозяйственный комплекс входят также надворные строения. Как пишет Д. Муромцев, «надворное строение состоит из крытого двора, разгороженного на несколько хлевов, в которых помещается домашний скот... Один из хлевов называется мшенником потому, что ставится на мху и бывает теплый. Он разгораживается на две половины: в одной помещаются овцы и молодые ягнята, в другой — кадки с капустой, огурцами и другой домашней провизией — заменяет собой в то же время теплый погреб» [11].

Исторически сложившийся земледельческий уклад жизни русского крестьянина обусловил появление специальных сельскохозяйственных построек для сушки хлеба в снопах, обмолота снопов, хранения зерна (муки) и для размола зерна.

Сушили хлеб в овинах, самобытных и издавна известных у восточных славян постройках. Овин — сооружение двухъярусное. В первом этаже помещался источник тепла, второй служил для сушки снопов. Если первый ярус находился в земле (в выкопанной яме), то такой овин назывался ямным; овин, находящийся целиком на поверхности, назывался верховым. Собственниками овинов были, как правило, зажиточные крестьяне. Остальные крестьяне или пользовались овинами за плату, или же строили их на паевых началах, на три-четыре семьи. Таких пайщиков называли складниками [12].

Гумно — специальное место для складывания хлеба в снопах, его просушки и обмолота, отводившееся на конец

усадьбы, вдали от строений. Иногда гумно отгораживалось изгородью или обсаживалось деревьями. Для обмолота хлеба на гумне делали открытый или крытый ток. Крытое гумно представляло собой большой сарай, чаще всего бревенчатый, со срубными стенами.

Для хранения зерна использовали амбары, постройке амбаров уделяли большое внимание. Их старались делать прочно, из хорошего материала. Деревянные амбары рубили как избу, но с той разницей, что щели, остававшиеся между бревнами, не конопатили. В средней полосе России амбар представлял собой сруб площадью в среднем 4 х 4 м, поставленный для предохранения от почвенной сырости на невысокие деревянные столбы (стулья) или, реже, на камни. Пространство между землей и полом амбара оставалось открытым и служило для вентиляции [13]. Для зерна, муки, крупы приготавливались так называемые сусеки.

Амбар был необходим крестьянскому хозяйству, но встречался не в каждом дворе. Бедняки часто его не имели. В то же время у богатых крестьян и сельского духовенства было нередко по нескольку амбаров, которые отличались от амбаров других крестьян большими размерами, лучшим качеством стройки и материала, а иногда и формой.

Кроме всех этих построек «на огороде построены так называемые пуни для хранения сена и яровой соломы, т. е. сеновалы» и бани. Д. Муромцев пишет: «...бани редки, не при каждом дворе...» [14]. Бани строились, как правило, у воды — реки, речки или озера (если была такая возможность). Чаще всего это примитивная постройка — слегка вытянутая клеть, разделенная поперечной стеной на две неравные части: маленький предбанник и более просторная — собственно баня. Топилась она по-черному. Печь в ней — «каменка» — строили сразу же за порогом бани, в углу. Это груда камней на невысоком срубе, в котором искусно было выложено сводом топочное отверстие. Раскаленные камни кидают в ушаты с холодной водой и нагревают ее так, что она кипит, не хуже чем в чугунном котле. Оборудование бани составляли широкие лавки вдоль боковых стен, в углу — высокий ступенчатый «полок», два-три ушата для воды, ведро, шайка и ковш.

«Колодцы, — пишет Д. Муромцев, — ...почти при всяком дворе. Вода из них достается при помощи ворота — бадьями с железными обручами» [15].

Наглядное представление о таком комплексе строений

можно составить по подворной описи 1836 г. дорогобужского имения А. Р. Валуева. Во дворе крестьянина д. Немерзи Ивана Самуйлова насчитывалось 20 душ обоего пола, «у них строения: изб — 3, амбаров — 2, хлевов — 2, двор обнесен забором, крыт соломой» [16]. Кроме того, на усадьбе находились овин, пуня для сена и по две — для соломы и мякины, а также баня. У его соседа Ивана Ильина семья состояла из 15 душ. У него строения: изб — 2, амбаров — 2, хлевов — 2. «Двор обнесен забором, крыт соломой». На усадьбе один овин, 3 пуни — по одной для сена, соломы и мякины. Бани нет. Второй сосед Сергей Харитонов. У него семья из 6 душ. Здесь уже одна изба, два амбара, хлев. Двор обнесен забором и крыт соломой. Из других построек он имел овин и три пуни (для сена, соломы и мякины) [17].

В некоторых вотчинных инструкциях можно обнаружить рекомендации о порядке застройки деревень, о предохранении строений от пожаров. Так, в «Хозяйственном календаре» В. Храповицкого содержатся специальные параграфы: «Крестьянские строения», «Порядок строения крестьянских дворов и риг», «Об осторожности от пожаров». «Крестьянские дворы, а также риги с сараями, — говорится в одном из таких параграфов, — должны быть устраиваемы так, чтобы между оными, а особливо между дворами, находились достаточные промежутки, и каждое строение обсажено было четырьмя рядами березок, служащих большой от огня защитою». Далее читаем: «в земле у нас недостатка нет, а потому должно строго-настрого запретить, чтобы крестьяне сами вольно не ставили дворов, но испрашивали через старшин на то позволение у управляющего, который бы сам и отводил места каждого строения». Важное значение имело и еще одно требование В. Храповицкого: «избы строить с трубами, ибо таковые вдвое более служат, а дабы иметь достаточное количество кирпича для печей, то должно устраивать и всегда поддерживать собственные крестьяне кирпичные сараи...» [18].

Путешественнику в имении Татарка помещика Сычевского уезда Н. Е. Ломоносова бросились в глаза хорошо и правильно устроенные от деревень к господскому двору дороги, чистота и порядок в самих деревнях, «некоторого рода симметрия в устройстве крестьянских дворов» [19].

Строительная техника была в основном одинаковой во всем регионе. Избы рубились, как правило, «в чашку». В первой половине XIX в. окончательно утвердился прием вы-

рубки чашины не на верхней, а на нижней поверхности брев-
на, что, по мнению современников, повысило долговечность
построек с 25 до 50—60 лет; появились избы на фундамен-
тах («плашки» заменялись дубовыми «стульями»; первый
венец поднимался на 0,5 аршина от земли. Вместо «стульев»
употреблялись также большие камни с соответственной под-
сыпкой под них щебня на зачищенный грунт) и с деревян-
ными полами [20].

Одежда

Деревня долгое время сохраняла традиции в одежде, являющиеся ценным источником для изучения материальной и художественной культуры народа. В этом плане она уже не раз привлекала внимание исследователей [21]. Именно в одежде нагляднее всего сказывались древние черты. Исследователь одежды крестьянства центральной полосы России Н. И. Лебедева приходит к выводу: «Костюм, проживший сложную долгую историю вместе с историей народа, представляет из себя целый ряд наслоений и целый ряд видоизменений, и не только костюм в целом, но даже отдельные его элементы представляют из себя сочетание различных эпох, как, например, головные уборы» [22]. Сохранение архаизмов в одежде во многом объясняется, конечно, и тем, что ее изготовление производилось, как правило, из собственного материала. Из применявшихся материй для одежды главное место принадлежало холсту белому или окрашенному, а также самодельному сукну.

Кононов (Коншин) в «Этнографических сведениях Дорогобужского уезда» пишет: «Одежда нашего мужика состоит зимой из нагольного тулупа, в другое время — из кафтана, называемого зипуном, а летом чаще всего из одной рубашки поверх шаровар. Обувь — обыкновенные онучи и лапти ... летом почти все босые. Зажиточные носят сапоги. Головной наряд мужика род колпака валеного, но теперь они стали реже: больше носят шляпы. Женский — зимой состоит также из тулупа, летом полосатая юбка из шерсти, окрашенная мареной и другими травами, собираемыми в полях». В праздники женщины носят «род корсетов из какой-нибудь ткани, богатые обшивают их голунами». На голове у всех женщин повязка из холста, называемая наметкой. Обыкновенная обувь — лапти и лишь иногда башмаки. Дети зиму и лето в одних рубашках, «что сколько упрочивает здоровье того, кто вырастает, также может и убивать слабосложенных» [23]. По «Этнографическим сведениям о с. Велико-

полье Юхновского уезда» Корлупова отмечено, что зимнюю одежду мужчин составляют полушубок из русских овчин, зипун из серого сукна, а праздничную — зипун осиненный. «У богатого сверх сих тулуп овчинный не подпоясанный, летнее — коротуш суконный до колена, пояс холщовый, а в праздники у молодых армяк (то же, что и зипун), воротник и рукава обложены черным плисом, а у стариков болохон или понитник, т. е. нитка суконная и нитка льняная — белый. Пояса праздничные у старых и молодых коломенковые».

Летняя одежда женщин: сорочка, рукава которой из красного ситца или белого миткаля, сарафан холщовый, обложенный лентами или позументами, с пуговицами медными или оловянными. Голову повязывают платками, сложенными несколько шире мужского галстука. «Обыкновенная одежда девиц — белая сорочка с красными поликами (нашивками на плечах) и сарафан синий или белый без украшений, разве с шнурками». Повязка женщин — белый холщовый платок — наметка. Молодые женщины носят кички, «которые своей разнообразностью отличают их от женщин других вотчин». По кичкам повязывали платки белые, а в праздники — бумажные и шелковые, иногда — сороки (мишурный пласт). Затылок украшали бисерными кистями. Зимняя одежда женщин — шуба из русских овчин со сборами сзади и ласками из красной замши или юфти. Старые женщины носили шубы без сборов и ласк.

Молодые женщины и девицы обували башмаки или сапоти с проволокой и лапти «писаные», т. е. из мелко покроенных вязовых лык, а старые женщины — обыкновенные лапти с пеньковыми сборами». Женщины заплетали две косы. Мужчины стриглись в скобку [24].

Подобное описание мужской и женской одежды Смоленского уезда дал в своих «Этнографических сведениях о с. Хохлове» Г. Соколов. «У мужчины нашего края, — пишет он, — зимнее платье составляют: жупан, шубенка, шуба, штаны, рукавицы, шапка и пояс». Жупан — «самое верхнее и всегдашнее одеяние. Покрой его самый простой и всякому известный, в роде обыкновенного халата». Его шили из простого белого или серого домашнего сукна. Из такого же сукна шили армяки, сходные по покрою с жупанами, но отличавшиеся от них тем, что концы их рукавов обшивались кожей. Армяки составляли одежду праздничную, особенно у молодежи и зажиточных крестьян. Зимой армяк

всегда надевали на шубу. Шубейки представляли собой коротенькие овчинные шубы, шились подобно душегрейке, их надевали как мужчины, так и женщины для большего удобства в работе зимней и осенней, «а также приберегая настоящую шубу». Шуба короче жупана на вершок, иногда бывает крытая, одевается почти всегда под жупан или армяк, штаны — суконные, навыпуск. Шапка — овчинная, овальная, домашней работы, «а у других — четырехугольная с околышем из барашка, покупная, конек в 35 серебром». Рукавицы тоже по большей части покупные, а у бедняков вязенки своей работы из пряжи. Лапти пятирядные. Пояс из толстого полотна или покупной кушак. Летом одевали один жупан, армяк или епанчу («балахон»). Епанчу шили как жупан, но из полотна «у одних из простого белого, а у других из окрашенного в синий непременно цвет», редко по сторонам со сборками. «У молодежи для лета употребляются еще чуйки, они бывают всегда длиннее и шире армяка и не имеют обшлагов, как армяк». Предпочтение отдавалось набойчатым рубашкам, покупным картузам, поясам с кисточками. В праздники одевали сапоги и шляпы с павлиньими перьями. «Волосы и прическа в скобку, чуйка — нараспашку». Молодежь летом одевала также суконные или покупные полужупанники «с карманами на переди и застежками на две пуговицы», длиной выше колена.

Зимнюю одежду женщины составляли жупан и шуба. Жупан, как и у мужчин, шили из домашнего сукна «только всегда белого цвета», покроем наподобие казакина с перехватом около пояса так, что «по обеим сторонам выходит несколько сборок, образуя как будто карманы. У шеи и пояса застегивался на пуговицы. Шуба при перехвате по боковым линиям обшивалась «для красы» разноцветной кожей. Жупан на шубу женщины не одевали, а ходили либо в одних жупанах, либо в одних шубах. Летом женщины ходили в сарафанах и только в дожди позволяли себе набрасывать жупан. Шились сарафаны из покупного ситца, редко — из простой набойки или осиненного полотна. Комплекс сарафана характеризуется Г. Соколовым так: «из ситца или полотна приготовляют юбку в четыре и пять пол, потом покупают к ней шнуровку, как можно узорчатее, нередко с галуном... Бывают сарафаны и сплошные». При сарафане всегда надевалась рубашка с широкими коленковыми рукавами и коленковый фартук длиной в аршин и шириной в три четверти. В праздничные дни девушки и

олодые женщины старались «убрать свою шею кралями бусами) и лентами», заплетали косы. Праздничную обувь енщин составляли башмаки, в будничные дни — лапти [25].

С лаптями был связан ряд обычаев и обрядов. В Калужской губернии лапоть вместе с просверленным камнем подвешивался на нашесте — место, где садятся куры. Считалось, что если в лаптях везти для посева огуречные семена, о от этого лучше родятся огурцы («как длинны будут плети в лаптях, так длинны будут и плети у огурцов»). Изготовление лаптей считалось мужским делом, но нередко их плели и женщины. Среди парней особым авторитетом пользовались мастера, умеющие плести «писанные» лапти (мелкое плетение из красного лыка передней части лаптей), предназначенных для праздников.

Одежда имела и декоративную сторону, была явлением народного искусства. Русские крестьянки использовали для одежды многие виды и способы украшения ткани (вышивку, узорное ткачество, крашение и набойку) и, что примечательно, вышитые и тканые узоры использовались не изолированно, а в связи с покроем одежды и общей композиции украшений, с колоритом отдельных частей одежды и костюма в целом.

Воспитанница Смольного института О. Шишкина, посетившая в 1845 г. Смоленскую губернию, так описала собравшихся в Поречье на ярмарку крестьян: «Крестьяне почти все одеты одинаково: сверх темно-синего сарафана на них род рубашки, по подолу вышитый или затканный красною бумагою; сверх этого еще белый передник с красной же каймою. На головах у них почти прямые, невысокие повойники, обернутые вышитыми красной бумагой полотенцами. Мужчины также в белых кафтанах и в белых шляпах или колпаках».

Однако при всем многообразии в орнаменте в нем отмечается и определенное единство. Обратив на эту особенность внимание, исследователь приходит к выводу: «В одежде крестьянок различных областей, будь то Смоленщина или Орловщина, Мещерский или Озерский край, ясно прослеживается единый тип покроя, общие приемы и способы украшений и мотивы орнамента, уходящие нередко своими корнями в далекое прошлое, в эпоху Древней Руси» [26]. Весьма важным является и другой аспект проблемы: «В орнаменте народной одежды, в радостной гамме ее расцветки, как и народной песне, выражено ощущение красоты окружающего мира, представление народа о прекрас-

ном». И в связи с этим не лишено основания следующее наблюдение: «Понятия «красный» (наиболее праздничный цвет одежды) и «красивый» для русского человека были однозначными. Недаром слова: «красный», красота, украсы и красавица происходят от одного корня» [27].

Устное народное творчество

Крестьянство периода феодализма являлось едва ли не единственным создателем и хранителем народной художественной культуры. В полном своем объеме, с едва наметившимися нарушениями традиционных форм, бытовала поэзия русских аграрных праздников (со всеми ее циклами: весенне-летняя, осенняя, зимняя), которая была праздничной и одновременно хозяйственно-утилитарной, выполнявшей обрядовые функции. В расцвете находились внеобрядовая песенная лирика, унаследованные от старины произведения эпического творчества.

Сохранению произведений народного творчества способствовало в первую очередь то обстоятельство, что оно являлось элементом быта, органической частью жизнедеятельности народа. Каждое свое сколько-нибудь значительное событие в земледельческой производственной деятельности (день первого выгона скота, первой борозды, начало сенокоса, начало и окончание жатвы и многое другое) крестьянин сопровождал обрядовыми действиями, часто окрашенными языческими мотивами или приметами двоеверия. Повсеместно был распространен обычай под новый год «кликать коляду», который должен был обеспечить богатый урожай и приплод скота.

В юго-западных районах зафиксированы обряды, бытование которых непосредственно связано со спецификой производственных процессов в данном регионе. Распространенной земледельческой культурой здесь оставались лен и конопля. Отсюда шел обряд, призванный обеспечить плодородие почв и урожайность посевов. Коноплю сеяли в разной обуви. При засеве льна подбрасывали вверх яйца. Той же цели служило и другое обрядовое действо: семена льна носили в мужских штанах, а во время посева штаны постилали во всю длину на полосе [28]. С культурой льна бытовал обряд, сохранившийся с незапамятных времен и получивший название «Кострома». Название это происходило от «костры» — отходов при обработке льна — «костей» растения, убирая которые, женщины добывали волокно — прядево. Эти «кости» облекались в одежды, принимая человеческий

облик и изображая Кострому, а затем торжественно хоронились. Так проходил обряд искупительной жертвы духу растительности [29]. «Кострома» была явно языческим по характеру магическим действом, восходящим к отдаленным эпохам. Со временем смысл обряда утрачивался, и в «Кострому» проникали новые мотивы христианского происхождения. Исследователи изучали два варианта этой игры-представления. В с. Домашево Брянского района бытовало зрелище торжественно-трагического характера, а в соседнем с. Дорожево — комедийного. Театральное действие происходило на сельской площади в центре большого хоровода, в котором участвовали сотни человек. Широкий круг — «карагод» медленно двигался вокруг лежавшей на подстилке из костры тяжело больной «Костромы». Рядом с ней сидела женщина — Мать Костромы или просто «Кума». Она имитировала обработку «прядева» в пряжу, а затем в холст. Одна из участниц хоровода спрашивала о здоровье Костромы, а Мать отвечала. Их диалог прерывался припевом хора. Все действие заканчивалось смертью Костромы. Представление сопровождалось игрой на кувиклах — древнейшем музыкальном инструменте.

В сохранении архаических черт в быту и фольклоре какую-то роль сыграла географическая изоляция отдельных районов от культурных центров страны. В окружении непроходимых лесов жило население Брянского, Трубчевского, Севского и Карачевского уездов. Этот район и назывался Полесье. Этнографами еще 20-х гг. текущего столетия отмечена в этом крае приверженность населения к стародавним обычаям и поверьям.

Однако архаические явления долгое время сохранялись и в местах довольно оживленных связей с центрами. Упорно держались, например, суеверные представления о естественной силе чародеев, колдунов. Колдун считался важной фигурой на свадьбе: «он сидит в переднем углу, чванится, делает разные таинственные движения» [30]. Народ верил в многочисленные заговоры от различных болезней, «в присушку» и «отсушку», «привороты» и «отвороты» [31]. Распространена была вера в домового и лесового, с этими «хозяевами» дома и леса связаны многочисленные рассказы и былички [32].

Продолжительное время сохранялись черты отдельного бытового прошлого в свадебном обряде, нарушение которого было предметом осуждения [33]. На свадьбах сущест-

вовал обычай осматривать «доброту невесты». Если невеста оказывалась «виновною», позор падал не только на нее, на отца, мать, а на весь род-племя. Сохранилась и такая древняя черта в отношениях между полами, как поведение мужа во время родов жены. В. Н. Добровольский сообщает: «Древний обычай, выполняемый во время родов, состоял в следующем: во время родов женщины муж ее стонал и очень усердно, как будто разделяя муки своей жены» [34].

При всей общности художественной культуры, вызванной сходством хозяйственной жизни народа, в разных районах региона имелись и свои местные различия. Брянские и смоленские поселения граничили с украинскими и белорусскими, что приводило к постоянному взаимодействию в области хозяйственных и бытовых явлений, а вместе с ними и к взаимовлияниям в устнопоэтическом творчестве. На Смоленщине, в частности, записаны в значительном числе песни жней, мало или почти неизвестных среди русского населения других губерний России, но зато свойственных белорусской поэзии. Захожими произведениями из украинского фольклора являются «чумацкие» песни. В бывшем Рославльском уезде, граничившем с украинскими и белорусскими селениями, были известны некоторые украинские обычаи, сопровождавшие даты церковного календаря, как например, хождение детей артелью по домам со звездою в руках в день Рождества и за небольшое вознаграждение хозяев пели вирши [35].

В народном творчестве всегда жил мотив неприязни к барам, он перекочевывает даже в песни, для которых не является традиционным. Так, в песне «Из-за леса, леса темного» рассказывается о поездке в родной дом дочери, истосковавшейся по матери. Дочь жалуется: «Пропали наши головы за боярами, за барами. Гонят старого, гонят малого на работушку тяжелую». Тщетно ищет голубь свою голубку-подружку, напрасно «во всю ночь голубь, не спал, по голубке тосковал», голубка «во зеленом во саду убитая лежит». И кто же убил? «Ну убили сизу голубку еще с Москвы дворянин... генеральский на нем чин» [36].

Грамотность крестьян

И. Соколов в «Этнографических сведениях о с. Великополье Юхновского уезда» отмечает: «Грамоте из крестьян мало знают, но ныне мало-помалу начинают детей учить» [37].

Первые школы для крестьянских детей появились лишь

в конце 30-х гг. В 1838 г. в Смоленской губернии открыты были два училища в помещичьих имениях. В 1851 г. число их достигло 81. Кроме того, 22 училища были открыты в деревнях государственных крестьян (101 училище находилось в духовном ведомстве, два — в ведении Министерства народного просвещения)[38]. Обучение ограничивалось письмом, чтением, знакомством с четырьмя правилами арифметики, кратким катехизисом и «Священной историей». На время полевых работ учение приостанавливалось. Учителей в помещичьих училищах насчитывалось 102 человека, в казенных 28. В помещичьих имениях в 1850 г. обучалось 1344 ребенка и, кроме того, 43 в городских школах. В училищах казенных деревень обучалось 913 детей, 26 детей государственных крестьян ходили в школы помещичьих селений и 4 в городские школы. В помещичьих деревнях 1 ученик приходился на 420 душ крестьян и дворовых (или на 556 душ одних крестьян), в государственных деревнях на 217 душ обоего пола. Описания помещичьих имений в 1858 г. учли 5800 грамотных крестьян, в том числе в Гжатском уезде — 2450, Сычевском — 900, Юхновском — 650, Вяземском — 600, Дорогобужском — 450, Краснинском — 400, Духовщинском — 1800, Рославльском — 100, Поречском — 70[39].

Столь незначительное проникновение народного просвещения в крестьянскую деревню помещики и духовенство пытались объяснить непониманием со стороны крепостных крестьян пользы грамотности. Помещик Макалинский сообщал: «По выходе в отставку, я расположился устроить сельскую школу так, чтобы каждую зиму обучать грамоте всех дворовых и крестьянских мальчиков... но когда отдан был приказ, то все крестьяне, отцы семейств, пришли просить меня не делать этого, потому, что оно им не нужно». Однако там, где помещики проявляли настоящую заинтересованность в обучении крестьянских детей, результаты были иными. Николай Эндогуров, помещик Гжатского уезда, нашел средства возбудить желание родителей отдавать детей в школу без принуждения. У крестьян, — говорил он, — во всем расчет. Поэтому, когда я объяснил им, что мальчики, обучающиеся в школе, будут получать полное содержание и одежду, крестьяне прислали детей[40]. «Приохотил» детей учиться и помещик В. И. Лыкошин. За распространение просвещения убеждением, а «не путем инквизиции и орудием грубой силы» ратовал Д. Д. Неелов[41].

Таких помещиков было немного. Абсолютное их большинство прозябало в косности, старалось держать крепостных в темноте, невежестве и забитости.

Об успехах и горестях школ говорит следующий факт. В 1858 г. «Земледельческая газета» опубликовала ведомость выпускников Мерлинской школы Краснинского уезда за время с 1847 г. В ней названы 192 человека из 28 деревень, среди них только 12 девочек. Первый учитель Никанор Щукин хотел добиться, чтобы его воспитанники выступали в качестве просветителей, способствовали распространению грамотности. С большой похвалой он отзывался о мальчике Семене Прокофьеве из с. Никулина, который обучил грамоте своего брата. Все окончившие училище, — писал он, — «в досужее время читают книги». Однако большинство питомцев школы повторило судьбу своих отцов. С чувством горечи Щукин сообщал о судьбе Василия Филимонова из д. Брюханова, который по окончании училища поступил в рекруты по найму за сына одного из зажиточных крестьян [42].

В 1844 г. на сельских священников была возложена обязанность религиозного образования детей, священники должны были рассказывать детям об обязанностях человека и религиозных «истинах». В 1852 г. было отмечено такое «обучение» при 82 церквах. Но даже по официальным данным не более 10 священников удовлетворяли требованиям поставленной задачи, остальные же «ни по способу изложения, ни по ясному разумению преподаваемых ими истин» не могли приобрести популярности: дети решительно отказывались посещать их занятия [43].

Заметные шаги в народном просвещении делала Калужская губерния. В 1810 г. была открыта приходская школа в д. Кулешово, приписанной к тульскому оружейному заводу. Крестьянин этой деревни И. Евдокимов внес в приказ общественного призрения 250 р. с тем, чтобы 50 р. были употреблены по открытии училища на книги, а остальные с процентами роста капитала расходовались на содержание училища по его смерти. Кроме того, в день открытия училища Евдокимов пожертвовал 50 р. в фонд жалования учителю. Другой крестьянин той же деревни Д. Петров обязался выстроить на свои деньги дом для училища.

В 1833 г. значились школы в слободах Рощинской и Рябушинской Боровского уезда, селах Людиново и Никольское, в 1834 г. в с. Милятино (в имении бывшего декабрис-

та М. Ф. Орлова) в 1837 г. в с. Дегонки, в 1842 г. в с. Песочня (имение Мальцева). В 1844 г. помещица Яковлева завела школу в с. Знаменское Лихвинского уезда. В 1854 и 1855 гг. школы были закрыты в Знаменском, Дегонки и Милятине, но учреждены в с. Спас-Деменское Нарышкиных (Московский уезд), сельце Александровский хутор и д. Дарьиной помещиков Спафарьевых (Медынский уезд). При церквах для детей «нисших сословий» в период с 1834 по 1839 гг. была открыта 41 школа, в том числе по 1 в Калужском, Тарусском и Боровском уездах, по 4 в Мосальском и Жиздринском, по 5 в Козельском и Мещевском, 15 в Лихвинском уезде. С 1839г. по 1860 гг. число церковноприходских школ увеличилось на 21. С 1839 г. начали возникать школы в деревнях ведомства Министерства государственных имуществ. К 1860 г. их было 38.

Детей крепостных во всех школах обучалось в 1834 г. — 198, 1839 г. — 427, 1860 г. — 487 человек. Дети крепостных составляли 4% от общего числа учащихся. Во всей Калужской губернии в 1859 г. в школах обучалось 5786 мальчиков и 936 девочек [44].

Здоровье крестьян

Жилища, равно как и другие экономические условия крестьянского быта, выступали важным фактором, действовавшим на здоровье крестьян. Пытаясь охарактеризовать в нескольких словах общее положение смоленской деревни, Я. Соловьев писал: «Здесь немаловажную роль играют также относительная степень довольства и удобства к жизни ... Пушный хлеб, скудный приварок, тесные и курные избы, наполненные людьми, домашними животными, не могут способствовать к развитию физических сил» [45]. Самыми распространенными среди крестьян болезнями были так называемые «лихорадки» и «горячки» (пневмония, тиф, грипп), «злая корча» (отравление хлебом со спорыньей); много детей умирало от желудочных заболеваний; широко распространены были чесотка и лишаи. Крестьяне часто умирали от ничтожных причин, вследствие того, что не могла быть оказана своевременная медицинская помощь. Сохранилась вера в целительную силу «дедов» (колдунов), всякого рода «заговоров», церковных причастий и т. п. [46] Где же мог крестьянин получить медицинскую помощь? Смоленский помещик В. Градовский замечал: «Богач для пользования своих немощей может любого врача к себе позвать... и лекарства всех стран света к его

услугам», а крестьянин обыкновенно «слепо вручает себя ... бабкам, дедам», которые отправляют его на тот свет». Он призывал помещиков содержать на свой счет врачей и фельдшеров, создавать деревенские аптеки [47].

До нас дошли «Статистические сведения о мерах и учреждениях для сохранения народного здравия», составленные на рубеже 1830—1840-х гг. бельским дворянином, коллежским асессором Андреем Миллером. «27 лет, как я посвятил себя сельской жизни и, будучи врачом, с занятиями, необходимыми для ежедневного бытия, занимался и занимаюсь поданием помощи моим собратьям поселянам в болезнях, их постигающих. Видел и вижу, как велики их нужды по этой части, и сколько бывает жертв единственно от того, что нет сведущего помощника, нет и средств к помощи. Нередко я чувством сокрушающим находил молодых людей, которые в весне дней своих от маловажной причины — от ушиба, простуды, горячки, кровохарканий, воспаления груди, рожи и т. п. — делаются на долгое время больными, наконец калеками, — бесполезными себе, семейству, обществу. Что же сказать о бедных младенцах, детях малолетних, которые весьма нередко похищаются целыми десятками, сотнями, тысячами еще существующей оспою, посещающей их корью, скарлатиною, судорожным кашлем, поносами, глазными воспалениями? О женщинах во время и после беременности, о повальных болезнях, которых явления повременны, умалчивают ... Уезды наши обширны; может ли один или два врача в чем успеть?.. Брать ли с крестьян? С них, живущих более в нужде, нежели в изобилии, брать даже неприлично... Что же делать поселянину? Болеть, терпеть, надеяться на авось, на природу, и когда она откажет — страдать, быть изувечену от ничтожной в начале болезни, умереть: вот результат его трудолюбивой жизни» [48].

Утверждаясь в мысли, что простой поселянин «требует и заслуживает человеколюбивейшего внимания и призрения», Миллер ставит ряд вопросов (обучение искусству врачевания и др.), которые, однако, не могли быть решены в условиях крепостнической России [49].

В 1845 г. в Смоленской губернии было 28 врачей, 13 повивальных бабок, 24 лекарских ученика и 5 фельдшеров. Аптек казенных не было совсем, а частные были две в Смоленске и по одной — в Дорогобуже, Рославле, Гжатске, Белом, Поречье и Духовщине. В пяти уездных центрах

аптек еще не было [50]. Лишь где-то около 1850 г. появилась первая сельская больница с аптекой в Новодугинской вотчине графа Панина, преобразованная из богодельни [51]. Сельское население, таким образом «совершенно было лишено медицинского пособия» [52], в среднем на одного «медика» приходилось 40 тыс. жителей. В плохом состоянии находилось оспопрививание. Из 58917 новорожденных в 1843 г. оспа была привита только 16045 [53].

В Калужской губернии было 44 врача, из них на службе по ведомству Министерства внутренних дел в Калуге — 9 и в уездных городах — 20. По ведомству Министерства государственных имуществ было 3 врача, в помещичьих имениях 6, вольно практикующих тоже 6 человек. Оспа в 1860 г. была привита 34347 младенцам. В половине июля 1860 г. появилась холера в Калуге, в Калужском, Боровском, Малоярославецком и Медынском уездах. Заболело 515, умерло 289 человек [54].

Подворные описи В. Храповицкого зафиксировали хроническое заболевание многих крестьян трахомой. В Поречском уезде, особенно в Силуянской и Лоинской казенных волостях, наследственными стали накожные сыпи («парша») [55]. В 1834, 1835, 1836, 1844 и 1845 гг. много народу унесли «повальные нервные горячки». В 1831 и 1848 гг. Смоленская губерния была охвачена холерой. Болезнь «следовала» по селениям, лежащим вдоль больших дорог и по рекам. В 1848 г. было зарегистрировано 33538 заболеваний, в том числе 13613 со смертельными исходами [56]. Эпидемия продолжалась более двух месяцев. В 1851 г. эпидемия тифа распространилась по возвращении крестьян со строительства железной дороги Петербург — Москва.

Общественный и домашний быт

И. Соколов (Корлупов) в «Этнографических сведениях о с. Великополье Юхновского уезда», сообщая сведения об общинных порядках, писал, что сходки крестьян созывались десятскими по приказанию помещика (если он отсутствовал — старостами или бурмистром). Обсуждались вопросы сдачи крестьян в рекруты, отпуска на сторонние заработки, «дозволить или не дозволить кого женить», об исполнении вотчинных нарядов: «кому на молотьбу, кому с топором для постройки, кому на караул к господским житницам и хлебному магазину». Для сдачи рекрутов собирали с тягла по рублю серебром. Деньги «отдаются сдатчику, а иногда распоряжается вотчинный начальник».

На общественное мнение особое влияние оказывали люди старые, опытные: «ты-де, дядюшка, человек пожилой, побольше нас знаешь. Как ты мне посоветуешь?»

«Если случается порубка леса или пропажа с нивы господских или соседских снопов, а также одежды, коней, то виновные наказываются при сходке лозами, назначаются без очереди и без зачета в рекруты ... За важные преступления представляют, конечно, суду». При разделе семейств младший оставался на старом «корне». Все делилось пополам: «разрезают даже ковригу хлеба на равные части». Приданого у крестьян не давали «кроме снизки одежи», т. е. овчинной шубы и суконного зипуна. «Бедной девушке жених давал рубля три на сороку» [57].

Семейные отношения в XIX в. намного усложнились. Если раньше население двора состояло в основном из близких родственников — нераздельных братьев, дядей и племянников, лиц, приведенных во двор при посредстве браков — невесток и зятьев, то теперь наряду с ними в крестьянском дворе появились дольники, приемыши, люди совершенно чужие, а нередко и чуждые сложившемуся в нем укладу. Их привели сюда не личные отношения, а экономические соображения помещиков, выражавшие стремление сохранить тяглоспособность данного двора. Помещики сдерживали семейные разделы. В них они видели причину обеднения деревни. Конечно, в семье и семейных отношениях было много патриархального, стародавнего: сохранялись непререкаемый авторитет старших, угнетенное положение женщины, браки по расчету и т. п., но самым сильным тормозящим фактором было владельческое право феодалов.

В качестве общей черты крестьян всех категорий и уездов современники отмечают их трудолюбие, терпеливость в перенесении житейских невзгод, предприимчивость, любознательность, здравый смысл, завидные добродушие и гостеприимство, уважительность к честному слову, готовность помочь другому человеку даже с опасностью для своей жизни. Как бы опровергая распространявшееся помещиками мнение, будто крестьяне по природе своей ленивы, нерадивы, они говорили о том, что крестьянин «в сущности самый трудолюбивый человек, которого скудная почва и природа-мачеха выучила беспримерному терпению, безграничной готовности ко всякой работе» [58]. Автор «Военно-статистического описания Смоленской губернии» офицер генерального шта-

Стиернсканц заметил, что смоленский крестьянин в нуж-
х чрезвычайно терпелив, в работе и ремеслах ловок». Осо-
нно восторженно он отозвался о смоленских крестьянках:
хозяйствах усердны и находчивы, доказательством чему
ужат средства, изыскиваемые ими к пополнению домаш-
х недостатков, как-то: весной они приготовляют довольно
тательную пищу из щавеля, заменявшего капусту, а в
урожайные годы и самый хлеб; из сока березы и также
ена делают питье, заменяющее квас»[59].

Источники отмечают разделение в деревнях работ на
сто мужские и чисто женские. Однако у оброчных крестьян
развитием отходничества женщины стали выполнять весь
мплекс сельскохозяйственных работ, в том числе пахать
косить[60].

Отмечая постоянную готовность оказать помощь друго-
Н. Энгельгардт писал в 1837 г. о крестьянах Ельнинско-
уезда: «Они сострадательны, часто случалось в голодные
ы, что один бедняк отдавал другому бедняку, более го-
дному, последний ломоть хлеба, не думая о том, что на-
тра сам будет терпеть голод». Крестьяне «статны собою,
овольно красивы, в особенности женщины», «имеют рас-
док здравый... нрав кроткий, любят радость», «ссоры в се-
йствах редко происходят», «отъявленных пьяниц мало, но
пить в праздничный день не отказываются ни мужчины,
женщины»[61]. Другой автор говорит по-существу о том
: «В общежитии крестьяне... по обычаю предков, радуш-
и гостеприимны (особливо при изобилии даров природы,
лы у них всегда накрыты чистой скатертью и на них хлеб
оль), характера веселого, шутливы (велеречивы) и разго-
рчивы; песни более любят, нежели музыку и поют сами
отно при малейшем (веселом) расположении духа»[62].

Говоря о поверьях крестьян, И. Соколов пишет: «При по-
пке коней не берут поводья голыми руками, но, обернув
ку полой одежды, чтобы у продавца и покупателя водились
ни и не были бы бедны и наги»; купленную лошадь кресть-
нин ставил посреди двора и давал в ступе овес, чтобы дер-
ала тело, корове при покупке в воротах давали посолен-
ый «край» хлеба, «чтобы знала двор и приходила с поля
ама»[63].

Я. Соловьев писал, что «религиозность простого народа
бнаруживается в исполнении только обрядных постановле-
ний: хождение в церковь, в соблюдении постов и т. п. Но
смысла христианской религии, на котором основаны все

гражданские добродетели, он не понимает». Существуют правила, которыми крестьянин руководствуется во всех случаях жизни. Так, «явное воровство не может найти себе защиты в общественном мнении крестьян, но воровство леса, воровство господских семян во время сева, уклонение от платежей, податей, хотя бы и были к тому средства, не считаются за грех, ни за преступление». Отмечено сохранение семейно-родового культа и верований дохристианского происхождения. Например, вера в домовых, силу огня-очага. Переезжая в другие места, крестьяне увозили с родины кочергу. Жених и невеста, возвращавшиеся из-под венца, должны были «въезжать» в дом через «огонь» (перед воротами двора разжигали костер). В отдельных деревнях западных уездов крестьяне охраняли веру в тяжелые и легкие дни, но в восточных уездах «легко уступали требованиям благоразумия и здравого смысла» [64].

Крепостничество тяжело отзывалось на всех сторонах жизни крестьянства. Мешало оно улучшению их жилищных условий, распространению грамотности, налаживанию здравоохранения. И все-таки новое давало о себе знать. Оно проникало в общественный и семейный быт, заставляло менять привычки и взгляды, вызывало у крестьян тягу к грамотности. Крестьянин даже в пору крепостного режима был честен и неаморален. И это ему удавалось передать по наследству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории западнорусского крестьянства в феодальную эпоху проявились как общие закономерности развития этого класса, так и местные особенности, обусловленные различными факторами: историческими, географическими, природными и др.

Западнорусские земли вошли в состав Древнерусского государства (Киевская Русь) в конце IX в. и играли в ней важную роль. По этим землям проходил в значительной своей части знаменитый торговый путь «Из варяг в греки» — водная магистраль, посредством которой осуществлялись торговые, экономические и культурные связи народов, населявших Причерноморье, с народами, населявшими Скандинавский полуостров. По Волге, исток которой находится на территории северной части современной Смоленской области, по ее многочисленным правым притокам, жители западнорусских земель были связаны и с Востоком, а по Западной Двине с северонемецкими городами и другими европейскими центрами средневековой цивилизации. К концу феодальной эпохи сложилась система речных пристаней (Бельская, Гжатская, Поречская) и начала складываться сеть шоссейных дорог, соединявших Западный регион с центром страны, с Петербургом, с Центрально-черноземной областью, с Рижским портом.

Удобное географическое расположение западнорусских земель в верховьях Волги, Днепра, Западной Двины, на сухопутных путях из Европы в Россию, хорошие природно-климатические условия, самоотверженный труд крестьянства предопределили успешное развитие сельскохозяйственного производства, огородничества, а также ремесла. Благодаря труду крестьян огромные пространства земли были превращены в пашни и кормовые угодья, совершенствовались системы земледелия — от подсеки до трехполья — и орудия труда, выведены улучшенные породы скота. В конце изучаемой эпохи крестьяне стали сеять клевер, сажать на огородах картофель, в большом количестве сеяли лен и коноплю, кое-где начали проводить мелиоративные работы. Раз-

вивались разнообразные ремесла, удовлетворявшие потребности не только непосредственных производителей, но и рынка. Западнорусское крестьянство, как и крестьянство других регионов, внесло решающий вклад в развитие производительных сил страны. В процессе труда оно накопило огромное количество наблюдений о нормах высева, сроках посевов и уборки различных культур, об использовании удобрений и других агротехнических, зоотехнических и других знаний, которые передавались от поколения к поколению, закреплялись в приметах и поговорках. Именно эти накопленные крестьянами знания, этот сельскохозяйственный опыт ложился в основу помещичьих инструкций управляющим имениями о том, как вести хозяйство, статей и книг по этому вопросу, вроде «Хозяйственного календаря» В. С. Храповицкого.

Все содержание публикуемого тома убедительно подтверждает марксистский тезис о том, что народные массы являются главной производительной силой, главным двигателем исторического прогресса.

Крестьяне западнорусских земель находились в постоянном взаимодействии с людьми других национальностей, в первую очередь белорусов, украинцев, поляков, литовцев. Люди разных национальностей жили по соседству, а то и в одних и тех же селениях, обменивались опытом ведения хозяйства, сельскохозяйственными и другими знаниями, совместно совершенствовали орудия труда, системы хозяйства, выводили новые сорта огородных и садовых культур, заимствовали друг у друга произведения устнопоэтического творчества, предметы домашнего убранства и быта. В совместном труде и совместной борьбе против угнетателей рос и укреплялся интернационалистический характер мировоззрения крестьянства. Этому способствовало и активное участие народа в отражении агрессии с Запада (наиболее ярким событием была Грюнвальдская битва 1410 г. польских, литовских и смоленских полков против немецких «псов-рыцарей»), в освобождении западнорусских земель от иноземного ига (например, украинских казаков в боях за Смоленск в 1654 г.).

В Западном регионе переплетались разные формы эксплуатации крестьян. Один из густо населенных районов страны, он был в то же время одним из наиболее крепостнических по преобладанию в населении помещичьих крестьян. Среди владельцев крепостных душ наряду с русскими были служилые люди литовских и польских князей, перешедшие на служ-

бу к русским царям. Вместе с тем значительная часть земель и крестьян принадлежала царской семье (дворцовые крестьяне). В конце XVIII в. эта категория крестьянства получила наименование удельных и составила часть государственных крестьян. Нередки были случаи передачи имений попавших в опалу владельцев в другие руки или «отписания» их в фонды царского землевладения. Все это накладывало отпечаток на формы, размеры и тяжесть повинностей.

Борьба крестьян против социального гнета — обычное для феодальной эпохи явление, она была повседневной. Западный регион знал периоды особо бурного крестьянского движения, охватывавшего большие территории и огромные массы населения. В крестьянской войне под предводительством И. И. Болотникова отличилась Комаринская волость, участвовали в ней и крестьяне других мест. Движение под руководством Ивана Балаша приобрело такой размах, что в исторической литературе высказывалось мнение о целесообразности называть его крестьянской войной.

Одной из форм борьбы против феодалов, за освобождение из-под крепостного гнета были массовые побеги крестьян из имений, наносившие большой ущерб помещичьему хозяйству. Следует сказать, что, осев на новых землях, беглые крестьяне способствовали освоению новых земель, передавали местному населению свои знания и навыки ведения хозяйства, усвоенные в старых, давно обжитых местах.

Крестьянское движение было важной составной частью общественной жизни страны, оно оказывало влияние на общественное движение и правительственную политику. Без учета борьбы крестьян нельзя понять ни появление кружка «Смоленских вольнодумцев» в самом конце XVIII в. и движения декабристов, ни подготовки в верхах реформы 1861 г., ставшей рубежом между двумя общественно-экономическими формациями в России — феодально-крепостнической и капиталистической.

Глава 1

[1] См.: Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967. С. 106, 115.

[2] См.: Там же. С. 119.

[3] См.: Там же. С. 120.

[4] См.: Исаенко В. Ф. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 3: Памятники бронзового века. Минск, 1976. С. 35.

[5] См.: Артеменко И. И. Указ. соч. С. 120.

[6] Микляев А. М. Археологические памятники Усвятского микрорайона//Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1969. Вып. 2. С. 29—31.

[7] См.: Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 121, 147.

[8] См.: Там же. С. 120.

[9] См.: Там же. С. 123—124.

[10] См.: Артеменко И. И. Указ. соч. С. 122.

[11] См.: Шмидт Е. А. О некоторых находках бронзового века в верховьях Днепра//Материалы по изучению Смоленской области (далее — МИСО). Смоленск, 1974. Вып. 8. С. 147; Лявданский А. Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии//Науч. изв. Смоленск. ун-та. Смоленск, 1927. Т. 4, вып. 3. С. 236, 245, 248. Табл. XVI.

[12] См.: Артеменко И. И. Указ. соч. С. 122, 129.

[13] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 162.

[14] Там же. С. 163.

[15] См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963; Шмидт Е. А. К истории скотоводства и земледелия на территории Смоленской области//Учен. зап. Смоленского гос. пед. ин-та. Смоленск, 1967. Вып. 17. С. 140—153.

[16] См.: Шмидт Е. А. Древнейшие укрепленные земледельческие поселения на р. Десне в пределах Смоленской области//Сельское хозяйство и крестьянство Запада и Северо-Запада РСФСР в дореволюционный период. Смоленск, 1980. С. 3—7.

[17] См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 141—176.

[18] См.: Шмидт Е. А. Некоторые данные о земледелии и скотоводстве на территории Смоленской области во второй половине I тысячелетия н. э.//Вопр. аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 65—68.

[19] См.: Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях//Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934. № 11—12. С. 36; Цалкин В. И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе//МИА. № 107. М., 1962. С. 60.

[20] Шмидт Е. А. К истории скотоводства и земледелия ... С. 147.
[21] См.: Цалкин В. И. Указ. соч. С. 62.
[22] См.: Шмидт Е. А. К истории скотоводства и земледелия... С. 148.
[23] См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 167.
[24] См.: Там же. С. 78 и след.
[25] См.: Шмидт Е. А. Исследования на северо-западе Смоленской области//Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 102.
[26] См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 99.
[27] См.: Величко А. А., Падин В. А., Федорова Р. В. О комплексном изучении Арельского поселения по р. Десне//Советская археология. 1960. № 2. С. 245.
[28] См.: Заверняев Ф. М. Почепское селище первых веков н. э.//. Там же. № 4. С. 185.
[29] Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 13.
[30] См.: Давыдчук В. С., Фролов И. К. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н. э.//КСИА АН СССР. 1976. Вып. 146. С. 14.
[31] Падин В. А. Древности VI—VIII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска. Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
[32] См.: Горюнов Е. А. Указ. соч. С. 34.
[33] См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 67.
[34] См.: Шмидт Е. А. Некоторые данные о земледелии и скотоводстве ... С. 77.
[35] См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 15.
[36] См.: Горюнов Е. А. Указ. соч. С. 34.
[37] См.: Шмидт Е. А. Некоторые данные о земледелии и скотоводстве... С. 68 и след.
[38] Шмидт Е. А. Новые данные о земледелии в V—VII вв. н. э. по материалам раскопок у д. Близнаки//Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземного центра РСФСР. Смоленск, 1976. С. 7—9.
[39] См.: Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958. С. 213.
[40] См.: Шрамко Б. А. Деревянный плуг из Сергеевского торфяника//Советская археология. 1964. № 4. С. 84 и след.; Поболь Л. Д. Деревянный плуг//Сельское хозяйство Белоруссии. 1966. № 8. С. 19; Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970. Ч. I. С. 159.
[41] См.: Шмидт Е. А. Некоторые данные о земледелии и скотоводстве ... С. 75.
[42] См.: Заверняев Ф. М. Селище в устье р. Гасомы//Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
[43] Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 114—117.

Глава 2

[1] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 245.
[2] Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 11.

[3] См.: Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли//МИА. 1960. Вып. 22.

[4] Алексеев Л. В. Смоленская земля IX—XIII вв. М., 1978. С. 117.

[5] См.: Седов В. В. Сельские поселения ... С. 35.

[6] См.: Щапов Я. Н. Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв. Становление раннеславянских государств. Киев, 1972; Он же. О функциях общины в Древней Руси//Общество и государство феодальной России. М., 1975.

[7] См.: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 101.

[8] Рыбаков Б. А. Смерды//История СССР. 1979. № 2. С. 48.

[9] Седов В. В. Указ. соч. С. 31.

[10] Рыбаков Б. А. Смерды//История СССР. 1979. № 1. С. 55.

[11] Ловмяньский Г. О. О происхождении русского боярства// Восточная Европа в древности и в средневековье. М., 1978. С. 95.

[12] См.: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 134; Седов В. В. Смоленские поселения... С. 80.

[13] Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 125.

[14] См.: Алексеев Л. В. Домен Ростислава Смоленского//Средневековая Русь. М., 1976. С. 96.

[15] См.: Седов В. В. Некоторые вопросы географии Смоленской земли//КСИА. 1962. Вып. 90. С. 22, 23.

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 22.

[17] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1975, С. 141—145.

[18] См.: Седов В. В. Смоленские поселения ... С. 48.

[19] См.: Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси//Древнерусское государство. М., 1965. С. 279—352.

[20] Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси//Ист. зап. 1956. Кн. 56. С. 177.

[21] Там же. С. 179.

[22] См.: Рыдзевская Е. А. Слово «смерд» в топонимике: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. С. 5—16.

[23] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1952. Кн. 1. С. 194.

[24] Там же. С. 216.

[25] См.: Черепнин Л. В. Из истории формирования ... С. 243—244.

[26] Дополнения к Актам историческим. Т. 1. № 4.

[27] Смирнов И. И. К вопросу об изгоях//Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 106.

[28] См.: Черепнин Л. В. Из истории формирования ... С. 244—245.

[29] См.: Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 106.

[30] Черепнин Л. В. Из истории формирования ... С. 264.

[31] Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 807.

[32] См.: Советов А. О системах земледелия. Спб., 1967.

[33] См.: Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в конце XIII—начале XVI вв. М., 1965. С. 10.

[34] Очерки истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956. С. 23.

[35] См.: Зеленин Д. Русская соха. Вятка, 1908.

[36] Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе//Изв. ГАИМУ. Л., 1932. Т. 14, вып. 1.

[37] См.: Ибн-Русте. Дорогие ценности//Сборник документов по истории СССР. М., 1970. С. 41.

[38] См.: Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. М., 1947. С. 195—196.
[39] См.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1966. С. 81.
[40] См.: Русская правда. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 73.
[41] См.: Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1986. С. 155—169.
[42] См.: Даль В. Толковый словарь. М., 1955. Т. 1. С. 534.
[43] Русская правда. Т. 1. С. 309.
[44] Там же. С. 826.
[45] Рыбаков Б. А. Смерды//История СССР. 1979. № 2.
[46] Куза А. В. Города в социально-экономической системе Древнерусского феодального государства X—XIII вв.//КСИА АН СССР. 1984. Вып. 179. С. 7.
[47] Свердлов М. В. Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983. С. 82.

Глава 3

[1] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. М., 1982. С. 470.
[2] Там же. С. 471.
[3] Каргалов В. В. Последствия монголо-татарского нашествия XIII в. для сельских местностей Северо-Восточной Руси//Вопр. истории. 1965. № 3. С. 53.
[4] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)//Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 22. С. 89.
[5] См.: Там же. С. 23, 25.
[6] См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 32.
[7] См.: Акты литовской метрики. Варшава, 1896. Т. 1, вып. 1. С. 192; Варшава, 1897. Вып. 2. С. 6, 9, 14; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Слб., 1846. Т. 1. С. 193.
[8] См.: Жития Аврамия Смоленского и служба ему. Спб., 1912.
[9] См.: История северного крестьянства: Период феодализма. Архангельск, 1984. С. 52.
[10] См.: Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI вв. М.; Л., 1965. С. 250; Кондрашенков А. А. Смоленская земля в борьбе за объединение Руси//История СССР. 1982. № 6.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 21—22.
[12] См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1968. С. 525.
[13] Пашуто В. Т. «И всякие земля русская»//История СССР. 1980. № 4. С. 75.
[14] Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935. С. 66.
[15] Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 117.
[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 248.
[17] Хорошкевич А. Л. Исторические судьбы белорусских и

украинских земель в XIV — начале XVI вв.//Древнерусское наследие и судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 109.

[18] ПСРЛ. М., 1965. Т.10. С. 228.

[19] Маковский Д. П. Смоленское княжество. Смоленск, 1948. С. 182.

[20] Там же. С. 185.

Глава 4

[1] Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М., 1972. С. 295—296.

[2] Там же. С. 296.

[3] Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 370.

[4] См.: Бугославский Г. Смоленская земля в литовский период (Территория, общественный и политический строй). 1404—1514// Смоленская старина. Смоленск, 1914. Вып. 3, ч. 1. С. 100.

[5] Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 296—298.

[6] См.: Любавский М. К. Очерк истории ... С. 85 и др.

[7] См.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 27. Стб. 485—508.

[8] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 169; Т. 35. С. 51; Т. 11. С. 189; Т. 35. Стб. 60, 110. Т. 17. Стб. 69.

[9] Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 95—100.

[10] ПСРЛ. Т. 35. С. 60, 109, 143, 164, 190, 211, 232.

[11] РИБ. Т. 27. Стб. 50.

[12] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АЗР). Спб., 1846. Т. 1. С. 143.

[13] Там же; РИБ. Т. 27, Стб. 160.

[14] АЗР. Т. 1. С. 69 и др.

[15] РИБ. Т. 27. Стб. 49, 66, 158.

[16] Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. Приложение. С. III—IV.

[17] Любавский М. К. Очерк истории... С. 371.

[18] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 20, 40, 47, 65—67 и др.; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 27.

[19] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 47, 65, 69, 154; АЗР. Т. 1. С. 69, 154.

[20] См.: Любавский М. К. Областное деление... Приложение. С. II.

[21] См.: Любавский М. К. Областное деление... С. 38 (Еленская волость); Бугославский Г. Указ. соч. С. 38 (Рославльская волость), и др.

[22] См.: Любавский М. К. Областное деление... Приложение. С. III—IV.

[23] См.: Бугославский Г. Указ. соч. С. 23, 11, 38, 39, 123.

[24] См.: Любавский М. К. Очерк истории... С. 104; РИБ. Т. 27. Стб. 488—507. (Список смоленских крестьян-слуг.)

[25] См.: Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. М., 1961. С. 152—182, 336—364.
[26] Любавский М. К. Очерк истории... С. 372.
[27] РИБ. Т. 20. С. 311—314; Хорошкевич А. Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI вв.// Древнерусское наследие. М., 1982. С. 104—105.
[28] См.: Пичета В. И. Белоруссия и Литва... С. 374, 382—385.
[29] См.: Там же. С. 327 и др. Известны (в том числе и на Смоленщине) попытки удержать в имениях и представителей других категорий крестьянства, например слуг (См.: Леонтович Ф. И. Акты Литовской метрики. Варшава, 1896. Т. 1, вып. 1, № 231 и др.).
[30] См.: Пичета В. И. Белоруссия и Литва... С. 327, 373—374, 299—300.
[31] См.: Леонтович Ф. И. Акты Литовской метрики. Т. 1, вып. 1, С. 231.
[32] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 38—40, 42—43; Любавский М. К. Областное деление... Приложение. С. II и др.
[33] См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. С. 202—203 и др.
[34] О копных судах — своеобразных сельских сходах, на которых население волости само, без участия наместника, осуществляло некоторые полицейские и судебные функции (поиски вора, суд, расправу), руководствуясь нормами обычного права (см.: Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией для разбора и издания древних актов. Т. 18: Акты о копных судах. Вильно, 1891).
[35] АЗР. Т. 1, № 213. Это в целом соответствовало обычным литовским нормам.
[36] См.: Бугославский Г. Указ. соч. 39—40; АЗР. Т. 1. С. 69.
[37] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 184.
[38] РИБ. Т. 27. Стб. 159—161 и др.
[39] См.: Похилевич Д. Л. Движение феодальной ренты в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.//Ист. зап. М., 1950. С. 191—221.
[40] РИБ. Т. 27. Стб. 71.
[41] АЗР. Т. 1. С. 69.
[42] Любавский М. К. Областное деление... С. 353.
[43] Бугославский Г. Указ. соч. С. 82.
[44] РИБ. Т. 27. Стб. 324.
[45] Любавский М. К. Областное деление... С. 269.
[46] Бугославский Г. Указ. соч. С. 80.
[47] См.: Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957. С. 32—33.
[48] АЗР. Т. 1, № 213; Любавский М. К. Очерк истории... С. 370—371.
[49] См.: Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы... С. 32.
[50] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 47, 859; Любавский М. К. Областное деление... Приложение. С. III.
[51] См.: АЗР. Т. 1. № 145.
[52] См.: Любавский М. К. Областное деление... С. 334; Приложение. С. III.
[53] См.: Там же. С. 332.
[54] См.: Там же. С. 324, 326; РИБ. Т. 27. Стб. 48, 385, и др.
[55] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 488—507.

[56] В XVI в. за феодалами Великого княжества утвердилось название шляхты, а боярами стали называть крестьян-слуг. Такие путные и панцирные бояре известны и в исследуемом регионе в XVII в. (см. гл. 6).
[57] Любавский М. К. Областное деление... С. 350.
[58] См.: Там же. С. 338.
[59] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 40, 47, 65, 67, 131 и др.
[60] Там же. Стб. 48.
[61] См.: Любавский М. К. Очерки истории... С. 368.
[62] Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы... С. 6.
[63] См.: Любавский М. К. Областное деление... С. 350 и др.
[64] РИБ. Т. 27. Стб. 50.
[65] Пичета В. И. Белоруссия и Литва... С. 322.
[66] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 489, 490 и др.
[67] См.: Бугославский Г. Указ. соч. С. 39.
[68] См.: Леонтович Ф. И. Акты Литовской метрики. Т. 1, ч. 2. С. 471.
[69] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 160.
[70] Сборник РИО. Спб., 1882. Т. 35. С. 474.
[71] ПСРЛ. Т. 32. С. 84. Ср. сообщения других летописей (Там же. Т. 35. С. 143, 190, 332).
[72] См.: Богданов В. Смоленское восстание «черных людей» в 1440 году//Борьба классов. М., 1933. № 2. С. 51—55; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XI веках. М., 1960. С. 772—779; Кондрашенков А. А. История Смоленской земли с древнейших времен до середины XVII века. Смоленск, 1982. С. 31—45.
[73] РИБ. Т. 35. С. 60 и др.

Глава 5

[1] Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 37.
[2] Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства. М., 1960.
[3] Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 195.
[4] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I, № 148. С. 412.
[5] Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 349.
[6] См.: Кондрашенков А. А. Борьба за смоленские земли в первой четверти XVI века //Вопросы аграрной истории и крестьянства Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1977. С. 3—29.
[7] См.: Флетчер Д. О государстве Русском. Спб., 1905. С. 8.
[8] См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. С. 406.
[9] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Спб., 1861. Т. 3, С. 39.
[10] Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 104.
[11] Там же. С. 188.
[12] Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 36.

[13] Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963. С. 390.
[14] Там же. С. 196.
[15] Клибанов А. И. Труды отдела древнерусской литературы XVI в. М.; Л., 1960.
[16] Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 366.
[17] Там же. С. 355.
[18] Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1916. С. 16—17.
[19] Маковский Д. П. Указ. соч. С. 278; РИБ. Т. 37. С. 85.
[20] См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 124—128.
[21] См.: Кияс Артур. Поместная система в Московском государстве в XV — первой половине XVI веков: Историография и проблематика. Познань. 1984. С. 198.
[22] Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 126.
[23] См.: Писцовые книги Московского государства/Под ред. Н. Я. Калачева. Спб., Отделение I (1875), Отделение II (1877); Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 354.
[24] См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 224.
[25] См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 359.
[26] Маковский Д. П. Указ. соч. С. 246—247.
[27] См: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 37. С. 260.
[28] См.: Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в.//Ист. зап. М., 1938. Т. 3. С. 159.
[29] ЦГАДА, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 78 об.
[30] Там же, л. 151.
[31] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII в. (извлечение). Спб., 1898. С. 77—78.
[32] Там же. С. 76.
[33] См.: Там же. С. 79.
[34] Горская Н. А. Зерновое землевладение центральных областей русского государства во второй половине XVI — начале XVII вв. М., 1955. С. 9—10.
[35] Шумаков С. Сотницы (1554—1572 гг.), грамоты и записи (1628—1701 гг.). М., 1904. Вып. 3. С. 183—184.
[36] Путешествие антиохийского патриарха Макария... С. 76.
[37] См.: Флетчер Д. Указ. соч. С. 113.
[38] ЦГАДА, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л.86 85 об., 90—98.
[39] Флетчер Д. Указ. соч. С. 24.
[40] Герберштейн С. Записки о московских делах. Спб., 1908. С. 95.
[41] См.: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в 3-х т. Т. 1 (1620—1647 гг.). М., 1953. С. 258.
[42] См.: Акты Юго-Западной России (далее — АЮЗР). Т. 3, № 23. С. 31; № 79. С. 109; Воссоединение Украины с Россией... Т. 2. С. 323—324.
[43] Воссоединение Украины с Россией... Т. 1. С. 241—242.
[44] См.: Там же. С. 297.
[45] См.: АЮЗР. Т. 3, № 200. С. 210.

[46] Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М., 1982. С. 9—18, 81—245.
[47] ЦГАДА, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 82 об., 157 об., 172 об., 217.
[48] Новосельский А. А. Указ. соч. С. 163.
[49] ЦГАДА, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 78, 78 об., 81.
[50] Очерки истории Орловского края. Орел, 1968. С. 64, 65.
[51] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 358.
[52] Редков Н. Смоленск в Смутное время. Смоленск, 1914. С. 2.
[53] ПСРЛ. Т. 15. С. 61.
[54] См.: Корецкий В. И. К истории восстания Хлопка (новые материалы)//Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 126.
[55] См.: Акты юридического быта. Спб., 1857. Т. 2. С. 271.
[56] Скляр И. М. О начальном этапе первой крестьянской войны в России//Вопр. истории. 1960. № 6. С. 98.
[57] РИБ. Т. 13. С. 77.
[58] Скляр И. М. Указ. соч. С. 98.
[59] См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. М., 1951. С. 85—86.
[60] Там же. Приложение IV. С. 552.
[61] Скляр И. М. Указ. соч. С. 100.
[62] См.: ПСРЛ. Т. 14.С. 72.
[63] См.: Акты исторические. Т. 2. № 75.
[64] См.: Восстание И. Болотникова: Документы и материалы, составленные А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым. М., 1959. С. 242; Белокуров С. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 9.
[65] Сб. Русского исторического общества (далее — РИО). Т. 137. С. 360.
[66] Акты археографической экспедиции (далее — ААЭ). Спб., 1836. Т. 2. С. 132—133.
[67] Мальцев В. П. Смоленская оборона 1609—1611 гг. Смоленск, 1939. С. 77.
[68] Вайнберг Е. И. Челобитные смоленского помещика — участника похода против Болотникова//Ист. архив. 1953. Т. 8. С. 70.
[69] См.: ААЭ.Т. 2. С. 158.
[70] Белокуров С. Указ. соч. С. 10.
[71] ААЭ. Т. 2. С. 133.
[72] См.: Вайнберг Е. И. Указ. соч. С. 68.
[73] См.: Редков Н. Указ. соч. С. 10.
[74] РИО. Т. 137. С. 360.
[75] Там же. С. 380.
[76] Ист. архив. 1953. № 8. С. 35.
[77] ЛОИИ, ф. 238, оп. 1, № 137, л. 40 об.; Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова//Вопр. истории. 1968. № 4. С. 130.
[78] Смирнов И. И. Указ. соч. С. 195.
[79] Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 221.
[80] Зимин А. А. Указ. соч. С. 101.
[81] См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957.
[82] Дополнения к Актам историческим. Т. 1. № 231.
[83] Акты исторические. Т. 2. С. 416—417.

[84] См.: Смутное время Московского государства: Памятники обороны Смоленска. М., 1911. С 3.

Глава 6

[1] Речь Посполитая (от латинского Respullua) — традиционное наименование государства, возникшего после Люблинской унии Польши и Великого княжества Литовского 1569 г. Смоленское воеводство являлось частью последнего.

[2] ЦГАДА, ф. 389, д. 97, 99, 101, 108 и др.

[3] Там же, д. 103, л. 169—174.

[4] Библиотека Чарторыских в Кракове. Отдел рукописей. Папки Нарушевича. № 134. С. 243—246.

[5] Библиотека Вроцлавского университета. Отдел рукописей. № 1949/439. Т. 2. Л. 46 об.—47.

[6] ЦГАДА, ф. 1473, оп. 1, д. 925.

[7] Там же, ф. 145, оп. 1, кн. 1.

[8] Думин С. В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618—1654 гг. (по материалам Литовской метрики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 8—10.

[9] Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года), изданное Виленской археологической комиссией. Вильно, 1858. Ч. I. С. 68 и др.

[10] ЦГАДА, ф. 389, д. 108, л. 294—297.

[11] Там же, д. 99, л. 589 об.

[12] Там же, д. 96, л. 210—211; д. 97, л. 283 об.—285 об.

[13] Думин С. В. К истории развития ленного землевладения в Речи Посполитой в XVII в.; Смоленское воеводство в земельной политике династии Вазов//Сов. славяноведение. 1986. № 2. С. 48; Он же. Повинности крестьян Смоленского края в первой половине XVII века//Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI — первая половина XIX в.). Смоленск, 1982. С. 19—20.

[14] См.: Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с нею владений. Ч. 1.

[15] ЦГАДА, ф. 389, д. 103, л. 171.

[16] Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975. С. 32.

[17] См.: Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук/Под ред. Н. А. Попова. Т. 1. С. 339—340.

[18] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, кн. 1.

[19] Лавровский Л. Погодные записки смоленских иезуитов// Смоленская старина. Смоленск, 1916. Вып. 3, ч. 2. С. 39.

[20] Судя, например, по реестру имущества, отобранного в 1650 г. у 18 подданных К. Токарской в имении Хмара (Рославльский уезд), многие крестьяне имели по нескольку коней (нередко по 2, 3 и даже 5) и коров, упоминаются волы. Многие держали пчелиные улья.

[21] См.: Думин С. В. Ремесло и ремесленники Смоленского повета Речи Посполитой в первой половине XVII века//Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 139.

[22] Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957. С. 10—11; Лаппо И. И. Литовский статут

1588 г. Текст. Каунас, 1938. Т. 2. С. 454—456.

[23] Можно только констатировать, что данные о числе слободчиков в Смоленском повете, содержащиеся в книге подымного сбора 1650 г. (они составляли 13,85% всех учтенных там дымов), отражают лишь часть этого еще свободного крестьянства (ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, кн. 1).

[24] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, л. 16 об.—17 об.

[25] Там же, ф. 389, д. 101, л. 65 об.

[26] Распоряжение об этом содержится в инструкции Сигизмунда III его комиссарам, посланным в Смоленское воеводство (Библиотека Польской Академии наук. Филиал в Курнике. Рукопись 326. С. 181).

[27] ЦГАДА, ф. 389, д. 101, л. 64—64 об.

[28] См.: Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы... С. 32 и др.

[29] ЦГАДА, ф. 146, оп. 1, кн. 1, л. 46 об. В 1653 г. смоленские слободчики от уплаты подымного были освобождены.

[30] См.: Лахаревский А. М. Описание Старой Малороссии. Киев, 1888. Т. 1. С. 8.

[31] Корчмы упоминаются во многих частновладельческих местечках и имениях Смоленщины (ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, кн. 1).

[32] См.: Библиотека Чарторыских. Отдел рукописей. Папки Нарушевича. № 134. С. 243—246.

[33] См.: Думин С. В. Повинности крестьян... С. 21—22.

[34] См.: Там же. С. 23.

[35] В каждой такой службе имелось по нескольку отдельных крестьянских хозяйств, каждое из них держало лишь какую-то часть (обычно — не более 1/3) службы, т. е. и объем их повинностей составлял ту или иную долю от повинностей службы в целом.

[36] Сумма чинша с крестьян Смоленского уезда в 1629 г. (15 210 злотых) — денежный эквивалент 3802,5 бочек ржи или ишеницы, или примерно 12 332 бочки овса. Чинш со службы в Смоленской экономии в 1654 г. — 25 злотых, по ценам того времени — эквивалент 5 четвертей ржи или 10 четвертей овса, тогда как в виде натуральной ренты с той же службы поступала четверть овса и четверть ржи (Думин С. В. Повинности крестьян... С. 24—25).

[37] Собрание государственных и частных актов... Ч. 1. С. 73, 75, 67—68.

[38] См.: Думин С. В. Крестьяне западнорусских земель под властью феодалов Речи Посполитой//Основные категории крестьян в период позднего феодализма (XVII — первая половина XIX в.). Смоленск, 1985. С. 7—20.

[39] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, кн. 1.

[40] Собрание государственных и частных актов... С. 95.

[41] ЦГАДА, ф. 1473, оп. 1, д. 925.

[42] См.: Думин С. В. К истории развития ленного землевладения... С. 54.

[43] См.: Думин С. В. Крестьяне западнорусских земель... С. 10—11. На Смоленщине и Северщине, богатых лесами, Сигизмунд III предпринимал меры для защиты королевской монополии на «лесные товары» (хотя шляхта, мещане, военнослужилые люди получали право «входа» в леса за древесиной для постройки домов, хворостом и т. п.). Уже в инструкции короля 1619 г. в числе прочих мер предусмотрено выделение земель «стрельцам и всякого состояния служилым людям и ремесленникам» (Библиотека Польской Академии наук. Филиал в Курнике. Рукопись 326. С. 181).

[44] ЦГАДА, ф. 389, д. 103, л. 169.
[45] Там же, д. 101, л. 64—64 об.
[46] Как правило, основной обязанностью мещан был чинш. Но по мере развития фольварочного хозяйства в XVII—XVIII вв. в период пахоты и жатвы барщина иногда возлагалась и на них. Впрочем, для исследуемого региона последнее не характерно.
[47] ЦГАДА. ф. 145, оп. 1, кн. 1, л. 6 об., 11 об., 28 об. и др. В 1650 г. в некоторых имениях прямо упоминаются загородники, «что живут с умолота».
[48] Там же, л. 4 об.
[49] Там же, л. 3, 11 об., 26 и др.
[50] См.: Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы... С. 80.
[51] Например, уже упоминавшиеся будники.
[52] Русско-белорусские связи. М., 1982. С. 191—192.
[53] Там же. С. 213.
[54] См.: Там же. С. 95, 99, 103.
[55] См.: Копысский З. Ю. Источниковедение аграрной истории Белоруссии. Минск, 1978. С. 116—117.
[56] ЦГАДА, ф. 389, д. 108, л. 388—389.
[57] См.: Копысский З. Ю. Указ. соч. С. 117—118.
[58] Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Минск, 1960. Т. 2. С. 45.
[59] Акты Московского государства. Т. 1. С. 273—279, 230.
[60] См.: Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 202—203.
[61] Цит. по: Сташевский Е. Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства//Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 4. С. 157—159.
[62] Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны//История СССР. 1957. № 5. С. 121.
[63] Кондрашенков А. А. Смоленский край в XVI—XVII вв. Смоленск, 1978. С. 75—87.
[64] Там же. С. 81—82.
[65] Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 129—131.
[66] ЦГАДА, ф. 389, д. 108, л. 195; д. 107, 110; ф. 210, Севский стол, д. 99, л. 111.
[67] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Спб., 1861. Т. 3. С. 227.
[68] Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы... С. 104.

Глава 7

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т .12. С. 46.
[2] См.: Там же. Т. 1. С. 153—154.
[3] Здесь и далее подсчеты сделаны по: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.
[4] Рябков Г. Т. Смоленский край в период феодализма (вторая половина XVII — первая половина XIX вв.). Смоленск, 1984. С. 9.
[5] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, д. 30.

[6] Там же, ф. 1209, оп. 1, кн. 15167а, л. 268 об.; ф. 350, оп. 1, д. 97.

[7] См.: Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.// Ист. зап. М., 1938. Т. 4. С. 28.

[8] См.: Пясецкий Г. Исторические очерки города Севска и его уезда//Сб. Орловского церковного историко-археологического общества. Орел, 1906. 2. С. 100; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 67, 83, 75; Троицкий С. М. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. (по архиву кн. А. Д. Меншикова)// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972. С. 117—118; ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, кн. 361, ч. 1. Книга переписная г. Севска и дворцовой Комарицкой волости Севского уезда.

[9] Рябков Г. Т. Указ. соч. С. 22—23.

[10] Комиссаренко А. И. Размещение вотчин духовенства и их крестьян на территории России в 40—50-х годах XVIII века//Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 2. С. 65.

[11] См.: Кондрашенков А. А. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края в XVII—XVIII веках//Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян нечерноземной полосы (XVI — первая половина XIX вв.). Смоленск, 1982. С. 50—51.

[12] Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в.//Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 69.

[13] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3240, 3241; д. 1235, оп. 1, д. 97.

[14] Там же, ф. 1209, оп. 52, д. 10234, л. 87, 90 об., 94 об.—95 и др.

[15] Там же, ф. 350, оп. 2, д. 3240—3243 (подсчеты автора); д. 3241, л. 437, 437 об.; л. 436 об.; л. 295 об. и др.

[16] Подсчеты сделаны по: Переписи населения России. М., 1972.

[17] Воблый В. К., Пустоход П. И. Переписи населения. Их история и организация. М.; Л., 1940. С. 77.

[18] ЦГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 751, л. 336—366 об.

[19] Там же, л. 211—213.

[20] См.: Валентей Д. И. Проблема народонаселения. М., 1961. С. 41.

[21] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 10840, л. 105—217; ф. 248, оп. 1, д. 8, л. 292, 293.

[22] См.: Новосельский А. А. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в.//Ист. зап. М., 1945. Кн. 16. С. 58—64.

[23] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3240—3242.

[24] Там же, ф. 1209, оп. 2, д. 15174, л. 70 об., 139—140 об., и др.; оп. 1, д. 15153.

[25] Там же, ф. 145, оп. 1, д. 11, л. 15, 16, 11.

[26] См.: Дегтярев А. Я. Развитие общественного производства и изменение структуры расселения в России XV—XVII вв.//Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 213.

[27] ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 111 (Дорогобужский уезд), л. 603; л. 338 (Рославль) л. 70, 101 об., 114; д. 42 (Брянск), л. 121, 148 об., 269 об. и др.

[28] Там же, оп. 2, д. 445, л. 1179—1180 об.; д. 383.

[29] Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 129, 306—307.

[30] ГАСО, ф. 106, оп. 1, св. 1, л. 3 об.; ф. 106, оп. 3, св. 1, д. 2, л. 5—8.

[31] См.: Швейковская Е. Н. Крестьянская семья и сельская община как категория социальной структуры феодального общества (конец XV—XVII в.)//Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 206.

[32] ГАСО, ф. 106, оп. 3, св. 1, д. 2, л. 5—8 об.

[33] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 10243, л. 603—605.

[34] См.: Чекунова А. Е. Вотчинное хозяйство и крестьяне в конце XVII — первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 108.

[35] Горбачевский Н. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вильно, 1874. С. 384—385.

[36] См., Чекунова А. Е. Указ . соч. С. 111; Бакланова Е. Н. Хозяйство крестьян Вологодского уезда в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 246.

[37] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 15171, л. 415 об., 471 об. и др.

[38] Там же, д. 15173, л. 199—200; д. 11621, л. 90 об., 91; ГАСО, ф. 114, оп. 1, св. 1, д. 2, л. 9.

[39] См.: Чекунова А. Е. Указ. соч. С. 110.

[40] ГАСО, ф. 114, оп. 1, св. 1, д. 2, л. 9.

[41] Кондрашенков А. А. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края в XVII—XVIII вв.//Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян нечерноземной полосы (XVI — первая половина XIX вв.). Смоленск, 1982. С. 41.

[42] См.: Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 32; Чекунова А. Е. Указ. соч. С. 110—113.

[43] Юргинис Ю. М. Организация барщинного труда в Литве в XVI—XVII вв.//Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 243.

[44] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 15174, л. 230, 219, 222 об.; л. 328, 331, 587—590 и др.

[45] Засыпкина (Валкина) И. В. Крестьяне Брянского Свенского монастыря. 20—50-е годы XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. С. 106.

[46] ОР ГБЛ, ф. 658, карт. 2, д. 53, л. 1.

[47] Выводы сделаны на основании: Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 37—40, 41—43, 60—62, 304, 307.

[48] См.: История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 202, 203.

[49] Шелехов Д. П. Народное руководство в сельском хозяйстве. СПб., 1838. С. 25.

[50] См.: Милов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 288.

[51] ГАСО, ф. 106, оп. 3, св. 1, д. 4, л. 2, 2 об.

[52] См.: Маркина В. А. Роль крестьян в развитии производительных сил Правобережной Украины в XVII—XVIII вв.//Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. М., 1978. С. 158 и др.

[53] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 16, 39 (подсчеты автора).
[54] Рябчиков Г. Т. Указ. соч. С. 13.
[55] См.: Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. М., 1925. Т. 2. С. 205.
[56] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 27, 28, д. 23, 36 (подсчеты наши. — *Авт.*); ф. 145, оп. 1, стб. 6 и 24.
[57] Там же, ф. 1209, оп. 935, д. 15181, л. 313.
[58] Там же, ф. 417, оп. 1, д. 20, л. 267—269.
[59] См.: Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 304, 307.
[60] Шелехов Д. П. Главные основания земледелия. М., 1826. С. 124.
[61] ЦГАДА, ф. 1374, оп. 1, д. 780.
[62] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 37.
[63] Фортунатов А. Ф. Урожаи ржи в Европейской России. М., 1893. С. 194.
[64] ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, д. 32748.
[65] Там же, ф. 210, Столбцы Севского стола, стб. 326, л. 11—13.
[66] Подсчеты сделаны на основе: Шелехов Д. П. Народное руководство в сельском хозяйстве. СПб., 1838. С. 125—128.
[67] См.: Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 304—305 и др.
[68] См.: Индова Е. И. Урожаи в центральной России за 150 лет (вторая половина XVII—XVIII вв.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г., М., 1970. С. 148.
[69] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 133.
[70] См.: Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в.//В кн.: Ист. зап. Т. 15. М., 1945. С. 116; Индова Е. И. Указ. соч. С. 151—153; Фортунатов А. Ф. Указ. соч. С. 145, 227, 230.
[71] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, д. 10, л. 1.
[72] См.: Фортунатов А. Ф. Указ. соч. С. 70.
[73] См.: Лященко П. И. Указ. соч. С. 116.
[74] См.: Индова Е. И. Указ. соч. С. 151.
[75] ЦГАДА, ф. 417, оп. 1, д. 20, л. 38—38 об (подсчеты автора).
[76] Крикун Н. Г. Урожайность зерновых культур в фольварках северной части Подольского воеводства в первой половине XVIII в.// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс, 1964, С. 334.
[77] См.: Словцов И. Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России//Сборник статистических сведений о России. СПб., 1858. Кн. 31. С. 469—475.
[78] Записки Желябужского. СПб., 1840. С. 213.
[79] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, стб. 8, л. 20 об.; д. 47, л. 1 об.; д. 41; д. 53, л. 1; ф. 248, оп. 1, д. 751, л. 2 об.
[80] См.: Словцов И. Указ. соч. С. 488—491.
[81] ЦГАДА, ф. 417, оп. 1, д. 20. Подсчеты сделаны с использованием методики Э. Э. Эпик и М. А. Ючас (см.: Эпик Э. Э., Ючас М. А. Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. М., 1984. С. 203, 228).
[82] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 10840, л. 124—126.
[83] См.: Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяй-

ства... С. 37—38, 60—61, 304—305. См. также: Баклановa Е. Н. Указ. соч. С. 246; История северного крестьянства. Т. 1. С. 178.

[84] См.: Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 38.

[85] Шелехов Д. П. Указ. соч. С. 95—96.

[86] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 33, 36, 38, 39 и др.; ф. 145, оп. 1, стб. 6, 19.

[87] Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 37—38, 304—305.

[88] Там же. С. 60—61.

[89] Там же. С. 307.

[90] См.: Рябков Г. Т. Указ. соч. С. 14—15.

[91] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, стб. 13, л. 4, 5, 7, 10.

[92] См.: Рябков Г. Т. Указ. соч. С. 14.

[93] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, стб. 13, л. 11; стб. 5, л. 10, 11, 16.

[94] Смоленский край в памятниках и источниках. Смоленск, 1949. ч. 1. С. 271.

[95] См.: Там же. С. 271—273.

[96] См.: Рябков Г. Т. Указ. соч. С. 14.

[97] См.: Волков М. Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII в. Винокуренное производство. М., 1979. С. 289—290.

[98] См.: Там же. С. 297—298.

[99] Валкина И. В. Расслоение крестьянства... С. 261.

[100] ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 423, л. 809.

[101] Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 15153, л. 270 об.; ф. 248, оп. 1, д. 8, л. 292—295.

[102] Там же, ф. 137, оп. 1 (Вязьма), д. 28, л. 31.

[103] ОР ГБЛ, ф. 658, карт. 3, д. 5, л. 1.

[104] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, 1699 г., стб. 8, л. 14—16, 20, 20 об.; ф. 248, оп. 1, д. 8, л. 292—295.

[105] Валкина И. В. Расслоение крестьянства... С. 251.

[106] Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 62 (Вяземский уезд). С. 130 (Мещевский и Козельский уезды).

[107] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, кн. 12, ч. 1, л. 448, 451, 157 об; д. 8, л. 69 об.

[108] См.: Митяев К. Г. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII в.//Ист. зап. М., 1942. Т. 13. С. 60.

[109] Там же. С. 68.

[110] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Вязьма, д. 36, 38, 39 (подсчеты наши. — Авт.).

[111] См.: Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII в.//Учен. зап. МОПИ. Т. 127, вып. 7. М., 1963. С. 17—20.

[112] ЦГАДА, ф. 210, Денежный стол, кн. 180, 206.

[113] Захаров В. Н. Торговая деятельность западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 108.

[114] ЦГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 219-а, л. 6—9.

[115] Там же, ф. 137, оп. 1, (Вязьма), д. 27, л. 55 об.; д. 28, л. 11; д. 39, л. 11; д. 40-а, л. 3 об.; д. 41, л. 23, 91 и др.; д. 33, 41; д. 31, л. 4—4 об., 7, 10 об., 13, 15 об. и др.; ф. 145, оп. 1, кн. 12, ч. 1, 2.

[116] Там же, ф. 248, кн. 2676, 2824; ф. 713, оп. 1, д. 117; Пупа-

рев А. Г. «Брянская смута» 1747—1757//Тр. Орловской Ученой архивной комиссии. Орел, 1890. Ч. 1.

[117] Рябков Г. Т. Указ. соч. С. 16.

[118] Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII века. М., 1955. С. 120; Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию». М., 1965. С. 195, 196, 199.

[119] Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 130.

[120] Кондрашенков А. А. Указ. соч. С. 52—53.

[121] Засыпкина Н. В. Указ. соч. С. 106.

[122] См.: Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 281, 283.

[123] Новосельский А. А. Указ. соч. С. 75.

[124] ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, кн. 35, л. 83 об. — 84.

[125] Калужский край: Документы и материалы, Калуга, 1976. Кн. 1. С. 111—112.

[126] См.: Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 210.

[127] Там же. С. 211, 212.

[128] ЦГАДА, ф. 145, Московский стол, стб. 1266, л. 46.

[129] Там же, оп. 1, д. 7, ч. 1, л. 66—68.

[130] См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1946. Т. 7, вып. 2. С. 854, 855—856.

[131] Калужский край... С. 109—110.

[132] См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. 12. С. 118—119.

Глава 8

[1] Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. Таблицы.

[2] Список населенных мест Смоленской губернии по сведениям. СПб., 1868. С. 428—429.

[3] ГАКО, ф. 32, оп. 2, св. 1, д. 4, л. 9.

[4] ГАСО, ф. 1, оп. 1. 1804, д. 17, л. 27—28.

[5] Список населенных мест Смоленской губернии... С. 430.

[6] ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1878.

[7] Неелов Д. Что должно разуметь под рациональным сельским хозяйством//Рус. вестн. 1857. № 5. С. 88, 120—122.

[8] Соловьев Я. А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855. С. 88—89.

[9] Там же. С. 129; Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 11. С. 565—573 (граф М. В. Каховский).

[10] ЦГИА СССР, ф. 1350. Экономическое примечание Краснинского уезда, л. 65—66.

[11] Тройницкий А. Крепостное население России по X народной переписи. СПб., 1861. С. 37.

[12] Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 101—103.

[13] См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. 1949. Т. 11. С. 767.

[14] Кабузан В. М. Указ. соч. Таблицы.
[15] ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, д. 213, л. 20 и др.
[16] Рабинович М. Д. Однодворцы в первой половине XVIII в.// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1971; Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974.
[17] ГАСО, ф. 833, д. 412, 516.
[18] См.: Семеновский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 853.
[19] Там же. С. 853.
[20] ЦГАДА, ф. 88, д. 1437, 1529.
[21] Будаев Д. И. Крестьянская реформа 1861 г. в Смоленской губернии. Смоленск, 1967. С. 148.
[22] Кеппен П. И. Десятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857. С. 128.
[23] Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 127.
[24] См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 38, 79—80.
[25] Свод законов. 1824. Т. III. С. 11, 48, 51, 210, 422, 424, 469 и др.
[26] ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 11, д. 10754, л. 5 об.; ф. 379, оп. 1, д. 1351, л. 36.
[27] Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. 1. С. 322, 376—377.
[28] См.: Там же. С. 378.
[29] См.: Свод законов. 1832. Т. 9. С. 121—167.
[30] ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 5, д. 172, 327, 359, 360, 423, 428, 620.
[31] Там же, оп. 12, д. 415—420.
[32] Там же, оп. 1, д. 1—75; оп. 5, д. 838; оп. 15, д. 318—421.
[33] Там же, оп. 1, д. 1—74; оп. 56, д. 403—415; оп. 12, д. 446—466; оп. 15, д. 2287; оп. 15, д. 99; оп. 76, д. 447—456.
[34] Дружинин Н. М. Указ соч. М., 1958. Т. 2. С. 273.
[35] Там же. Т. 1. С. 528.
[36] ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 6, д. 5751, л. 335.
[37] ГАСО, ф. 1, оп. 2, 1853, д. 476, л. 63.
[38] Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. 2. С. 554—555.
[39] ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 25, д. 39514, л. 7, 23.

Глава 9

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 129—130.
[2] Храповицкий В. С. Хозяйственный календарь//ГАСО, ф. 106, св. 83, д. 1738, с. 26.
[3] Эйсмонт П. О тягле//Земледельческая газета. 1845. № 9.
[4] Храповицкий В. С. Указ. соч. С. 33.
[5] ГАСО, ф. 172, оп. 1, 1861 г., д. 109; 1862 г., д. 33, 259, 261; 1863 г., д. 47; 1867 г., д. 43; 1869 г., д. 72, ф. 922, св. 11, д. 1.
[6] ЦГАДА, ф. 1355. Экономические примечания Смоленской губернии, д. 34, л. 16 об., 22 об., 44 об., 48, 74—77 об.
[7] Соловьев Я. А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855. С. 259.
[8] См.: Там же. С. 260.
[9] См.: Милов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига. 1963. С. 284.
[10] См.: Храповицкий В. С. Указ. соч. С. 103—104.
[11] См.: Там же. С. 160, 185.

[12] Дейлидович В. Очерк сельского хозяйства Калужской губернии//Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Калуга, 1861. С. 362.

[13] Храповицкий В. С. Указ. соч. С. 109.

[14] См.: Дейлидович В. Указ. соч. С. 362.

[15] См.: Там же. С. 122, 125.

[16] См.: Там же. С. 138, 139, 148.

[17] Там же. С. 136—137.

[18] Там же. С. 362.

[19] Храповицкий В. С. Указ. соч. С. 126, 186, 191, 193, 195, 196; Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 262.

[20] См.: Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 263.

[21] Земледельческая газета. 1857. № 12.

[22] Там же. № 10.

[23] Дейлидович В. Указ. соч. С. 356.

[24] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19045, с. 184.

[25] См.: Земледельческая газета. 1837. № 27; 1841. № 32; С. 249—250; 1844. № 44. С. 345—347.

[26] См.: Дейлидович В. Указ. соч. С. 358, 361.

[27] Там же. С. 364.

[28] Земледельческая газета. 1836. № 61. С. 486—487.

[29] ГАСО, ф. 598, св. 7, д. 220.

[30] Земледельческая газета. 1835. № 41. С. 327—328.

[31] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19033, л. 18 об.

[32] ГАСО, ф. 1, оп. 1, 1813, св. 40, д. 233.

[33] Наши подсчеты крестьянских посевов по данным губернаторских отчетов полностью совпали с подсчетами И. Д. Ковальченко (см.: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., М., 1967. С. 83).

[34] ГАКО, ф. 32, оп. 19, д. 1525, л. 29—31.

[35] Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 291—293.

[36] ГАСО, ф. 114, 1817, св. 2, д. 45.

[37] Там же, ф. 702, оп. 1, д. 57.

[38] Там же, ф. 1, 1842, св. 5, д. 64.

[39] ЦГВИА, ф. ВУД, д. 19036, с. 51.

[40] ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 1, д. 1794; Смоленская старина. 1916. Вып. 3, ч. 2. С. 129, 130.

[41] ГАСО, ф. 1, 1813, св. 40, д. 233, л. 2 об.

[42] Земледельческая газета. 1837. № 36. С. 607; 1839. № 92. С. 735; 1845. № 23; 1850. № 99. С. 791—792.

[43] ГАСО, ф. 1, 1853, св. 22, д. 570, л. 12.

[44] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18381, 18385, д. 18388, 18389, 18391.

[45] См.: Смоленская старина. Смоленск, 1916. Вып. 3, ч. 2. С. 123.

[46] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19036, с. 51.

[47] Смоленская старина. 1916. Вып. 3, ч. 2. С. 102.

[48] ГАСО, ф. 1, св. 3, д. 4, л. 294; 1822, д. 6.

[49] Смоленская старина. Вып. 3, ч. 2. С. 136, 145, 155—156, 140—141.

[50] См.: ПСЗ, Т. 22; № 18856; ГАСО, ф. 855, 1800, св. 88, д. 1404, л. 40.

[51] См.: ПСЗ. Т. 38. № 29000.

[52] Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. СПб., 1902. Т. 11, ч. 1. С. 170.

[53] Государственный исторический музей, отдел письменных источников (далее — ГИМ ОПИ), ф. 2882, д. 153.
[54] ГАСО, ф. 172, св. 4, д. 70, л. 46.
[55] ГАКО, ф. 32, оп. 1, д. 20, л. 10—11; оп. 2; св. 1, д. 4, л. 151.
[56] Храповицкий В. С. Указ. соч. С. 50—51.
[57] ГАСО, ф. 114, 1824, св. 3, д. 42; св. 5, д. 185.
[58] Там же, ф. 106, св. 4, д. 72, л. 63.
[59] Цебрикова М. Материалы для географии и статистики России... Смоленская губерния. СПб., 1862. С. 216.
[60] ГАСО, ф. 598, св. 3, д. 88.
[61] ГАКО, ф. 876, д. 315, 409.
[62] Цебрикова М. Указ. соч. С. 218—219.
[63] Иванов С. Стат. очерк состояния Смоленской губернии//Рус. вестн. М., 1856. Т. 4, кн. 1—2. С. 797.
[64] См.: Цебрикова М. Указ. соч. С. 206.
[65] См.: Соловьев Я. А. Указ соч. С. 331.
[66] ГАСО, ф. 114, 1814, св. 4, д. 41; ф. 855, д. 2988.
[67] Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 327.
[68] ЦГИА СССР, ф. 1281, д. 126, л. 344, 439.
[69] Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 340, 341.
[70] ЦГИА СССР, ф. 1350. Экономические примечания Юхновского уезда, л. 3, 5, 7, 8, 13, 25, 32, 34, 40, 42, 43, 46 и др.; Бельского уезда, л. 51, 65 68 и др.
[71] Там же, ф. 1355. Экономические примечания Ельнинского уезда, д. 63, л. 83 об. — 117 об. — 118; ф. 1350, ... Духовщинского уезда, № 299, 372, 381, 382; ...Сычевского уезда, л. 42 и др.; ...Рославльского уезда, л. 26; Ельнинского уезда, л. 32.
[72] Щепетов-Самгин П. Калужская губерния в нынешнем ее состоянии//Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Калуга, 1861. С. 343.
[73] См.: Там же. С. 200—201.
[74] См.: Там же. С. 199—200.
[75] ЦГАДА, ф. 134, д. 1, л. 1, 3, 7, 10, 46.
[76] ГАСО, ф. 856, св. 48, д. 809, л. 22, 25, 17, 18.
[77] ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 126, л. 160, 162—165.
[78] Щепетов-Самгин П. Указ. соч. С. 344.
[79] ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 126, л. 296, 342—343.
[80] ГАСО, ф. 1, 1826, оп. 1, св. 6, д. 26, л. 18; ф. 114, 1822, св. 1, д. 2, л. 1; ф. 1, 1828, св. 2, д. 18, л. 37, 64; св. 1, д. 18, л. 10—12; ф. 855, св. 107, д. 1661; св. 123, д. 1924; св. 2, д. 18, л. 883; св. 1, д. 18, л. 103, 113; св. 2, д. 18, л. 100.
[81] ЦГАДА, ф. 1168, оп. 15, д. 1, л. 124—129; ГАСО, ф. 5, св. 1, д. 9, 11.
[82] ГАСО, ф. 1, 1856, св. 4, д. 158; ф. 598, св. 7, д. 220, л. 1, 2, 9; д. 217.
[83] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 183—184.
[84] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 354.
[85] Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1852. № 1. С. 50.
[86] Там же. 1849. № 8. С. 67.
[87] Иванов С. Статистический очерк состояния Смоленской губернии. С. 618.
[88] См.: Рябков Г. Т. Крестьянское движение в Смоленской гу-

бернии в период разложения крепостничества (конец XVIII — первая половина XIX вв.). Смоленск, 1957. С. 87—88.

[89] ГАСО, ф. 1, 1833, св. 3, д. 19; св. 4, д. 24; ф. 2, оп. 28 св. 14, д. 342.

[90] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 361, 363.

[91] ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания Смоленской губернии, д. 8, л. 186 об. — 187.

[92] Сведения о помещичьих имениях. Приложения к трудам Редакционных комиссий. СПб., 1860. Т. 4. С. 20—21.

[93] Там же. С. 26—27.

[94] ГИМ, ОПИ, ф. 282, д. 153.

[95] Если учесть имевшее место освобождение от рекрутской повинности имений отдельных мелкопоместных дворян и принятие вместо рекрутов зачетных квитанций, купленных крестьянами, поставлено было 48,5—49,0 тыс. рекрутов.

[96] Савин Н. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Дорогобуж, 1926. С. 9.

[97] ГАСО, ф. 114, д. 22, л. 2, 3, 13, 15; ф. 427, св. 3, д. 77, л. 54, 56.

[98] Там же, ф. 855, 1791, св. 48, д. 809, л. 42.

[99] Маковский Д. П., Орлов В. С. Города Смоленщины. Смоленск, 1948, С. 202—203.

[100] ЦГИА СССР, ф. 1650. Экономические примечания Дорогобужского уезда.

[101] ГАСО, ф. 1, 1819, св. 2, д. 2, л. 143, 144, 373, 374.

[102] Там же, 1829, св. 1, д. 11, л. 1—3.

[103] ГАКО, ф. 32, оп. 19, д. 152, л. 32; оп. 2, св. 1, д. 4, л. 1—4.

[104] ГАЧО, ф. 128, д. 11136, л. 58, 256—257, 266.

[105] ГАСО, ф. 1, 1823, св. 4, д. 17.

[106] Военно-статистическое описание Смоленской, Тверской и Калужской губ. 1894. Отд. 1. С. 8.

[107] ГАЧО, ф. 128, оп. 1, д. 6862, л. 25—26.

[108] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 383.

[109] ЦГИА СССР, ф. 1350. Экономические примечания Ельнинского уезда, л. 9, 40, 58—59, 66, 67, 72, 77, 95, 97.

[110] Там же. Экономические примечания Юхновского уезда, л. 27—32, 40—48, 61—65; Краснинского уезда, л. 65—66; Ельнинского уезда, л. 9, 40, 58 и др.

[111] ГАСО, ф. 855, 1791, св. 48, д. 809, л. 2, 7.

[112] Там же, д. 1646, л. 19; д. 2048, л. 9, 22.

[113] Там же, ф. 1, св. 4, д. 17, л. 4; ф. 855, д. 1646, л. 10, 37; ф. 1, св. 1, д. 6, л. 13, 21, 25; ф. 855, св. 97, д. 1507, л. 14, 16.

[114] РИО. СПб., 1911. Т. 134. С. 81, 82, 134, 68.

[115] ГАСО, ф. 114, 1817, св. 1, д. 1, л. 126.

[116] Там же, д. 7; 1823, св. 5, д. 201; св. 6, д. 214, и др.

[117] Там же, 1815, св. 1, д. 7; 1816, св. 4, д. 72, 78; 1829, св. 2, д. 41.

[118] ГАКО, ф. 876, д. 315, 409.

[119] ГАСО, ф. 598, оп. 1, св. 3, д. 67.

[120] ГАКО, ф. 876, св. 5, д. 177.

[121] ГАСО, ф. 114, 1840, св. 1, д. 47.

Глава 10

[1] См.: Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800—1860. М., 1980. С. 148—152.
[2] ГАСО, ф. 598, св. 3, д. 41, л. 29 об. — 30.
[3] ПСЗ. Т. 16, № 11678. С. 75—76.
[4] ГАСО, ф. 1, оп. 1. 1774. Св. 1, д. 1, л. 1, 2—3, 15—17.
[5] Там же, ф. 1, оп. 1, 1746—1775, св. 1, д. 1.
[6] См.: Курмачева М. Д. Об участии крепостной интеллигенции в Крестьянской войне 1773—1775 гг.//Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1974. С. 314—315.
[7] ГАСО, ф. 1, 1774, св. 1, д. 1, л. 3—9, 24 об. — 26, 25 об.
[8] См.: Рябков Г. Т. Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества (конец XVIII — первая половина XIX вв.). Смоленск, 1957. С. 18—20. Далее ссылки на эту книгу опускаются.
[9] ГАКО, ф. 325, оп. 4, д. 2358, л. 33, 30.
[10] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. М., 1961. С. 37, 91—99.
[11] Там же. С. 91—99.
[12] ЦГАДА, ф. 7, оп. 7/2, д. 2918, т. 2, л. 347—349; д. 2985, т. 2, д. 2997.
[13] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 77—78.
[14] ГАСО, ф. 2, оп. 7, св. 3, д. 65.
[15] Там же, оп. 14, св. 11, д. 267, л. 2. 6.
[16] Щукин П. И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. Т. 2. С. 3—4; Т. 5. С. 81; Т. 8. С. 34—39.
[17] Савин Н. И. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Дорогобуж, 1926. С. 24.
[18] Федоров В. А. Указ. соч. С. 75—76.
[19] См.: Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 26—29, 463—469.
[20] См.: Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. М., 1961.
[21] См.: Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Хроника крестьянского движения. М., 1961.
[22] См.: Крестьянское движение 1827—1869 гг./Под ред. Е. А. Моховца, 1931. Вып. 1. С. 31; Материалы для истории крепостного права в России. Берлин, 1872. С. 96.
[23] Материалы для истории крепостного права в России. С. 60.
[24] Федоров В. А. Указ. соч. С. 66—68.
[25] См.: Там же. С. 69.
[26] См.: Крестьянское движение 1827—1869 гг. Вып. 1. С. 51; Материалы для истории крепостного права в России. С. 157.
[27] См.: Федоров В. А. Указ. соч. С. 99.
[28] Материалы для истории крепостного права в России. С. 187—188.
[29] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 46, д. 4717, л. 24—27.
[30] См.: Рябков Г. Т. Указ. соч. С. 78—83.
[31] ГАСО, ф. 1, оп. 2, 1851, св. 1, д. 3, л. 21, 22; св. 10, д. 254.
[32] См.: Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952. С. 58.
[33] Федоров В. А. Указ. соч. С. 106.
[34] См.: Орлов В. С. Отмена крепостного права в Смоленской губернии. Смоленск, 1947. С. 52—53.
[35] ГАСО, ф. 1, оп. 4, 1857, д. 686, л. 98—99, 122—124.

[36] См.: Федоров В. А. Указ. соч. С. 128.
[37] Там же. С. 130—131.
[38] Линков Я. И. Указ. соч. С. 189.
[39] Федоров В.А. Указ. соч. С. 135—136.
[40] См.: Линков Я. И. Указ. соч. С. 172.
[41] Федоров В. А. Указ. соч. С. 145—146.
[42] См.: Там же. С. 150.

Глава III

[1] Муромцев Д. Этнографические сведения о крестьянах Сычевского уезда//ЦГИА СССР, разр. 38, оп. 1, д. 5, л. 5.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19035, л. 3 об.; д. 19045. С. 176—177.
[3] ГАСО, ф. 1, 1826, св. 3, л. 4.
[4] Муромцев Д. Указ. соч., л. 6.
[5] Михельсон В. Путевые заметки по некоторым уездам Смоленской и Калужской губерний в 1852 г.//Зап. Горы-Горецкого земледельческого института. СПб, 1853. Кн. 2. С. 130.
[6] Муромцев Д. Указ. соч., л. 6.
[7] См.: Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 73, 76, 18
[8] Муромцев Д. Указ. соч., л. 7.
[9] Там же, л. 6, 7.
[10] Русские. М., 1970. С. 20.
[11] Муромцев Д. Указ. соч., л. 8.
[12] См.: Русские. М., 1970. С. 106.
[13] См.: Русские. М., 1967. С. 116.
[14] Муромцев Д. Указ. соч., л. 8.
[15] Там же, л. 9.
[16] Смоленские крестьяне «дорожили» соломой и укладывали ее на крышах «с возможной экономией», «правильно», а не «витугами». См.: Соловьев Я. Смоленская губерния по наблюдениям барона Унгери-Штернберга//Журнал министерства государственных имуществ (далее ЖМГИ). 1851. № 12. С. 89.
[17] ГАСО, ф. 702, оп. 1, д. 57.
[18] Храповицкий В. С. Хозяйственный календарь//ГАСО, ф. 106, св. 83, д. 1738, с. 26.
[19] Кнюпфер Р. Обозрение некоторых имений Смоленской губернии//ЖМГИ. 1848. С. 12.
[20] См.: Болтин Д. О прочной постройке крестьянских изб и о сбережении леса//Земледельческая газета. 1838. № 66.
[21] См.: Стасов В. В. Русский народный орнамент, вып. 1. Шитье, тканье, кружева. СПб, 1872; Елеонская Е. Н. Женский костюм в пригородных деревнях (г. Козельск)//Этнографическое образование. 1908. № 3; Святский Д. О. Материалы по Севскому уезду//Живая старина. 1920. № 1; Шереметева М. Е. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925; Лебедева Н. И. Народный быт в Верховьях Десны и Верховьях Оки. М., 1927; Гринкова Н. П. Одежда западной части Калужской губернии. Этнографический отдел Русского государственного музея. Л., 1927. Т. 3, вып. 2; Шереметева М. Е. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга, 1929; Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов//Восточнославянский этнографический сборник. М.,

1956; Рыбаков Б. А. Происхождение искусства и скульптуры. Ис-
тория культуры Древней Руси. М., 1951. Т. 2. С. 404.
[22] Лебедева Н. И. Народный быт в Верховьях Десны и Вер-
ховьях Оки. М., 1927. С. 133.
[23] ЦГИА СССР, разр. 38, 1848, оп. 1, № 2, л. 4.
[24] Там же, № 8, л. 6—7.
[25] Там же, разр. 38, 1850, оп . 1, № 23, л. 25—30.
[26] Шишкина О. Заметки и воспоминания русской путешествен-
ницы по России в 1845 г. СПб, 1848. С. 51.
[27] Роботнова И. П. Русская народная одежда. М., 1964. С. 4,
5, 6.
[28] См.: Лебедева Н. И. Указ. соч. С. 24.
[29] См.: Кулаковский Л. В. Искусство села Дорожево. У исто-
ков народного театра и музыки. М., 1965. С. 33.
[30] Геннади Г. Свадебные обряды и песни крестьян Сычевского
уезда Смоленской губернии//Вестн. рус. геогр. общества, 1852. Ч. 5.
Кн. 2. С. 13—14.
[31] Соболев П. М. Фольклор Смоленского края. Смоленск, 1946.
С. 25—26.
[32] См.: Ракочевский С. С. Опыт собирания исторических за-
писок о г. Рославле//Изв. Русского археологического общества. СПб.,
1880. Т. 9.
[33] См.: Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского
уезда. Калуга, 1928. С. 7.
[34] Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сбор-
ник. СПб, 1891—1903. Ч. 1—4.
[35] Соболев П. М. Указ. соч. С. 83—86.
[36] Антюфеева И. Н., Кошелев Я. Р. Народные песни в ста-
рых записях//Смоленский край в истории русской культуры. Смоленск,
1957. С. 57.
[37] Соколов И. (Корлупов). Этнографические сведения о се-
ле Великополье Юхновского уезда Смоленской губернии. 1854//ЦГИА
СССР, разд. 38, оп. 1, № 8, л. 17.
[38] Соловьев Я. Сельскохозяйственная статистика ... С. 142.
[39] ГИМ, СПИ, ф. 282, д. 153.
[40] Земледельческая газета. 1858. 8 окт.
[41] Соловьев Я. Указ. соч. С. 144—145.
[42] Земледельческая газета. 1858. 8 окт.
[43] Соловьев Я. Указ. соч. С. 144—145.
[44] Шепетов-Самгин П. Очерк народного образования в Ка-
лужской губернии. Памятная книжка Калужской губ. на 1861 г.
Калуга, 1861. С. 233—262.
[45] Соловьев Я. Указ. соч. С. 135—136.
[46] См.: Энгельгардт Н. Статистическое обозрение Ельнинского
уезда//ГАСО, ф. 1, 1813, св. 40, д. 233, л. 8 об.
[47] См.: Земледельческая газета. 1848, 20 авг.
[48] Архив графов Мордвиновых. СПб, 1903. Т. 10. С. 570—571, 573.
[49] Миллер обращался со своей запиской в Министерство внутрен-
них дел, с просьбой поддержать его предложения. Однако правительство оставило их без внимания.
[50] ГАСО, ф. 1, оп. 2, 1845, д. 153, л. 22.
[51] Там же, ф. 885, д. 530; Кнюпфер Р. Обозрение некоторых
имений Смоленской губернии//ЖМГИ. 1848. № 7. С. 14.
[52] Соловьев Я. Указ. соч. С. 139.

[53] ГАСО, ф. 1, 1844, св. 9, д. 100, л. 4.
[54] Щепетов-Самгин П. Указ. соч. С. 350—351.
[55] Соловьев Я. Указ. соч. С. 136.
[56] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19044, с. 94; д. 19045, с. 188; ГАСО, ф. 106, 1848, св. 18, д. 220.
[57] Соколов И. (Корлупов). Указ. соч. С. 14—16.
[58] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19044, с. 97.
[59] Там же, д. 19045, л. 169.
[60] См.: Мясоедов Г. Сравнительный взгляд на Юхновский и Новосильский уезды//Земледельческая газета. 1845. № 84.
[61] Энгельгардт Н. Указ. соч.
[62] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19045, л. 170.
[63] Соколов И. (Корлупов). Указ. соч. С. 15, 16.
[64] Соловьев Я. Указ. соч. С. 147.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Раздел I

История западнорусского крестьянства до середины XVII века

Глава 1. Население западнорусских земель в древности. Зарождение производящего хозяйства . . . 9
Глава 2. Формирование крестьянства как общественного класса 26
Глава 3. Западнорусское крестьянство в период феодальной раздробленности (XII—XIV века) . . . 43
Глава 4. Крестьяне Западного края под властью литовских феодалов (XV — начало XVI века) . . . 52
1. Экономическое и правовое положение крестьян 52
2. Антифеодальная борьба крестьянства . . 81
Глава 5. Изменения в положении крестьянства после возвращения западнорусских земель в состав Российского государства 86
1. Экономическое и правовое положение крестьян 86
2. Классовая борьба 103
Глава 6. Западнорусское крестьянство под властью феодалов Речи Посполитой 111

Раздел II

Крестьянство Западного региона в новый период русской истории

Вторая половина XVII — первая половина XIX веков

Глава 7. Крестьянство в период позднего феодализма и зарождения буржуазных отношений. Вторая половина XVII — первая половина XVIII веков . . 139
1. Территория и население западных и юго-западных уездов 140
2. Земледельческое хозяйство 152

3. Неземледельческие занятия крестьян . . 166
4. Связь крестьянского хозяйства с рынком . 174
5. Подати и повинности крестьян 178
6. Крестьянское движение 182
Глава 8. Крестьянские поселения и население региона во второй половине XVIII — первой половине XIX веков 186
Глава 9. Хозяйство крестьян во второй половине XVIII — первой половине XIX веков 203
Глава 10. Классовая борьба в западнорусской деревне . 255
Глава 11. Культура и быт крестьян 291
Заключение 313
Библиографические ссылки и примечания 316

Научное издание

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РСФСР

Период феодализма

Редактор В. А. Муконина
Оформление А. В. Соколова
Художественный редактор А. Б. Козлов
Технический редактор Ю. А. Фосс
Корректоры Г. П. Старухина, М. Г. Щигрёва, Л. Е. Болдырева

ИБ № 1890

Сдано в набор 04.04.90. Подп. в печ. 05.08.91. Форм. бум. 60x84/16. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 20,0. Усл. кр.-отт. 20,2. Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 2500. Заказ 288. Цена 6 р.

Издательство Воронежского университета
394000. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Типография издательства ВГУ
394000. Воронеж, ул. Пушкинская, 3